

7
НОВЫЙ МИР

1937

НОВЫЙ
МИР

7

1937

Н О В Ы Й

М И Р

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ

Ж У Р Н А Л

К Н И Г А

С Е Д ь М А Я

М О С К В А

1 . 9 . 3 . 7

Статформат Б/5 176X250.

Уполном. Главлита В—25662. Объем 18 печ. лист. по 64.000 знак. Сдано в набор 7/VII—37 г.

Подписано к печати 29/VIII—37 г. Техн ред С. Кривцов. Тир. 70.000. Зак. 1887.

Тип. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», им. И. И. Скворцова-Степанова, Москва.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
1. Сталинский Избирательный закон	5
2. ВЛ. ЛИДИН. — Большая река	20
3. ЛУИС ДЕ ТАПИА. — Стихотворения	29
4. ВИСЕНТЕ АЛЕЙКСАНДРЕ. — Стихотворения	81
5. АЛЕКСАНДР ЖАРОВ. — Стихотворение	83
6. ФЕДОР ГЛАДКОВ. — Энергия, роман, продолжение	84
7. С. ЦИПАЧЕВ. — Стихотворение	128
8. АНАТОЛИЙ ГАЙ. — Стихотворения	129
9. ВИЛЬГЕЛЬМ ЖУРАВЛЕВ. — Стихотворения	131
10. ХАДЖИ-МУРАТ МУГУЕВ. — Голубая река, повесть, окончание	133
11. ШОТА РУСТАВЕЛИ. — Витязь в тигровой шкуре, поэма, окончание	168

ЛЮДИ И ФАКТЫ

12. ЗИНАИДА РИХТЕР. — Михаил Громов	197
13. ЕВГЕНИЙ ЮНГА. — Пограничные плесы	205

ЗА РУБЕЖОМ

14. РИЧАРД РОУАН. — Война шпионов и диверсантов	213
---	-----

НАУКА И ТЕХНИКА

15. Г. НИНОВА. — Исследование Гренландской Арктики	243
16. Н. ВЛАДИМИРОВ. — Обсерватория на горе Паломар	249

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

17. Н. ЛЮБОВИЧ. — Н. Островский и его читатели	255
18. А. МИХАЙЛОВ. — Смотр советской архитектуры	263

БИБЛИОГРАФИЯ

19. И. ФЕЙНБЕРГ. — Пушкин для детей	281
20. Л. ГЛАДКОВ. — П. ЗамоЙский «Лапти», книга 4-я — «Столбовая дорога»	283
21. Г. ТИХОМИРОВ. — Александр Гатов, «Закон тяготения»	284
22. С. ВОСТОКОВА. — Оскар-Мариа Граф, «Один против всех»	285
23. КНИЖНЫЕ НОВИНКИ	287

Сталинский Избирательный закон

Девятого июля 1937 года IV сессия Центрального Исполнительного Комитета утвердила «Положение о выборах в Верховный Совет СССР». Страна социализма получила самый демократический избирательный закон, который когда-либо существовал в истории человечества. Новый Избирательный закон Советского государства, определяющий порядок предстоящих выборов верховного органа страны, представляет собой документ огромной политической силы и значения. «Положение о выборах в Верховный Совет СССР» целиком и полностью соответствует принятой на Чрезвычайном VIII Всесоюзном Съезде Советов новой Конституции СССР, творцом которой является великий Сталин.

«Положение о выборах в Верховный Совет СССР» представляет собой по сути дела инструкцию к разделу Сталинской Конституции о новой избирательной системе,—системе, впервые в истории человечества гарантирующей осуществление подлинного всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Избирательный закон с первой же своей статьи устанавливает свое происхождение от Сталинской Конституции, от возведенной ею новой избирательной системы. Статья I «Положения» гласит:

«На основании статьи 134 Конституции СССР выборы депутатов в Верховный Совет СССР производятся избирателями на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосании».

В этих до предела сжатых строках отражена всемирно-историческая победа социализма, величайшее из завоеваний трудящихся масс.

Лозунги всеобщего избирательного права фигурировали неизменно на знаменах буржуазных демократий. Лозунги эти выдвигались еще в XVII веке левеллерами в Англии. Они провозглашались во Франции, в Германии, в Австрии и в других странах. Всюду, где только буржуазия начинала свое восхождение к власти, она обещала трудящимся всеобщее избирательное право. И всегда, как только буржуазия завоевывала государственную власть, она тотчас же лишала трудящихся всеобщего избирательного права. Даже в самых демократических буржуазных республиках, где граждане формально, по закону, как будто обладают избирательным правом, буржуазия тысячами приемов и уловок отстраняет массы от политической жизни, от управления, от пользования демократическими свободами и правами, в том числе — всеобщим избирательным правом.

Да иначе и не может быть при капиталистическом строе, при строе, который является выражением интересов эксплуататорских классов. «Не бывает,—говорил товарищ Сталин,—и не может быть при капитализме действительных «свобод» для эксплуатируемых, хотя бы потому, что помещения, типографии, склады бумаги и т. д., необходимые для использования «свобод», являются привилегией эксплуататоров. Не

бывает и не может быть при капитализме действительного участия эксплуатируемых масс в управлении страной, хотя бы потому, что при самых демократических порядках в условиях капитализма правительства ставятся не народом, а Ротшильдами и Стиннесами, Рокфеллерами и Морганам. Демократия при капитализме есть демократия капиталистическая, демократия эксплуататорского меньшинства, покоящаяся на ограничении прав эксплуатируемого большинства и направленная против этого большинства» («Вопросы ленинизма», изд. 10-е, стр. 29).

Всеобщее, равное, прямое избирательное право при капиталистическом строе не может не быть обманчивым лозунгом, ибо оно покоится на классовом неравенстве эксплуататоров и эксплуатируемых. Избирательное право даже в самых демократических буржуазных странах, как и конституции их в целом, исходят из неизбежности принципов капитализма, из неизбежности принципа частной собственности капиталистов на орудия и средства производства, из наличия в обществе классов эксплуататоров и эксплуатируемых. Говорить о свободном участии трудящихся в выборах при капиталистическом строе — то же, что говорить о равенстве граждан в условиях, когда общество делится на неравные в имущественном отношении классы. Это значит забывать, что «не может быть действительного равенства между хозяином и рабочим, между помещиком и крестьянином, если у первых имеется богатство и политический вес в обществе, а вторые лишены и того и другого, если первые являются эксплуататорами, а вторые эксплуатируемыми» (И. В. Сталин. «О проекте Конституции СССР». До-

клад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном Съезде Советов. Партиздат, 1936 г., стр. 25).

В капиталистических странах лозунг о всеобщем, равном и прямом избирательном праве есть фикция, обман и ловушка для эксплуатируемых классов. Конституции буржуазных государств или прямо отказывают трудящимся в демократических правах и свободах, или, признавая формально эти права и свободы и даже афишируя их, на деле так ограничивают их всяческими оговорками и законодательными уловками, что от них мало что остается. Использование даже крох демократических «свобод» в капиталистических странах затрудняется, как известно, отсутствием каких бы то ни было материальных гарантий формальных прав трудящихся (помещений для собраний, типографий и т. д.). В условиях капитализма, говорил Ленин, — «всеобщее избирательное право дает иногда мелкобуржуазные, иногда реакционные и контр-революционные парламенты» (Собр. соч., т. XXIII, стр. 366).

О характере избирательного права в буржуазных демократических государствах ярко свидетельствует социальный состав их парламентов, прекрасно иллюстрирующий только-что приведенные нами слова Ленина.

Например, в английскую палату общин во время выборов 1931 года «избраны»: 70 потомственных дворян, 42 офицера высшего командного состава, 44 банкира и финансиста, 73 промышленника и оптовых торговца, 150 рантье и т. п.

Во французском сенате, избранном в 1931 году, рабочих оказалось всего 0,6 процента и ни одного служащего.

В Соединенных Штатах Америки $\frac{2}{3}$ депутатов состоит из адвокатов и доверенных капиталистических предприятий.

Ленин всегда учил рабочий класс всячески использовать буржуазную демократию. Он говорил, что демократическая республика и всеобщее избирательное право по сравнению с

крепостническим строем были громадным прогрессом. (Об этом следует помнить и сейчас, когда фашизм уничтожает последние остатки буржуазной демократии, возвращая человечество к средневековью). Ленин также всегда предупреждал, что только либерал может забывать историческую ограниченность и условность буржуазной демократии, забывать противоречие между формальными демократическими правами, которые провозглашаются буржуазией, и тысячами фактических ограничений и осложнений, делающих пролетариев бесправными в капиталистическом государстве. Ленин учил, что только уничтожение эксплуатации человека человеком создает настоящую и подлинную основу равенства граждан.

Великая Октябрьская социалистическая революция покончила с лицемерием буржуазной демократии. Советская власть, уничтожив власть капиталистов, передав трудящимся орудия и средства производства, сделала трудящихся действительно хозяевами своей страны. Советская власть родилась на свет как новая форма государственной организации, принципиально отличная от старой буржуазно-демократической формы. Трудящиеся массы, это подавляющее большинство населения страны, получили действительные права выбирать свои органы власти — Советы и быть выбранными в них.

«Пролетарская демократия,— писал Ленин в своей брошюре «Пролетарская революция и ренегат Каутский», — в миллион раз демократичнее всякой буржуазной демократии; Советская власть в миллионы раз демократичнее самой демократической буржуазной республики» (Собр. соч., т. XXIII, стр. 350).

Как только возникла Советская власть, абсолютное большинство населения страны — трудящиеся массы — получило действительное всеобщее избирательное право для всех трудящихся. Это избирательное право

с самого же возникновения Советской власти было основано на экспроприации капиталистов и помещиков, на социализации всех основных орудий и средств производства, на подавлении сопротивления эксплуататоров.

Лишение избирательных прав относилось только к эксплуататорам, только к тем, кто упорно отстаивал свое эксплуататорское положение, кто упорно боролся против Советской власти, стремясь к реставрации капиталистических отношений.

Понятно отсюда, что лишение избирательных прав в условиях советского строя всегда касалось только незначительного меньшинства населения. Вместе с укреплением позиций социализма сокращалось число тех, кто не имел у нас избирательных прав. Достаточно сказать, например, что в 1929 году лишенных избирательных прав у нас было всего 4,6 проц. к общему числу избирателей, в избирательной кампании 1934 года лишенных избирательных прав было только 2,5 проц.

Владимир Ильич подчеркивал, что в отличие от буржуазных государств «лишение избирательных прав части граждан отнюдь не касается в Советской республике, как это бывало в большинстве буржуазно-демократических республик, определенного разряда граждан, пожизненно объявляемых бесправными, а относится только к эксплуататорам...» (Ленин, собр. соч., том XXIV, стр. 94).

С тех пор прошло восемнадцать лет. За эти годы лицо Советской страны коренным образом изменилось. И, самое главное, окончательно изгнав капитализм из промышленности, сельского хозяйства и товарооборота. Социалистическая форма производства стала теперь безраздельно господствующей системой. Во всех областях народного хозяйства достигнута полная победа социалистической системы. Полностью уничтожена эксплуатация человека человеком. Социалистическая собственность на орудия и средства производства стала незыб-

лемой основой советского общества. Социалистическое хозяйство не знает кризисов и безработицы, не знает нищеты и разорения, дает трудящимся все возможности для зажиточной и культурной жизни.

В соответствии с окончательной и бесповоротной победой социализма во всем народном хозяйстве СССР изменилась и классовая структура советского общества. Эксплуататорские классы ликвидированы. Рабочий класс, класс крестьян и интеллигенция изменили свое лицо. Рабочий класс СССР — это совершенно новый, освобожденный от эксплуатации, рабочий класс, утвердивший социалистическую собственность на орудия и средства производства и направляющий все советское общество вперед к коммунизму. Советское крестьянство в подавляющем своем большинстве стало колхозным крестьянством, ведущим сельское хозяйство на основе коллективного труда и коллективной собственности, на основе самой передовой современной техники. Это — крестьянство, освобожденное от эксплуатации, абсолютно не похожее на прежнее крестьянство, представлявшее собой класс отсталых, разбросанных, мелких производителей с отсталой техникой. Интеллигенция наша в подавляющей части — выходцы из рабочих, крестьян и других слоев трудящихся, это совершенно новая, трудовая советская интеллигенция.

Словом, советское общество «состоит исключительно из свободных тружеников в городах и деревнях — из рабочих, крестьян, интеллигенции». («Беседа товарища Сталина с председателем американского газетного объединения «Скриппс-Говард Ньюспейперс» г-ном Рой Говардом». Партиздат ЦК ВКП(б), 1936 г., стр. 21). Это — общество, не знающее эксплуататорских классов, — общество, в котором старая классовая исключительность исчезает, расстояние между социальными группами населения страны все более сокращается,

падают и стираются экономические и политические противоречия между ними.

Вот почему по инициативе товарища Сталина VII Всесоюзный Съезд Советов 6 февраля 1935 года постановил внести в Конституцию СССР те исторические изменения, которые привели ее социально-экономическую основу в соответствие с нынешним соотношением классовых сил в стране. Изменения Конституции СССР должны были, по решению VII Всесоюзного Съезда Советов, привести и привели к дальнейшей демократизации избирательной системы в смысле замены не вполне равных выборов равными, многостепенных — прямыми, открытых — закрытыми.

Ныне утвержденный новый Избирательный закон гарантирует населению СССР всеобщее избирательное право. Все граждане СССР, достигшие 18-летнего возраста, имеют право участвовать в выборах, независимо от расовой и национальной принадлежности, исповедуемой религии, образовательного ценза, оседлости, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности. Лишение избирательных прав допускается только в отношении к умалишенным и лицам, осужденным судом с лишением избирательных прав. Все граждане СССР имеют право как участвовать в выборах, так и быть избранными в Верховный Совет СССР.

Всеобщий характер советского избирательного права составляет одну из его замечательных особенностей в отличие от буржуазно-демократических избирательных законов. Последние хотя и прокламируют всеобщее избирательное право, но всегда всячески ограничивают его оседлостью, образовательным и имущественным цензом и т. д.

В советском Избирательном законе нет этих ограничений. «Положение о выборах в Верховный Совет СССР» строго следует указанию творца Конституции — товарища Сталина: «Неимущественное положение,

не национальное происхождение, не пол, не служебное положение, а личные способности и личный труд каждого гражданина определяют его положение в обществе». (И. В. Сталин. «О проекте Конституции СССР». Партиздат ЦК ВКП(б), 1936 г., стр. 25).

В этих словах товарища Сталина выражена глубочайшая основа социалистического гражданства, исключая какое бы то ни было ограничение или ущемление прав человека Сталинской эпохи.

Насколько далеко простирается работа социалистического государства о советском человеке, видно, далее, из того, что в целом ряде статей «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» предусматриваются самые точные гарантии соблюдения всеобщего избирательного права. Так, например, отвергая малейший намек на ценз оседлости, Сталинский Избирательный закон, в статьях 15 и 79, предоставляет гражданину, перебившему в срок между опубликованием списка избирателей и днем выборов место своего пребывания, право участвовать в выборах по «удостоверению на право голосования», выданному ему в прежнем месте жительства.

Иное ожидает перебившего место жительства избирателя в буржуазно-демократических странах. Например, в Великобритании лишаются избирательного права лица, живущие в данной местности менее трех месяцев, в Бельгии и Франции — меньше шести месяцев, в разных штатах Америки — от трех до двух лет. В Англии серьезное значение имеет для лишения трудящихся избирательных прав так называемый «квартирный ценз».

Это одна из пресловутых «оговорок» в буржуазных конституциях, смысл которой сводится к ограничению даже чисто-формальных избирательных прав трудящихся. Это — одна из тех «оговорок» в буржуазных конституциях, о которых Маркс сказал: «Каждый параграф консти-

туции содержит в самом себе свою собственную противоположность, свою верхнюю и нижнюю палату: свободу — в общей фразе, упразднение свободы — в оговорке¹⁾.

Сталинский Избирательный закон СССР от малейших недостатков «механизма» выборов, которые могли бы быть как-либо использованы во вред всеобщему характеру выборов. Так, например, отрицая какой бы то ни было имущественный ценз, «Положение о выборах в Верховный Совет СССР» предусматривает, что расходы, связанные с проведением выборов, производятся за счет государства.

Сравните с этим положение избирателей в Соединенных Штатах Америки, где половина штатов ставит внесение того или иного лица в избирательный список в зависимость от уплаты двух долларов, после чего трудящийся все-таки может быть исключен из списка избирателей по другим придирам! Таким образом, только в результате этой меры громадная масса избирателей лишается «предоставленного» ей права избирать.

Еще большие ограничения предусматривают буржуазно-демократические избирательные законы для лиц, которые могли бы быть выдвинуты в кандидаты. Английский закон, например, требует, чтобы кандидат в парламент внес залог в 150 фунтов стерлингов. Этот залог, вдобавок, поступает в доход казны, если внесенный его кандидат оказался не избраным и не получил $\frac{1}{3}$ количества голосующих. В Японии кандидат в палату представителей обязан внести 2 тысячи иен.

Избирательный закон Советского государства не знает ни подобных имущественных ограничений, ни ограничений по полу. Советская избира-

¹⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. VIII, изд. Гос. соц. эконом. изд. М. 1934 г. «Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта», стр. 335.

тельная система признает за женщиной одинаковые с мужчиной права избирать и быть избранной.

Какое огромное политическое значение имеет это равноправие советской женщины в выборах, показывают следующие факты: во Франции — 42 миллиона населения, из них 15 миллионов женщин совершенно лишены избирательного права. Женщины лишены избирательных прав также и в таких буржуазно-демократических странах, как Бельгия, Швейцария и др.

Наш Избирательный закон не делает никаких ограничений для граждан, служащих в Красной Армии. Он и в этом резко отличается от избирательной системы ряда даже наиболее демократических буржуазных государств (Франция, Чехословакия).

Избирательный закон так же, как и Сталинская Конституция, является убийственным обвинительным актом против буржуазного избирательного права, разделяющего человечество на полноправные и неполноправные нации и расы. В отличие от буржуазных избирательных законов, являющихся националистическими, ограждающими интересы капиталистов господствующих наций, советский Избирательный закон закрывает все щели, через которые могли бы просочиться националистические извращения, направленные против интересов национальностей, населяющих нашу родину.

«Положение о выборах в Верховный Совет СССР» утверждает право на выборы независимо от национальности и расы избирателя и всячески обеспечивает это право. Так, например, статья 68 Избирательного закона требует, чтобы избирательные бюллетени печатались на языке населения данного избирательного округа.

Иная картина в буржуазно-демократических странах, где «техника» выборов так устроена, чтобы лишить избирательного права «неполноценные» нации. В Америке, например, в южных штатах с многочисленным негритянским населением от избирате-

лей требуется грамотность в английском языке. Таким образом, 2 миллиона негров «на законном основании» лишены избирательных прав. Лишены фактически избирательных прав многочисленные массы украинцев, белоруссов, литовцев, евреев — в Польше.

Сталинский Избирательный закон гарантирует равенство избирательного права для всех граждан СССР. Избирательный закон гарантирует равенство голоса рабочего и крестьянина. Это видно хотя бы из статей «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» об избирательных округах. Избирательные округа составляются по принципу: 300.000 населения на округ — одинаково для города и деревни, одинаково для рабочих и крестьян. Каждый избирательный округ посылает одного депутата в Совет Союза: кандидат в депутаты может голосоваться только в одном округе. Никто из избирателей не может быть внесен более чем в один избирательный список. Избирательный закон обеспечивает, далее, равенство при выборах в Совет Национальностей от всех союзных республик, всех автономных республик, а также равенство всех национальных округов.

Эти положения нашего Избирательного закона (об избирательных округах) имеют исключительное значение для обеспечения принципа равенства избирательного права. Каждые 300.000 населения одинаково выбирают одного депутата. Каждый округ по выборам в Совет Национальностей выбирает одного депутата.

Буржуазные же избирательные системы построены так, чтобы за формальным равенством граждан в выборах на деле протащить и осуществить фактическое неравенство. В Англии полмиллиона избирателей пользуются каждый двумя голосами — по месту жительства и по месту нахождения предприятия или земельного владения его хозяина. Так буржуазные избирательные системы выделяют всюду и везде привилеги-

рованных избирателей — капиталистов, помещиков и их доверенных.

В Америке каждый штат выбирает в сенат двух депутатов. Так гласит избирательная система американской буржуазии. Как будто равные выборы!.. Но в том-то и заключается механика этих «равных» выборов, что здесь приравнены друг к другу неравные штаты. Есть штаты с 100-тысячным населением, и они избирают в сенат двух депутатов. И вот, к таким штатам приравнивается многомиллионный Нью-Йорк, который также выбирает двух депутатов. 12 миллионов жителей штата Нью-Йорк имеют столько же депутатов, сколько имеет штат Невада, состоящий из 90 тысяч жителей.

Неравенство избирательных округов предусматривается и французской избирательной системой. Так, например, 1-й участок буржуазного 6-го округа Парижа, насчитывающий 8.000 избирателей, посылает в парламент одного депутата. В пролетарском предместье Парижа расположен 2-й участок округа Корбей с 50.000 избирателей — он посылает в парламент тоже одного депутата. Таким образом, 50.000 пролетарского населения приравнены к 8.000 буржуазных избирателей.

Таковы «равные» выборы у буржуазии! Так «избирательная география» буржуазной демократии всячески приспособляет выборы к тому, чтобы уменьшить количество голосов от пролетарских центров, всячески обеспечить интересы эксплуататоров. Все делается для того, чтобы от всеобщности и равенства выборов ничего не осталось.

Тщательно охраняет новый советский Избирательный закон принципы прямых выборов в органы советской власти, закрывая и здесь всякие щели от малейших извращений. Советский Избирательный закон не знает отныне многостепенных выборов. Каждый избиратель будет теперь голосовать непосредственно за того или иного кандидата в Верховный Совет СССР.

Прямыми выборами создаются у нас обе палаты Верховного Совета — Совет Союза и Совет Национальностей, — в то время как во многих буржуазно-демократических странах одну из палат организуют не путем прямых выборов (во Франции — при выборах сената), или вообще не посредством выборов, а путем назначения (в Англии — при организации палаты лордов).

Наконец, необходимо отметить, что ни одна из избирательных процедур в самых демократических конституциях буржуазных государств не предусматривает такой тайны голосования, как у нас. Глубоко продуманной техникой голосования Сталинский Избирательный закон обеспечивает подлинную тайну голосования, дает советскому избирателю полную гарантию от какого бы то ни было административного давления на него: запугивания, угроз и т. д. Достаточно ознакомиться со статьями 76, 77, 78, 80, 81, 82, чтобы убедиться в том, что Избирательный закон обеспечивает максимальную свободу избирателя при голосовании, совершенно немыслимую в странах буржуазных демократий. Избирательный закон предусматривает строгую кару по отношению к тем, кто путем насилия, обмана, угроз или подкупа попытается препятствовать гражданину СССР в осуществлении его права свободно избирать и быть избранным.

Докладывая Чрезвычайному VIII Всесоюзному Съезду Советов о новой Конституции, товарищ Сталин отмечал, что, в отличие от буржуазных конституций, Советская Конституция «не ограничивается фиксированием формальных прав граждан, а переносит центр тяжести на вопрос о гарантиях этих прав, на вопрос о средствах осуществления этих прав» (И. В. Сталин. «О проекте Конституции СССР». Партиздат, 1936 г., стр. 25). Эти слова можно отнести и к Сталинскому Избирательному закону. Все главы его преследуют одну и ту же цель — со всех

сторон обеспечить советского избирателя исключительной чуткостью, вниманием, поддержкой, помощью в осуществлении им своих высоких гражданских прав. Достаточно прочесть, например, главы об избирательных округах и участках, чтобы в этом убедиться. Все здесь предусмотрено для того, чтобы каждый избиратель принял самое активное участие в предстоящих выборах, чтобы все население Советского Союза поголовно голосовало.

Где, в какой стране, когда в истории человечества государство было так заинтересовано в наиболее точном волеизъявлении народа? Например, для отдаленных северных и восточных районов, где преобладают малонаселенные округа, избирательный участок создается при наличии уже 100 человек населения. Избирательный закон дает возможность организации избирательного участка на плавающих в день выборов судах, в больницах, санаториях, родильных домах, домах инвалидов при наличии там не менее 50 избирателей. Избирательный закон отразил также исключительную заботу советской власти о нашей Красной Армии, для которой закон допускает отдельные избирательные участки в воинских частях с количеством даже в 50 человек.

Так каждый пункт закона об избирательных округах и участках, о порядке составления списков избирателей гарантирует наиболее полный охват выборами всего населения страны.

Только в условиях последовательного, до конца выдержанного социалистического демократизма возможна такая исключительная забота государства о предоставлении каждому гражданину возможности принять участие в выборах.

Сталинский Избирательный закон отражает также колоссальную заботу ленинско-сталинской партии о том, чтобы обеспечить наиболее точное волеизъявление народов СССР на предстоящих выборах в Верховный

Совет социалистической страны. Например, все избирательные комиссии, начиная от Центральной и кончая Участковыми, должны состоять из представителей общественных организаций и обществ трудящихся. Избирательный закон ввел, таким образом, вместо принципа назначения избирательных комиссий принцип представительства от общественных организаций и обществ трудящихся.

Избирательный закон гарантирует действительный народный контроль за проведением выборов: за регистрацией кандидатов, за рассылкой избирательных бюллетеней, за подсчетом голосов, за тщательным соблюдением всех принципов новой избирательной системы. Избирательный закон полностью охраняет выборы от злоупотреблений.

Новый Избирательный закон предусматривает невиданную еще гласность выборов. Несмотря на то, что избирательные комиссии состояются из представителей общественных организаций и обществ трудящихся, закон предоставляет еще право присутствия при подсчете голосов специально на то уполномоченных представителей от общественных организаций и обществ трудящихся, а также представителей печати.

Блестяще характеризует новый Избирательный закон также порядок выставления кандидатов в Верховный Совет СССР. Статьи 56 и 57, внесенные в Избирательный закон по предложению товарища Сталина, имеют огромное значение для развития и расширения советской демократии. Они предусматривают право выставления кандидатов в Верховный Совет СССР за самыми различными общественными организациями и обществами трудящихся: за коммунистическими партийными организациями, профессиональными союзами, кооперативными организациями, организациями молодежи, культурными обществами и другими организациями, зарегистрированными в установленном законом порядке. Пра-

во выставления кандидатов имеют как центральные, так и местные органы общественных организаций и обществ трудящихся, а также общия собрания трудящихся по предприятиям, воинским частям, колхозам и совхозам.

Порядок выставления кандидатов, установленный новым Избирательным законом, представляет собой наивысшее выражение социалистического демократизма. Какая, даже самая совершенная, буржуазная демократия может предоставить право выдвижения кандидатов общему собранию трудящихся на предприятии или в селе, или в воинской части? Какая буржуазная демократия предоставляет такие права на выдвижение кандидатов общественным организациям и обществам трудящихся?..

Только в стране социалистической демократии, где нет эксплуататорских классов, возможно осуществление трудящимися столь неограниченных прав на выдвижение своих кандидатов в органы власти. Это ясно из того факта, что только в Советской стране возможна беспрепятственная, самая свободная и широкая деятельность различных общественных организаций трудящихся во главе с коммунистической партией, являющейся руководящим ядром всех общественных и государственных организаций, передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя.

Избирательный закон пред'являет исключительно простые требования к регистрации выдвинутых трудящимися кандидатов в Верховный Совет. Закон всячески облегчает избирателям возможность самого глубокого ознакомления населения с выдвинутыми кандидатами — с тем, чтобы обеспечить всестороннее обсуждение кандидатов и избрание в Советы самых лучших людей, самых достойных, самых преданных партии Ленина—Сталина, самых стойких в борьбе с врагами народа.

Так, например, «Положение о выборах в Верховный Совет СССР» тре-

бует, чтобы фамилии кандидатов, выдвинутых и зарегистрированных Округными избирательными комиссиями, опубликовывались не позже, чем за 25 дней до выборов, и чтобы избирательные бюллетени были напечатаны и разосланы Участковым избирательным комиссиям не позднее, чем за 15 дней до выборов в Верховный Совет СССР. День же выборов опубликовывается не позднее, чем за 2 месяца до срока выборов, при чем день этот должен быть нерабочим.

Так заботливо относится наш Избирательный закон к тому, чтобы все граждане СССР приняли участие в выборах. Ведь, даже сравнить нельзя с этой сталинской заботой об избирателе то отношение, которое проявляется к нему в условиях буржуазных демократий. Ведь, даже в тех буржуазных странах, где объявлено всеобщее избирательное право, в выборах обычно участвует меньшинство трудящегося населения. В Америке, например, в выборах принимает участие обычно только половина из тех, кто даже пользуется избирательным правом.

Особое внимание уделяется в Избирательном законе обеспечению подлинной тайны голосования. Закон предусматривает такую технику голосования, которая предоставляет советскому гражданину действительную свободу волеизъявления.

Подача голосов избирателями должна производиться путем опускания избирательного бюллетеня в запечатанном конверте. В особо отведенной комнате для заполнения бюллетеней запрещается присутствие кого бы то ни было, кроме голосующего (даже члены Участковой избирательной комиссии не должны в этой комнате присутствовать). Выборная агитация в избирательном помещении во время подачи голосов Избирательным законом не допускается.

О тайном голосовании любят много говорить представители буржуазных демократий. Но именно в буржуазных государствах при выборах царит самый разнузданный произвол, гнус-

нейший обман трудящихся. Помимо прямого террора, который применяется буржуазией на выборах (избиение избирателей, подозреваемых в симпатиях к коммунизму, отбирание бюллетеней у «подозрительных» избирателей, ложные обвинения против депутатов рабочих, аресты неугодных кандидатов и т. д.), буржуазия применяет всяческие ухищрения, чтобы сделать результаты голосования тайной для трудящихся. В избирательных помещениях сидят «свой» для буржуазии люди, в урны подбрасываются подложные бюллетени. подлиннные бюллетени уничтожаются и т. д. В 1934 году на коммунальных выборах в Польше правительство просто аннулировало во многих городах все списки кандидатов, кроме правительственных.

В других фашистских государствах, где избирательные участки окружены фашистскими штурмовиками, в избирательных помещениях сидят фашистские чиновники, избиратели совершенно устранены от какого бы то ни было контроля над выборами.

Советский Избирательный закон, как мы уже выше показали, устраняет всякую возможность нарушения тайны голосования. Вся сила, природа, характер Советского государства исключает какую бы то ни было боязнь тайного голосования, которая характеризует буржуазно-демократические и фашистские государства. Там эта боязнь тайного голосования проистекает из смертельного страха буржуазии перед массами, ненавидящими капитализм.

Советская же избирательная система основана на величайшей преданности избирателей своей кровной, родной Советской власти, делу партии Ленина—Сталина, на величайшей любви, которую питает советский народ к своим руководителям. Советская избирательная система основана на исключительной близости власти и партии к народным массам. Большевики, — говорил товарищ Сталин на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) — «сильны тем,

что держат связь со своей матерью, с массами, которые породили, вскормили и воспитали их. И пока они держат связь со своей матерью, с народом, они имеют все шансы на то, чтобы остаться непобедимыми». (И. В. Сталин. «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников». Партиздат, стр. 44, 1937 г.).

Избирательная система, установленная Сталинской Конституцией, принципиально отлична от системы буржуазных демократий так же, как принципиально отличен социалистический строй от строя капиталистического. Выборы в обществе, в котором ликвидированы эксплуататорские классы, — это действительно свободный отбор народом своих же лучших людей для руководства государством, для управления страной, для активной государственной работы на пользу народа. Этот отбор и составляет основное содержание той избирательной борьбы, которая происходит во время выборов Советов.

Представителям лживой, буржуазной демократии «кажется», что наличие в СССР только одной, ленинско-сталинской партии суживает якобы демократию, суживает якобы избирательную борьбу. Да, в Советской стране нет и не будет места буржуазным, антисоветским партиям. Наш народ целиком и полностью доверил руководящую роль в Советском государстве только коммунистической партии, как единственному и подлинному защитнику народных интересов. И под руководством этой партии советский народ будет выбирать лучших людей в органы своей государственной власти. Тысячи общественных организаций будут участвовать в избирательной борьбе. Миллионы глаз будут проверять и подбирать своих избранных, передовых борцов за дело коммунизма.

В беседе с Рой Говардом товарищ Сталин говорил, что у нас «избирательная борьба будет

оживленной, она будет протекать вокруг множества острейших вопросов, — главным образом вопросов практических, имеющих первостепенное значение для народа. Наша новая избирательная система подтянет все учреждения и организации, заставит их улучшить свою работу. Всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в СССР будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти». («Беседа товарища Сталина с председателем американского газетного объединения «Скриппс-Говард Ньюспейперс» г-ном Рой Говардом». Партиздат, стр. 22).

В социалистическом обществе нет противостоящих друг другу класса капиталистов и класса эксплуатируемых. Поэтому у нас нет и не может быть противостоящих друг другу партий. В СССР нет почвы для существования нескольких партий. Есть почва для существования только одной партии — коммунистической, смело и до конца защищающей интересы рабочих и крестьян.

Стало быть, в СССР не было, нет и не может быть места той милой сердцу буржуазного демократа «избирательной борьбы», за которую он принимает и выдает систему обмана, лжи, коррупции, шантажа, интриг, подкупа, лести и т. д. По выражению Карла Маркса, буржуазная демократия предоставляет трудящимся право «один раз в три или шесть лет решать, какой член господствующего класса должен представлять и подавлять народ в парламенте».

В СССР избирательная борьба впервые в истории человечества наполнена подлинным народным содержанием. Впервые в истории в социалистическом государстве избирательная борьба при выборах в Советы решает насущные

вопросы населения. А в условиях Сталинской Конституции эта избирательная борьба поднимается на высшую ступень социалистического демократизма.

В самом деле — посмотрите, какие вопросы решает наш народ, когда он выбирает свои Советы! Он решает основной вопрос: кому он вверяет управление своей цветущей социалистической страной. В предстоящую избирательную кампанию народ на основе Сталинской Конституции, на основе нового Сталинского Избирательного закона будет выбирать в Советы самых лучших кандидатов, которым можно смело доверить великое дело управления социалистическим государством.

Выборы таких людей сулят оживленнейшую и острейшую избирательную борьбу, в процессе которой многомиллионные массы населения Советского Союза предъявят самые строгие требования к Советам и к своим депутатам. Вдохновленные Сталинской Конституцией, массы населения будут самым внимательным образом обсуждать кандидатов в Верховный Совет СССР и в местные Советы, тщательно проверяя каждого из них, насколько он соответствует званию передового борца за социализм, насколько политически устойчив данный кандидат, насколько способен он самоотверженно защищать дело партии Ленина—Сталина, бороться с врагами народа.

Избирательная борьба в предстоящих выборах будет развертываться вокруг насущнейших интересов народа, выражающихся в тысячах практических вопросов политического и культурного обслуживания масс, вопросов хозяйства, торговли, народного образования, здравоохранения и т. д. В этом заключен глубочайший смысл избирательной борьбы в социалистическом обществе, принципиально отличной от избирательной «механики» в буржуазных странах.

«У нас не мало учреждений, — говорил товарищ Сталин в беседе с Рой Говардом, — кото-

рые работают плохо. Бывает, что тот или иной местный орган власти не умеет удовлетворить те или иные из многосторонних и все возрастающих потребностей трудящихся города и деревни. Построил ли ты или не построил хорошую школу? Улучшил ли ты жилищные условия? Не бюрократ ли ты? Помог ли ты сделать наш труд более эффективным, нашу жизнь более культурной? Таковы будут критерии, с которыми миллионы избирателей будут подходить к кандидатам, отбрасывая негодных, вычеркивая их из списков, выдвигая лучших и выставляя их кандидатуры». («Беседа товарища Сталина с председателем американского газетного объединения «Скриппс-Говард Ньюспейперс» г-ном Рой Говардом». Партиздат, стр. 22—23).

В этих словах товарища Сталина выражена вся мудрость избирательной борьбы в социалистическом обществе, где все подчинено кровным интересам трудящихся, где все направлено к их благу. О таком содержании избирательной борьбы не смеют и мечтать трудящиеся в странах капитализма. Впервые в истории человечества, именно в СССР, избирательная борьба разрешает действительные интересы широчайших народных масс.

Отличительной особенностью предстоящей избирательной борьбы будет небывалая критика и самокритика, которая развернется вокруг работы местных советов и местных органов власти. Огромные массы населения вплотную подойдут к критике недостатков советской работы.

Таким образом, избирательная борьба у нас представляет собой огромный созидательный, творческий процесс миллионов, который несет невиданное улучшение государственной

работы и вовлечет в управление государством новые массы, новые кадры.

Выборы выявят десятки тысяч новых, выросших для государственной деятельности партийных и непартийных большевиков, беззаветно преданных социалистической родине, способных стойко защищать ее интересы.

Новый Избирательный закон Советского государства предусматривает, как мы уже выше говорили, неограниченное право выбирать и быть избранным в Верховный Совет СССР. Это положение еще во время всенародного обсуждения Сталинской Конституции оспаривалось некоторыми товарищами. Вносились даже поправки, сводившиеся к тому, чтобы лишить избирательных прав служителей культа, бывших белогвардейцев, всех бывших людей и т. д. Предлагалось — если не лишать их права выбирать, то во всяком случае лишить их права быть избранными в органы Советской власти. Товарищ Сталин, докладывая на Чрезвычайном VIII Всесоюзном Съезде Советов о проекте Конституции, предложил отклонить такие поправки.

При этом товарищ Сталин дал исключительно важное определение возрастающей роли большевистской агитации при новой избирательной системе. Он предупредил, что «если народ кой-где и изберет враждебных людей, то это будет означать, что наша агитационная работа поставлена из рук вон плохо, и мы вполне заслужили такой позор, если же наша агитационная работа будет идти по-большевистски, то народ не пропустит враждебных людей в свои верховные органы». (И В Сталин. «О проекте Конституции Союза СССР». Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном Съезде Советов Партиздат, 1936 г., стр. 47).

Это указание товарища Сталина имеет острейшее политическое значение для выяснения характера избира-

тельной борьбы, которая будет происходить у нас во время предстоящих выборов в Верховный Совет СССР. Избирательный закон в полном соответствии со словами товарища Сталина обеспечивает право и фактическую возможность самой широкой агитации за выдвигаемых кандидатов на собраниях, в печати и иными способами, согласно статье 125 Конституции СССР. Статья 125 Конституции, предоставляющая гражданину СССР право на свободу слова, печати, собраний и т. д., подчеркивает, что это право осуществляется «в соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя».

Ясно отсюда, что всякая контрреволюционная агитация встретит самый сокрушительный отпор со стороны самих трудящихся, со стороны партийных, профессиональных и других организаций рабочего класса.

«Положение о выборах в Верховный Совет СССР» и подготовка к этим выборам открывают новые возможности перед писателями Советской страны. Известно, что нигде в мире художественная литература не имеет такого влияния на многомиллионный народ, как в нашей стране. Здесь перед печатным словом, перед художественным словом открыты прямые дороги к сердцу нашего великого народа. Советский писатель, борец за социализм, получил все возможности для того, чтобы его художественное творчество нашло путь к массам. Прошла и не вернется больше та позорная пора, когда кучка власть имущих монопольно пользовалась орудиями печатного слова. Прошла и не вернется для советского писателя «проклятая пора эзоповских речей, литературного холопства, рабьего языка, идейного крепостничества!» (В. И. Ленин. «Партийная организация и партийная литература», т. VIII, стр. 386). Всему этому в нашей стране положен конец. Основной Закон Советской страны гарантирует

свободу слова и печати каждому гражданину, защищающему великое дело коммунизма. Эти права не только гарантируются, но и «обеспечиваются предоставлением трудящимся и их организациям типографий, запасов бумаги, общественных зданий, улиц, средств связи и других материальных условий, необходимых для их осуществления» («Конституция СССР», Партиздат, 1936 г., стр. 84). Необходимо, чтобы эти широчайшие возможности были использованы художниками слова, мастерами всех родов искусства. Необходимо, чтобы они использовали свои таланты на службе подготовки выборов в Верховный Совет СССР.

Следует признать, что в этом направлении не только отдельные писатели, но и организации, объединяющие писателей, сделали еще слишком мало. А именно, в этой области перед писателями — огромное поле деятельности. Известно, что в литературе, как и на других участках социалистического строительства, подвизались подлые враги народа. Характеристика, данная «Правдой» положению печати, полностью может быть отнесена и к некоторым писательским организациям и их печатным органам. «Враги народа, — пишет «Правда» в передовой от 25/VII-1937 г., — проникшие в нашу печать на руководящие посты, а также в отделы печати некоторых партийных органов, всеми силами преграждали путь молодым журналистским кадрам, которые росли на заводах и фабриках, в колхозах и совхозах, в славных рядах Красной Армии. Талантливую журналистскую молодежь оттирали, а кое-где и травили».

Достаточно вспомнить, что авербаховско-троцкистский параллельный центр в литературе делал все возможное, чтобы развалить социалистическую литературу. В такой обстановке хорошо чувствовали себя шпионы и диверсанты. Разоблачение заклятых врагов народа, фашистско-троцкистских наемников обязы-

вает каждого честного писателя, критика и поэта великой социалистической родины по-боевому перестроить свои ряды, по-большевистски усилить борьбу за наше общее и родное дело — за социализм. Сталинская Конституция, новый Избирательный закон открывают перед советскими писателями небывало огромные творческие возможности. Дело за писателями. Дело за Союзом писателей и его органами печати—газетами и журналами, которые должны поставить на службу Сталинской Конституции подлинные таланты советской литературы.

Предстоящие выборы в Верховный Совет СССР явятся серьезнейшим экзаменом для партийных и всех других организаций трудящихся. Выборы требуют величайшей организованности. Социалистическая демократия несовместима с безначалием, с анархической распушенностью. Социалистическая демократия означает наличие у трудящихся организованного государства, крепкого руководства всеми слоями трудящихся со стороны рабочего класса и его авангарда — партии Ленина—Сталина.

Сталинская Конституция и новый Избирательный закон не отменяют, а расширяют базу диктатуры рабочего класса — силы, которая только одна способна укрепить и развить советскую демократию, защитить ее от заклятых врагов народа—японо-германских троцкистских, бухаринских и иных бандитов, шпионов, диверсантов, вредителей.

Ослабление диктатуры рабочего класса было бы прямой изменой делу трудящихся, предательством интересов социалистической демократии. Только при диктатуре рабочего класса возможно действительное проведение последовательного социалистического демократизма. Диктатура рабочего класса обеспечивает в нынешний период неуклонное проведение Сталинской Конституции. Только диктатура рабочего класса, как передового отряда трудящихся, способна гарантировать

дальнейшее движение нашей страны вперед к коммунизму. Сталинская Конституция неизменно сохраняет режим диктатуры рабочего класса так же, как и руководящую роль коммунистической партии в СССР.

Нельзя забывать об огромной роли диктатуры рабочего класса в условиях капиталистического окружения, в котором живет наша социалистическая страна. Нельзя забывать о значении диктатуры рабочего класса в борьбе с врагами социализма, оставшимися еще внутри нашей страны и постоянно засылаемыми к нам из капиталистических стран.

Прямой находкой для врагов СССР из капиталистического окружения оказались троцкистские и бухаринские банды, действующие по найму у иностранных разведывательных органов. Нет такой гнусности, на которую не шли бы троцкистские и бухаринские бандиты, лишь бы напасть на наше дело. Нет такой границы предательства и измены, которую бы не посмели перешагнуть презренные троцкистские и бухаринские шпионы и диверсанты.

Разгром троцкистско-бухаринских банд, разгром шпионских гнезд тухачевских, якиров и других предателей и изменников является результатом непрерывно растущей мощи диктатуры рабочего класса и руководящей роли в ней ленинско-сталинской партии. На февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) товарищ Сталин еще раз напомнил, что «чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы, как последние средства обре-

ченных». (И. В. Сталин. «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников», Партиздат, 1937 г., стр. 23).

Отсюда ясно, что избирательная борьба не может не быть у нас самой оживленной и в смысле разоблачения замаскированных врагов народа, которые, несомненно, будут пытаться пролезть в органы государственной власти.

Избирательная борьба во время предстоящих выборов в Верховный Совет СССР есть борьба за ликвидацию всех проявлений политической беспечности в советских органах, за максимальное усиление революционной бдительности, за изгнание из Советов обюрокротившихся и разложившихся элементов. Предстоящая избирательная кампания будет острой борьбой за укрепление Советов надежными сталинскими кадрами, стойкими и до конца преданными бойцами за дело коммунизма.

Порукой этому служит исключительная сила великой партии Ленина—Сталина, под руководством которой десятки миллионов советских избирателей будут вскоре создавать верховный и местные органы власти. Весь советский народ беззаветно доверил свою судьбу этой партии, ведущей его по пути непрерывных побед вот уже двадцать лет.

«Диктатура пролетариата, — говорил Ленин, — есть

упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская, против сил и традиций старого общества. Сила привычки миллионов и десятков миллионов — самая страшная сила. Без партии, железной и закаленной в борьбе, без партии, пользующейся доверием всего честного в данном классе, без партии, умеющей следить за настроением массы и влиять на него, вести успешно такую борьбу невозможно» (Собр. соч., том XXV, стр. 191).

Эта партия, партия Ленина—Сталина, будет идти во главе народных масс и в предстоящей избирательной борьбе. Ей, этой партии, ее вождю—товарищу Сталину обеспечено беспредельное доверие многомиллионных народных масс, считающих ее своим руководителем, вождем, учителем. Как и прежде, партия большевиков на предстоящих выборах будет пользоваться исключительным доверием, завоеванным ею своей правильной теорией, правильной политикой, беззаветной преданностью народным массам, неограниченной связью с ними, готовностью и умением убеждать народ в правильности своих лозунгов.

Большая река

ВЛ. ЛИДИН

I
Желтый лист дуба слетал и падал в протоку. Леса редели, осень шла из-за сопки. Рыжий каракуль кустарников взбегал на их склоны. Могуче и неподвижно стоял по ночам над Амуром туман. Тогда слышнее становился ход разлившейся многоводной реки и ливенный шум затопленного ею на берегу леса. Но наступало утро, солнце поднималось над сопками, утренний ветер сдувал с реки и из распадков туман. И во всей дикой и яркой своей простоте расцветала приамурская осень. Ясень, береза, манчжурская липа, мелкие листья дикого винограда — все было тронато, опалено, лилово и красно расцвечено ею.

Легкая оморочка¹ скользила вдоль берега. Нанаец греб одним длинным двухконечным веслом. Поочередно опускал он по обе стороны его лопасти, и берестяная лодка неслась по реке, послушная каждому движению человека. В прибитом гнезде на носу оморочки лежала острога. Ее поржавевший зубец был привязан к древку длинным крепким шнурком. Ручка остроги покоилась у колен человека. Голова нанайца была повязана красным платком. Волосы, свисавшие челкой на лоб, были еще по-молодому черные, но первая седина у висков обозначала, что человеку уже за тридцать пять лет. Плечи его были широки, сильные лопатки ходили под рубахой от движений веслом. По временам ловец задерживал весло в воздухе и смотрел на воду. Под водой

шла своя жизнь. Протока делала поворот и превращалась в озеро. Сюда, в тенистые, поросшие водорослями и травой места, больше всего заходило из Амура рыбы. Нанаец присматривался к воде и колебанию трав. Потом он снова опускал весло и плыл дальше. Прибрежные дубки роняли в протоку свои ржавые листья. Мелкие водоворотики свивались от ее течения. Зоркий глаз отличал их от кругов, которые оставлял верхогляд, ловивший на еоде насекомых. У каждой рыбы была своя повадка. Верхогляд со своими широко поставленными на самом лбу глазами искал насекомых на поверхности воды. От его жадного заглатывающего рта оставались круги. Струйка у поверхности воды обозначала движение кеты или амура. Ближе к берегу, где было больше водорослей, поднимались со дна пузыри. Это сазан схватывал червей или траву.

Острые раскосые глаза ловца присматривались к каждой струйке и водовороту от хода реки. Крепкие ноги, обутые в вышитые ота¹, упирались в поперечину на дне оморочки. Лицо у нанайца было красноватое, обожженное солнцем и крепкими ветрами, дувшими во всю пору хода кеты. Переносье слегка вдавлено, черные усики и длинные волоски на щеках — редки. Стойбище стояло на протоке, в стороне от Амура. Кета, шедшая с низовьев, заходила в протоку, и здесь ее брали в невода на тонях. Три, четыре, пять дней, иногда две недели, продолжался

¹ Оморочка — берестяная лодка.

¹ Ота — род обузи.

ход рыбы, и тогда все стойбище — мужчины, женщины, дети и даже собаки, жадно ожидавшие рыбьих отбросов, — были на берегу. За две недели надо было приготовить запасы на зиму. На вешалах возле каждого дома вялилась красноватая юкола¹ — пища охотника в зимних его странствиях, пища семьи, ожидавшей его у очага, пища ездовых собак, с которыми уходил он в горы бить зверя. Главный ход кеты кончился, теперь заходили в протоку последние, отставшие от стай и утомленные борьбой с течением рыбы. Скоро выпадет снег в горах. Тогда ловец сменит острогу на ружье и станет охотником. Но сейчас золотистый амур еще пасется на затопленных лугах, и длинная струйка отметит ход сильного, в поперечных бордовых полосах, с загнутым крючком верхней челюсти самца кеты.

Нанаец подгробал ближе к берегу. Все было оживленно, шныряло, пробиралось меж трав, искало насекомых, оцепывало водоросли. Рыба была голодная в этот предвечерний час, пузыри поднимались со дна, мелкая рыбешка выскакивала по временам из воды, спасаясь от хищников. Длинные, в празелени, щуки неподвижно стояли у берега. Трава качалась, обозначая движение рыб. Большие круги расходились на заводи — это работали сомы. Чайка медленно махала крыльями, высматривая. Потом она опускалась на воду и плыла, как домашняя утка. Минуту спустя, нырнув с головой, она выхватывала рыбешку и летела с ней в сторону. С берега несло запахом осени. Лист уже густо лежал на земле, подпревая. Но солнце еще стояло высоко, и рыба грелась в последних его лучах. Стебелек месяца, еле видимо и не дожидаясь захода солнца, прорастал в стороне. В заводи было прохладно, и не так слепила вода. Теперь нанаец перестал грести. Лодка медленно шла по течению. Он только выравнивал ее, чтобы ее не отнесло к берегу. Мелкие пузыри поднялись вдруг в стороне с глубины: сазан хватал траву. Нанаец бы-

стро отложил длинное весло и заменил его двумя коротенькими веслами — мольбо. Так меньше он производил в воде шума, и легкая оморочка неслышно подвигалась вперед. Осторожно, чтобы не спугнуть движением рыбу, он измерил длинным веслом глубину. По глубине он определил, где находится рыба. Его глаза неотрывно смотрели в то место, откуда поднимались вверх пузыри. Рука нащупала ручку остроги. Еще минута — и коротким сильным ударом он метнул ее в сторону. Древко освободилось от трезубца и всплыло. Насаженная рыба с силой натянула шнурок. Оморочку качнуло. Теперь левой рукой он стал подтягивать ремень. Древко легло снова в гнездо на носу. На поверхности воды показалась кровь. В воде блеснула округлая серебряная спина бившейся рыбы. Нанаец выбирал шнурок, оморочка качалась. На самой поверхности появился истекающий кровью сазан. Трезубец вошел ему в спину возле плавника.

Нанаец подтянул рыбу к борту и ударил деревянным молотком по голове. Потом он перекинул ее на дно лодки. Это был крупный пудовый сазан, из раны на его спине текла тремя потоками кровь. Лодка двигалась дальше. Рыба подергалась еще в предсмертной судороге и уснула. Ловец снова стал грести длинным веслом. Кета и амур держались на более проточных местах. Солнце медленно опускалось за сопку. Облака на закате горели, как угли. Они стояли на западе, насквозь прожженные солнцем. Легкие голубоватые тени близкого вечера, как чадок, пробегали по ним. Когда лодка выплыла на середину протоки, они уже пожелтели, потом начали выгорать и бледнеть. Месяц затеплился и стал прозрачен и чешуйчат, как рыбаья кожа. Чаше пошли круги по воде — сомы к вечеру становились прожорливее. Нанаец присмотрелся вдруг к струйке воды: рыба шла, выставив спинку. Это мог быть амур, могла быть кета. Он быстро подгроб двумя короткими веслами и метнул острогу. Оморочку сразу дернуло в сторону. Раненая рыба заметалась на трезубце. Шнурок напрягся и дрожал от

¹ Юкола — пласты проявленной рыбы.

стремительных ее бросков в стороны. Нанаец стал подтягивать добычу к лодке. Это был самец кеты, весь в поперечных краснеющих полосах, с загнутым крючком верхней челюсти, — в пору нереста особенно сильным и загнутым становился у самцов этот крючок. Ловец подхватил кету под скользкие жабры и положил ее рядом с сазаном.

Солнце зашло за сопку. Вода была еще розова, но глубины уже темно синели. Мелкие водяные паучки, пригретые солнечной осенью, делали стежки по воде. Лодка выходила обратно в протоку. Нанаец греб снова длинным веслом. Рыба была запасена на день. Теперь можно возвращаться домой, выправлять на течении легкую оморочку, следить привычными глазами охотника за приметамы осени. Хребты порыжели, и скоро северный ветер начнет сдувать с деревьев листву. На диком винограде созрели мелкие темные ягоды, кислота которых приятна на вкус. Женщины уже заготовили на зиму голубику и клюкву и теперь чинят обувь и зимнюю одежду охотника. Юкола провялилась на вешалах, и длинные красноватые ее пласты сложены в амбары. Кета хорошо зашла в эту осень в Амур, ее густые стада шли напролом целых шесть дней мимо стойбища. Ловцы устали притонивать невода, женщины — разделывать рыбу. Собаки отелись отбросами, наакались рыбьей крови и теперь дремлют возле жилищ. Скоро потянут они груженные охотничьими припасами нарты на сопки. Нанаец греб и мурлыкал песенку. Слова песенки набегали, как встречное движение воды.

— Кета пришла в Амур, — пел он. — Колхоз взял много рыбы. Колхоз взял много рыбы, нанаю будет что есть. — Здесь нужно было перебить песенку припевом: — Хана-на-ла, хана-на. — Пока шел припев, набегали другие слова песенки: — Нанай теперь зимы не боится, коровы пасутся на лугу. Хана-на-ла, хана-на!

Лодка легко неслась по протоке, течение подгоняло ее. Можно было еще сказать в песенке, что скоро снег выпадет в горах и нанай уйдет на охоту. Если много придет белки в этом году,

Охотсоюз даст охотнику премию. Рыжий колонок показывает мордочку из дупла, Заксор купил новое ружье. — Теперь нанаец назвал свое имя, и можно было петь песенку дальше про самого себя. — Заксор уйдет в горы бить зверя, желтый лист падает на воду. Хана-на-ла, хана-на! У Заксора есть новое ружье, он купил его в Хабаровске. Приезжал инструктор колхоза и сказал спасибо за рыбу. — Теперь опять следовал припев.

Скоро открылись дома стойбища. Стойбище расположилось над самой протокой. Дома взбегали на гору. На горе стояла школа. Заксор посмотрел на большую белую вывеску школы. Теперь набегали слова о школе. Большая школа стоит на горе. У нанаев никогда прежде не было школы. Хана-на-ла, хана-на! Охотнику может удастся убить изюбря, тогда он расскажет нам новости.

Такие же оморочки сновали мимо стойбища. На одних ехали в гости в конец села, на других везли добытую рыбу. И только по середине протоки медленно плыла большая многовесельная лодка, нагруженная сеном с заливных лугов. Трубы очагов уже дымились, семьи готовили ужин. Заксор направил оморочку к берегу, легко спрыгнул на землю и втянул лодку на прибрежный песок. Он вынул из нее рыб, перевернул днищем вверх, чтобы она обсохла и в нее не налил дождь. Потом он понес рыб домой.

По дороге можно было потолковать с соседями. Охотники Ваоли Актанка, Гензу Киле, Пайа Оненка также выжидали зимы, когда сообщая они двинутся в горы. В ближайшем доме жил Ваоли Актанка. Весь мужской род Актанка — сам он, его сыновья и их дети сидели на канах. Мужчины курили трубки, женщины готовили на очаге ужин. Они заправляли зеленым луком большое блюдо настроганной талы¹.

— Бачкафу!² — сказал пришедший и присел, чтобы выкурить трубку.

Актанка был председатель колхоза.

¹ Тала — мелко нарезанная рыба, которую едят сырой.

² Бачкафу — приветствие, здравствуйте!

На его седой голове белела проплешина, — в пору, когда появились на Уссури японцы, он получил удар саблей. С Уссури сюда, на среднее течение Амура, они ушли вместе, — оба бывшие проводники партизан через Сихотэ-Алинь. Время густо набежало с той поры. Первый белый волос показался у висков охотников. Зверь ушел от человека за сопки. Не было здесь ни уссурийского тигра, как возле Имана, ни прежней вольной охоты на соболя. Только белка шла густо кочевьем по кормовым лесам, да кабарга и козуля, рыжий проворный колонок и дикие свиньи становились добычей охотника. Шесть лет назад глухое стойбище стало колхозом. Нанайцы издавна жили общим трудом и привыкли делить между собою добычу. Но люди знали голодные зимы, и было страшно сдать рыбу, которая должна служить пищей до самой весны. Хлеба в стойбище не было, и, если нехватит человеку на зиму юколы, он может пропасть. Но из Хабаровска грузовой пароход привел раз на буксире баржу. На барже были коровы, которых никогда не видели в стойбище, — целых девять коров. Коров свели по сходням на берег, и их окружили дети и женщины. Это были большие рогатые животные, на них лаяли собаки, впервые увидевшие их. Коровы стояли спокойно, обмахиваясь хвостами. Потом инструктор колхоза развел их по домам. Они шли неторопливо, и их тяжелое вымя было полно сладкого молока. Инструктор научил женщин, как доить коров, и в этот вечер нанайские дети впервые пили коровье молоко. До сих пор они знали только молоко матери, которым она кормила их до шести-семи лет, чтобы они не умерли от сырой рыбы и зелени.

В стойбище стало весело, и по утрам и перед вечером мычали коровы. Пахло теперь не одной только рыбой, но и парным молоком. Весной инструктор привез семян и научил разделять огороды. Огороды разводили до сих пор только на Уссури, — на Амуре женщины собирали одни дикие травы. Весной они рвали карцукку, сурепицу, конский щавель и молодые листья

папортника. Они мелко нарезали их и варили в котле, пока зелень не превращалась в кашу; тогда ее смешивали с размоченной юколой. Впервые осенью на огородах скрутила тугие свои листья капуста, и красноватые корни моркови показались из земли. В домах запахло вареной капустой, и дети бегали по стойбищу с кочерыжками, которые были слаще всякого корня. Овощи хорошо насыщали и останавливали кровотечение из десен. С коровами и запаханным на зиму картофелем можно было не бояться зимы.

В первый год колхоз план сдачи рыбы не выполнил. Юкола все еще была главной пищей. На другой год с парохода, подошедшего к стойбищу, сошел русский человек с длинными висячими усами. Глаза у него были голубые, в руке он нес сундучок. Человек пришел в правление колхоза и спросил председателя.

— Я — председатель, — сказал строго Актанка. — Что надо?

Еще с партизанской поры к пришлым людям он был подозрителен. Человек поставил на пол сундучок и достал из голенища тряпицу. В тряпицу был завернут документ. Кузьма Антоныч Чепуренко был командирован в колхоз в качестве пекаря. Хлеба в стойбище тоже никогда прежде не ели. Хлеб сеяли далеко, за сопками, русские. Иногда китайцы-купцы приносили с собой пресные сырые пампуши¹. Китайцы приходили с Сунгари или с левого берега Уссури скупать и обменивать на товары пушнину. Они приносили мелкие побрякушки, куски материи, табак, спирт и опий. За спирт и опий охотник отдавал годовую добычу. Китаец уносил шкурки белки и соболя, и шкурок этих нехватало, чтобы покрыть весь долг охотника. Тогда китаец приходил через год, охотник снова отдавал ему в счет долга добычу, и это продолжалось из года в год, всю жизнь. От опия и спирта остывала кровь, глаз терял зоркость, и ни одна удача на охоте не могла изменить судьбы охотника.

¹ Пампуша — китайский хлеб, приготовленный на пару.

Так жил его, Заксора, отец, и так жил отец Актанки.

Под пекарню отвели дом на краю стойбища, в нем сложили печи, из Хабаровска на пароходе привезли мешки с мукой, и Кузьма Антоныч Чепуренко выпек раз поутру хлеб. Теперь к запаху молока прибавился в стойбище запах печеного хлеба. Хлебы стояли в окне с гладкими округлыми спинками, и люди впервые не боялись голодной зимы. В этот год сдали рыбу по плану, и теперь никто уже не опасался остаться на зиму без юколы. Это была первая сытая зима в стойбище. Год спустя в пустующем здании бывшей часовни открыли школу. При школе было жилище для детей, которых должны были привезти матери из соседних стойбищ. Матери никогда не расставались на всю зиму с детьми, и они не верили школе. Весной дети вернулись в свои дома. Дети умели считать и писать буквы в тетрадке и привезли белый порошок, которым по утрам чистили теперь зубы. Дети были здоровы и носили красные галстуки вокруг шей. Пришлось и кое-кому из старших подогнать себя в грамоте, чтобы не отстать от детей.

— С'ешь с нами, Тынтэ, — сказал Актанка. — Тала Актанки не хуже твоей. Сыи на протоке взял большого амура.

Заксор достал трубочку, они закурили. Пятнадцать лет назад так же сидели они и курили горькую травку, заменявшую в ту пору табак, в тайге на Уссури. На станции Ин шли бои. Раз отряд солдат с желтыми околышами фуражек пришел в нанайское стойбище. Люди были невысоки ростом и похожи лицом на манчжур. Они разместились в домах стойбища, а офицер занял лучшую фанзу охотника Миле Окна. Шуба офицера была с воротником из меха козы, очки на нем отсвечивали, и нельзя было увидеть глаз человека. Человека можно узнать по глазам, и охотники не знали, добрый это или недобрый начальник. Офицер велел позвать в фанзу Окна самых лучших охотников. Лучшими охотниками в стойбище были Актанка и он, Заксор.

Офицер сидел за столом. На столе горела свеча, и лежала карта, вся в красных кружочках и пометках. Огонь свечи отсвечивал в выпуклых стеклах очков, и опять нельзя было разглядеть глаз человека.

— Охотники, — сказал офицер. — Японские солдаты пришли, чтобы дать вам мир и много хлеба и рыбы. Амур — японская река и принадлежит японскому императору. Но японцы были заняты другими делами и временно позволили жить на Уссури и Амуре китайцам и не мешали другим монгольским народам жить здесь и ловить рыбу. Но однажды русские воспользовались тем, что китайцы были слабы и что здесь не было тогда японских войск, и захватили Амур. Японский император очень заботится о своих народах, и вот он прислал своих солдат, чтобы они навели здесь порядок. Ходзены¹ тоже одна из ветвей могучего японского племени, и японский император считает их своими подданными. Поэтому он посылает им разрешение вечно здесь жить и ловить рыбу в водах Амура и Уссури. Но русские хотят помешать ходзеням жить мирно и заниматься своим трудом. Они подняли войну против японского государства и хотят изгнать с берегов Амура и Уссури все монгольские народы. Но этому никогда не быть! — Тут офицер ударил маленьким кулаком по карте. — Ваши сеоны² никогда не допустят такой обиды своему племени!

За спиной офицера стояли в углу сеоны. Здесь был добрый Джули, покровитель дома и семьи, покровитель рыбного промысла — Калгама с собакой, привязанной к нему на веревочке, и Буччу, управляющий всеми ветрами. Охотники стояли в фанзе и со страхом смотрели на сеонов, когда офицер обращался к их помощи.

— Этому никогда не быть, — повторил офицер, — и японский император никогда не оставит свои народы. Но сейчас от Имана ушел в тайгу отряд красных, которые жгут дома ходзенов и разоряют их стойбища. Красные — самые опасные враги, и с ними надо

¹ Ходзены — прежнее название нанайцев.

² Сеоны — идолы.

расправляться на месте, иначе они перебьют всех, побросают сеонов в Уссури и будут глумиться над женами ходзенов, и детей их возьмут в рабство.

И он показал Заксору и Актанке карту. Коричневые пятна на ней обозначали сопки, зеленые — луга и распадки, и красные кружочки — стойбища, села и зверовые фанзы. Офицер достал толстый красный карандаш и нарисовал на карте стрелу. Стрела обозначала направление, куда ушел отряд красных.

Утром отряд двинулся в путь, и японцы захватили с собой двух охотников. Проводники повели отряд через горы. В горах выпал уже снег, и северный ветер дул над перевалом. К полудню перевалили через первую сопку. Распадок был завален снегом. Снег был рыхлый, и люди проваливались в нем по колена. Охотники на лыжах легко шли впереди. Несколько раз они видели на ветках деревьев пышных белок в полном зимнем подборе, но стрелять их было нельзя. Так шли весь день, одолевая крутой подъем сопки. К вечеру собаки почувствовали близость охотничьего жилища и веселее потянули нагруженные нарты. Скоро подошли к унтэха — охотничьему дому. Срубленные деревья образовали четыре его ската. На одном из скатов была занесенная снегом дверь. Дверь откопали, и теперь можно было войти в жилище. Подвешенный чугунный котел был полон снега, напавшего через отверстие в крыше. Запылал огонь очага. Унтэха занял начальник, а люди разбили палатки и стали устраиваться на ночлег. Огня нельзя было зажигать, и никто из солдат не получил горячей пищи. Охотники сели в стороне, поели юколы и накормили собак. Потом офицер велел позвать их в жилище. Возле очага было тепло, и на коротких нарах головами к огню могло лежать десять человек. Но офицер занял дом для себя одного, и только дежурный солдат должен был поддерживать огонь в очаге. Офицер снял полушубок с воротником из меха козы и сдвинул на лоб свои выпуклые очки. Теперь казалось, что у него четыре глаза, и опять ни в од-

ном из них нельзя было увидеть живого огня жизни. Офицер сидел на нарах, а охотники стояли возле него в своем охотничьем доме.

— Проводники, — сказал офицер, — здесь мы будем ночевать. Если кто-нибудь изменит или напутает путь, велю застрелить. Я кончил.

Сучья в очаге трещали, и на лбу офицера в стеклах сдвинутых его очков плясали два огня. Охотники вышли из унтэха и сели в стороне на свалившееся дерево.

— Собака начальник, — сказал Актанка и плюнул.

— Собака начальник, — ответил Заксор.

Ночь была тиха и пахла зимой. Звезды остро разгорались, зеленоватые, как глаза зверя. Ноги у охотников мерзли, и в первый раз в тайге нельзя было согреться. С хребтов Сихотэ-Алиня, засыпанных снегом, набегал ледяной ветер. Собаки, уткнув морды в животы, спали. В палатках бормотали и вскрикивали во сне люди. И только из отверстия в крыше унтэха всю ночь неторопливо шел дымок. Охотники прислонились спиной друг к другу и обняли руками колени. Так было теплее, и можно было дремать.

— Красный ходзенаю худого не делал, — сказал еще Актанка. — Красный пришел, хлеб пополам ломал. С ходзенаем на канах спал. Табак доставал пополам. Япон-начальник один в унтэха спит. Люди, как собака, на двор итти спать надо. Чорт начальник. Японские люди зачем найти красных надо? Ходзенаю плохо дорогу знает.

Тут он тихонько захихикал, и было похоже, что это спит его трубочка. Потом они задремали. На рассвете пошел снег. Мягко и неслышно покрывал он тайгу. Осень кончилась, и в одну ночь началась зима, как всегда на Уссури. Три раза проходили партизаны через гольдское стойбище. Они не были похожи на белых начальников и делились с гольдами всем, что имели. Юколы было заготовлено мало, и люди голодали. Партизаны дрались за правое дело, чтобы охотники могли свободно жить

своим трудом и ловить рыбу, сколько им нужно для пропитания. Сейчас китайцы-купцы были прогнаны, и можно было начать жить своей жизнью. Не было ни одного человека в стойбище, который не был бы опутан китайцем-купцом на всю жизнь. Всю жизнь работал гольд для китайца, и чем больше работал, тем больше был в долгу. Теперь купец не показывался на Уссури, партизаны отняли раз у двух купцов их товары и разделили между всеми в стойбище. Ему, Актанке, досталась даба¹ на халат и Заксору чугунный котел для пищи. Все это китайцы привозили менять на соболя. Партизаны жили в стойбище по несколько дней, и охотники показывали им дороги через горы. Японцы никогда до сих пор не уходили от железной дороги. Наверное, сильно сейчас побили их возле Ина, и уцелевшие пробирались тайгой. Тут Заксор вспомнил песенку и замурлыкал ее, потому что холод не давал заснуть.

— Чугун теи чугуна, — пел он, — хай ду би галанчиси. — Ты, красавица, откуда пришла — говори. Мы с тобой рядом сядем и вместе поедем.

Он вспомнил четыре незрячих глаза начальника и засмеялся про себя. Дымок идет из унтаха, начальник хорошо спит. Очаг согревает охотничий дом, и сухая трава, настланная с осени на нары, шуршит и пахнет тайгой.

На рассвете отряд снялся и пошел дальше в горы. Снег падал и попадал людям в ноздри и в рот. Охотники опять шли впереди на своих лыжах. К полудню люди устали. Тогда охотников нагнал солдат и велел вернуться к начальнику. Начальник сидел на мерзлой кочке и держал на коленях карту. Лицо у него было злое и желтое.

— Я, начальник, велю застрелить каждого. Вот дорогу надо итти!

Он показал маленькую круглую корбочку, в которой дрожала стрелка. Стрелка указывала в сторону захода солнца. Офицер достал красный карандаш и провел жирную черту на карте.

— Ходзенай две дороги знает, —

сказал Актанка. — Одна дорога на сопку. Другая дорога много снегом надо итти. Без лыж человек ходить не может.

Тут офицер весь налился кровью, даже белки глаз у него стали красными. — Раз начальник велит итти! — закричал он. — Здесь короткая дорога.

— Хорошо, — сказал Актанка. Он был старший охотник и отвечал за обоих. — Короткая дорога не ближе длинной.

И они свернули в сторону захода солнца и повели отряд через распадок. Скоро люди начали вязнуть. С неба валил снег. Распадок был защищен с севера склоном горы. Когда стали выбираться наверх, закрутила метелица. Люди выбились на подеме из сил, и пришлось снова сделать привал. Наконец тучу пронесло, и снег утих. Небо заголубело, и показалось солнце. Теперь можно было двигаться дальше. С перевала начался крутой спуск в долину. Снега было здесь меньше, и люди ободрились. Густо по склонам росли дубки с покоробившейся хрустящей листвой и березы. Лыжи были ненужны, и охотники положили их на нарты. Они легко шли теперь в своих меховых доктон и унтах¹. Вдруг Актанка замедлил шаг и вгляделся в мерзлый мох. Потом он отогнул наушники меховой своей шапки. Второй охотник тоже вгляделся в место, на которое показал тот глазами, и увидел, что мох примят и что люди проходили здесь не позднее, чем вчера вечером. Вечером не было еще снега, и снег намело в лунки от следов их ног.

— Хорошо, — сказал Актанка. — Охотник может по дороге осмотреть свои сэрми². Соболя — дорогой зверь.

И Заксор взял с нарт лыжи и направился в сторону, чтобы оглядеть с сопки, не забита ли снегом долина. След был не гольдский. На гольдской обуви нет каблуков. Торбоза и унты кроются другим покромом...

¹ Доктон — чулки из мягкой рыбьей кожи или шкурок зверя; унты — род обуви.

² Сэрми — самострел, который настоуживают на зверя.

¹ Даба — китайская грубая материя.

Вот тут-то и было что вспомнить охотникам. След от удара японской саблей так и не зарос волосом на голове Актанки. Двадцать восемь солдат шло в обход тайгой, чтобы захватить красных. Девять человек с офицером ушло из них. Так и не узнал японский начальник, привел ли охотник партизан на их след, или была это военная неудача. Многого можно было вспомнить, сидя на теплых канах за трубочкой. И табак в ней не походил на ту горькую травку, которую курили в тайге пятнадцать лет назад охотники. Были тогда они молодые охотники, и шел только девятнадцатый год найденному ими в тайге человеку. У человека было перебито плечо. Всю ночь после боя он пролежал в тайге, притаившись за упавшим деревом, и ждал смерти. Охотники нашли его утром. Он подумал, что его пришли добивать, и приготовился дорого сдавать свою жизнь. Он держал наготове револьвер, чтобы убить каждого, кто только посмеет к нему подойти.

— Мы — ходзен, — сказал Актанка. — Ходзеная красным худого ничего не делает.

Рана от сабельного удара на его голове еще горела и ныла. Тогда человек поверил людям и позволил им приблизиться. У партизана был с собой бинт, и охотники туго перевязали ему перебитое плечо. Возвращаться в стойбище было нельзя. Неизвестно, куда ушел офицер с девятью солдатами. В стороне — на полных два солнца ходу — есть другой охотничий дом. Там соболиные места, и на тропях соболей немало было насторожено охотниками сэрми. Надо добраться до жилища и укрыться в нем на некоторое время. Юколы хватит для трех людей на неделю. А потом один охотник уйдет на разведку к Уссури. Человека положили на нарты, и охотники повезли его в тайгу. Ему было девятнадцать лет, и звали его Дементьев. Много белок смеялось над охотниками с вершин деревьев и сыпало вниз шелуху кедровых шишек. Люди не могли стрелять зверя, и можно было спокойно летать с ветки на ветку, растянув пушистый голубой хвост. Под вечер услышали охотники

еще легкий и быстрый стук копытцев козули. Козуля тоже смеялась над ними и пронеслась совсем близко между деревьев. Она даже постояла в отдалении и спокойно погладела на людей своими выпуклыми красивыми глазами. Поклажа для собак была тяжела, и приходилось чаще делать привалы. Так шли день и ночевали в лесу. Нарты с Дементьевым поставили в палатке, и охотники улеглись рядом с ним. Втроем было тесно и тепло, и только раздробленная кость Дементьева мучила его, и он стонал.

На рассвете тронулись дальше, и так шли весь день. К вечеру собаки почувствовали охотничий дом и дружнее направились постройкам. Так пришли они к жилищу, которое только охотники-гольды знали и могли разыскать в тайге. Раненого внесли в дом и положили на нары. Скоро запылал огонь очага. Промерзшие стены начали отогреваться, и в доме стало тепло. Нары были коротки, и надо было лежать на них наискось головами к огню. Трава, заготовленная с осени, приятно шуршала и пахла запахами тайги. В унтэха остались с прошлой зимы все орудия лова. Дверь в дом не закрывалась, он был доступен для каждого охотника. Ни один охотник не возьмет оставленного другим орудия лова или припасов. Только если будет большая нужда в них, он возьмет, сколько ему надо, чтобы вернуть в следующий свой приход сюда. Люди отогрелись, вода кипела и пенилась в чугушке над очагом. У партизана в походном мешке оставалось еще немного крупы. У охотников была юкола. Кроме того, у Дементьева нашелся еще кусок сахара к чаю, и это был большой вечер в тайге. Здесь люди разглядели и узнали друг друга...

Охотники сидели теперь на теплых канах в доме Актанки, и дым из трубок тянулся кверху как воспоминание.

— Пришел почтовый пароход. Привез почту, — сказал Актанка. Грубые морщины набежали за пятнадцать лет на его лицо. Один неправильный зуб рос в сторону и оттопыривал верхнюю его губу под редким сидящим уси-

ком. — Капитан звал притти говорить. Есть новость для колхоза.

Хозяин не спешил, и гость не торопил его. Горячая пора хода кеты кончилась. Теперь можно жить не спеша, пока не начнется охота. Тут хозяин снова набил трубочку табаком и пустил дымок. Ему нравилось, что можно рассказывать медленно, и все сидят кругом и слушают, пока женщины готовят в стороне талу из большого золотистого амура, которого наколот на острогу сын Актанки.

— Капитан вызывал говорить, — сказал снова хозяин. — Есть письмо из Рыбаксоюза. Колхоз будет премирован за перевыполнение плана. Посмотрим, кто выйдет первым по сдаче. — Но это была еще не главная новость, и главную новость Актанка придерживал под конец. Потом капитан сказал еще, что на Амур приехал Дементьев. Дементьев велел узнать, живы ли он, Актанка, и Заксор, и передать им, что он скоро придет сюда по важному делу.

Дементьев был жив и в полном порядке и приехал теперь на Амур. Это было главное. В последний раз пять лет назад они слыхали о Дементьеве от инструктора из Рыбаксоюза. Дементьев жил в Москве, строил железные дороги, и нельзя было подумать, что это был тот самый человек, который приготовился к смерти в Уссурийской тайге. Много, впрочем, изменилось и в их стойбище. Дети умели читать книги и писать, некоторые молодые нанайцы стали учителями, и второй сын Актанки уехал учиться в Институт народов Севера.

Женщины подали на стол блюдо талы. Амур был жирный, и его вкусная сырая печень была нарезана отдельно. Заксор ел рыбу и думал. Молодость его прошла. Жена умерла восемь лет назад, и он так и не женился вторично. В стойбище попрежнему он был первым охотником. В Хабаровске на приемочном пункте охотник сдавал шкуры зверя и мог получить взамен всё, что только есть в большом городе. Нарезанный хлеб никогда прежде не лежал рядом с талой. Сейчас в пекарне, налаженной несколько лет назад Чепу-

ренко, выпекают хлеб, и ни один нанайец не думает уже о голодной зиме. Будет мало зверя, — в Охотсоюзе отпустят охотнику припасы в долг, и в правлении колхоза есть большая книга, где ведется счет труду охотника. Сколько он затратил труда, столько он получит взамен — рыбы, картофеля и муки — на всю зиму. Пусть придет Дементьев в стойбище. Раз нанай стал человеку другом — это значит на всю жизнь, и здесь годы значения не имеют. В стойбище есть что показать. Можно показать школу. Можно показать промартель. Можно пустить радио, и пусть Дементьев послушает, как поют в Хабаровске.

— Хорошо, — сказал Актанка. Он всегда этим словом начинал свою речь. — Колхоз тоже добился кое-каких успехов. Рыбаксоюз зря писать бумагу не станет. Посмотрим, кто в будущем году выйдет на первое место по сдаче рыбы.

Он, вероятно, тоже думал, что можно будет показать Дементьеву. Талу ели долго, рыба была вкусная и хорошо приправлена луком и травами. После талы женщины подали чайник. Теперь стало совсем тепло и дымно. Все курили трубки. Мать Актанки тоже курила трубку. Ее красный с черной оторочкой халат был распахнут на тощей груди. В берестяной зыбке, которую покачивала она, лежал ее правнук. К зыбке были подвешены пустые ружейные патроны — это значило, что мальчик должен стать смелым охотником. Подвешенные побрякушки звенели, и самый младший, Гапчи Актанка, спал. Гапчи — значит Стрелок, и мальчику неспроста было дано это имя. Теперь пора была вернуться домой.

Гость сказал: — Банехà¹, — и поднялся. Больше о Дементьеве они ничего не сказали друг другу. Заксор перекинул через плечо веревку, на которой висели убитые им рыбы, и направился к дому. Он шел и плотно ставил свои короткие сильные ноги в вышитых ота. Скоро надо итти в горы бить

¹ Банехà — спасибо, благодарствуй.

зверя, и если Дементьев не придет до этой поры, — значит, им не увидаться. Вода Амура синела, одна только оморочка двигалась вдоль берега, и гребец не спешил опускать в воду весло. Видимо, приятно было ему двигаться по воде в теплый вечер, — последние теплые вечера стояли на Амуре, и дальше должна была начаться зима.

II

Утром Алеша спустился с откоса к воде. Широко и мутно нес свои бурые воды Амур. Обычно под осень разливался он от дождей, затапливал берега, соединял в одно сплошное море озера. Вода подбиралась к самому крыльцу отцовского дома. Сиротливо, как остров, стоял тогда дом бакенщика на залитых лугах. Еще пустынное казалось издалека этот берег, на котором не разбегались широко ни приамурское казачье село, ни фанзы нанайского стойбища. Одиноким огонек горел в доме бакенщика, да зажженные створы указывали дорогу судам.

Весной, после семи лет учёнья в Хабаровске, вернулся Алеша в места своего детства. Пустынный берег дышал попржнему для него своей жизнью. За эти годы отстроили для отца новый дом, справная хорошая лодка качалась на причале у берега, и вырос в большую сторожевую собаку маленький и лохматый щенок Пантюшка. Да поглубже залегли морщинки вокруг глаз отца. Пятнадцать лет назад возвратился из Красной армии на обжитое свое место на пустынном амурском берегу бакенщик Игнат Прямиков. Таким он и ушел отсюда — высоким молчаливым человеком, привыкшим к одиночеству глухих мест. На Амуре он вырос, любил его пробуждение, мощный весенний ход его вод, охоту на берегу, рунный ход рыбы осенью, все голоса и все шумы великой реки. Не променял он его ни на место в Хабаровске, ни на службу на Уссурийской дороге. Отсюда, со своего поста на реке, он ушел с партизанами, вместе с ними дрался на Уссури и Амуре, знал веселого молодого Лазо,

бил японцев, отвоевывал Дальний Восток. Когда война кончилась, он вернулся на свой покинутый пост. Пост был такой же, как и любой пост во всей широкой стране, и по створам, которые зажигал бакенщик на берегу, определяли свой путь пароходы.

Многое изменилось и в движении этих некогда утлых амурских судов. В пору конфликта с Китаем возвращены были на Амур уведенные на китайскую сторону колесные пароходы. Были они, как свидетели прошлого века, когда впервые селились на пустынном амурском берегу казаки-поселенцы, из которых произошел и он сам, Игнат Прямиков. Пять лет назад легко заскользили мимо быстроходные и боевые суда речной Амурской флотилии. Это была уже не беззащитная глухая река, в которую могли зайти с океана любые суда под любым флагом. Новый город строился на ее среднем течении. Множество огней зажглось на некогда пустом берегу, к городу, как утки, стали тянуть самолеты, и где-то позади, сквозь тайгу, начинали прокладывать к нему от Волочаевки железную дорогу. Было в этом тоже много для его, Прямикова, памяти, что вели дорогу от Волочаевки, которую брал он вместе с другими, и что есть за Иманом теперь станция Лазо. Голые березы, зеленоватое небо, на горизонте темносиние сопки — здесь был сожжен японцами в паровозной топке Лазо. Много лет набежало с той поры, когда погиб этот водивший и его в бой человек; много раз зацветали и осыпались березы на станции его имени. Но жила в крутых плечах, в насупленных глазах бакенщика, в жесткой складке, залегшей от носа к неседущим черным усам, до конца жизни зажженная ненависть. Нет, всякая работа на Дальнем Востоке есть пост, и не уйдет он, Прямиков, из этого своего дома на Амуре. Огонь зажжен им в ночи, и раз зажжен огонь, — значит, указан путь каждому быстрому и боевому судну на реке. Все больше этих судов становилось в ее водах, все быстрее проносятся они до низовьев и стерегут Уссури, на которой по одну сторону — советские сопки, и

по другую — Манчжурия. А может бакенщик не только зажигать сигнальный огонь, но и слышать все шорохи на берегу и каждое движение сквозь камыши.

Сына Прямиков встретил немногословно и пристально.

— Ну, как, сынок? Кончил?

— Кончил, — ответил Алеша.

Они обнялись. Лодка, на которой переезжали его с парохода, отчалила от берега, ее подняли на тали, и пароход пошел дальше. С тревогой и радостью шел Алеша за отцом по знакомому берегу. Тревога была оттого, что надо думать теперь о дальнейшей дороге; радость — что он снова на этом берегу своего детства. Как прежде, несет Амур мимо него свои разлившиеся мутные воды; как прежде, тускло поблескивают залитые водою луга; одинокая цапля бродит по ним и ищет лягушек и мелкую рыбешку. И тишина, и спокойствие поздней весны над великой рекой, над сопками на ее берегах; над всем этим широким, свежим и полным глубокого и влажного дыхания миром.

Так пришел он вслед за отцом в его дом. Дом был новый и стоял на столбах, чтобы его не залила во время разливов вода. Они поднялись по лесенке, и Алеша внес в комнату нехитрые свои вещи. Вот они сидели теперь вдвоем — отец и сын — в этой комнате. За окном над затопленными лугами стоял туман.

— Ну, куда же теперь дальше ты двинешься? — спросил сына Прямиков. Сын был похож на него. Такая же круглая, коротко стриженная голова, густые брови, сросшиеся у переносицы, и серые, их, прямиковского казачьего рода, глаза. — Семилетки одной сейчас мало. Надо повыше тянуть.

— Я хочу поступить в транспортный техникум, — сказал Алеша. — Железные дороги на Дальнем Востоке только начинают строить.

Прямиков смотрел на сына и думал. Вот вылетели птенцы из гнезда, и сидит теперь перед ним повзрослевший, с темным пушком на губе, с мужским голосом, в котором еще поют петухи, со взрослой морщинкой между густыми

бровями — его мальчонка Алешка. Только что бегал он по берегу с закатанными по колена штанами, помогал тянуть сеть, в которой бились золотистый амур или сазан, нес рядом с ним банку с керосином для створ и до золотой шелухи на носу обгорал на первом весеннем солнце. Была быстрая и звонкая девчонка Аниська — сирота, которую он воспитал, дочь убитого под Иманом односельчанина Маркова. Марков был кочегаром на одном из амурских судов, и желторотая его девчонка осталась сиротой в большом казачьем селе на Уссуре. Вернувшись с фронта, Прямиков взял ее, как обещал товарищу перед его смертью, в свой дом. Марков умирал долго и трудно. Он был ранен в легкое во время стычки с японским кавалерийским отрядом, и все восемь дней, пока умирал, он думал об остающейся одной на свете своей девчонке; жена, — как и его, Прямикова, жена, — умерла от тифа за год до этого. Прямиков взял девочку в дом и воспитал вместе с сыном. Она была старше Алеши и раньше его окончила школу и затем педтехникум. И вот не было уже в его доме и этой звонкоголосой Аниськи. Пониже по Амуру, в большом стойбище, учительствовала в новой школе молодая учительница. Теперь и он, Алеша, сидит перед ним накануне новых решений в своей жизни.

— Что же, железнодорожник — это хорошо, — сказал Прямиков. — Дел здесь на Дальнем Востоке до чорта. Строй дороги, пусть погонят по ним поезда, сынок. Вот и мы уже маленько захватили, как вся эта глухая сторона по-новому жить начала. Амур — золотая река, первая река, можно сказать. Что в этих сопках вокруг лежит — кто их трогал? Может, медь, может, золото. Нефть, вон, с Сахалина на Амур для перегонки погнажи. Своя нефть. Суденышки кое-какие бегают... в обиду в случае чего не дадут. Тут с одного бока Манчжурия, да и Япония недалеко. Выдра в камышах прошумит, а ты слушай!

Алеша знал эту усмешку отца. Недобро тогда щурились зажатые в мор-

щинки его глаза. Был он весь еще крепкий, с черным неседующим волосом, с прямой шеей в распахнутом вороте рубахи. И Алеша остался в отцовском доме до осени. Счастливые, как в детстве, потекли его каникулы на Амуре. Да и дней этих не хватало для бродяжничества, для ловли рыбы, для подготовки к испытаниям в техникуме и для охоты. Жил, дышал, шумел каждым своим потаенным, с детства ему знакомым движением берег.

Весной начался прилет птиц. Шумно и торжественно летели рано на рассвете валовым пролетом гуси и утки. Все было еще неясно и в тумане на утреннем берегу. Холодные испарения стояли над озерами, едва блестящими слюдяным своим блеском. Деревья только готовились распуститься, еще не согретые настоящим теплом. Заморозки по утрам задерживали листву в тугих трубочках, откуда она должна была хлынуть в первое солнечное утро весны. Птицы летели высоко над рекой, и их не было видно. Только хлопанье больших крыльев, оживленный гогот, вся эта перистая холодная весна, вся эта безотчетная и тревожная радость от пробуждения мира широко пронеслись над домом бакенщика. Алеша стоял у крыльца, зевая и дрожа после сна. Ноги его зябли в натянутых наспех сапогах. Это были лучшие утренние часы в его жизни. Он стоял, засунув руки в карманы брюк и запрокинув кверху сразу озябшее после жаркой подушки лицо. А там, наверху, творилось какое-то огромное шумное движение. Гогот и перекличка гусей, криканье уток, тонкий писк чирков, свист косачек, казалось, заполняли все небо, подкрыльный пух летел на землю, тревожные полчища несли на своих крыльях тугую амурскую весну. Так часами летели птицы, и ни разу за всю свою жизнь Алеша не нарушил выстрелом этого первого и счастливого их перелета. Бил он гусей позднее, на озерах, бил и во время осенних перелетов на юг. Но сейчас птицы только готовились к жизни, так же как готовился и он к ней, в эту раннюю весну созревая из подростка в юношу.

Потом прорвало раз хмурую пелену

небес, и сразу жарко и широко полилось солнце. Сопки голубели и затягивались дымкой. Деревья в одну ночь покрывались листвой, рыбы поднимались на поверхность воды греться на солнце. Они пускали пузыри, и верхогляд показывал уже свою темную спинку, охотясь за насекомыми. В небе распластывался и парил белохвост-орлан, сокол камнем кидался на землю за добычей: зимородком или камышевкой, перелетающей по кустарникам таволги, — наступало лето. В камышах, которыми поросли берега озер, уже таинственно шуршало, двигалось или с плеском бросалось в воду. Алеша знал эти повадки выдры. Она любила богатые рыбой озера и ручьи, и перекушенные острыми зубами рыбешки оставались по ее следу. Ее ловили по первому снегу в растянутые при сходе в воду сети и выгоняли острогами из камышей.

Весенний перелет кончился, в трещинах обрывистого берега давно свили гнезда зимородки, все это несметное весеннее полчище разделилось на пары и готовилось теперь к трудовой летней жизни. Аист перестал уже трещать клювом, красуясь и похаживая на длинных ногах перед самкой, и вместе деловито трудились они теперь над гнездом и добычей. По вечерам цапля тянула на своих широких крыльях над болотом. Первые комары звенели уже в вечернем воздухе. И были полны всякой живности, рыбешек, ужей, горластых приамурских лягушек, всяческой летающей мелкоты эти обильные травами луга и болота.

По вечерам на легкой и послушной лодочке выезжал Алеша с отцом ловить рыбу. В часы заката рыжела заводь в стороне от Амура. На бледнозеленом небе плыли яркокрасные, как рыбы из южных морей, облака. Сопки густо синели, и было все это, как влажная еще от воды переводная картинка, пленявшая в детстве ярким и загадочным своим пейзажем. Освещенная солнцем заводь была видна до глубины. Большие темные щуки неподвижно стояли в густой заросли водорослей. Стайки мальков ошпиывали слизь с их ростков. Сеть медленно всем подбором своих бе-

рестяных поплавок ложилась на воду. Лодка делала полукруг, Алеша начинал бить веслом по воде, и вот тогда суета и движение поднимались в подводном этом мире. Щуки стремительно проносились, длинные и темные, как подводные лодки, блестели округлые спинки сазанов, и серебряными отрядками мелькали встревоженные стада мелкоты. Все теснее и теснее подтягивалась к берегу сеть, и вот в темной ее и пахнувшей тиной матне билось несколько широких, как блюда, лещей, щерила острые зубы длинная и празеленя щука, и плескалась золотая и серебряная мелочь. С детства знал Алеша эту счастливую радость подхватывать под скользкие жабры влажную живую рыбу, откидывать ее в прибрежную траву, нюхать прохладный и сладостный запах водорослей, ила, водной глубины.

Солнце тем временем сползло за сопку. Заводь начинала дышать холодком. Первые легкие испарения поднимались в тенистых ее местах. Тревога от вторжения человека прошла, и снова жило, двигалось, пускало пузыри, плескало хвостами, пело в болотной траве лягушиными голосами подводное это обиталище. Чирки и камышевки пересвистывались на прибрежных кустарниках таволги. Дятел в вечерней тишине стучал носом, высккивая в древесной коре певучих точильщиков; и слепой еще, спугнутый филин летел незрячим полетом, чтобы на суке первого дерева дожидаться вечерней поры. Широкий и прохладен был этот вечерний, пахнувший свежей выловленной рыбой, мир. Вода в заводи была неподвижна, и можно было сильными взмахами рук толкать вперед легкую и послушную лодку. Из заводи выходили в Амур. Здесь течение замедляло ход лодки, и туго, сопротивляясь воде, нагуливали мускулы мальчишеские руки Алеши. Хорошо было жить, дышать этим миром, знать его запахи, распознавать каждый шорох: вот крадется за добычей выдра, с шумом кинулась в воду, грызет тугое тело схваченной рыбешки; вот барсук вышел на ночную охоту, бежит и нюхает подвижным острым носом воздух; вот потревоженный прострекотал бурун-

дук. И ночная тишина над Амуром. В котелке над костром разваривается и кувыркается рыба. Филин, прозрев в темноте, ухнул на весь берег. Лысуха застонала на болоте, да где-то в прибрежных камышах тревожно закрякала утка-кряква, — вероятно, подкрадывалась к спящей птице водяная крыса...

Теперь можно обжигать рот остро пахнувшей горячей ухой, лежать друг подле друга, опираясь о локоть, и ощущать кровную свою связь с этим миром. Нет, есть уже первые мускулишки на его, Алешиных, руках, может он не только помогать отцу тянуть сеть, но и сумеет вместе с ним защищать этот край. Все в нем — плеск бегущей амурской воды, торопливое шлепанье плещ колесного парохода, ветерок, налетающий с сопки, каждый писк потревоженной птицы, — все это стало частью его, Алешиной, жизни. Отец дрался в свою пору за Дальний Восток, и вот сын подрост, чтобы итти теперь рядом. Счастливыми были эти вечера у костра. Легкий его дымок застилал звезды, и они разгорались и прояснялись, как угли. И большой росой, предвещавшей жаркий день на Амуре, были облиты трава и кусты.

Возле постели отца висела полочка с книгами. Были здесь книжки о лове кеты, были правила движения судов по реке и речной обстановки, были книжки о гражданской войне. Четыре года назад запросил бакенщик сына, чтобы тот прислал ему из Хабаровска Ленина. Так начался на полочке второй ряд книг. Стояли теперь здесь Ленин и Сталин, красные и синие тома, которые начал читать в часы вечернего досуга Прямыков. Он ждал, что трудно будет ему продираться сквозь сложные слова и понятия. Но неожиданно оказалось все это простым, как человеческая речь. Страница за страницей направляли они его мысль, и вдруг почувствовал он, что не так уж беден среди этих книг. Книжки были, как собеседники, они расширяли перед ним этот мир и поясняли борьбу. Была обращена и к нему, к бакенщику на Амуре, их трезвая и суровая правда. Книжки разясняли ему, что то, чего не мог сделать он, полуграмотный

бакенщик, должны доделать теперь его дети. Дети разлетелись из отцовского дома, но были и сын, и приемная дочка Аниська на правильной и серьезной дороге. Сейчас надлежало Алеше сделать первые шаги, чтобы по-взрослому начать строить жизнь.

Заявление о приеме в техникум было подано Алешей весной. Счастливые дни лета окончились. Досыта наслаждался он и рыбной ловлей, и распознаванием звериных следов, и блужданиями с ружьишкой по сопкам. Началась полоса дождей. Берег скучно затянуло туманом. Амур набух и раздулся. Затопленные леса стояли на его берегах. Протоки стали, как мощные реки. Пересохшие за лето болота наполнились водой, озера соединились и походили на море. Потом непогода прошла, наступили солнечные последние дни. Алеша стал готовиться к отъезду в Хабаровск.

Необычный пароход шел в один из этих дней по Амуру. И к необычному месту причаливал он, никого не предупредив гудком. Матрос стоял на его носу и мерил шестом воду. Потом грохотала лебедка, и пароход стал на якорь. Это был маленький и хорошо знакомый Алеше колесный пароход. Обычно совершали на нем служебные и ревизионные поездки. Капитан в черном осеннем пальто стоял на верхнем мостике. Он сложил руки рупором и крикнул Алеше:

— Эй, парнишка... бакенщик дома?

Теперь Алеша увидел рядом с ним высокого человека в кожаной куртке. Куртка на нем блестела, и это мог быть инспектор Амурского речного пароходства. Минуту спустя пришел на берег отец. Тут человек на верхнем мостике сложил руки рупором, как сделал это только что капитан, и крикнул смешливым и довольным голосом:

— Прямиков... Игнат! Узнаешь? — Полоса воды отделяла пароход от берега. — Ну, чего глаза пучишь? — крикнул снова тот же смешливый и покомандирски отчетливый голос. — Дементьев! Дементьев я, понял?

Весла не сразу попали в уключины. Отец стоял в лодке, и Алеша четырьмя широкими размахами весел подогнал ее

к пароходу. Лодку подтянули, Алеша с отцом поднялись на борт. Высокий человек стоял теперь перед отцом.

— Дементьев... — сказал Прямиков. — Ужели ты?

— Ну да, я сам, своей личностью. Не ожидал? — Человек протянул руку отцу, другую он положил ему на плечо, отстраняя, чтобы лучше взглядеться. — Вот ведь короткая наша земля... снова я на Амуре. А этот парнишка кто... сын? Неужели сын? — Человек посмотрел на Алешу. — Да, времени набежало... — добавил он уже задумчиво. — Ну что же, заходи... потолкуем.

Все было по-речному опрятно в маленьком салоне парохода. Чисто выстиранные старенькие чехлы на диванах, большое зеркальное окно на нос парохода, качающиеся подсвечники на стенах, служившие для свечей в свое время, и голубенькие примулы в горшках на столе. Дементьев усадил отца в кресло.

— Вот дела какие, брат, — сказал он в той же набежавшей на сильное, гладко выбритое его лицо задумчивости. — Тут разговору нам на десять лет хватит.

— Как же... ты попал на Амур? — спросил Прямиков.

Видимо, стеснялся его и голос, привыкший покрывать по-командирски, и значки на черных петлицах, и самый этот служебный пароход. Почти пятнадцать лет набежало с той давней поры, когда вместе партизанили они на Амуре. Алеша сидел на низком диване под широким окном, обращенным на нос парохода, и видел знакомые тугие желваки напряжения на скулах отца.

— Я тебе все расскажу по порядку, — сказал Дементьев. — Ты знаешь, от кого я узнал, что ты здесь? От Михалкова. Он ведь диспетчером в управлении пароходства в Хабаровске. А я ехал по разным делам по Амуру... вот и решил навестить тебя здесь. А дела мои вот какие... но давай по порядку. — Дементьев прошелся из угла в угол. Отец сидел на краешке глубокого кресла. Руки он держал на сдвинутых коленях, как на фотографии. За-

масленная его кепка лежала на столе. — Видишь ли, Игнат, — сказал Дементьев снова, — нас с тобой партизанская война одним крестом крестила. Многих нынче нет... недосчитаешься. Ты Лазо помнишь? — спросил он вдруг.

— Помню.

— Станция есть его имени, — сказал задумчиво снова Дементьев. — Поезд на нее рано утром пришел, все еще в поезде спали. А я вышел. Вот ходил я, брат, по этой станции. Больше пятнадцати лет набежало. Целая жизнь, как ни говори. Туман лежал еще над полями, сопки были си-иние. Пятнадцать лет прошло, и есть нам о чем рапортовать товарищу Лазо. Можем мы сказать ему, что не зря он дрался и не зря умирал. Вот он, Дальний Восток, — в наших руках лежит. Застраиваем его понемногу, заковываем в броню. Подходящие суденышки по Амуру плавают. Пусть кто-нибудь сунется. Золотой край, наш край, Игнат! Богатство наше, будущее наше. А ты ведь тоже мог из Приамурья податься... климат где помягче, да и полуднее где, да где о тайге только из книжек знают. А ведь не ушел!

— Не ушел, — сказал Прямиков.

— А почему не ушел? Доходу тебе здесь больше или привык, как бирюк, к своему месту? Не то, Игнат, не то! Любовь к краю, я так понимаю...

— А шут ее знает что... — Тут Алеша увидел, как побежала складками улыбочка на щеках отца. — Может, и любовь. Свой край, за него дрался, как отсюда уйти? Конечно, многого я не успел, скрывать тут нечего. Створы зажигать — дело не больно хитрое. Но ведь и навигацию без створ не проведешь. Работаю помаленьку, как умею. Ну, ты другое дело, Петр Кузьмич... кажется, верно я тебя называю?

— Петр Иванович, — поправил Дементьев.

— Разве Петр Иванович... ну, да мы ведь тебя все Петрò да Петрò. Ты — другое дело... ты свою дорогу определил. Ты кем сейчас будешь? — полюбопытствовал он.

— Я транспортник. Да и гидролог тоже. Слышал про такое дело? Гидролог работает по водоизысканиям. Прежде чем построить завод, приходим мы определять, откуда брать ему воду и есть ли еще подходящая вода. Да и для разных других дел тоже. Видишь ли, я тогда с Дальнего Востока прямо в Ленинград уехал. В Ленинграде окончил вуз, потом гидрологический институт. Стал гидрологом. Работал в Казахстане... слышал? Работал в Средней Азии. Сейчас послали меня с одним делом на Дальний Восток. Дело здесь большое и срочное, я тебе расскажу. Ответственное дело, как все дела на Дальнем Востоке!

Он шагал теперь мимо него по салону. Черная его куртка была расстегнута в вороту. Ноги в сапогах были сильные, да и сам человек сколочен был крепко. Морщинка над переносицей то стягивала, то распускала прямые его черные брови. Да и приучила его, видимо, к большим масштабам работа. Вот он шагает, засунув руки в карманы своих галифе, какой-то неотразимый значок поблескивает на левой стороне его груди, и Алеше нравится в человеке всё: его походка, подрагиванье плечами, широкие жесты руки... Течение покачивает пароход, и оживленно позвякивают хрустальные подвески на люстре.

— История вот какая, брат... если начать прямо с дела. — И Дементьев остановился вплотную перед старым своим товарищем. — Последние годы я работаю в Наркомпути. Дела все срочные, связанные со всякими изысканиями. Прокладывали мы дорогу в Казахстане. Не знаю, читал ли ты про это? Газеты-то читаешь?

— Хабаровскую получаю, — ответил Прямиков.

— Ну, так вот... в общем, бегут теперь по степи поезда! — Дементьев усмехнулся. Было это делом и его рук, имел он право усмехаться довольной усмешечкой. — Из Казахстана я вернулся в Москву. Работал в отделе проектировки. Тут раз меня вызывают на одно совещаньице. Дело это, конечно, особое... ну, да ты понимаешь, да и парнишка твой тоже.

— Окончил семилетку весной, — ответил Прямиков, и Алеша увидел знакомые побужавшие складочки улыбки. — В железнодорожный техникум поступает, по твоему ведомству.

Теперь Дементьев остановился перед Алешей и разглядывал его серыми своими и нестеснительными глазами.

— Вот для сына уже дорога открыта, — сказал он затем. — Не зря мы воевали, Игнат! — Он стряхнул эту набужавшую на мгновение задумчивость и продолжил: — Да... вызывают меня на одно совещанье. Речь идет о Дальнем Востоке. Есть у нас на Дальний Восток одна колея. Сам знаешь, от Карымской до Владивостока одна путь... артерийка. Один поезд на восток, другой на запад... кто первый к разъезду подошел, тот и ждет. Край большой, дела большие, опасности большие. Есть места от железной дороги до границы на лошади в дневной переход доедешь. А японцы Манчжурию дорогами опоясывают, к границе выводят... и всё в нашу сторону. — Прямиков кивнул головой. Это он знал. — Значит, и нам об артерийке этой думать время. Ну, насчет второй колеи ты слышал, рассказывать тут нечего. Есть, однако, еще другая проблема. Не очень, может быть, сложная, а все-таки проблема. Ты ведь в Сквородине бывал? — спросил он вдруг.

— А ты забыл? — Тут была очередь усмехнуться Прямикову. — И в Сквородине, и в Талдане, и в Магдагачи... мы ведь с тобой вместе до Читы доходили.

Верно, было и это. В охране восстановительного железнодорожного батальона доходили они до Читы. Дементьев вспомнил совместный этот путь.

— Ну, тогда тебе все будет ясно. Есть такой самый трудный участок на Великом Сибирском пути. Это район вечной мерзлоты. Сверху торф, внизу лед, и так весь год, даже в самое жаркое время земля не оттаивает. Ни хлеба сеять, ни огород разделать. Человек там редок, да и зверь не очень густо водится. А главное, нет для железной дороги воды. Воду для паровозов на промежуточные станции в цистернах пере-

возить приходится... первая трассировка Амурской дороги на русской территории — не имела успеха. Царское правительство было заинтересовано в Коре, в Манчжурии... туда были обращены интересы, в сторону Китайско-Восточной железной дороги. Только после русско-японской войны спохватилось. Однако и американцы, которых на это дело позвали, ничего не придумали, и японцы в интервенцию с водою помучились. Нет зимой воды, реки и ключи замерзли, жители снег тают для своих нужд, а поезда стоят. Вот и представь себе наше положение. С одной стороны, мы вторую колею начали тянуть на восток, с другой — есть такая тысяча километров безводной полосы, которая портит нам всю игру. Царское правительство над вопросом о водоснабжении не один год билось здесь и ничего не нашло. У нас нет таких сроков. Эпоха и обстоятельства диктуют нам сроки. Старые специалисты, которые тридцать лет на транспортном деле сидели, считали неразрешимым вопрос: природу не переспоришь, мол. Нет воды, вымерзает, ничего не придумаешь. Ну, а мы к этому относимся иначе. — Серые его глаза стали жесткими. — Если что нам нужно достать, мы достанем. На то и природа, чтобы человек подчинял ее своим целям. Ладно. Вызывают меня на это совещание. Так-то, мол, и так, знаешь про все эти дела насчет водоснабжения в районе вечной мерзлоты? Я кое-что по этому вопросу подчитал, есть у нас хорошие специалисты-мерзлотники. Немного знаю, говорю. — Хорошо. Царское правительство над этим делом годами билось и ничего не нашло. Мы должны найти в восемь месяцев... к зиме должны найти. Подберите людей, через три недели вы должны быть на Дальнем Востоке. — Дементьев остановился. За широким зеркальным окном голубел и блестел на солнце Амур. Жила в неустанном своем движении, согретая солнцем, широко разлившаяся от осенних дождей великая река. — Вот какие дела, Игнат, — заключил он, отвлеченный этой широкой речной панорамой. — В восемь месяцев надо сделать то, на что потрачены годы

бесплодных изысканий. И мы найдем! — добавил он упрямо. — Найдем. Иначе что же... иначе — позор.

Он вдруг улыбнулся. Улыбка как-то тепло обнажила жестко собранное, покомандирски громковатое существо человека. И Алеша сидел в стороне на диване и слушал. Глаза его были широко раскрыты. Вот готовился он поступить в железнодорожный техникум и ничего не знал до сих пор об этой вечной мерзлоте, о тысяче верст безводной ледяной пустыни. Но человек улыбался, и нелзя было не улыбнуться ему в ответ. Так уверенно говорил он об этой никому еще не дававшейся воде, что восторженно ощутил он, Алеша, — будет найдена и вода, и всё, что только ни захотят добыть.

— Да, дело трудное, — сказал Прямыков. — Думаешь, справишься?

— Надо справиться.

— Я ведь эти места хорошо знаю. На Ерофей Павловиче¹ мы с этим делом помучились. Стали поезда, нет воды. Снега для паровоза не натаешь. А нам вспомогательный поезд срочно гнать... впереди крушение. Сзади броневой поезд и два эшелона... надо их двигать на Читу, там бой. Семенов насадет. С водой там подлое дело, верно, — согласился он. — Так как же ты думаешь к этому подойти?

Он уже освоился, и старый товарищ был таким же, как и пятнадцать лет назад, только набежала седина у висков, да время поумерило былой размах. Был Дементьев похуже теперь на слова и произносил он их, крепко и загодя все обдумав.

— Видишь ли, дело это, конечно, новое. Есть на этот счет разные теории... есть целая наука о вечной мерзлоте. Я тут одного человечка нашел... богата энтузиастами наша страна! Он этой вечной мерзлоте, можно сказать, жизнь отдал. Идея. Упорная верность своей идее. За это уважаю. — Дементьев даже потер пальцами, словно пробовал его наощупь. — Есть ведь более эффективные и актуальные темы... проблема эта

до сих пор была в стороне, другие были более срочные необходимости. Но человек должен видеть завтрашний день, в этом сила. Тридцать лет доказывать свое, верить в дело, пробивать толщу недоверия... а ведь для доказательств нужны средства, нужен размах. Значит, с ущербом для собственных благ, для своей жизни. Мертвая это пустыня, кладбище мамонтов, или может человек заставит отступить мерзлоту, вернуть земле жизнь?

— Так как же? — спросил Прямыков походя.

— А так, что не все еще умерло здесь. Есть вода. Нужно только суметь ее взять. Настоящая живая вода. А что вода бывает мертвая и живая — ты про это слышал? — спросил он вдруг у Алеши. И он подошел и положил руку на стриженую его голову. — А надо тебе знать, Алексей Прямыков. Когда-нибудь, впрочем, узнаешь... и в прямом смысле, и в переносном! Да, вот такие дела, брат... — продолжил он затем. — И вот когда отправился я по Амуру, пришла мне в голову такая мысль... видишь ли, наука и теория — это одно, а практика — это другое. Профессор мой теорию под эту воду подвел, а как практически взять ее в тайге? Для этого нужны и наблюдение, и люди, которые тайгу знают, как ты вот свой дом на берегу. И я решил взять с собой кого-нибудь из старых охотников-нанайцев. Ты в стойбищах давно не бывал?.. Заксор жив?

— Жив, — ответил Прямыков. — Он ведь здесь, недалеко от Малмыжа. Я это стойбище хорошо знаю.

— Заксор жив — говоришь... это замечательно, брат! — И Дементьев прищуренными глазами, вызывая из памяти воспоминания, посмотрел на товарища. — Я наугад послал им весть о себе.

— У них теперь свой колхоз, — сказал еще Прямыков. — Летом рыбу берут, зимой — зверя. Ты старого стойбища не узнаешь. Радио обзавелись, коровы есть, дети в школах учатся. Надо долго ли ты взять его хочешь?

— На зиму, до самой весны... ах, Заксор, Заксор, старый друг! —

¹ Ерофей Павлович — станция Амурской ж. д.

сказал Дементьев в раздумьи. — Все забывает человек, все проходит... только чувство смерти никогда не забудется. А смерти на Усури я в глаза поглядел. Так если бы я сегодня в это стойбище двинулся, я бы часа через четыре там был?

— Да, часа через четыре, через пять.

Позванивали хрустали, слепительно сияли бронзовые подсвечники на луче солнца, и волшебная радуга дробилась на срезе зеркального большого стекла, преображая в голубой и зеленый, и розовый весь этот речной мир за окном. А внизу парохода жарко дышала и содрогалась машина.

— Так я туда и двинусь, — сказал Дементьев. — Жалко, ты со мной не можешь поехать. Может, парня твоего захватить? А на обратном пути мы его подкинем.

Алеша поднял голову и заблестевшими глазами поглядел на Дементьева. В стойбище учительствовала Аниська, хотелось ему повидать ее перед отъездом в Хабаровск, да и замечательно было бы плыть на этом пароходике по согретому солнцем большому Амуру, стоять рядом с капитаном на мостике, дышать осенью, речным полным воздухом, оглядывать знакомые берега, казачьи села и стойбища... А главное, что будет рядом с ним этот понравившийся ему человек, с которым можно без раздумья плыть дни и ночи до самых низовьев Амура.

— Ну, как, Алеша, поедешь? — спросил отец.

— А еще бы нет! — ответил он мальчишески счастливым и звонким голосом.

И Дементьев условился, что возьмет Алешу с собой и завтра же доставит обратно.

— Пятнадцать лет мы с тобой не видались, а поговорили чуть, — сказал огорченно Прямыков.

Он поднялся, и они стояли теперь друг против друга, оба одного роста, под самый потолок салончика.

— Тороплюсь, Игнат. Времени у меня в обрез. Я в Хабаровске обязательно должен быть послезавтра. Все-таки на обратном пути мы с тобой еще часок-другой потолкуем. А ты все такой

же... цыган. — И Дементьев любовно толкнул его в грудь. — У меня вот и то седина побежала... а я ведь моложе тебя. Ты которого года рождения?

— Я-то восемьдесят восьмого... а ты?

— Нет, я помоложе. Мне тридцать четыре. Ты что же... в партии? — спросил он испытующе.

Отец замаялся.

— Был в партии... четыре года назад ушел.

— Это почему же? — Глаза Дементьева стали, как раньше, вдруг жесткими.

— Да, видишь ли, грамотности мне нехватает. Партучебы вести не могу... да и не с кем здесь. Ну, так оно и вышло...

— Это зря, — сказал Дементьев резко. — Мы с тобой в партии обязаны быть. Партия из-за расстояния не теряет людей. Я лично всем своим опытом и знаниями, и всем, что из меня получилось, — обязан партии. Партия мне много дала, но партия с меня и спрашивает. И нет лучшего чувства, чем отвечать ей, когда знаешь, что справишься с работой. Вроде сыновьей гордости перед отцом. Нет, об этом я сожалю, — заключил он. — Я в партийной группе речного пароходства этот вопрос подниму. Ну, так ты собирайся живее, — обратился он снова к Алеше. — Пальто захвати... вечера на Амуре холодные.

Весело было грести к берегу, еще веселее было возвращаться назад. И вот он, Алеша, стоит рядом с Дементьевым на капитанском мостике. Гремит паровая лебедка, выбирая якорную цепь, ослепляют выкрашенные белой краской поручни и скамейки, тугой ветерок дует в лицо, зашлепали плицы колес, и медленно стал отходить в сторону знакомый берег. Стоя в лодке, раскачиваемой плоской волной, машет им кепкой отец, пароход делает разворот и выходит на середину Амура. Трещит и шелкает флаг на корме, и синие и лиловые сопки плывут навстречу по сторонам парохода.

— Ну, что, хорошо? — спрашивает Дементьев.

— Хорошо, — отвечает Алеша, и словно знает он этого большого, с добрым прищуром серых глаз, человека множество лет. Ветерок остро холодит щеки и пробирается в рукава, но от этого еще полнее чувство речной свежести, плавания и знакомого простора Амура.

Дементьев подсел к нему на белую скамеечку на мостике парохода.

— Ну, рассказывай о себе, Алексей Прямиков. Семилетку ты окончил, это я слышал. Куда же ты теперь дальше? В техникум?

— Да, хочу в транспортный техникум, — сказал Алеша.

— Что же, это дело хорошее, — одобрил Дементьев. — Стране нужны машинисты. Нужны диспетчера. Нужны инженеры. Путь много, страна велика. Много уже делается, но больше еще предстоит сделать. Работали до сих пор по-старинке, старые нормы целые тома занимали... в одних цифрах человек голову сломит. Страна сегодня так жить не может. Мы через две пятилетки всю ее железными дорогами опояшем... и все это должно двигаться бесперебойно, секунда в секунду, как часы. А здесь, на Дальнем Востоке, особенно. Не только потому, что надо наверстывать десятки лет в отсталом краю... а и потому, что особое у него положение. Ты газеты читаешь?

— В Хабаровске читал.

— Ну, тогда ты должен знать про все это.

— Я и знаю, — ответил Алеша запальчиво. — Я и не одни только газеты читал!

Дементьев улыбнулся:

— Вот ты какой, Алексей Прямиков!

Алеша ему понравился. Нравилась ему и стриженная его, похожая на отцовскую, голова, и весь мальчишеский его запал, и жаркое нетерпение в блестящих и взволнованных всей этой поездкой и серьезным мужским разговором глазах.

— Товарищ Дементьев, а как надо эту воду искать? — спросил он, наконец, про главное.

— Ну, брат, это целая наука... в двух словах не расскажешь. Если бы

тебе не в техникум поступать, я бы взял тебя, пожалуй, с собой... ты бы там кое-чему подучился.

— А что же техникум... — сказал Алеша горячо. — Это ведь тоже практика... все равно что подготовка. Вы ведь для железной дороги воду ищите?

— Для железной дороги.

— Ну, ведь это мне и в техникуме пригодится... там практику засчитывают.

И Алеша, весь красный от ожидания ответа, по-мальчишески выпучив глаза, смотрел на Дементьева. Тот щурился и как бы что-то прикидывал и соображал.

— Ну, а как отец... пустит? — спросил он погодя.

— Еще бы не пустить... я тут, может быть, для себя вдвое больше найду!

— Что же... можно будет подумать. Только работа нелегкая, предупреждаю. Работать нужно в тайге.

— А я разве не понимаю, — ответил Алеша самолюбиво.

Так, на скамеечке, они сговорились. Дементьев обещал взять его с собой в разведывательную партию. Зиму для техникума он потеряет, но зато наберется неоценимых практических сведений.

— Ну, — сказал он затем весело, — а теперь пойдем вниз обедать. Там и потолкуем, и обсудим все наши дела.

И они стали спускаться вниз. На обеденном столе были уже накрыты два прибора. Хорошо было обжигаться супом, запихивать в рот большие ломти свежего черного хлеба и наблюдать за Дементьевым, как щедро он вытряхивает из солонки соль в суп, как отрывает белыми большими зубами туго пропеченную корку хлеба и как улыбается и хитро подмигивает ему. Радужная теплая полоса дрожала на скатерти, была она, как обещание полной и необыкновенной, и трудовой жизни, в которой он, Алеша, впервые вступал. И все улыбалось, и позванивало, и жарко горело под солнцем, и голубело за окном нежнейшей голубизной осени в эти первые счастливые часы их совместного плавания.

III

Дементьев проснулся, и боль, утихшая за время сна, стала снова его мучить в перебитом плече. Было это утро или вечер? Сквозь отверстие в крыше унтэха видно было мутное синеватое небо. Вероятно, опять должен пойти снег. Охотников не было. Огонь в очаге догорал между искусно сложенных сучьев. Они горели не все вместе, а порознь, и каждый догоревший сучок зажигал следующий. Так поддерживался долгое время огонь в очаге. Закопченный чайник висел над огнем. Дементьев подтянул его к себе и отпил из носика несколько глотков теплой, пахнувшей жостью воды. Боль от движения стала сильнее, он застонал. Плечо было перевязано бинтом из его индивидуального пакета. Бинт пропитался кровью и побурел. Неужели ему, Дементьеву, предстояло умереть здесь в тайге, вдалеке от товарищей и от семьи? Жила еще в казачьем селе на Уссурийской дороге, и самого его не раз брал с собою на паровоз отец, готовил продолжать свое дело — машиниста. Нравилась сыну и блестящие ручки приборов паровоза, и живая сила, которая заключена была в нем, и преодоление пространств, и вся сложная жизнь паровоза в его вздохах, шипении, клочкотании топки, гудках и работе поршней. Все это было оборвано войной, и вот он лежит один здесь, в тайге, покинутый всеми и предоставленный своей судьбе. Ему стало жалко себя, и он не мог удержаться слез. Они ненужно и напрасно текли по его холодной щеке.

Охотники, уходя, оставили ему пищу. Немного юколы и зачерствевшего хлеба были аккуратно сложены у его изголовья. Сучочки нарублены и подвинуты к больному, чтобы он сам мог подбрасывать их в огонь. Он дотянулся и бросил несколько сучочков в очаг. Пламя побежало по ним, и огонь разгорелся. В унтэха стало тепло. Пар тонко повалил из носика подвешенного чайника. Это была жизнь, и он забыл на время о смерти. Из темного обвиснувшего неба повалил снег. Снежинки залетали

в отверстие крыши. Где были товарищи сейчас, и сколько из них осталось лежать в тайге? Снег засыпает их, и на утренней переключке недосчитывают убитых и пропавших без вести. Он пропал без вести, и его, наверное, считают убитым: Но вот он лежит здесь, в охотничьем доме, огонь разгорается в очаге, чайничек посвистывает над огнем, охотники, уходя, нарубили сучочков и оставили ему пищу, — все это говорит о том, что он жив, дышит, чувствует боль в разбитом плече и думает о жизни больше, чем о смерти. Там, в лесу, где он пролежал целую ночь, прижавшись к упавшему дереву, — там была смерть. Он чувствовал, как она подбирается к нему из онемевшего от потери крови плеча. Он разрезал на себе гимнастерку и перебинтовал, как мог, плечо, чтобы не истечь кровью. Но кровь текла и текла сквозь бинт. Теперь охотники перевязали ему плечо и крепко стянули его берестой. Кровь перестала итти, но боль лишает его по временам сознания.

Так шел этот первый день пребывания в охотничьем доме. Отверстие в крыше стало густо синеть, наступили сумерки. К вечеру он услышал лай собак. Охотники возвращались с охоты. Сучья в очаге догорели, и жидкий огонек змеился по их обгорелым остаткам. Дверь отворилась, пахнуло свежестью и запахами мокрой шерсти и кожи. Охотник подбросил в огонь пучок сучьев, и пламя весело минуту спустя забушевало и осветило жилище. Охотники отерли у огня ружья, смазали салом замки, сняли промокшие от снега унты, и один из них подсел на нары к Дементьеву. Боль мешала Дементьеву разглядеть его лицо. Густые черные волосы были подрублены на его лбу, и узкие блестящие глаза участливо смотрели на больного.

— Рука горячо нет? — спросил он и потряс рукой, дуя на нее как от ожога, чтобы тот понял вопрос.

Дементьев прикрыл глаза. Второй охотник поднял повыше горящий сучок, чтобы осветить человека, и они осмотрели его плечо. Кусок бересты крепко держался на нем, кровь перестала про-

пытывать бинт. Значит, если грязь не попала в рану, все начнет заживать. Потом они согрели чаю, размочили в нем хлеб, нарезали острым ножом юколу и накормили больного. Боль стала глуше, и Дементьев вздохнул. Огонь, тепло, пища возвращали силы. Он снова закрыл глаза. Ему хотелось спать. Охотники снимали острыми ножами шкурки с убитых белок. Скоро в доме запахло жареным мясом. Тогда охотник подсел к нему опять. На широком листе бересты он протянул ему какую-то пленчатую жидкую массу.

— Надо здоровый быть, надо с'есть. Надо много с'есть. Мясо с'есть, юкола с'есть. — Редкие усики торчали на его верхней губе. Белые зубы блестели, улыбка у него была детская. — Японские люди совсем близко ходят, далеко прогнать надо, — сказал охотник снова. — Япон-начальник чорт!

Он плюнул в сторону. Дементьев улыбнулся. Это было хорошее начало. Раз человек улыбнулся, — значит, он будет сговорчивее, и можно его заставить с'есть желудок белки. Желудок белки, наполненный орехами, лакомое блюдо. Дементьев ел желудок белки, полный мелко искрошенных горьких орехов, и охотник сидел над ним и не уходил, пока тот не с'ел всего, что было на листе. Так началась их дружба. Потом он узнал его имя. Охотника звали Заксор. Другой охотник постарше — Актанка — был занят приготовлениями к охоте. Надо было приготовить патроны, накормить собак, сложить на нарты припасы. Охотники поужинали вареными белками, повесили сушиться снятые шкурки и легли на нары головами к огню. Дымок их трубочек уходил кверху. Потом все трое уснули. С шорохом по временам рассыпались прогоревшие сучки. Ветерок пописывал на ребре крыши. Вторая ночь проходила над ними в унтэха.

Утром охотники снова ушли на охоту. Дементьеву было лучше, плечо меньше болело. Опять были заботливо приготовлены для него пища и мелко нарубленные сучочки. В этот день он поведал, что останется жить.

Охотники били в тайге белку. Белка шла кочевьем по кормовым лесам. Ее рыжая осенняя шерсть вылиняла, белка была теперь пушистой и голубой в полном зимнем подборе. Дементьев привык уже к своему одиночеству, к часам ухода и возвращения охотников. Плечо заживало, и он сделал первые шаги в маленьком доме. Ладный крепкий костыль с мягким плечиком из подложенной прошлогодней травы должен был служить опорой ослабевшему человеку. Дементьев мог теперь помогать готовить пищу, собирать сучья для топлива и набивать патроны. И он упросил раз Заксора взять его с собой на осмотр сэрми. Длинные ловкие лыжи охотников хорошо держали на снегу. Его плечу, онемевшему от тугой перевязки, было нужно движение. Снежная вязь деревьев сыпала на голову и на плечи иней. Хорошо было дышать возвращенной зимой. Зима была возвращена ему, как и вся его жизнь. Скоро он вернется назад на Уссури. Чем закончились бои, и кто из товарищей уцелел и погиб? Белка стрекотала на высоком дереве. Она обедала кедровую шишку и сыпала вниз шелуху. Охотник остановился. Собаки, тащившие нарты, сели. Белка перелетела на соседнее дерево. Ее пушистый хвост был растянут. Выстрел далеко побежал по распадку. Пушистый зверь, сбивая при падении иней, свалился на снег. Пуля попала ему в черный глазок. Другой глазок уже смертно затягивался пепельной пленкой. Охотник отряхнул с белки снег, провел рукой против шерсти, чтобы поглядеть подшерсток, и привязал ее к поясу. Собака опять нюхала след, и они тронулись дальше. Все было просто, как вся жизнь охотника.

Дементьев снова думал о своем возвращении. Борьба еще не была решена. Приморье было в японских руках. Красная армия двигалась от Читы, судьба Дальнего Востока должна была решиться в эту зиму. Через неделю они вернутся на Уссури. Может быть, дал уже знать в родное село Игнат Прямыков, чтобы не ждали его, Дементьева, возвращения... Мертвая белка болтается у пояса охотника. Он следует позади не-

го, и ему даже не жалко этого только что стрекотавшего веселого зверя. Сэрми Заксора насторожены на соболиной дорожке. Охотник высмотрел проплетанные ими тропинки. Надо на дереве над такой соболиной тропинкой прикрепить лук — сэрми. Тугая тетива натягивается на курок, и железное острие стрелы обращено к земле. Соболю любит бегать по лежащим в тайге деревьям. Вот сваленное дерево, которое он не пропустит на своем пути, вот снова тропинка. Тоненькая веревочка, спущенная от курка самострела, перегораживает ему путь. Она привязана к торчащему из-под снега стеблю или вбитому кольишке. Соболю сразбега налетит на веревочку, и сорвавшаяся с курка тетива с силой метнет стрелу в его голову. Множество соболиных следов обозначились на свежем снегу, и повсюду насторожены сэрми охотника. Были еще у него расставлены и другие ловушки. Срубленные деревья лежали поперек ям и рвов. Такая же веревочка, которую соболю на-бегу толкнет грудью, обрушивала на него подвешенное искусно бревно.

Охотник оставил собак в стороне, и Дементьев вместе с ними пошел осматривать ловушки. Два сэрми были нетронуты. Под третьим, издадека еще, увидел он на снегу что-то темное. Сердце его забилося. Впервые участвовал он в охоте на соболя. Они ускорили шаг. Приколотый сорвавшейся стрелой к земле, лежал мертвый зверь. Рыжеватая шерсть его длинного тела была присыпана снегом. Возле ранки вырос темно-красный оледеневший бугор. Заксор поднял зверя и плюнул. Соболю опять надсмеялся над ним. Это был колонок, похожий на соболя зверь. Заксор с досадой ударил им несколько раз о колени, стряхивая с него снег.

— Сефэ¹ надо... на чорта цольци². Мало стало сефэ... на Даубихе, Сандуху далеко итти надо!

Он привязал колонка тоже к поясу. Они обошли еще несколько сэрми, всюду было пусто. Тут Дементьев увидел

еще одну ловушку на соболя. Волосная петля была привязана к верхушке нагнутого дерева. Соболю попал головой в петлю, наклоненное дерево сорвалось с зацепки, и так он и остался висеть на нем, как странный и уже заиндевевший плод. Дементьев помог наклонить дерево, и охотник вынул зверьку из петли. Это был тощий, почти пепельный соболю. Охотник разочарованно оглядел его мышинного цвета шерсть. Не было серебристой проседи на его спине, и скудная шерсть обозначала, что соболю был болен или голодал.

— Плохой сефэ, — сказал охотник с досадой. — Назад итти надо, сегодня больше ничего взять нельзя.

С небогатой добычей вернулись они домой в этот день. На следующее утро Дементьев не пошел на охоту. Он остался один в шалаше. Охотники были увлечены ходом белки. До самого вечера они не вернутся. Он лежал на нарах, смотрел сквозь отверстие крыши на небо и тосковал. Он вспоминал бой в тайге, удар в плечо, который его опрокинул, желтые околыши фуражек между деревьев... Пока были силы, он бил по ним. Потом от боли в плече он лишился сознания. Товарищи его потеряли. Что стало с ними, — может быть, была это только разведка, за которой двигались японские силы? Он скрежетал, как от боли, зубами. Он вспоминал еще утро, когда охотники подобрали его. Он был слаб от потери крови и ощущения смерти. Собаки поволокли, как поклажу, его обессиленное тело в тайгу. И вот он здесь, в охотничьем доме. Все, что было позади, кажется отделенным годами. Утро сменяло ночь, и он потерял счет времени. Новых товарищей приобрел он в тайге. Он привык уже к их нраву, к их заботе о нем, к их обычаям. Немного людей из их племени осталось на Уссури. Год за годом разоряли охотников скупщики, спаивали их водкой, приучали к отраве опиума. Опиум приносили китайские купцы из Манчжурии. С русской водкой состязался ханшин. Его готовили из чумизы, дурманное и пахучее зелье, от которого человек сразу теряет рассудок. Охотники в стойби-

¹ Сефэ — соболю.

² Цольци — колонок.

щам не знали ни воровства, ни обмана. Припасы в охотничьем доме оставались открытыми. Охотник у охотника ничего не возьмет, и только большая нужда может заставить его взять на время припасы. Охотники верили в цены, которые назначали купцы, отдавали за кусок ткани соболя, и китайские и русские скупщики готовно оставляли охотнику в долг дешевые свои и ходовые товары, чтобы в следующую зиму взять за них всю добычу. Так год за годом закабалялся охотник.

Кочевье и суровая пустыня тайги приучали их глаз видеть то, что было недоступно его, Дементьева, глазу. Вот соболя оставил свои двойные следы по снегу. Он не бежал, как другие животные, а шел скачками, и задние его лапки коготь в коготь попадали в следы передних. Вот шелуха об'еденных шишек обозначает ход белки. Легкий иней сыплется между деревьев — это белка приглядывается к движению людей сквозь тайгу, и любопытства в ней больше, чем страха. Ее голубой мех слит со снегом, и только иней, который она сыплет вниз, выдает ее охотнику. Жизнь приспособила его для борьбы с тайгой. Тонкие и длинные лыжи имеют два волнообразных изгиба, чтобы нога охотника не надавливала на снег в одном месте, и на лыжах этих можно легко двигаться в оттепель и после больших снегопадов. Чулки сшиты из рыбьей кожи, это предохраняет от сырости ноги. Шапка из меха кабарги имеет спрятанные внутрь наушники, и их можно выпустить при сильном морозе. Спичек у охотников оказалось с собой мало. Несколько своих коробков Дементьев потерял вместе с вещевым мешком. Заксор свил из лыка тугую веревку и густо вымочил в свежей крови освеженных белок. Веревка пропиталась кровью и высохла. Теперь, если заткнуть ее за пояс и поджечь при выходе из дома свободный конец, веревка будет медленно тлеть, как трут, и у охотника на много часов есть с собою огонь. За три недели в тайге Дементьев узнал множество сноровок охотников. Следы зверя были для них, как напечатанные на выпавшем свежем снегу страницы

книги. Вот соболя бежал скачками по тропе, и его следы надо искать далеко на запорошенных снегом лежащих деревьях. Вот лисица петляла вдоль леса. Ржавая дырка в снегу и разметанная пушистым хвостом сухая пороша говорят, что она стояла на опушке и нюхала воздух. Теперь отсюда надо дальше разбирать ее след. Рябчик насыпал затвердевший на морозе помет, — примороженная брусника осталась еще на скатах оврагов, где не держится снег.

Раз, когда охотники вернулись с охоты, Заксор сказал, что может теперь проводить Дементьева до Уссури. Рана его зажила, и человек может снова взять в руки ружье. Снегу много выпало в горах, дни стали коротки, и до Уссури придется идти пять полных солнц. Белка движется еще полным ходом по кормовым лесам, и охотник проводит Дементьева до Уссури и вернется обратно в горы. Красные гонят японцев с Амура, и это дело важнее сейчас, чем всякая охота. Красные прогнали китайских купцов, и нанай хочет теперь охотиться и ловить рыбу для себя и для своей семьи, а не для других. Нанай не может драться на войне, очень мало мужчин осталось у нанайского народа, но нанай-охотник хорошо знает тропы через Сихотэ-Алинь и может, если понадобится, провести красных до самого моря. Скоро красные дойдут до самого моря, и тогда ни один из японских людей не останется на Уссури, и ни один китайский купец не придет из Манчжурии обманывать охотника.

Огонь очага освещал блестящие их глаза, и людям этим можно было верить. Утром охотник повел Дементьева через сопки. Большая зима была уже на Уссури, и вороны кричали, как кричат они обыкновенно перед крепким морозом. Быстрые горные ручьи были в дыму. Первую ночь ночевали в палатке. Они прижались потеснее друг к другу и заснули, как сородичи, в этой тайге. Утром они двинулись дальше. Юкола служила им пищей. Ближе к жилым местам охотник не хотел стрелять зверя, — может быть, японские люди ходят еще в этих местах. Так шли они три полных солнца. Кожа на лице потреска-

лась от мороза и северного ветра. На четвертое утро с вершины сопки открылась Уссури. На реке был уже лед. Но из высоких труб стойбища мирно поднимались дымки. Дымки означали, что в домах горят очаги и люди греются на теплых канах¹.

Они спустились с сопки и обошли луговинной стойбище. На берегу реки стоял полукруглый летник. Его берестяные листы, перетянутые веревками, местами оторвал ветер. Здесь охотник оставил Дементьева. Он должен был прежде сам побывать в стойбище, чтобы узнать про все дела. Дементьев остался один в летнике. Ветер задувал в его щели и хлопал оторвавшимися берестяными листами. На месте очага еще остались зола и чешуя рыбы. В отверстии для дыма было видно свинцовое небо. Низкие облака неслись с севера. Два года назад, семнадцатилетним, вместе со старшим братом Игнатом Прямиковым и другими своими однолетками он ушел воевать. Партизанское движение охватило Амур. В селах не оставалось ни мужчин, ни подростков. Все были под ружьем, и тайга давно заменила дома родного села. Он ринулся вместе с другими, но понимание целей пришло позднее. Цели теперь были ясны даже этим нанайским охотникам, которым он обязан был жизнью. Мир раскололся на две половины, и на одной были — освобождение родного края и будущее; на другой — семеновский карательный отряд, пришедший раз в казачье село для расправы, кровь убитых, опозоренных, замученных, закопанных в землю живыми — товарищей; тысячи могил, тысячи смертей самых ему близких и нужных людей... Он видел, как пришли хозяевами в родной его край маленькие, с желтыми околышами фуражек, похожими на лампасы уссурийских казаков, японцы. Он помнил всадников отрядов Семенова и Калмыкова: угрюмый чуб, выпущенный из-под надетой набок фуражки, плетка у ног, которой можно наотмашь бить в лицо, и лихая кавале-

рийская повадка на мелкорослом забайкальском коньке. Дикие песни загулявших голосов, разбиваемые стекла окон, драка на церковной площади, сверканье клинков выхваченных в пьяной удали шашек и всхлипы растянутой доотказа гармоники. Лавиной вторгалось все это в казачье село на Уссури. Развращенное войной, водкой, хмельное от крови, от бабьего визга, от запуганных насмерть людей, оно ждало только клича грабить, насиловать, жечь. Все это хорошо знал он; Петр Дементьев. Много могил было насыпано за эти годы на Дальнем Востоке. Много товарищей схоронил он в грубую и жесткую землю тайги. За два года войны он возмужал, огрубел и по-мужски раздался в плечах. Некогда русые его волосы стали темнее и жестче, да и всего его как-то грубее сбили годы. Из родного села пришла весть, что умерли от тифа в один месяц его мать и младший брат Митька. Старший брат умер раньше от раны, полученной в боях под Читой. Борьба была еще не решена, и, сидя в берестяном летнике, глядя сквозь отверстие в крыше на низкое зимнее небо, Дементьев готовился к возвращению.

Скоро стало темнеть. Охотник не возвращался. Может быть, японский отряд давно занял стойбище. Тогда нужно снова уходить в горы без пути и без пищи. Он опять ощутил то же чувство, какое испытал, прижавшись к стволу упавшего дерева, скрипя зубами от боли в плече и дожидаясь смерти. Когда совсем стемнело, он услышал легкий скрип снега. Человек шел на лыжах, и так легко мог идти только охотник. Потом берестяной лист, прикрывавший вход в хоморан¹, отогнули, и Заксор пролез в летник. Теперь, отдышавшись от бега, можно было рассказать много новостей. Японцев в стойбище нет, красные сильно побили их возле Ина, и Хабаровск и Иман тоже взяли красные. Два белых начальника бежали со своим войском в Манчжурию. Княжевское тоже занято красными, и туда отсюда полтора солнца хода. Все это рассказал он ему в шалаше. Дементьев

¹ Канаы — нарды, под которыми проходит отопление.

¹ Хоморан — летний балаган из бересты.

слушал его, и это было во второй раз в его жизни, когда он заплакал.

— Ты даже не понимаешь, как много ты для меня сделал, Заксор, — сказал он и обнял охотника за плечи.

— Нанай много разных дорог знает к Иману. Есть дорога через сопку, можно идти берегом, как Дементьев хочет. Заксор проводит Дементьева до его людей и уйдет обратно помогать Актанке бить белку. Теперь пойдем, в фанзе теплее, чем в хоморане. Юкола, табак есть. Ни один нанай не обидит.

И он повел его снежной луговинной в стойбище. В крайней фанзе Дементьеву отвели лучшее место на канах. Каны были теплые, и простые охотники сидели вокруг, курили трубочки и слушали рассказы Заксора о том, как они нашли раненого человека в лесу, как взяли его с собой в тайгу, как он лежал в унтэха и как он поведет теперь его к Иману. Дементьев разрывал зубами красноватую юколу, потом ему налили стаканчик водки, которая нашлась у хозяйина. Его уставшее тело наполнилось теплом, он был жив, рана на его плече зажила, и широкой ледяною дорогой лежала внизу стойбища река его детства. Он знал ее разливы, птиц, которые селились на ней, все ее запахи, все ее краски. Люди, сидевшие вокруг него, были ловцы и охотники, и простым охотником был человек, который вывел его на эту казавшуюся ему утраченной дороге. Они были связаны теперь дружбой на целую жизнь, и никакие годы и предстоящая разлука не могли ничего изменить в ней.

IV

И годы эти прошли, и незачем даже считать, сколько их набежало с тех пор. Вот снова сидит он, Дементьев, в доме охотников. Теплые каны греют сквозь постланные камышевые циновки. Время не изменило Заксора, только грубые морщины наложили непогоды и суровая жизнь охотника на его лицо. Да соболиным хребтовым серебром тронуло поверху все еще блестящие и угольно-черные его волосы. Многие еще

следует вспомнить, сидя друг против друга; но тогда на это надо потратить не один долгий вечер. Только на лице Актанки можно сосчитать прошедшие годы. Было ему уже пятьдесят пять лет, коричневая кожа гладко обтянула поредевший лоб, и неправильно росший зуб торчал из угла его рта.

— Так, так, — сказал Дементьев, наконец. — Значит, ты председатель колхоза?

— Я — председатель колхоза, — подтвердил Актанка. — Ты знаешь, сколько колхоз сдал рыбы в этом году? Смотри сюда. — Он достал из портфеля клеенчатую тетрадь. — Вот гляди. Это — план, это — сдача. Теперь видел? Мы на соревнование два стойбища вызываем возле Малмыжа. Нанай никогда прежде так не работал. Ты его спроси. — И Заксор подтвердил, что прежде нанай никогда так не работал. — Ты радио в стойбище раньше видел? — спросил Актанка еще. — Не видел. Теперь можем пойти, я тебе еще пекарню покажу. Пусть Заксор скажет, была раньше корова в стойбище? Не была. Теперь есть молоко. Есть двенадцать коров. Ты школу видел? Ты ничего не видел! — сказал он укоризненно.

Надо было еще множество дел рассказать про колхоз, и Дементьев узнал, что большой ход белки был в прошлом году, и охотники купили много товаров. Колхоз получил благодарность от Рыбаксоюза за перевыполнение плана. Кроме того, премировали быком. Бык большой, племенной, настоящий зверь. Можно пойти посмотреть быка.

— Постой, постой! — Дементьев смеялся. — Так мы никогда не кончим. А мне нужно ночью уехать назад. Мы потом пойдем, и ты это все мне покажешь. — Он прошелся по фанзе. Там, где обычно стояли в нанайском жилище сеоны, теперь чернел репродуктор. Охотники сидели на канах, маленькие их трубочки дымили. — Вы от Амурского пароходства должны были получить телеграмму, что я собираюсь заехать в стойбище, — сказал он снова.

— Вот телеграмма, — ответил Актан-

ка и полез в портфель доставать телеграмму. Старик любил документы. Ему нравилось доставать каждый раз из большого своего портфеля ту или другую бумагу в подтверждение.

Дементьев выждал.

— Я приехал по делу, и вы должны мне помочь, — сказал он затем. — Мне нужен нанай-охотник с собой, на всю зиму. Мне нужен охотник, который хорошо знает тайгу. Заксор хорошо знает тайгу. Пусть колхоз его отпустит со мной. Я сейчас объясню, для какого дела.

И он рассказал им о воде, которой нехватает для железной дороги. Охотник нужен ему, потому что в тайге есть много примет, которые знает охотник и которые могут помочь найти воду.

Охотники курили трубки и слушали.

— Заксор — первый охотник в колхозе, — ответил Актанка наконец. — Вот какое дело. Сейчас охота впереди, как уйти? Пускай решит правление колхоза.

— Ну, с правлением колхоза я берусь уладить. Дело это для государства, — сказал Дементьев. — Пусть только скажет Заксор, согласен ли он ехать со мной?

Это надо было обдумать. Охотник никогда еще не уходил так далеко из стойбища. Но пароход стоит у берега, и Дементьев приехал за столько верст, что нужно пять солнц ложиться спать и вставать, чтобы добраться до этих мест. Вот как издалека приехал за ним Дементьев. Значит, охотник нужен ему, и это сейчас важнее всех других дел. А главное, Дементьев живой сидит перед ним, и они обещали друг другу помогать в жизни. Вот теперь такой случай представился, и, значит, нужно идти с Дементьевым. Кроме того, он увидит большой город Хабаровск и прокатится в поезде по железной дороге. С правлением колхоза Дементьев уговорится сам. Остается хлопнуть ладонью по ладони Дементьева. Охотнику недолго собираться в путь. И если не надо ему брать со собой нарты с собаками и припасы, нужные для охотничьей жизни в горах, то это совсем просто. Ружье и

зимняя одежда готовы, а места в кочевой своей жизни менять он привык.

— Ну, вот колхоз дает нужного тебе человека, — сказал Актанка. — А что ты даешь колхозу? — Он был председателем и стоял на страже интересов колхоза. — Возьми помогать школе. Учебников прислали двадцать штук, а школе нужно шестьдесят штук. Надо подтолкнуть в Хабаровске. Тетрадей тоже мало и карандашей мало. Детям рисовать плохо. Говорят, есть еще карандаши разного цвета, синие, зеленые и красные, такие карандаши тоже хорошо было бы иметь школе.

И Дементьев обещал похлопотать насчет учебных книг, тетрадей и карандашей. Главное было сделано, — неопенимого проводника по тайге он имел.

— Ну что же, можно пройти теперь в школу, — сказал он довольно. — Есть у меня один хороший парнишка. Он будет тебе в помощь, Заксор. Его сестра работает учительницей у вас в школе.

— У нас две учительницы, — ответил Актанка с достоинством. — Есть Пейкель, есть Маркова.

— Ну, значит, Маркова.

— Хорошо, пойдем к Марковой. Сначала я покажу тебе коров.

И они вышли все вместе из дома. Сентябрьский вечер стоял уже над стойбищем. Высокие трубы дымили, и красный от заходящего солнца Амур сливался с небом. Актанка шел чуть впереди, как хозяин. В амбарах лежала заготовленная на зиму рыба. Коров загнали уже на вечер в загон, и к запаху рыбы примешивался теперь запах парного молока. Все двенадцать коров стояли и лежали в загоне.

— Вот коровы, — сказал Актанка. — Видишь? Я тебе могу показать аттестат. Эту корову привезли издалека, с севера. Все племенные.

И он подставил колено под портфель, чтобы достать бумагу, в которой были обозначены породы коров. Но коровы — это еще не все. Пекарни в стойбище тоже никогда прежде не было. В ней только-что кончили выпечку хлеба, и теперь к небывалому в стойбище запаху молока прибавился небывалый запах

печеного хлеба. Так они шли через стойбище, и Актанка показывал хозяйство колхоза.

Алеша с парохода поднялся по крутому берегу к школе. Аниська жила в доме при школе. Три года он не видел своей сводной сестры, и за три этих года оба они стали взрослыми. Как-то именно в эти годы отошло назад детство, и юность строго заступила ее место. За эти годы Аниська окончила педагогической техникум и стала учительницей. Что потянуло ее сюда, на Амур, далеко от города и железной дороги, в глухое стойбище? Была она для него той же веснушчатой проворной Аниськой, с которой вместе гребли на реке, ходили собирать клюкву и голубику и делили все детские обиды и радости... Теперь такие же дети, какими были еще недавно они сами, окружали Аниську, и это больше всего говорило, что детство далеко позади.

Алеша не был никогда раньше в стойбище. Дома были разбросаны в гору. Возле каждого дома стоял амбар на сваях. В амбарах хранились припасы и снаряжение охотников. Сваи предохраняли амбары от грызунов и воды. На сваи некоторых амбаров были надеты жестянки из-под керосина. Если мышь взбиралась по свае, она соскальзывала с жести и падала на землю. Пласты разделанной юколы вялились на вешалах. Лучшие части рыбы были для людей, головы и хребты — для собак. Возле каждого дома лежали собаки. Они лежали спокойно и не лаяли на проходящего. Были у них другие обязанности — собаки служили помощниками охотнику в его кочевой трудной жизни. Двери в дома были открыты, и Алеша заглянул в одно жилище. Мужчин в доме не было. Старуха сидела в стороне, курила трубку и перебирала на большом берестяном блюде кисти проса — буды. В стороне молодая женщина трудилась над разостланным листом бересты. Двое детей играло на полу. Вода в котле над очагом, готовая для проса, дымилась. Старуха продолжала перебирать просо и даже не подняла на вошедшего глаз. Если человек вошел в

дом — значит, у него есть дело, и он сам скажет, что ему надо.

— Как пройти к школе? — спросил Алеша.

Старуха не торопилась с ответом, и он успел хорошо осмотреть жилище. Несколько сундуков стояло у стены друг на друге, и на них лежали аккуратно сложенные ватные одеяла. Кроме сундуков, в доме было еще много берестяных коробок с вырезанными на них узорами, делать которые были мастерицы женщины. Вокруг всего жилища шли кань, служившие для сидения и для спанья. Дымоход от очага был проведен под канями, и кань всегда были теплые. Но больше всего заинтересовала Алешу работа женщины над листом бересты. Женщина была очень молода, и ее две блестящие черные косы были туго скручены по обеим сторонам. Острым узким ножом она быстро вырезала рисунок на сложенном вчетверо листе бересты. Алеша едва мог уловить в быстрых и уверенных линиях очертания каких-то фантастических птиц и рыб. По временам она нажимала подбородком на нож, и это обозначало изгиб крыла или клюва. Потом женщина расправила лист бересты, смахнула вырезанные частицы, и непонятный сначала рисунок, повторенный четырьмя ожил. Птицы, похожие на петухов, сидели клювами друг к дружке, и две узорчатые рыбы под ними закругляли свои двойные хвосты. Все это была обвита рамкой из листьев и завитков, сплетавшихся в стройный и выверенный глазом орнамент. Но в зыбке заплакал ребенок, и женщина оторвалась от работы и показала Алеше в раскрытую дверь на дом, который стоял выше всех.

— Вот скола, — сказала она, словно только-что он ей задал вопрос.

И он вышел из дома и направился к школе. Крылатые птицы, вырезанные искусной рукой, дополняли теперь для него нехитрый вид этого стойбища. Три года прошло с той поры, когда он в последний раз видел Аниську. Вот он снова сидит перед ней и смотрит в повзрослевшие серые глаза своей сверстницы. Только нос у нее все такой же весну-

щатый, как в детстве, — смешливый и любопытный нос, по которому любил небольно он щелкнуть. Да мелкие белые зубы, по-мышиному разгрызавшие самые тугие орехи с орешника.

— Вот, Алеша, я тебя не ждала-а, — сказала она нараспев. — Да ты какой здоровый стал... настоящий бычище.

И опять не могли строгие губы учительницы сдержать давней детской и плутоватой улыбки. Нет, была еще девчонка Аниська, несмотря ни на что! Но сейчас же она согнала несвоевременную эту смешливость и прошла по учительской своей комнате.

— Я все думала к отцу летом съездить, да никак не пришлось, — сказала она. — Мы тут взялись организовать женскую секцию, и большую работу пришлось провести среди женщин.

— Ты, что же, надолго сюда забралась, в стойбище? — спросил Алеша.

— Надолго, Алеша, — ответила она серьезно. Детское выражение ее лица гладилось, и опять были по-взрослому сосредоточены серые глаза. И даже рыжеватые косицы волос перестали уже походить на лисьи смешные девчоночьи косицы.

— Работы здесь много, Алеша, непочатый край, — сказала она снова серьезно. — И я тебе скажу, что меня сюда потянуло. Видишь ли, в техникуме я много прочла по истории нанайского народа. История эта невеселая, и даже названия-то настоящего у него до сих пор не было. Звали их и ходзенами, и тазами, и гольдами... каждый на свой лад. Это маленький, но мужественный и способный народ. И охотники замечательные, и природу умеют читать, как книгу, и художники большие... ты только на орнамент их посмотри. — Алеша снова вспомнил, как появлялись крылатые птицы из-под ножа художницы. — А вся их история, это—история вымирания. У меня вот есть тут таблицы... я тебе могу показать. Вот гляди: в Хабаровском районе за семнадцать лет по тысяча девятьсот пятнадцатый год вымерло двадцать четыре процента, в Никольско-Уссурийском — семьдесят восемь, и в Николаевском районе — девяносто один... Девяносто один, ты это

можешь понять? Все племя вымирало, кончалась целая его история... а ведь, наверное, этому племени тысяча лет!

Она волновалась и ходила по своей комнате. На столе ученические тетради, большие толстые книжки, которые одолевала учительница, на стене карта Союза и обведенные красным карандашом границы Дальне-Восточной области. Алеша невольно прищурился—так широк был разбег карандаша.

— И всю жизнь этот народ обманывали, — продолжала Аниська.— Пользовались его доверчивостью, тем, что не привык он к обману и злу, — и обманывали, и спаивали, и заставляли работать на себя людей этого маленького и благородного племени. Все: и китайцы-купцы, и русские-купцы... и никто не заступался, и кому оно было нужно — это племя охотников? И вот теперь все изменилось, и ты не знаешь, какое это счастье видеть, что все изменилось! И ты подумай, Алеша: страна огромная, народов в ней десятки, и каждый из этих народов получил свое право на существование и участвует во всей жизни страны! И вот я изучила немного язык, чтобы стать здесь учительницей. Для начального обучения моих знаний хватает, но я все время учусь дальше и могу уже говорить... может быть, не очень свободно, но все-таки говорить! Разве это не замечательно видеть каждый день, как народ оправляется после векового своего унижения.

Слегка по-книжному говорила Аниська, слишком много и жадно прочла она книг, но Алеша даже удивился неизвестному до сих пор блеску ее глаз.

— А ты разве не находишь, что я правильно поступила... учителей по этой специальности мало, и мало кто хочет ехать сюда!

Было в этом желании остаться работать здесь нечто от отцовской уверенности, что и пост бакенщика на реке — сторожевой пост, и огни, которые зажигает он на берегу, указывают дорогу не одним пароходам. Коренилась в этой таежной уссурийской земле упрямая цепкость побегов. Выкорчуй пни, распахни место и запусти его на месяц-другой, и буйно уже травы и корни заплетут

это место, прорастут вверху, сплетутся в непроходимую чащу. Тогда снова беря топор и снова врубайся в сердцевину.

— Если выдержишь и не уйдешь, — значит, правильно.

— Нет, не уйду, — ответила Аниська, с каким-то новым вниманием приглядываясь к знакомому и обветренному за лето лицу Алешки. — А ты думал, я это наспех решила?

Из окна было видно, как темнел и выцветал Амур. Красные краски выгорали, желтизна лежала на его широком просторе. Потом стала выцветать и она. Острый молодой месяц оторванно висел в небе. И только бежала вода, свиваясь от быстрины в воронки. Это был Дальний Восток, край, в котором он, Алеша, родился. И Алеша почувствовал вдруг, как от этой решимости Аниськи, от всего этого вечернего мира на реке, от туманных и еле различимых сопков на другом берегу, от счастья работать для своего края, — как хочется ему жить! Маленькая Аниська, которая говорит ему эти серьезные, большие слова, отец со своей прямиковской упорной решимостью, Дементьев, берущий его, Алешу, с собой для первого и трудного испытания, — все это надежно окружает его на первых шагах его жизни...

— Я ведь тоже выбрал для себя далекие места. Я в эту зиму в Хабаровске не вернусь, — сказал он погодя. — Будем в тайге искать воду.

И он рассказал Аниське все о Дементьеве, о вечной мерзлоте и о поисках воды в ней. Аниська слушала его. Они сидели теперь рядом, и Алеша чувствовал своим крепким плечом ее худенькое и хрупкое плечико. Так же плечо к плечу сидели они в большой отцовской лодке, и вода протоки несла их нивесть куда, мимо луговин с тальником и мимо синих сопков, за которыми лежал другой мир... Прошло всего восемь лет с той поры, и у каждого из них своя дорога жизни.

— Как я рада, Алеша, что ты захал сюда, — сказала Аниська. — А то бы вот уехал и не простился, и опять на три года...

Она видела теперь близко темноватый пух на его лице, обещавший скоро усы — у него, у Алешки, усы! Большое его ухо, в которое в детстве превесело было засовывать соломинку, чтобы он отгонял рукой неуловимую и надоедавшую муху, и стриженная его круглая голова.

— Нет, здоровый ты стал... бычище, — подразнила она.

— Да и ты тоже...

— Ну, что, что? Скажи.

— Бурундучиха... — нашел он не сразу.

— Э, Алеша... слабовато, не то!

— Ну, рыжая, как бурундучиха... только полос нехватает.

— Ну, какая же я рыжая... ну, посмотри!

Она трясла головой и закидывала наперед, на лицо, рыжеватые сухие свои волосы. Оба хохотали теперь и толкали друг друга. Маленькие кулачки молотили по широкой Алешкиной спине.

— Ну, погоди же... бурундучиха! Я тебе покажу. — Он перехватил Аниськины руки и крепко сжал их в запястьях. — Ну-ка вырвись... попробуй.

— И не буду вырываться, — сказала она спокойно и вдруг поцеловала Алешу в облупленный нос... Он отпустил ее руки. Она поправила волосы. — Учительница, Анастасия Маркова, — сказала она и показала самой себе в зеркало язык.

Давно так счастливо не чувствовал Алеша себя, как в эту встречу с Аниськой. Как бы всей своей шумной молодостью благословили они друг друга на трудный предстоящий обоим путь. Такими повеселевшими и счастливыми нашел их здесь Дементьев.

— Вот учительница Маркова, — сказал Актанка. — Есть еще другая учительница, Пейкель. Мы к ней тоже зайдем. Пусть Маркова скажет, каких нехватает учебников и сколько нужно тетрадей.

Дементьев сел и посмотрел на Аниську.

— Вы знаете, какой я вас еще знал? — сказал он, прищурившись и как бы прикидывая на вес худого этого рыжеватого цыпленка. — Вы еще ростом с бутылку были... вот когда знал.

Ваш отец в третьем доме от нашего жил. А вы меня даже не знаете.

— Фамилию знаю, а так не знаю, — ответила Аниська, краснея.

— Ну, братец ваш, наверное, уж меня расписал... он теперь в моей власти.

Дементьев Аниське сразу понравился. Так Актанка и не успел показать всех достижений. Надо было еще договориться в правлении колхоза, чтобы отпустили охотника. Алеша и Аниська должны были дожидаться Дементьева на пароходе.

— Хорошо, — сказал Актанка. — Теперь пойдем к другой учительнице Пейкель.

— Нет, друг, теперь пойдем в правление колхоза, а после на пароход. Когда-нибудь приеду еще и все посмотрю.

И Актанка, огорченный, что Дементьев так и не осмотрел школы, повел его в правление колхоза.

Необычное собрание собралось в ярко освещенном салоне. К десяти часам принес Заксор на пароход свои ружья и мешок. Это было все походное его снаряжение. На заседании правления Актанка выторговал взамен охотника, которого они отпускали, чтобы Дементьев хорошо поднажал в наробразе насчет учебников и тетрадей для школы. Теперь Заксор сидел за общим столом и пил чай. Все пили чай — Актанка, еще два члена правления — Гейзу Киле и Ваоли Гейкер — и Аниська, и Алеша, и Дементьев. Большое блюдо с печеньем стояло на столе и тарелка с конфетами, и масло, и хлеб, — нет, богато провозжали сородича охотники. Актанка пил третий стакан чая. Лицо его блестело от пота. Он был здесь старший, и надо было показать другим, что он ценит гостеприимство.

— Так, — сказал он, наконец, и отодвинул стакан. Другие охотники тоже отодвинули стаканы, — чаепитие было окончено. — Заксор уходит. Будет работать государственное дело. Весной придет — даст колхозу отчет.

Заксор сидел, опустив голову, — говорили о нем. Радовали его пароход с большими и шумными колесами и

предстоящие дела, для которых понадобился он, охотник из далекого стойбища. Одна тайга не похожа на другую, но лес шумит везде одинаково, и ручьи текут одинаково с гор, и после зимы наступает весна. Алеша в первый раз видел близко охотников. Вместе с одним из них предстоит ему теперь отправиться в тайгу искать ключ. Дементьев давно идет по главной дороге, и охотник прошел много таежных троп, и даже Аниська имеет уже свою цель жизни. Только он еще у самого начала пути, который надлежит ему сделать своей дорогой... Шел уже двенадцатый час, и было время прощаться. Охотники поднялись и подали по очереди руку Дементьеву. Затем они так же подали руку Заксору.

— Падэм дэрэ ди гру¹, — сказал за всех Актанка.

— Падэм энур², — ответил коротко Заксор.

Он оставался на пароходе, и, значит, должен был пожелать уходящим счастливого пути. Таковы были правила. Теперь была очередь Аниськи.

— Ну, что же, пожелайте брату найти богатый источник, — сказал Дементьев. — Найдём воду, это ему для техникума очень поможет. Неоценимая практика.

Он остался с Заксором на пароходе, а Алеша пошел проводить сестру до дому. Острый молодой месяц, налитый и округлый, как рог, стоял над Амуром. Река блестела чешуей своих быстрин и воронок. Одинокая оморочка с огоньком на носу двигалась вдоль берега стойбища. Все было прозрачно, полно осени, последнего ее тепла, синевы лунной ночи. Алеша шел с сестрой в гору. Много хотел он сказать ей в эти последние минуты перед их расставанием. Нет, не толкали они уже друг друга на ходу и не придумывали нелепые прозвища. Детство их прошло, и юности предстояли первые испытания. Сумеет ли он, Алеша, оправдать доверие Дементьева и стать нужным человеком для страны, для больших ее дел?

¹ Счастливо сидеть (оставаться).

² Счастливого пути.

— Ну, так как же, Алеша, уходишь? — спросила вдруг Аниська подетски.

Они поднялись на пригорок и стояли теперь друг подле друга.

— Тебе хорошо, Аниська, — сказал он, — ты уже нашла свою цель. А я еще ничего не нашел... но только вот, пока воды не найдем, не уйду! — добавил он упрямо.

Он расширенными глазами глядел теперь на ночной широкий Амур, на месяц, который тот нес в своих водах и так и не мог унести, на далекие, слытые с ночью очертания сопок.

— Воду вы найдете, — сказала Аниська так убеждающе-просто, что он сам удивился — как в этом он мог усомниться? — Кто ищет, знает общую цель, тот всегда находит. — Она взяла его за руки. — А в будущем году в техникум. Станешь инженером со временем. — Были сейчас маленькие руки Аниськи сильнее его рук. — Ну, до свиданья, Алеша. Будущим летом приеду к отцу. Там встретимся.

Он обнял ее и поцеловал в губы.

— До свиданья, Аниська.

Он шел теперь один мимо домов стойбища. На душе у него было легко. Маленькая рука, пожавшая на прощанье его огрубевшую руку, дала ему эту легкость надежды и мечты. Вот снова он простился с Аниськой, может быть, на многие годы, но это походило не на разлуку, а на обещание встречи. Он сбегал вниз к пароходу, и камешки сыпались из-под его сильных ног. Нет, много ему еще предстоит одолеть крутых и трудных дорог, прежде чем он придет к своей цели!

Ночью пароход выкинул три коротких гудка и простился со стойбищем. Алеша проспал час его отхода. Когда он проснулся, уже пустынные берега с затопленным лесом проходили за окном его каюты. Поскрипывали двери, позвякивали хрустали люстр, — пароход шел полным ходом. Утренний туман стоял на берегу. Алеша оделся и поднялся на мостик. На помощнике капитана была овчинная шуба. Холодный ветер дул над Амуром. Низкие клочковатые облака неслись по небу. Амур сразу потем-

нел, как обычно в эту изменчивую пору осени. Алеша узнал знакомое большое село, рыбалку с бочками засоленной рыбы. Они были теперь близко от дома. Потом поднялся на мостик Дементьев. Вид у него был уже дорожный и деловой, кожаное пальто застегнуто на все пуговицы.

— Выспался, Алеша? — спросил он коротко.

Он торопился и был озабочен другими делами. Скоро показалась тесовая крыша отцовского дома. На Амуре штормило, и капитан хотел пройти Малмыж до большого ветра. В широком этом месте ветер поднимал опасную для парохода волну. Вдруг страшно заревело возле самого его, Алешина, уха—пароход дал гудок. Помощник капитана с хрустом повернул дважды ручку машинного телеграфа. Стало тише. Потом Алеша увидел на берегу знакомую фигуру отца. Лодка качалась под ним, и весла поднялись. Алеша смотрел на покидаемый дом. До сих пор он покидал его только на годы учения. Теперь впервые он уходил далеко, и позади были и детство, и эти ученические годы.

И вот отец стоит перед ним на мостике парохода. У ног его чехмоданчик с собранными наспех Алешиными вещами.

— Так нам и не пришлось потолковать с тобою, Игнат, — сказал Дементьев. — Капитан хочет до шторма пройти Малмыж. Прощайся с парнем, я его забираю.

Алеша глядел на черные брови отца, на черную его круглую голову, на знакомую бородавку на щеке, которую тот обходил осторожно во время бритья, — все знакомое, ставшее давно частью его, Алешинной, жизни.

— Ну, что же, прощай, сынок, — сказал Прямыков. — Товарища Дементьева слушай. Он тебя выведет на дорогу... а там приедешь, расскажешь, как и что...

Он протянул ему руку, и они ограничились рукопожатием, как взрослые.

— Вы обнимитесь... свои, — сказал Дементьев.

Его глаза щурились, и по тому, как они щурились, Алеша словно прочитал большое и надежное нутро человека.

Ему стало легко, как вчера после прощанья с Аниськой. Они обнялись с отцом.

— Аниська тебе кланяется, — сказал он.

— Ну, как она, успевает? — И больше ничего не спросил Прямиков о дочери и ничего не сказал ему, Алеше, на прощанье. Все было сказано и без слов, и они поняли друг друга. Знакомая лодка отчалила от парохода. Весла поднялись, и отец стал грести к берегу. Снова со звоном повернул помощник капитана ручку. Зашлепали плицы колес. Все шире становилось пространство, отделявшее от берега парход. Алеша стоял на мостике, стиснув до боли поручни. Вот отец причалил к берегу, вот легко спрыгнул на берег, вот привязал лодку. Алеша сорвал кепку и отчаянно замахал ею в воздухе. Все сильнее и сильнее был шум парходных колес, все меньше и меньше становилась на берегу фигура отца. Белые створы, в которых зажигает на ночь бакенщик фонарь, стоят на пригорке. Створы указывают путь судам на реке, и почетное дело зажигать этот сторожевой огонь. Все уходило назад и скрывалось в тумане. Позади — был дом детства, впереди — новая его, Алеша, жизнь. Штормовой ветер дул навстречу парходу.

Алеша скоро продрог. Он спустился с мостика на нижнюю палубу. На корме, засунув руки в рукава, с озябнувшим, покрасневшим лицом, сидел охотник. Так же как и Алеша, смотрел он на пустынные берега и на воду Амура, который покидал в первый раз в своей жизни.

— Ничего, Заксор, — сказал Алеша и сел рядом с ним на ящик с якорной цепью. — Вместе уходим и вместе вернемся назад.

— Зима будет рано. Гуси шибко летят, — сказал Заксор.

Алеша посмотрел и увидел гусей. Высоко под клочковатыми облаками летели они со сторожевым гусаксом впереди. Было в этом отлете гусей знакомое чувство прощания с летом, со всеми его радостями, бродяжничеством и мальчишеской жизнью, которая окончилась теперь для него навсегда... Так он сидел

рядом с охотником, глядя на опустевшее небо, и быстро неслись мимо них и свивались в воронки желтые и глубокие воды Амура.

V

Маленькая станция была выращена в скучный охровый цвет. Некогда построили дощатую эту хибарку на глухом забайкальском полустанке. Такая же тесовая слобода выросла близ станции через несколько лет. Защищенная в котловине от ветров, она готовилась со временем стать городом области. Но большим городом она так и не стала, а городишко получился неважный. Несколько улиц прорезали тайгу, и таежные березы подступали к домам, сервешим своим невеселым тесом. Вокруг рыжели мелким дубовым подлеском горы. Много пассажирских поездов проходило на восток и на запад мимо маленькой станции. Бывало это обычно ночью или на раннем рассвете. Редкий путник, страдавший бессонницей, смотрел тогда сквозь окно на невеселую и глухую забайкальскую станцию, на невзрачный ее и похожий на ящик вокзал, на синюю муть, в которой лежали домишки незнакомого города, и на широкую, в дыму тумана, реку с коротким названием Зезя.

Вагончик Дементьева отцепили через сутки пути на этой станции. Долго маневровый паровоз толкал его по запасным путям и поставил наконец в тупичок, возле штабеля сложенных шпал. Необыкновенные люди, однако, жили в этом непримечательном городе. Два часа спустя после приезда сюда привез Дементьев к себе в вагон седоватого, в овчинной куртке, человечка. Человечек был невысок ростом, с густыми пучками бровей, с обугленной трубочкой, которую посасывал он даже без табака. Он снял крепко пахнущую свою овчинную куртку и шапку. Седоватый хохол торчал на большом его лбу. Это и был тот самый профессор Черемухин, о котором говорил Дементьев отцу. С любопытством пригляделся Алеша к этому подвижному и с каким-то птичьим выражением очень черных и блестящих

глаз человеку. Дементьев дал тому оглядеться и пододвинул табак.

— Сегодня утром я вернулся из Хабаровска, — сказал он затем. — В основном подготовка изыскательских партий закончена. Буровые станки и насосы завезены во все пункты. Продовольствие также. Партию на участке номер четыре хочу пополнить вот этим парнишкой и нанайцем-охотником, которого разыскал на Амуре. Рекомендую вниманию.

Он развернул на столе карту железных дорог. Несколько красных стрелок обозначали направления партий. Прежним отрывистым и командирским голосом он произносил теперь короткие фразы. Это была старая карта Великого сибирского пути. На продольных профилях линии значились «безводные амурские участки». Черемухин покосился черным глазком. Карта была ему знакома. Тонкий скрюченный палец полез в коробку за табаком. Запахло табачным дымом, в вагоне стало уютнее. Это был старый служебный вагон с салончиком, с площадки которого можно обозревать путь. Вытертый линолеум липнул к подошвам. В салоне на большом столе, служившем и рабочим столом, и обеденным, отцветали несвоевременные в наступающей за окнами зиме голубенькие примулы.

— Нам даны жесткие сроки, — сказал Дементьев снова. — Я хочу узнать ваше мнение на этот счет.

Черемухин посасывал трубочку.

— Проблема, как известно, не новая. — Он прошелся на своих слабых ногах по салону. — Но методы изысканий новые. Темпы новые. Люди новые. Вот что определяет сроки. Поставим вопрос просто: есть на этих «безводных амурских участках» вода или ее нет? — Он пренебрежительно указал пальцем на разостланную на столе карту. — Старые изыскатели, даже американцы, которые были приглашены в свое время, отвечали коротко: нет. Есть ключи и реки, обильные водой в летнюю пору, но зимой они промерзают до дна. Мы говорим иначе: не все ключи промерзают, есть ключи с постоянным притоком воды, нужно только суметь ее

взять. В вечной мерзлоте есть свои линзы, талики, — добавил он, по-профессорски распространяя ответ. — Это, как бы сказать... вроде легких, которыми дышит земля. Вы правильно поступили, что обратились к местным людям. Все эти нанайцы и ороконы — прекрасные знатоки тайги.

Вслед за каждой фразой следовал клубок дыма из трубочки. Скоро в вагоне начало густо синеть. День за окном отступил, стало преждевременно сумеречно. Алеша сидел в стороне и смотрел на этого маленького и подвижного человечка. Вся его жизнь была отдана одной только цели. Нелюдимый, нерожающий, отвергнутый людьми край дышал для него своими великими законами, подземными ключами и будущим. В будущем должны были расти в этом краю цветы и травы, и птицы прилетать в его леса, как в любые леса, где вьют они свои гнезда.

— Сроки, сроки! — сказал опять нетерпеливо Дементьев.

Ему нужны были сроки, точная расстановка сил, организация работы.

— Охотиться на воду по-настоящему можно только в марте, когда вода в полном подборе. Критический водный период — с февраля и по май — решает всё. Вот сроки.

Дементьев вдруг улыбнулся. Ему нравился этот человек, его привычка глядеть бочком и это охотничье определение — охота на воду.

— Впрочем, я наглядно нарисую вам схему, — сказал Черемухин еще. Он быстро достал из портфеля тетрадь и нарисовал в ней несколько кривых и округлостей. — Вот это внизу — коренные породы, гнейсы. — Несколько крестиков обозначили коренные породы. — Отсюда, — он нарисовал кверху вкось несколько стрелок, — движение источника кверху. Ключ пробивается сквозь слой вечной мерзлоты, лежащей над коренными породами. Здесь он образует так называемую таликовую воронку. — Он зачертил косыми штрихами это место выхода ключа. — Из таликовой воронки он выливается на поверхность, и образуется наледь. По этим наледям мы и ищем его. Вечную мерзлоту при-

выкли считать мертвой пустыней. А в ней есть своя жизнь... со своими особыми законами жизнь!

Были в этом наглядном изображении схемы и в заключительном возгласе профессорская привычка к аудитории. Да и привык по-ученически запоминать эти необходимые для него сейчас сведения Дементьев. В багажной сетке его купе были навалены книги. Здесь были и многотомные труды Академической комиссии по изучению вечной мерзлоты, и исследования института по реконструкции железнодорожных путей, и труды инженерного института Наркомтяжпрома... Все это носило следы его изучения: загнутые страницы, карандашные пометки, восклицательные знаки. Карта железнодорожных путей тоже была одушевлена его пометками. Безводные участки были расцвечены стрелками, обозначавшими изыскательские партии. Его вагончик перекидывался от станции к станции. За пять месяцев Дементьев успел уже поставить несколько партий; забросить продовольствие и фураж; доставить буровые станки и насосы; подобрать людей. Он всюду побывал сам, сам уходил в тайгу, сам проверял график работ. Он должен был быть всегда в движении. Вынужденная остановка в пути казалась ему срывом работ.

— Я прошу вас, Александр Михайлович, учесть, что мы должны уложиться в отведенные сроки. То, на что у царского правительства ушли десятилетия, у нас сведено к месяцам. Таковы обстоятельства. Они вам известны.

Дементьев опять был немногословен и резок. Черемухин с интересом, казалось, разглядывал этого большого, не по размерам салончика, человека.

— Изучению проблемы вечной мерзлоты, как вам известно, я отдал всю свою жизнь, — сказал он не сразу. — С университетской скамьи. Вот уже тридцать лет, как я бью в одну точку... многим до сих пор еще кажется, что это не первой важности, глухая проблема. А ведь под вечной мерзлотой у нас сорок четыре процента всего пространства нашего Союза! — Трубочка потухла, и он остервенело сипел в про-

межутках. — Половина всего нашего Союза бесплодна... половина числится окаянной, неродящей землей, пустыней, наследницей ледников, кладбищем мамонтов! Якутия... огромная полоса Забайкалья, колоссальные энергетические ресурсы, — все это заштриховано мертвым штрихом. А Лена, а Ангара, а Зeya, а Вилюй — реки, текущие в областях вечной мерзлоты... какие запасы гидроэнергии заключены в этих реках! А ископаемые богатства — кто их изучал? Золото одно только знали, да и то все это старые разработки... ведь только после революции начали разработку Алдана, и сколько уже Алдан один дал! А Забайкалье, а Индигирское и Верхне-Колымское месторождения?.. — Он стоял теперь перед Дементьевым и стучал кулачком по разостланной карте. — У нас есть указания на железные руды в Якутии, а вы знаете, сколько месторождений каменного угля в Тунгусском угленосном бассейне? Кто-нибудь подсчитывал эти ресурсы? А огромные залежи графита в том же Тунгусском бассейне и на этих... как их... Нижней Тунгуске и Фатъянихе. Превосходный графит, первосортный графит! А залежи соли на водоразделе между Вилюем и Леной, а платина на Вилюе, а серебро-свинцовые руды на Верхоянском хребте — это тоже пустыня? Так вот, я ставлю вопрос: могут большевики победить вечную мерзлоту или нет?

— Могут, — сказал Дементьев просто.

Черемухин не удивился.

— Да, могут, — повторил он. — Ископаемые откладывались в горах не одну сотню лет. Великий народ тоже столетиями выпестывал своих сегодняшних преобразователей.

Это была несколько многословная фраза, но он сказал ее искренно.

— Ну, значит, наши точки зрения совпадают, — ответил Дементьев. — Остается согласовать практику. Конечно, мы придем и к этим огромным масштабам. Сегодня, однако, мы с вами должны сузить их до одного практического вопроса: вода. Вот число постоянных водоисточников, которые необходимы дороге... — Он написал на бумаге

цифру и обвел ее кружком. — Если мы в этих местах дадим воду, понятие безводных амурских участков можно упразднить. Таяли лед кострами, разведенными в русле реки, чтобы добыть зимой воду для паровозов, — добавил он с усмешкой. — Подвозили в бочках на лошадях, везли в деревянных открытых баках на платформах... Если бы еще это была история, а то ведь это — вчерашний день, в некоторых местах даже сегодняшний день.

— Ничего, придет человек, начнет стройться, косить траву, пасти скот, расчищать леса — и вечная мерзлота уйдет в глубину, — сказал Черемухин. — Культурная деятельность человека для нее смертельна. Выжженные мари становятся лугами и пашнями.

— Ну, это мы с вами еще застанем, — ответил Дементьев обнадеживающе. — Доберемся и до вечной мерзлоты. А теперь мне нужны некоторые практические сведения.

Он перелистал свой исписанный блокнот и открыл его на чистой странице.

Горную страну представлял из себя этот район вдоль железной дороги. Кристаллические сланцы, граниты, порфиры образовывали его горные цепи. Снега зимой выпадало здесь мало. Главные осадки приходились на весну и на осень. Лишенные снежного покрова, на большую глубину промерзали грунты. К вечной мерзлоте прибавлялись глубокое промерзание грунтов и водонепроницаемые породы, лишавшие земную кору необходимого для нее отопления. Но вода поступала в земную кору не только из атмосферных осадков. В недрах земли были свои ключи и источники. Они проходили по трещинам горных пород и прорывали вечную мерзлоту. Грунтовые воды были как бы кровеносными сосудами земли, которые несли в самую глубину вечной мерзлоты накопленную тепловую энергию. Это была борьба за жизнь, и таиковыми островами, как водяным отоплением, земля защищалась уже ряд тысячелетий от захвата вечной мерзлотой. Но как найти эти неиссякающие в течение круглого года источники? Грунтовые воды непостоянны, искать надо ключи.

Это было как бы первое посвящение Алеши в сложную науку о жизни земли. О нем забыли. Он сидел в стороне и заминал и слушал. Дементьева беспокоило непостоянство источников. Мало было найти зимой наледь. Надо было еще определить, что это наледь от устойчивого живого ключа, а не от непостоянных грунтовых вод. Мало было найти выход ключа из земли. Надо было найти головку ключа, его стержень. Мало было найти эту воду, надо было учесть еще возможность сброса главного выхода по склону долины. Странные заштриховки и обозначения были на съемочной карте. Условные знаки обозначали коренные породы, пески и галечники. Теперь в маленьком салончике, в дыму двух трубок, шла работа. Блокнот Дементьева покрывался заметками. Схема геологического строения долины с вечной мерзлотой сменялась сложными формулами тепловых расчетов водопровода. Давно ранние сумерки подступили к окнам вагона. Проводник зажег свет. Дементьев послушно записывал необходимые сведения. Огромные запасы наблюдений и знаний были в маленьком человечке. Он не оставался в тишине своих цифр, а вместе с Дементьевым уходил в тайгу для борьбы с ней и для ее подчинения.

Все это было ново, и обо всем этом Алеша слышал в первый раз. Он знал до сих пор обычные и знакомые законы природы. Ручьи текли в Амур с гор, птицы прилетали в свое время, лед ломался на реке весной, и первые застрugi в протоках и ранний отлет птиц предвещали зиму. Иные законы определяли ход подземных ключей, которые только надлежало отнять у природы человеку. И ему, Алеше, предстояло теперь разделить все трудности этой ответственной и сложной работы. Только бы оказаться полезным и оправдать доверие, и ни разу не отступить ни перед чем... Ему захотелось побыть одному. Он вышел незаметно и прошел сквозь вагон на площадку. Все было покрыто синевой, дальние полуокружия сопок едва угадывались в ней, и первые огоньки зажглись в городе. В стороне, недалеко от штабеля шпал, припадал и рвался на вет-

ру огонек. Маленький костер разгорался из сложенных подмерзших сучочков. На развилочке висел подвешенный чайник. Охотник раздувал огонек. Чем-то напоминали ему знакомое одиночество в тайге этот аккуратно сложенный из сучочков костер, закоптелый чайник над ним и предвзвонная тишина вечера. Алеша подошел и присел рядом с ним. В первый раз покинул тот родные места, в первый раз ехал в поезде. Беспокойно и тревожно гремело под полом, и непривычный яркий свет горел в круглых лампочках. Здесь был знакомый простор, знакомо шумел последними листьями дубовый подлесок — тем сухим металлическим шорохом, который говорит, что лист уже схвачен морозцем, а значит — скоро зима. Впереди, в котловине между сопок, лежал город. Был похож он сейчас на большое стойбище. И так же внизу протекала река, походившая на Уссури. Охотник раздувал огонек, сучочки потрескивали. В синеву тумана уходили рельсы пути.

— Ты Москва был? — спросил он вдруг. — Не был? Там Ленина дом есть. Ленин лежит. Один старый нанайский народ хорошо сделать обещал. Зимой на охоте старик Ленина видел. Вечером пришел старик в унтэха, видит, там другой человек сидит. Волос на голове ничего нет, только борода есть. Старик спросил: ты чей человек? Откуда тайг приходил? Человек ничего не сказал. Только сказал — нанайскому народу скоро шибко хорошо будет. Так все и стало потом. Потом старик узнал, что человек был Ленин. След от лыж шел на Амур. Лыжи были короткие, такие нанай не имеет.

— Откуда же старик узнал, что это был Ленин? — спросил Алеша.

— Узнал. После на картинке узнал.

Они помолчали. Чайничек начал закипать.

— Ты Москва, наверное, итти будешь, — сказал охотник снова. — Один нанайский человек из стойбища тоже Москва ушел. Есть такая школа для разных народов... разные люди живут на Амуре и на Уссури — гилык живет, нанай живет, удэ живет, — для них

школа. Я ему говорил — пусть заходит в дом Ленина. Пусть скажет — нанайские люди хорошо живут теперь, спасибо.

— Мне много еще учиться, Заксор, пока поеду в Москву, — сказал, отвечая своим мыслям, Алеша. — Нужно еще семь лет учиться, не меньше. Семь лет — это семь раз рыба должна зайти в Амур.

— У... многа.

Теперь тот улыбнулся. Чайничек начинал тонко сипеть, деревья возле полотна шумели листвою, и далекие огни все чаще зажигались в домах города. Большой туман поднялся над остывшей рекой.

— Как ты думаешь, найдем мы воду, Заксор? — спросил вдруг Алеша страстно.

Охотник помолчал. Сучочки, разложенные им в хитром порядке, разгорались.

— Соболь хитрый зверь, — сказал он затем. — Охотник хитрее соболя. Соболю бежит, два следа от четырех ног делает. Все равно, охотник узнает. Есть зверь тугдэ¹ на Уссури... хитрей тигра. Тигр человека видит — уходит... я сам тигра не видел. Старики говорили — закричать на него, уходит. Тугдэ на дереве сидит, прямо на другого зверя, на человека сверху падает... а я видел — тугдэ лапой попал в железную петлю, живой лежал. Охотники на Имане живого взяли тугдэ. Что охотник захочет взять — то возьмет. Плохой охотник не возьмет. Хороший охотник возьмет.

Все было просто, как жизнь охотника. Законы тайги, движение соков в деревьях, повадки каждого зверя научился он читать с детских лет. Подростками брали родители детей на охоту. Там они готовили пищу, учились набивать патроны, узнавали тайгу, сроки прилета и отлета птиц и тропы по руслам рек и ручьев. Вот сейчас сидит рядом с ним этот спокойный, соорудивший подобие таежного костра, человек. Он пошел с Дементьевым по первому его слову, потому что еще в давние годы обещали они друг другу дружбу. А если человек обещает дружбу, то это должно быть

¹ Тугдэ — барс.

на всю жизнь, и всё делить и на охоте, и на лове рыбы, и жить, и умереть вместе.

— А если война будет, Заксор... если кто-нибудь снова захочет напасть на Амур, ты что тогда будешь делать? — спросил Алеша, — опять он отвечал своим мыслям, и мысли далеко увели его.

Ноги охотника были приподняты коленями к лицу. Палочка в его руке разгребала прогоревшие угольки.

— Нанайский народ большой айка-та¹ иметь может. На² — наша, твоя, моя — на. Амур, Бикин, Уссури, Судзухэ — тоже наша. Чужие люди придут, прости немножко, — сказал он не сразу. — Вот насчет войны.

— Ну, значит, нам тогда с тобой вместе идти, — ответил Алеша уверенно.

Ему стало хорошо и легко. Пламя костра напоминало такие же ночные костры, которые разводил он с Аниськой. Теплый летний ветер дул с разогретых дном гор, плескалась большая вода реки, и проходил с низовьев, возвращаясь в Хабаровск, белый, весь в огнях, парход... Шумно били о воду его колеса, снопы искр вылетали из трубы, — кого и куда несло мимо в легкую и голубоватую амурскую ночь? Теперь были позади и Амур, и бездумные дни детства, и отец, и Аниська. Начиналась взрослая жизнь со всеми ее трудностями и надеждами.

В девятом часу вечера пришла высланная из управления машина. Дементьев вышел проводить Черемухина на площадку вагона.

— Значит, через месяц увидимся, — сказал он сверху. — Впрочем, я вызову вас еще не раз по селектору.

Шофер завел мотор, зажег фары. Два ослепительных луча скользнули по вспыхнувшей листве дубового подлеска, осветили рябоватую, в выбоинах, дорогу, — и маленького человечка в свирепой его шапке унесла машина.

— Агди-порхò³, — сказал Заксор, ослепленный машиной.

¹ Айката — гнев.

² На — страна, земля.

³ Агди-порхò — буквально: гром-парход.

Чайничек поспел, огонь костра был заброшен. Алеша и охотник вернулись в вагон. Из диспетчерской сообщили, что поезд номер один подходит к Куйбышевке. Полчаса спустя маневровый паровоз потащил вагончик из тупика на запасный путь. Несколько раз волочил он его взад и вперед, несколько раз принимался петь печальный рожок. Вскоре гулом и грохотом стала наливаться тишина вечера. Освещенные окна пронеслись мимо окон вагончика. Маневровый паровоз повез его дальше прицеплять к хвосту поезда.

И вот снова несется этот вагон с востока на запад. Снова под вагоном грохот и стук, к которым прислушивается беспокойно Заксор. Покуривая трубочку, ходит по салону Дементьев, и Алеша смотрит сквозь дремоту на его широкие плечи, на высокие сапоги, на все это гладно сколоченного, большого и похожего на отца человека. Стук колес и усталость усыпляют его. Где-то далеко, чужим добрым голосом спрашивает его Дементьев: «Ну, как, Алеша, не раскаиваешься, что поехал со мной?» — и он качает головой и улыбается. Потом он разом расширяет глаза, чтобы сбросить с себя дремоту, но тут же чувствует, что ноги его немеют, холодок поднимается от кончиков пальцев, голова его сползает набок. Он ощущает затем, как сильные руки приподымают его и подкладывают под голову подушку. И он хочет еще сказать, что сделает все, чтобы оказаться достойным его, Дементьева, доверия, но подушка приятно холодит щеку, и сон наваливается на него.

VI

Алеша проснулся от тишины. Он лежит раздетый на своей койке в купе. Он так и не мог вспомнить, как добрался он до этой койки. Вагончик стоял отцепленный на маленькой станции. Прямо против окна откоса поднималась кверху рыжеватая сошка. Мелкий, прихваченный морозцем кустарник курчавился по ее склону. Каменные осыпи солпки были идно-желтые, черные и блестящие, как уголь, и крас-

ные, точно в крови. В ущельях росли березки и сосны. Деревья были мелкорослы и тощи, кустарник — жесткий и колючий на вид. Мерзлотная почва не давала деревьям подняться в высоту. Тесовые домишки деревеньки были разбросаны в распадке. Редкие стожки жесткой травы, белые наличники рам и серый тес, как выветрившаяся ноздреватая кость. На скудных огородах еще не сняли капусту, и стояли зеленоватые недозревшие подсолнухи. И только рыжие березки бежали на сопку, точно поспорили, кто из них добежит. Так это и была та суровая и пустая земля, которую навсегда обесплодила вечная мерзлота!

Изыскательская партия работала в семи километрах от станции. В помощь ей должны были остаться теперь Заксор и Алеша. Сухонький старичок дожидался Дементьева. Дрезина, на которой привезли его сюда с соседнего блок-поста, стояла в стороне, на запасном пути. Рыжеватая бороденка старичка была свернута набок, как полумесяц. Полушубок на нем был аккуратный, застегнутый доверху. Так бы и мог походить этот местный человек Магафонов на забайкальского старика-старовера. Упрямую желтизну его жестких волос до сих пор не одолела седина. И голосок у него был слабый и протяженный, точно привычный к увещеваниям. Казалось бы, вот только скинуть ему самодельную шапку из собачьего меха, оглядеть углы и привычно перекреститься на барометр или на карту, заменяющие у пришлых людей обычные предметы молеального обихода. Алеша с непонятным ему самому неодобрением пригляделся к нему. С шапкой в руках — он снял ее еще на площадке вагона — старичок прошел по коридору в салон. Варезки у него были цветистые, похожие на два пряника.

— Так вы и есть Магафонов? — спросил Дементьев и протянул ему руку. — Садитесь.

Старичок торопливо сунул шапку подмышку и пожал обеими руками руку Дементьеву. Тут Алеша увидел, что сапоги на нем были необычайно

ладно скроены по сухой его ноге и по-охотничьи перехвачены ремешком. Сапог он как бы открылся ему в истинной своей повадке. Рыжеватая бороденка тоже была как бы посторонней на узком и изрезанном временем лице. Это и был тот самый бывший охотник и ныне лесник Магафонов, который был нужен Дементьеву. Главное в его лице были — глаза. Охотничий зоркий прищур собрал треугольником вокруг них морщинки. Но глаза были увертливы, и Алеше человек сразу стал неприятен.

— Вам известно, Магафонов, зачем я вас вызвал сюда? — спросил Дементьев.

— А откуда же про это мне знать? — ответил Магафонов протяженным своим голоском.

— Разве начальник партии не говорил вам об изыскательских наших работах? Я поручил ему предупредить вас о цели вашего вызова.

— Да как сказать... говорил, — ответил тот как бы нехотя. — Только я к этому делу какую могу иметь причастность?

— Мне указали на вас как на местного человека, охотника, — сказал Дементьев не сразу. — Охотник должен знать в тайге каждый ключ.

— Был охотник, да вышел. Да и зверь был в тайге, тоже вышел. Медведя на сорок верст не найдешь. Волк — и тот сторонкой норовит обойти. От тайги только название осталось. Всюду рубят, скалы рвут... народа нагнали вторую путь строить — край этот спокону века столько народа не видел.

Какое-то явное неодобрение ко всему этому шумному вторжению человека было в его голосе. Дементьев помолчал.

— Вы, Магафонов, не из староверов? — спросил он затем как бы мельком.

— В церковь не хожу, богу не молюсь, — ответил старик так же уклончиво.

— Ну, это, впрочем, ваше частное дело. Однако послужить социалистическому государству придется.

Дементьев стал резок. Явная нарочитость ответов раздражала его.

— А все служим, каждый по своей мере, — ответил старичок. — И я не отказываюсь. Только тут над этим делом и допрежь вас потрудились. Ничего не вышло, однако.

— А почему?

— А потому, что реки здесь насквозь промерзают, зимой до самого дна пешней бей. Здесь в три слоя другой раз лед лежит. Под одним слоем воздух — вода от мороза ушла, и под другим слоем воздух. Здесь землю поглубже копни—мерзлота... мертвая земля. В прошлый год американцы приехали, тоже поковыряли, пошурфили, земли наворотили, а воды не нашли... Вот он какой — наш край, — заключил он, как бы гордый этим его сопротивлением человеку.

— Ну, а если мы воду в одну зиму возьмем? Тогда что?

— А ничего. Каждому свое счастье.

— Ну, что же... мы своего счастья никому не навязываем, — сказал Дементьев. — Только вот что, Магафонов... случается — не сочувствует кое-кто нашим целям, могут встретиться здесь и такие. Край далекий, глухой. Так вот, при случае — предупредите... молиться у себя дома никому не препятствуем. Но если кто-нибудь думает помешать нам в работе — не советую. Мы этого очень не любим.

Старичок безучастно глядел мимо в угол. Руки его попрежнему были сложены на коленях. Продолжать разговор Дементьев не захотел.

— Сейчас мне нужно, чтобы вы доставили двух товарищей к месту работ, — сказал он коротко. — Сам поехать не смогу, еду дальше с почтовым.

Он поднялся. Поднялся и старичок.

— Это можно, доставим. Больше ничего-с? — Смирненность его выжидания была нарочитой.

— Больше ничего.

И так же с шапкой в руках тот направился к выходу. Дементьев поглядел ему вслед.

— Дремучий старичок, — сказал он с жесткой усмешечкой. — Ничего, через месяц вернусь, тогда встретим-

ся. — Дрезина дождалась, надо было простаться. — Ну, что же, Алеша, — сказал он еще, — пройдет зима, найдем воду... осенью поступишь в техникум, поработаешь потом машинистом. А дальше и транспортный институт, и инженерская дорога перед тобою открыты.

И смягчились, и стали чем-то похожи на отцовские темные и прищуренные его глаза. Казалось, видел он в нем свою юность и первые надежды, с которыми ехал когда-то с далекого Амура в Москву.

Многое хотел Алеша сказать на прощанье. Не чужая тайга с ее вечной мерзлотой ожидает его, а живые, бегущие в ее недрах ключи. Всей силой своих юных желаний хотел он найти эту воду, чтобы отдать ее в верные руки Дементьева. Но слов для этого не было, и так они простились.

И уже ускоряет моторная дрезина свой ход, позади остаются вагончик Дементьева, тесовые домишки деревеньки в распадке, и сразу глубокая выемка пути скрывает все... Печальные по-осеннему склоны бежали по сторонам. Убогий домик, затерянный среди рыжих лесов, покинуто стоял в стороне. Кто жил в этом домике — одинокий ли лестник или охотник-орочон.. кто бы он ни был. Вот можно подняться по каменистой осыпи к домику, постучать в окно, войти и сказать одинокому человеку, что он не одинок и не забыт и что работа его нужна для страны, для всеобщей, необыкновенно счастливой и важной цели... И дрезина бежала и бежала с глухим своим шумом по рельсам, и все пронеслось мимо — сопки в жестких кустах, осыпи скал, по трещинам которых прокладывают свои русла ключи, вся суровая эта и готовая к предстоящей зиме природа.

К вечеру Магафонов доставил их к месту работ. Бревенчатый домик был срублен в тайге. Невдалеке от него стоял такой же амбар для хранения продуктов. Розовый, с девической кожей, даже не загрубевшей в тайге, встретил приехавших начальник партии Детко.

— Мне товарищ Дементьев уже сообщил, что подсылает людей, — сказал он оживленно. — Мы очень нуждаемся в людях!

Он был словоохотлив и мало походил на начальника. Глаза у него были голубые, еще не утратившие мечтательно-юношеского выражения. В одной половине дома было устроено общежитие, в другой помещалась контора. Здесь пристроил гидролог чертежную доску и полочку с книгами и образцами пород. На стенах простерлись синие листы чертежей. За летние месяцы были заняты на карты мари и действующие поверхностные источники. Поработали геологи, определяя состав подземных слоев. Продовольствие на зимние месяцы было завезено, доставлены насосы и буровые станки. Гидрологу Алеша понравился. Он нуждался во внимательном слушателе. А сказать ему нужно было необычайно много. Он в прошлом году окончил гидрологический институт, и работа здесь была для него первой и ответственной практикой. И они с Алешей в первые же часы рассказали друг другу о себе всё. Детко был родом из Архангельска, сын солонбальского матроса. Отец его дрался на Северной Двине с англичанами. («Мой на Амуре с японцами» — торопливо вставил Алеша.) Уезжать из Архангельска учиться в Ленинград было страшновато. («Как и мне сейчас уезжать было страшновато... я ведь дальше Хабаровска не выезжал», — живейше признался Алеша.) Нет, было у них столько общего, что даже разница в летах не отделяла их теперь друг от друга!

— Я тебе скажу по совести, как и что тут, — сказал гидролог, вдохновленный беседой. — Я о вечной мерзлоте в институте только слухом слышал. Плотины там как возводить, дренажи строить — это, конечно, я знал. А тут ведь все новое... ну, первое время пришлось туговато, пришлось на практике это все изучать. Тут, конечно, во всем я обязан Дементьеву. Он меня и привез, и к этому делу обратил и оказал мне такое доверие, что главное теперь его оправдать!

Его синеватые большие глаза стали вдруг озабочены.

— И меня ведь тоже Дементьев привез, — сказал Алеша.

Они оба задумались. Было это, в сущности, для обоих только начальным вступлением в жизнь. И столько нужно еще и поработать, и учиться, и строить... И так же как и они, сидел в стороне, курил свою трубочку и оглядывал тайгу Заксор. Мало походил этот печальный лес на густую и богатую уссурийскую тайгу. Деревья большей частью стояли голые, точно выветрившиеся старые махты. На тощих и низкорослых березках кора была сойсем белая, почти без чернizны, похожая на кожу больного. Они и были больны на этой каменистой земле, на вечной мерзлоте, которая убивала их соки. Постояв несколько лет, они валились набок, смиренно и не сопротивляясь ветру, покорные своей участи. Сосенки вырастали выше, но они были тощи, с клочком хвои на верхушке, как бы оставленной на них для отличия от других деревьев. Жесткая травка была собрана в копенки бурого цвета. Казалось, что пожарище прошло по всем этим лесам, оставив черные пеньки и горелые кочки.

В стороне, в рыжей щетине, похожие на кабаньи хребты, поднимались сопки. Голые березки — по листику на каждом сучочке — дрожали, как в ознобе, и осыпались. Три согнутые в дугу дерева прикрывали копну, чтобы не растрепал ветер сена. За тыном из неошкуранных березок валялись изъеденные червем капустные листья — капусту хозяйственно посадил Детко в начале лета. А надо всем этим, не соответствующее печальному виду тайги, было линияное, без единого облачка небо. Так незаметно, без ветров и вступлений, начиналась забайкальская зима.

— Есть два пути найти воду, — продолжил гидролог. — Ты знаешь, что реки зимой промерзают здесь до самого дна, и воды в обычном их русле не оказывается. Раньше полагали, что если промерзла река, то от нее ничего и не возьмешь. Но мы этим делом занялись и доказали, что у многих

рек есть зимой свое подрусловое течение. Мы одну такую реку прошлой зимой взяли в работу. Стали искать источники воды, которые питают ее в летнюю пору. Заложили шурфы, пробили скважины — ничего не находим. Тут старые инженеры приезжали, говорят — зря расходуете средства, нет воды. Не бывает у рек подрусловых течений. Тогда решили мы устроить поперечную галерею под руслом реки, то-есть перехватить воду в том русле, по которому идет она зимой. Работа трудная, мерзлота не дается. Начали подогревать почву кострами — плавится, превращается в грязь. Но все-таки добрались, увидели воду. Медленно этак движется она по таликам — по зимнему своему руслу. Ну, радость мы испытали большую, для этого стоило потерпеть. Главное, разрешили все-таки проблему, да и старых теоретиков кое-чему научили. Ну, а раз нашли воду, сейчас же забрали ее в галерею, в водосборный колодец, и насосами погнали на станцию.

Он помолчал. На розовых его щеках росли длинные золотистые волоски. (Алеша только в прошлом году в первый раз попробовал бритву, и он не без гордости отметил, что у него растет волос погуще.) Мелкое последнее золото все продолжало дрожать на березках, точно потряхивали цыганочки небогатым монистом.

— А второй путь какой? — спросил он погодя.

— А второй путь, брат, — найти живую воду ключа. Для вечной мерзлоты единственно надежный источник. Над этим мы и работаем здесь, и трудов положить нам придется!..

Так началась для Алешы жизнь в тайге. Гидролог уехал вскоре к месту работ. Невесел был срубленный наскоро лесной дом. Сквозь плохую конопатку и сейчас задувало, а зима была только на подступах. С неодобрением покидал Магафонов эту уже подвырубленную человеком тайгу. В Забайкалье староверы ушли в свою пору искать тишины. А уже на его, Магафонова, памяти стали в этой тайге строить первые жилые дома и железнодорожные

станции, взрывать скалы, сводить леса и прокладывать рельсы и трубы... Но природа была сильнее, и зимами иссякала вода, мерзлота подпирала снизу здания как бы могучим своим плечом, и здания давали перекосы и трещины, рельсы поднимались на вспучинах, и человеку оставалось смиряться перед силой природы. И вот теперь пришли эти желторотые командиры («и фамилия-то у человека подходящая — Детко») и снова роют и рубят тайгу, и убивают силы. Поди, возьми такой ключ, когда его пучит наледью с гору... бери пожогами — вязни в мерзлой земле. Сверли буровым станком — сверло вмерзает в лед, и лед крошит сверло, а не сверло — лед. Тележка тарахтела на колеях, он нахлестывал лошадь, и щурились, и с обычной охотничьей зоркостью приглядывались к тайге его глаза.

Из побуревшего стожка надегали жесткого сена для сенников. Алеша выбрал себе верхние нары, охотник облюбовал место внизу. Когда вышли снова из дома, все было уже полно сумерок. Небо затянулось, из-за края леса ползла низкая туча. Охотник поднял голову. Ноздри его слегка приплюснутого носа нюхали воздух.

— Туэ¹ завтра будет. Большой снег будет итти.

Алеша удивился.

— Откуда ты знаешь?

— Облако видал? — спросил Загор.— Хорошо смотри. Облако—сима² нанай такое зовет... снег-облако. Ветер облако вперед гонит.

И Алеша, так же как и он, понюхал холодный ветерок.

— Такой ветер дует — птица лицом на ветер садится, перо гладко держит... иначе совсем замерзнуть можно. Соболь, колонок — все в гнездо бежит. Белка тоже в гнезде сидит.

Первые снежинки понесло вкось. Туча затягивала небо с севера. И разом повалил снег. Зима началась сразу с метели. Они вернулись в дом и растопили печурку. Только к вечеру добра-

¹ Туэ — зима.

² Сима² — снег.

лись до жилья Детко и двое рабочих. Остальные остались в палатке на месте работ. Буровой мастер Аксентьев работал прежде на золоте; работал старателем на Алдане и татарин Гайсулин, ушедший от самой Казани добывать Колчака. Искатели золота знают все повадки земли, и не одного такого нужного ему человека разыскал Дементьев за это время. Так народное знание земли дополняло черемухинские предположения и формулы.

Татарин был рябоват, круглолиц, не приобрел еще таежного облика. Он долго в стороне разматывал большую ногу и стонал от ревматических болей. Аксентьев — сумрачный на вид и заросший густым черным волосом — подсел выкурить перед сном папироску. С новыми людьми, по таежной сторожкой привычке, сходилась он туго. Но прибывший парнишка, вся жадная его обращенность к новым людям, — стали сразу ему по душе.

— Ты что же, парень, в первый раз на наше дело пришел? — спросил он грубовато.

Алеша покраснел.

— В первый раз.

Но глаза у человека были теплые, и хотел он, видимо, смягчить для него суровость непривычной обстановки в тайге.

— Ну, и ладно, и начинай, — сказал он одобрительно. — Земля много у человека берет, но и отдает вдвое больше... труд на ней тяжелый, но верный.

По разным концам разбросало уже вчерашних учеников семилетки, и вые товарищи, с которыми надлежало теперь делить жизнь и труд, заступили для Алешы место недавних его сверстников. С утра брал его гидролог с собой, чтобы научить, как вести наблюдения: измерять температуру воды, отмечать проходимые при бурении породы... Люди были утомлены и улеглись скоро спать. Ушел на свою половину и Детко. Печка догорела, снаружи мело сухим снегом. Алеша разделся и лег. Спать ему не хотелось. Завтра начнется для него новая жизнь. Окажется ли он достоин надежд и будет ли успешен этот первый его опыт? Он

слушал мерное дыхание людей и не мог уснуть. Потом вдруг сразу, точно косою недавний снег, все понеслось мимо — все впечатления этого дня. Опять он ехал на дрезине по какой-то замечательной и отлогой дороге, сопки в жестких кустарниках поднимались по сторонам, и все сказочно и счастливо убегало назад, приближая его к цели... Так с бьющимся от волнения и ожидания сердцем он уснул.

VII

Самолет летел над Амуром, как одинокая, отставшая от перелетной стаи утка. Его лыжи походили на поджатые лапы. Он делал над стойбищем круг, сбрасывал газеты и почту и улетал дальше. Утром из соседнего стойбища нарочный привозил Актанке пакет. Пакет был натуго перевязан бечевкой и облеплен красными печатями. Печати вкусно ломались под пальцами Актанки, и внутри пакета лежали замечательные новости со всех концов света. Особый посланный мог бы разнести эти письма, — учительнице в школе, пекарю Чепуренко, председателю промартели, — но Актанка любил доставлять людям удовольствие сам. Письмо приносило человеку радость, и было приятно видеть, как он улыбается.

На этот раз было в пакете и еще нечто, поразившее и его самого, Актанку. Дементьев выполнил свое обещание и поднажал, где следует. В пакете были большая пачка тетрадей и карандаши.

В этих узких коробках карандаши были, конечно, хорошо было бы иметь в управлении колхоза одну такую коробку, чтобы делать на бумагах разные отметки. Но карандаши присланы для школы, и здесь ничего не поделаешь. Кроме того, было письмо учительнице Марковой. И вот он забирает все это и несет в школу. Снег давно выпал в горах, и охотники ушли на охоту. В стойбище остались женщины, дети и старики. Посмотрим, как справится в этом году колхоз со сдачей пушнины. В Охотсоюзе говорили, что был большой урожай орехов, и

белка должна хорошо итти этой зимой по кормовым лесам. Амур давно стал, и одни самолеты летают над ним два раза в неделю. Но случается плохая погода, и самолеты не летят. Тогда остается радио. Вчера по радио передавали песни из Хабаровска. Можно по дороге зайти к председателю промартели и спросить, какие новости передавали сегодня по радио? Кроме того, следует рассказать ему, как выполнил свое обещание Дементьев. Снег хрустит под ногами. Ноги Актанка простудил на охоте, и сейчас на них доктон — ватные чулки — и поверх них меховые доктон и унты. Наушники шапки спущены, и беличий хвостик украшает ее сверху. Так все надежно, и можно не бояться мороза и ветра.

Председатель промартели был дома. Главное занятие артели было вышивать торбоза и унты, но свежей кожи убитых зверей еще не было. Пока выподняли из прошлогодней кожи заказ на рукавицы для Хабаровска. Четыре женщины сидели в ряд, вышивали цветными толстыми нитками узоры на рукавицах и делали вокруг каждой оторочку из беличьего меха.

— Бачкафу! — сказал Актанка, не снимая своей теплой шапки.

Он сел на каны и спросил по возможности равнодушно, какие новости передавали по радио? Из Хабаровска передавали доклад, и никаких особенных новостей не было. Тут Гензу Киле стал смотреть на его сверток, и Актанка мог наконец похвастать, какой верный человек Дементьев. Надо было обо всем этом рассказать между прочим, — мало ли какие дела бывают в колхозе, — но он не мог скрыть своего удовольствия и улыбки. Его неправильно росший зуб поднялся теперь к самому носу. Вот тетради, которые прислали для школы, и цветные карандаши. По радио нет никаких новостей? Из Манчжурии никакие худые люди не нападали? Очень хорошо. Сейчас он отнесет тетради в школу и письмо учительнице Марковой. Теперь о Дементьеве он рассказал, и можно итти дальше. И он пошел из дома Гензу

Киле к школе, слегка припадая на большую ногу.

Учительница Маркова стоит у доски. Хорошо, пусть урок продолжается. Он может подождать в стороне и кстати послушать, как идет урок.

— Начинаем счет, — говорит учительница Маркова. — Достаньте тетради.

Дети с шумом наклоняются и достают из парт тетради. Актанка подсчитывает учеников — двадцать шесть человек. Он открывает свой брезентовый портфель и проверяет записи: у него записано двадцать восемь человек. Двух в классе нехватает. Надо спросить у учительницы, в чем дело?

— Коля и Саня были на охоте, — продолжает учительница, — и убили двух бурундуков. Один убил двух и другой двух. Сколько всего они убили бурундуков?

У детей лежат на партах наломанные зелененькие сучочки. Дети откладывают по два сучочка, затем еще по два. Всего четыре. Коля и Саня убили четырех бурундуков. Потом начинается дальнейший счет. Вот они сидят перед ним — дети нанайцев от этого стойбища. Он знает их всех по именам. Есть здесь дети и из других стойбищ, где нет еще школ. Их привезли на всю зиму, и они живут в интернате. Вот девочки Деду Самар, Моми Пассар, Тайра Оненка, Нефэ Тумали... Вот мальчики Ака Киле, Канчу Пассар... здесь должны быть еще две девочки-сестры Ходжер. Он оглядывает ряды и не находит девочек Ходжер.

— Я имею вопрос, — говорит он и поднимает руку. Учительница смотрит на него. — Не вижу дети Ходжер.

— Их второй день не пускают в школу. Надо выяснить сегодня, в чем дело, — отвечает учительница.

— Хорошо. Мы это выясним. Когда кончите счет, мы будем говорить.

Теперь опять идет счет на сучочки. Актанка ждет. Учительница смотрит на сверток у его ног, но с этим делом приятно помедлить. Наконец урок кончается. Все с шумом поднимаются с мест. Актанка выжидает, пока ученики покинут класс, и оглядывает стены: в

школе делали ремонт, но крыша все-таки течет, повидимому. Под потолком есть сырое пятно. Об этом надо тоже записать. Сейчас он может сказать Марковой, что для школы присланы тетради и карандаши. Вот пачка из Хабаровска. Ее сбросил самолет вместе с почтой. Потом он развязывает пачку и показывает тетради и карандаши. Надо пока раздать по одному карандашу на каждого ученика. Вот теперь всё. Нет, еще не всё. Он забыл про письмо ей, Марковой. Вот письмо. Он достает письмо из меховой своей шапки. Маркова, конечно, может сейчас читать письмо, но он хотел бы, чтобы она прошла с ним в дом Ходжер выяснить, почему девочек не пустили в школу.

Дом Ходжер недалеко от школы. Ауджа Ходжер ушел в горы на охоту, и в доме только его мать и жена с детьми.

— Бачкафу! — говорит Актанка на этот раз не спеша и пропускает перед собой в дом учительницу. Старуха Ходжер перебирает на берестяном блюде сухие кисти буды. Она не глядит на пришедших. Жена Ходжера качает зыбку и тоже смотрит в пол, как будто никто не вошел в дом. Так ведет себя женщина, когда хозяина нет дома. Актанка спрашивает ее по-нанайски, почему старшие девочки не пошли в школу? Он начинает сердиться, и зуб его торчит угрожающе. Потом он упрекает женщину.

— А, — говорит он, наконец, учительнице. — Такое дело. У девочек нет хорошего татуо¹ для школы. Есть такие глупые женщины. Думают, если школа бесплатно, — значит и татуо надо всем давать бесплатно. Ауджа Ходжер на охоте. Он ничего не знает, что думает глупая женщина.

Потом он опять упрекает женщину. Она отвечает, не поднимая головы.

— Вот, — произносит он затем торжественно. — Девочки завтра придут в школу. Найдутся татуо. Теперь можем идти. Можешь читать письмо. Какие новости — после расскажешь.

И он вышел из дома Ходжер и по-

шел, прихрамывая. Было еще большое, толстое письмо для Чепуренко, — кстати, он посмотрит, отчего в пекарне дымит печь: может быть, упал в трубу кирпич.

Теперь Аниська могла прочесть Алешино письмо. Было оно написано карандашом, большим угловатым его почерком. Ах, Алешка, Алешка... она читала письмо и улыбалась. Сколько он здесь наворотил инженерских слов и специальных терминов! Тут и «поверхностные водоисточники», и «слабая фильтрация грунта», и «водосборные галереи», и «каптаж», и восклицательные знаки, и словечки «жиганы» и «фартит», которые, верно, нахватал у старателей... Так она прочла все письмо и задумалась. За окном ее комнаты скованный зимою Амур. Где-то в тайге Алеша, где-то в родном селе вернувшийся на зимовку отец. Зимой не идут пароходы, и незачем зажигать огни створ. Время разбросало близких людей, но дело у всех одно, общее, и это сближает их, и разлука кажется случайной и временной. Она снова перелистала письмо Алеши. Улыбка все еще оставалась на ее губах. Аниська вдруг поняла, как близок ей этот — с круглой стриженной головой, с облупленным по-мальчишески носом, с петухами в басовитом ломающемся голосе — Алешка...

— Ах, бычище, бычище... — сказала она еще вслух, и маленькая слезинка защекотала ей вдруг ресницы. Нет, была эта слезинка больше от любви ко всем этим оставленным людям, чем от грусти разлуки с ними... Аниська разгладила Алешино письмо и положила его в книгу, чтобы перечесть еще вечером. Стопка книжек и ученических тетрадей с первыми упражнениями — выводить палочки и буквы — лежала на ее столе. Сейчас, после занятий, назначено было собрание женской секции. Год назад маленькая нанайка Дуся Пассар и она, Аниська, образовали эту женскую секцию. Дуся приехала из глухого стойбища, маленькая девушка, которую можно было унести на ладони. И, так же как в своем стойбище, она пошла по домам убеждать женщин

¹ Татуо — хапат.

вступать в секцию. Первое дело было — гигиена и воспитание детей. Надо чистить жилище, надо мыть руки перед едой. Надо завести зубной порошок и приучать детей чистить зубы. Надо женщине рожать детей не в анкò — берестяном шалаше, — куда до сих пор она должна была удаляться для родов, а в больнице. Прежде ни один мужчина не смел приблизиться к шалашу, где рождает женщина, а теперь в стойбище есть врач, и надо прежде всего идти к врачу.

Это было трудное дело, и не всем мужчинам нравилась женская секция. Но вкус зубного порошка был приятен, и одну молодую женщину, которая погибала от родов в шалаше, спас врач. Тогда первые женщины вошли в секцию, и вот в классе их двадцать два человека — старых и молодых. Дуся обходит жилища и проверяет чистоту в них. Было трудно еще уговорить женщин из других стойбищ, чтобы привозили на всю зиму детей в интернат, но занятия идут, и в интернате тридцать пять человек мальчиков и девочек... Все это только начало, но можно уже увидеть, как изменяется жизнь в стойбище. «Это маленький народ, Алеша... он совсем вымирал и, вероятно, вымер бы уже, если бы его не спасла революция...». Аниська произносит это мысленно, угловатые буквы Алешина письма ворвались сегодня в ее жизнь и напомнили, что и она здесь за эти годы успела кое-что сделать. Говорит Эку Одзял, жена охотника. Женщины сидят вокруг стола в классе.

— Сейчас мы будем говорить про баню, — говорит Эку Одзял. — Колхоз построил для всех людей баню. Один¹ и аси² — все равно, каждый имеет свой день в неделю, каждый должен мыться в бане. Это совсем плохое дело, если женщина не моется в бане. Женская секция вся должна раз в неделю мыться. Другие женщины тогда тоже пойдут. Летом детей тоже не хотели отдавать в ясли. Думали, детям

худо будет. Детям хорошо вышло. Матери успели заготовить рыбу, убрать на огородах. Все, что новое, — про это сперва думали: худо будет. Все хорошо вышло. Сейчас вся секция должна показать пример. В субботу будут мыться мужчины, в среду — женщины. Потом все пойдут, все будут мыться. Вот я сказала, Эку Одзял.

— Хорошо. Кто еще желает говорить?

— Я хочу говорить, — говорит Дуся. Она становится перед столом, потому что ее за столом плохо видно. — Я хочу дополнить, — говорит она. — Мы сейчас составляем список, кто пойдет в баню послезавтра. Пусть поднимут руки.

Эку Одзял поднимает руку и жена Оненка, и сама Дуся, и еще три-четыре руки... Другие женщины колеблются — как еще на это дело посмотрят мужья.

— Мне очень стыдно, что не все подняли руку, — продолжает Дуся. — Я думала, что все члены секции понимают. Это прежде всего «санминимум». Кто знает, что такое «санминимум»? — Тут все женщины поднимают руки. — Хорошо. Во-вторых, это начало новой жизни. Это конец старой, грязной жизни и начало новой жизни. Грязный человек не может жить хорошо. Тело у него чешется, на коже появляются всякие болезни. Если женщина такая грязная, то и дети у нее такие грязные. Зачем тогда отвозить их в интернат и учить в школе? Теперь пусть все снова поднимут руки. Учительница будет считать.

Женщины снова поднимают руки. Аниська считает и записывает имена. Теперь двенадцать женщин согласны пойти в баню послезавтра. Остальные пойдут в следующий женский день. Хорошо, это первый вопрос дня. Второй вопрос: как жила нанайская женщина прежде и как живет теперь? Дуся делает доклад. Она засунула руки в маленькие карманчики кофты и несколько раз ходит мимо стола, чтобы собрать мысли. Волосы у нее стриженные, и их держит круглая гребенка. Люди из рода Пассар очень невысокие,

¹ Одйн — мужчина.

² Аси — женщина.

и вот она, Дуся, тоже маленькая. Это оттого, что люди из их рода всегда плохо питались, в стойбищах не было коров, дети не знали коровьего молока. Дуся не щадит себя, доказывая недостатки рода Пассар. Разве должна быть такой маленькой женщина? А если ей придется родить ребенка, она может умереть. Чтобы родить ребенка, надо иметь широкие кости. Вот какая у нее рука, у Дуси. Как лапа гуся, не больше. Кто в этом виноват? Воспитание тоже виновато. Если ребенок много бегает и занимается физкультурой...—тут Дуся сделала несколько гимнастических движений руками — ... у него становится широкая кость, и он вырастает высокий и сильный. Кто знает, как еще придется нанайскому народу защищать от разных плохих людей, которые захотят напасть. Вот у нее есть значок ворошиловского стрелка. Ей дали этот значок за то, что она стреляет не хуже мужчины. Это женщина тоже должна уметь.

Дуся говорила горячо, надо было заразить своим примером других женщин. Теперь Аниська могла прочесть список имен женщин, которые первые пойдут в общественную баню. В повестке был еще вопрос — о ликвидации неграмотности среди женщин. Аниська бралась вести с ними занятия. В кружок записалось семь женщин. На этот раз Дуся не стала торопить остальных. Пусть остальные посмотрят, как семь женщин начнут скоро читать по книге и вести счет, — тогда они сами примкнут к ним. Женщина, которая умеет вести счет, может стать в колхозе бригадиром и незаменимым человеком. Она сможет вести дела с Интегралсоюзом¹ и высчитывать выполнение плана. Следующее собрание будет на будущей неделе, и тогда поговорят, как вести дальше работу среди женщин.

Баню построили в первый раз в стойбище, и это было большое дело. К яслям и интернату уже привыкли,

¹ Интегралсоюз — организация, снабжающая охотников и ловцов на Амуре.

теперь дело было за баней и за больницей. Фельдшер разложил в амбулатории инструменты, палата на шесть коек готова для приема больных, но в книге записи посетителей нет еще ни одного женского имени. Ни одна женщина не пошла лечиться к мужчине, и теперь самое главное — добиться еще этой зимой, чтобы женщины начали ходить к врачу. Все стали расходиться по домам, и Дуся взяла у Аниськи список.

— Теперь пойду в дом Ходжер, — сказала она. — Надо узнать, кто говорил, что в школах должны выдавать татуо. Тут кто-нибудь вел агитацию, это ясно.

Она надела городские ботики, пальто с большими костяными пуговицами и вязаную шапку и пошла узнавать, кто внушил женщине такую мысль. Актанка, между тем, выяснил, отчего дымит печь в пекарне, и шел теперь сердитый.

— Ты мне пужна, Дуся, — сказал он на-ходу. — Идем в правление колхоза. Надо составить акт. Ремонт печи делал худой человек. Можно все стойбище оставить без хлеба.

Худой человек — был печник-пьяница, присланный осенью из Троицкого. Он сложил в печи неправильный ход, и теперь печь дымила. Он обманул доверие Актанки. Надо составить акт. Председатель привел Дусю в правление колхоза.

— Вот пиши. — Он достал из стола бумагу и придвинул чернильницу. — Здесь, напротив портрета, пиши. Пусть Сталин видит, какой худой человек делал печь.

И он стал диктовать ей акт.

«Милый Алеша, — написала Аниська и задумалась. Ей хотелось как можно скорее ответить на Алешино письмо. Но посланный должен сначала повезти на собаках почту в соседнее стойбище, где сделан аэродром. Только на обратном пути самолет захватит почту в Хабаровск. — Ты меня очень обрадовал своим письмом, — написала она затем. — Сегодня у нас было собрание женской секции: обсуждался вопрос об общественной бане. Это кажется очень

незначительным делом. Но это очень большое дело, да и вообще тут не бывает второстепенных дел, все дела главные. Ты меня очень напугал, уж больно много у тебя всяких специальных слов стало, я некоторых даже не знаю. Ты, наверное, вернешься здорово подготовленным. И я совсем не сомневаюсь, что все у вас в работе будет удачно. Главное — только сильно захотеть. Ты и не отступай, Алеша, и не бойся никаких трудностей. У нас здесь тоже много трудностей было сначала. В школе нехватало ни книг, ни тетрадей... не было одно время керосину, не привезли. Но мы не сдавались и не падали духом. И вот нам теперь обещано, что с будущего года будет строиться новая НСШ, на двести человек. И будет четверо учителей и директор. Вот как мы шагаем вперед! Потом скоро будет готова ветка на Комсомольск, и средний Амур соединится железной дорогой. Тогда прямо садись в поезд и поезжай, куда хочешь. Ты себе даже не можешь представить, как много уже здесь сделано. А ведь все это только начало. — Она писала быстро и не отставиваясь. — Скажи, пожалуйста, спасибо товарищу Дементьеву, что он подтолкнул с учебными пособиями. Мы их сегодня получили одновременно с твоим письмом. Алеша, я тебя еще хочу попросить, может быть, ты скажешь Дементьеву или если сам будешь в Хабаровске: прислать мне стихотворения Пушкина, можно наложенным платежом. Я сегодня в отрывном календаре прочла его стихотворение «Три ключа». Это очень красивое, хотя и печальное, стихотворение. И я по первым его строчкам вспомнила о тебе. А что ты ключ найдешь, я в это верю. В общем, Алеша, я так привыкла к тебе и считаю тебя родным братом. У меня ведь никого на свете нет, кроме тебя и отца, и он мне тоже как родной. Ну, вот видишь, как я расписалась, и в общем мне и грустно, что вы далеко, и я очень довольна и счастлива, что ты, наконец, работаешь иходишь на настоящую дорогу. А дел у нас, Алеша, так много и радости оттого, что можешь хоть что-нибудь сде-

лать, тоже много, и Дальнему Востоку много людей нужно, много настоящих и горячих людей. Ну, вот, в общем, я обо всем тебе написать хотела, и, кажется, ничего толком не написала. Я очень скучаю по тебе, Алеша. — Она подумала и приписала еще: — Очень, очень!».

Письмо запечатано и лежит на столе. Кривые палочки старательно наставлены в двадцати шести тетрадах. Емун — это один, цуер — два, элан — три... Два бурундука и два бурундука — это дуин, четыре бурундука. Четыре кривые палочки стоят в ряд — первый счет, первое посвящение в грамоту. — Аниська улынулась и сложила тетрадки. Вечер давно наступил на Амуре. В окнах домов зажглись огни. Сейчас вернется Дуся, с которой вместе коротают они длинные вечера приемной зимы. В феврале наступит веселое шумное время, когда спустятся охотники с гор. Тогда снова лай и визг собак, звериные запахи, блестящие, скользкие груды голубых шкурок белки и игольчатый мех кабарги. В амбарах и под крышами домов будут сушить шкуры убитого зверя: кабарги и изюбря. Потом их смажут густым наваром из рыбы, начнут мять и квасить и готовить первые пласты замши для выделки из них обуви... А пока спит стойбище, и, засыпанные снегом, блестят днем далекие сопки. День окончен, и можно снова перечесть оторванный листочек календаря.

— «В степи мирской, печальной и безбрежной, таинственно пробилась три ключа, — сказала она вслух. — Ключ юности — ключ быстрый и мятежный, кипит, бежит, сверкая и журча...».

Так, с глазами, устремленными в синеву окна, словно видя за ним этот открытый перед нею поэтом мир, она стояла теперь, полная грусти и ожидания.

VIII

Три месяца назад впервые вступил Заксор в эту незнакомую ему тайгу. Иные деревья росли в ней, не похожие на большие и перевитые виноградником деревья уссурийской тайги. Не бы-

ло даже в самые лютые зимы на Амуре таких морозов, как здесь. Но зато не было никогда над Амуром и Уссури такого синего и солнечного зимнего неба. Деревья выстреливали от мороза в лесу, а чернила в Алешиной чернильнице высыхали на окне под солнцем. Не было здесь и амурских ветров, и больших снегопадов. С той самой ночи, когда повалила метель, только несколько раз выпадал редкий снежок.

За время подготовки к поискам были составлены детальные карты района, нанесен его водосборный бассейн, заполнен журнал наблюдений источников по временам года. Теперь, наконец, наступали те месяцы, которых Алеша так ждал. Давно уже разобрался в этих новых для него приметах охотник. Множество лыжных следов оставили он и Алеша в районе будущих своих наблюдений. За три месяца реки промерзли до дна, и ключи обнаруживались теперь с каждым днем. Ледяные бугры и впадины намерзали над выходами ключа из земли. Но какие из этих наледей прикрывали ту самую головку ключа, который обеспечивал надежную воду? Алеша научился уже топографической съемке и работе с теодолитом. Гидролог определил для них район наблюдений, который должны были обследовать они по спиралям. Так, шаг за шагом, легче было определить выходы и сбросы ключа. Теперь только, в сорокаградусные морозы, начались для них горячие дни.

Алеша вышел с охотником утром. Синяя жила в термометре стояла на тридцати пяти градусах. Мороз сразу горячо обжег ноздри. Алеша научился уже следовать за охотником размеренным шагом на лыжах. Он упирается палками в снег и смотрит, как охотник выбрасывает вперед свое выносливое, крепкое тело. Только белые комочки дыхания вспыхивают у его рта и оседают инеем на редких усах. Там, где недавно еще была марь, — там стоит теперь перекошенный во все стороны лес. Этот лес называют пьяным лесом, — так погнулись во все стороны, скрестились, прислонились одно к другому деревья. Ключ бьет из земли и

образует наледь. День за днем становится эта наледь выше, она походит теперь на сопку, на ледяную гору и силой воды поднимает с корнями деревья. Так будут они стоять до тепла, точно воткнутые как попало в эту гору, чтобы летом полечь.

Щеки начинало жечь. Надо остановиться на минуту, поддержать на них поочередно тыловой частью руку в меховой варежке. Охотник идет, не оглядываясь. По временам он наклоняется, забирает в горсть снега и трет им на ходу себе щеки. За редким леском начинается знакомый спуск к реке. Летом внизу была марь, дальше — широкая долина реки. Странное и непонятное зрелище открылось на этот раз перед ними. Там, где было промерзшее, мертвое русло реки, там сейчас все кипело и жило. Облака тумана клубились над ним, и под этим туманом двигалась и заливала пространство ожившая река. Все было сковано морозом, а здесь текла и как бы кипела вода.

— Что это значит, Заксор? — спросил Алеша обеспокоенно.

Казалось, какая-то катастрофа произошла в недрах земли, и вот выбрасывает на поверхность кипящий источник. Они спустились к самому руслу реки. Здесь охотник молча показал Алеше на ледяной бугор по средине ожившего русла. Теперь в облаках тумана и пара увидел Алеша намерзшую ледяную гору, из воронки которой вытекала вода. Это походило на извержение лавы. Вода била из воронки и растекалась по льду. Она не успевала пропитывать собою снег и намерзала на нем, а сверху снова натекала вода, и ожившая река двигалась широким разливом в своем русле. Выпираемый ею лед пучился и ломался со звоном, все шумело в тишине тайги, и Алеша вспомнил ледоход на Амуре. Охотник слушал. Казалось, в шуме и звоне льда узнавал он какую-то знакомую песню реки. На его кирпично-обожженном морозом лице появилось выражение довольства.

— Бира¹ зимой куда итти можно?

¹ Бира — река.

Бира зимой спать надо. Амур спит, Уссури спит. Тут отчего шумит? Знаешь?—спросил он довольно. — Маленький бираган¹ глубоко есть. Вода его куда итти можно? Кругом дюка², до самого дна дюка. Вот ломает немало. Наверх идет. Значит, не все внизу мертвый, есть живой.

Это была борьба реки за свою жизнь, сопротивление перед полным ее перемерзанием, и Алеша стоял, пораженный. Подземный ключ бил со дна реки, а это значит — под вечной мерзлотой продолжается жизнь, и, может быть, именно такой неиссякающий ключ нашли они в начале зимы.

Еще в первые недели своих поисков обнаружили они под склоном горы большое таликовое пространство. Летом здесь была марь, и торфяники скрывали выходы ключа из земли. В каком-то месте прорвал этот ключ толщу вечной мерзлоты, и теперь наледи выросли в местах его выхода. Какая из этих наледей прикрывала головку ключа? Летом его верховье можно было легко определить по густым зарослям кустарников и буграм, из которых торчали поднятые на высоту, как сложный перистый веер, деревья. Не сразу, не с самого начала зимы, стали вырастать эти наледи. Только тогда, когда перехватили морозы поток ключа над вечной мерзлотой, он начал выливаться наверх. И вот теперь, в первый раз, став на колени и наклонив ухо к ледяному бугру, Заксор услышал знакомое пенье ключа. Прикрытая коркой льда, текла вода, беспечно и прозрачно, как летом, мурлыча свою ключевую песенку. Алеша стоял на коленях рядом с охотником. Все оказалось простым и несложным, и он удивлялся, почему все это потребовало такой подготовки. Быстрее обычного возвращались они домой в этот день. Но Детко выслушал его без особого удивления и радости.

— Наледей этих, Алеша, здесь можно десятки найти. И всюду под ними вода. Только не каждая наледь скры-

вает источник, — сказал он ему будничным голосом. — Так сразу доказать, что это подмерзлотный источник, — нельзя. А надмерзлотные воды для нас не годятся. Поток их ненадежен, меняет часто свое направление. Иногда и совсем иссякает к концу зимы. Изменится внешний покров — изменит и свое русло источник. Мы на эту воду полагаться не можем. Нам нужен ключ, который течет под вечной мерзлотой.

— Это и есть ключ, который течет под вечной мерзлотой, — сказал Алеша самолюбиво.

— А тебе это откуда известно? Ты знаешь, сколько времени нужно, чтобы это узнать? Вот если возьмем его сейчас под наблюдение, начнем шурфить, будем изо дня в день измерять приток воды, ее температуру, и всякое другое еще там, — тогда к лету, может быть, скажем. Больно ты скорый. Алеша, — добавил Детко с усмешкой.

Вся свежесть этого утра, радость от нежного и торопливого звола ключа под ледяною корой, — все это отступило. Зима была только в начале, и самые суровые дни еще предстояло пережить им в тайге.

Ключи образовывались на склонах горы из выходов воды по трещинам коренных пород. Коренными породами были гранит и базальт. Там, где в давнем геологическом процессе возникали доисторические сбросы земли, из этих трещин выступала вода, образуя ключи. Гидролог замерил пространство, занятое наледями. Морозы стали сильнее, вода вытекала и образовывала лужи. Это было как бы дыхание земли. Тысячелетиями защищалась она водяным отоплением от угрожавшей живым ее силам вечной мерзлоты. Как золотоносные жилы, прорывали ключи ее омертвевшую толщу. Так началось наблюдение за найденным ими ключом. Все выше поднимался бугор наледи, все очевиднее изливался из его жерла поток. Несколько других меньших наледей появилось вдоль течения ключа. Между ними, видная под гонкой синеватой коркой льда, бежала ключевая вода. Алеша помогал производить с'емку местности. На него было возло-

¹ Бираган — речка.

² Дюка — лед.

жено теперь вести замеры расхода воды и наблюдать за ростом наледи. Первые неглубокие шурфы были заложены до талых слоев грунта. Так определялись границы таликовой площадки, на которой происходил выход подмерзлотной воды. Это были будни поисков, ежедневные цифры, журнал наблюдений.

Обнаженный и в особенно очевидной своей обреченности, взбегал редкий лесок над долиной реки. Зимнее солнце освещало больные стволы, их немощную, вялую белизну. Иногда стояло дерево с одной протянутой в сторону ветвью, как однорукий нищий на богатой дарами земле. Черемухин мечтал преобразить этот край, заставить отступить мерзлоту, зарастить его луговыми травами, и буйные новые леса появятся на освобожденной земле. Тысячи птиц прилетят на новые места, и человек придет обрабатывать обильную и плодоносящую почву. И он, Алеша, в числе первых ее устроителей. Это было не то восторженное чувство находки, которое он испытал, впервые услышав звучанье ключа. Вот он сидит в лесном балагане, наскоро построенном от непогоды. Мерзлота, оттаявшая от пожаров, превращается в жидкое холодное месиво. Простуда расползается по всему телу от застывших ног. Железная печурка раскалена в балагане, здесь можно отойти от мороза, выжигающего, как пламя, тайгу. Деревья болезненно трещат, словно стонут, иней отяжелил их безжизненные сучья, все мертво, голо, отдано жестокой службе. Только человек не сдаётся, оттаивает кострами землю, бурит первые скважины, напоминает, что не все умерло в этом крае вечной мерзлоты...

Скользя по снегу на лыжах, горячо выталкивая вперед белый клубок своего дыхания, Алеша напоминал сам себе этот буравящий землю, несмотря ни на что, живой ключ. Будущее за жизнью, а не за этим омертвлением, которое угрожает живым ее силам, и тысячу раз прав, конечно, в своих теориях и мечтаньях Черемухин!

— А ты думал как — пришел и взял? — говорит весь заросший густым

черным волосом бывший старатель Аксентьев. — Земля задаром человеку ничего не отдаст. Земля труд любит. Сколько я ее, земли, за свой век перекидал, — гору можно сложить. Мы с Гайсулиным золото брали на Алдане... так же пожогами шли. Золотая жила человеку тоже не сразу дается. Она тебя три раза вокруг обведет. Отчаешься, — и лучше брось, не ищи. Тут упорства нужно и труд. А ключ — та же жила... верно я говорю?

— Верно, — отвечает татарин.

Его ноги застужены и болят от тепла. Дважды заставляли его не выходить на работу, но он упорно выходил, несмотря на приказ. Круглое рябоватое его лицо обожжено морозом.

— Вот, парень, думаю я, — продолжает Аксентьев почти возвышенно, — зачем человек всё мурует, цельную свою жизнь на труд кладет? Сказано в Писании: не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы ваши. Ну, была корысть, мы это, старатели, лучше других знаем: искал человек золото для своей наживы. Что отхватил, то твое. Было время. Ну, а теперь-то, зачем труд убивает, в землю залезает, как крот? Зарботки туда его гонят? А я тебе скажу, отчего, — заключает он торжествующе. — Ты здесь в земле копошишься, а над тобой вся страна. Все государство твое над тобой. Ты золотник нашел, да сосед золотник нашел, а на эти золотники в темном нашем уральском селе школу построили. Моя баба прежде в закуте рожала. Как свинья поросилась, так и баба рожала. А теперь для нее родильное заведение построили. И тоже в темном нашем селе. Я землю в отвалы накидывал, думал — какой мой старательский труд? Ты целую уральскую гору навороти, а кто тебя в земле увидит? А теперь увидели, знают. Вот он, дорогой золотник, на лопате цельное золото кверху выкидываем. Вот и Гайсулин тоже, — говорит он вдруг строго, — ногу долго ли испортить совсем, а не хочет уходить от работы...

— А что у него с ногой? — спрашивает Алеша.

— А что бывает с ногой? Мерзлоту пожегом оттаешь, по колени в ней другой раз стоишь, — отвечает Аксентьев уклончиво.

Он докуривает папироску, его законстевшие руки отошли, можно возвращаться к работе. И они выходят из балагана все трое.

Люди полюбили свой ключ. Кажется, было в тайге живое существо, требовавшее их забот и внимания. Вот, наклонив ухо к тонкой корочке льда, можно услышать, как звонко бежит он от наледи к наледи неостывающим своим путем, и тогда кажется, что в закате, охватившем полнеба, обещание близкой весны.

В журнал наблюдений были записаны очередные замеры. Утром гидролог, как обычно, уехал на своей мелкорослой лошадке. Вдоль и поперек плеса реки были заложены проруби. По прорубям он определял толщу льда и скорость потока. Знакомой дорогой шел Алеша к ключу. Вот низкорослая березка со своей одной ветвью, указывающей на восток. Следы подков лошади в неглубоком снегу. Протоптанная рабочими дорога к источнику. Лес становится реже, взбегает на перевал. За перевалом спуск к долине реки, редкий лесок, наросший как попало, и наледи. Лисица петляла вдоль человеческого жилища и оставила помет на своем следу. Охотник научил уже Алешу распознавать следы зверя в тайге и записи на деревьях. Первая невысокая наледь белеет на спуске, за ней такая же другая, и дальше густой иней на кустах и деревьях над местом выхода ключа из земли. Морозный туман затянул с утра небо. Алеша стал спускаться по склону. Концы некоторых кустарников загнуты петлей — так легче в снегопады отыскать дорогу. На наледи выбиты ступеньки, чтобы человеку не нужно было обходить стороной. Это была работа Заксора. С топориком за поясом, с кисетом, который придерживает деревянная прицепка — гада, уходит он на рассвете в тайгу. Балаган из бересты, где можно отойти от мороза, построил он. Мох, подотсланный снизу, добыл он на торфяни-

ках. Алеша поднялся на наледь и увидел охотника. Наушники его шапки были подняты вверх. Вид у него был необычный. Он отошел вдруг несколько шагов в сторону, стал на колени и наклонил ухо к наледи. Потом он поднялся, сделал еще несколько шагов и снова стал слушать. Тут Алеша увидел нечто, чего он сразу не понял. Из кратера высоко поднявшейся наледи обычно бежала вода. Лужи замерзали слоями, и новые слои намерзали на них. Сейчас все было тихо, вода не лилась из наледи. Неужели источник замерз? Он быстро и скользя поднялся по наледи. Живой ее выход затянуло синеватым ледком.

— Что случилось, Заксор? — спросил Алеша с отчаянием. — Неужели замерз?

Охотник поднялся с колен. Редкие его усики заиндевели, верхняя губа казалась прошитой толстыми белыми нитками.

— Худое дело, — сказал он спокойно. — Ушел биракан.

— Как ушел?

— Ушел. Плохая вода. Другой искать надо.

Он сел на бугор и достал из-за пояса кисет. Если случается беда, прежде всего надо выкурить трубочку. Трубочка дает нужное спокойствие мыслям.

— Но ведь это несчастье... — сказал Алеша растерянно. — Как это могло случиться?

Охотник закурил наконец свою трубочку.

— Охотник зверя нашел. Один день сидит, ждет, другой день ждет. Уходит зверь. Опять искать надо. Бросит искать — ничего не найдет.

— Вот ведь ты можешь об этом говорить так спокойно. А это значит, что пропала зима!

Казалось, все их труды и надежды — все было потеряно. Вот только что бежал, изливался от своего изобилья, курлыкал песенку ключ, а теперь синеватая корочка льда помутнела, какие-то белесые мертвые пятна появились на ней. Сейчас прежде всего надо было найти гидролога. Они спустились к реке. Алеша понуро плелся позади

охотника. Ключ, бивший со дна реки, давно затух. Они привыкли сравнивать непостоянство этой надмерзлотной воды с богатой струей их живого источника. Теперь был мертв и этот источник. Они разыскали гидролога, и Алеша рассказал о несчастье.

— Ну, что же, случается, брат... — сказал тот не сразу. — Ушел по фильтрационным грунтам. Глина не пропускает воды, в песке же, в щебне вода может найти для себя более удобные ходы. — Он пригляделся к нему и положил руку ему на плечо. — Только не унывать, не теряться, Алеша... Конечно, приятного мало, но надо ведь быть готовым и к этому.

Он перекинул на низкорослую шершавую лошадку свое грузноватое тело и поехал к ключу. Алеша пошел за ним следом. Он вяло брел позади, потом отстал совсем. Сейчас остается одно — искать сброс или даже новый источник. Он вспомнил, что где-то в стороне, в километре от прежнего места, он видел таликовый прогал. На вершине горы, может быть, из трещин основных пород, выходила вода и далеко оттекала по склону. Наступали морозы и препятствовали дальнейшему движению воды. Тогда вода приподнимала толщу зимнего промерзания земли, и, как подземные водяные нарывы, вспучивались и сочились влагой бугры...

Ему казалось, что там же, возле талика, заметил тогда он неровность земли. Он припоминал сейчас эту местность. Выше, чем в остальной части долины, были подняты деревья на ней. Какие-то силы распирала земную толщину. Может быть, стоит только наклониться над наледью, чтобы услышать знакомое и певучее движение воды... Он направился теперь к этому месту. Линия наклоненных друг к другу деревьев, иней на них, каждая проталина могли обозначать ход ключа. Он поднимался на сопки, спускался в распадки, шел вдоль русла ручья. Но проталины не было. Так к вечеру добрал он до дома. В доме было темно, люди еще не возвращались. Он лег на свои нары и сейчас же уснул. Вероятно, позднее затопили печурку, потому что в лицо ему

несло жаром, от окон сзади дуло. Его лихорадило. Он завернулся с головой в одеяло и снова уснул. Сон был тяжелый и мутный. Большой волосатый Аксентьев сидит над таликом и удит в нем рыбу. «Вот, видишь, золотник», — говорит он и выдергивает леску из талика. Золотник мал и похож на плотвичку. Рядом с Аксентьевым на наледи лежат такие же золотники. «Еще золотник», — говорит снова Аксентьев и выдергивает снова плотвичку.

Он с трудом поборол этот сон. Уже рассветало. Окно посинело, и трещину на нем прошел иней. В доме все еще спали, из-под дверей тянуло холодом. Он тихонько спустил ноги, оделся и прошел мимо спящих к выходу. Мороз словно притаился в тишине. Толстый пушистый иней лежал на деревьях. Алеша шел знакомой дорогой. Между деревьями стояла еще синева. Морозный воздух остро входил в ноздри. От мороза или от быстрого шага скоро заломило в груди. Он остановился отдышаться. Глаза ломило от белизны. Потом он прошел сквозь лесок и стал спускаться по склону. В долине больше снегу, и жесткий кустарник одиноко торчал на ней. Он прислонился вдруг к дереву. Слабость, похожая на продолжение сна, овладела им. Постояв у дерева, он двинулся дальше.

Долина кончалась, теперь снова поднимался. Такой же редкий лесок взбегает кверху. Скоро будут видны знакомые наледи. От них надо взять на восток, итти прямо на белую однурукую березу, на которой должна быть затеска. На лбу его, несмотря на мороз, был пот. Если бы только талик обозначал выход ключа! Вот были и талик, и наледи, и видное под коркой льда течение ключа, и все это оказалось напрасным. Пройдут годы, уйдет в глубину вечная мерзлота, и кто-то улыбнется над их начальными усилиями, над тем, как с надеждой и упорством шагал Алексей Прямиков сквозь тайгу в поисках одинокого ключа, — в ту пору, наверное, странной покажется нехватка воды в этом богатом водами, хлебом и птичьим царством крае...

Он опять постоял, чтобы отдышаться,

и снова двинулся дальше. Сейчас должны показаться наледи. Он шел в их направлении, но наледей не было. За подъемом опять начался склон. Итти стало легче, ему было жарко. Вероятно, от близкой оттепели деревья так густо покрыты инеем. Густой иней на деревьях—куржак—хороший признак. Обычно бывает он над местом выхода ключа из земли. Стоит только пойти по следу этих густо покрытых инеем деревьев, и он придет к цели. Наверное, наледи он обошел стороной. Он шел теперь под деревьями и иногда задевал их. Тогда приятный холодный иней падал ему на горячие щеки. Вот здесь, под склоном горы, должен быть талик. Сейчас начнутся бугры. Откуда-то сверху горы сбегает ключ, чтобы с силой прорвать эту зимнюю толщу. Его вдруг качнуло, он больно толкнулся плечом о ствол дерева. Целая снежная осыпь упала на него и запорошила ресницы...

Алеша постоял под деревом оцепенело. Ему захотелось спать. Он вспомнил утреннее дыхание спящих людей в доме. Конечно, все это только продолжение сна с Аксентьевым, вылавливающим золотники... Он поглядел на небо. Небо было рассветлым и мутным. Нет, небо он видел наяву. Значит, он действительно один в тайге на рассвете. Но итти дальше у него нет охоты. Мысли его становятся ленивыми. Можно отдохнуть немного и потом двинуться дальше. И сейчас же его ноги сами услужливо уезжают вперед. Сидеть, прислонившись к стволу дерева, приятнее, чем двигаться. Неприятно только, что мокрый лоб быстро стынет. Потом приходит Аксентьев, садится рядом и запускает в талик свою удочку. Но талик мертв, и веселье тощие плотвички не клюют. «А ключ-то ушел»,—говорит Аксентьев и всем своим тяжелым телом наваливается на его ноги. Так они лежат, Аксентьев на его ногах, и он, Алеша, и приятное утомление протягивается от немеющих ног...

IX

Из неприкрытой двери тянуло холодом. Заксор поднял голову и всмот-

релся в синеву рассвета. Край одеяла с верхних нар свесился над ним. Он взглянул наверх, Алеши не было. Тогда он стал натягивать свои меховые доконт. Еще несколько привычных движений, и он был одет. Он вышел из дома и огляделся. Рассвет напомнил охотничье утро в тайге. В этот час белка выходит из теплого дупла на кормежку. Алеши не было видно. Черствый подмороженный снег не сохраняет следов. Вот с нижних сучьев густо заиндеветшего дерева кто-то на-ходу стряхнул иней. Зверь мог бы задеть только нижние сучья. Значит, недавно здесь проходил человек. Он пошел дальше по следу. Вот сухая веточка дерева, переломившаяся под ногой человека. Здесь, на спуске, поскользнулся тот на снегу и ухватился рукой за кустарник. Охотник пригляделся и на тонких жестких прутках нашел клочок шерсти из Алешиной варежки. Следов больше не было.

Падь тянулась узкой полосой между сопками. Охотник пошел дальше падью. Было уже светло. Редко и одиноко чернели посыпанные снегом кусты. Он достал кисет и закурил трубочку. Табак принес нужное спокойствие мыслям. Если бы Алеша захотел осмотреть снова ключ, он пошел бы обычной дорогой. Но он свернул в сторону. Ночью два раза охотник слышал стоны Алеши. Значит, тот был болен, или ему снился худой сон. Утренним ветром намело немного сухого снега с деревьев. Он наклонился и долго рассматривал след. Две слабые вдавлины едва видны на снегу. На Алеше были новые неразношенные валенки. Не всей ступней ступает человек в таких валенках. Вот пятно нажима передней части ступни, вот пятка. Это был след Алеши. Он приложил руку ко рту и трижды крикнул в морозную тишину утра. Никто не ответил. Только с ближнего дерева посыпался иней.

Он снова двинулся дальше. День серел медленно, поднимающееся где-то за слоями облаков солнце мало прибавляло света. Вдруг он увидел, как, торопливо хлопая крыльями, перелетела с дерева на дерево большая черная ворона. Она покружилась, прежде чем выбрала себе

удобную ветку. Если ворона кружилась над деревом, значит, что-то привлекло ее внимание. Нет птицы зорче и умнее вороны. Он опять приложил руку ко рту и крикнул. Ворона снялась с дерева, но не улетела, а сделала круг и села на другую ветку. Тогда он направился к этому месту. Еще издали он увидел Алешу. Алеша сидел под деревом, прислонившись спиной к стволу, голова его была опущена на грудь. Охотник опустился на колени и стал трясти его за плечи. Голова Алеши качалась, кончик носа и правая щека побелели. Охотник стал расстегивать его полушубок. Он приложил ухо к его груди. Сердце под расстегнутым на груди полушубком билось медленно и вяло, как бы остывая. Тогда тот обнажил его грудь. Он набрал полную пригоршню снега и короткими и сильными движениями стал ее растирать. Алеша застонал. Охотник продолжал растирать его грудь.левой рукой он бил его по обмороженной щеке. Слезы показались на ресницах Алеши. Он приоткрыл глаза и мутно поглядел на него, узнавая.

— Это ты, Заксор... — сказал он и хотел улыбнуться. Его клонило ко сну, но ему не давали уснуть. Охотник снова наклонился ухом к его груди. Сердце стучало отчетливой. Теперь он начал растирать ему щеки и нос. Белые пятна на лице Алеши стали розоветь. Оставалось дотащить его до дому. Он помог ему подняться. Алеша сделал два шага и стал снова опускаться на снег.

— Подожди, Заксор... я посплю, — сказал он утомленно.

Охотник попробовал взвалить его на плечи, но мягкое тело в полушубке и валенках было тяжело. Он опустил его снова на снег и достал из-за пояса топорик. Короткими косыми ударами он срубил в стороне две березки, сбил с них сучья и стесал полукругом концы. Потом он снял с себя ременный пояс, сделал на деревьях зарубки и накрепко соединил ремнем. Теперь оставалось поставить Алешу на ремennую эту растяжку между деревьями и навалить его на плечи. Вся тяжесть тела придется на растяжку, и затесанные снизу деревья будут скользить округлыми своими кон-

цами по снегу. Он положил руки Алеши себе на плечи и связал их спереди платком. Потом он впрягся и потащил его из леса. Концы деревьев скоро обмерзли и хорошо скользили по снегу. Пот тек по его лицу из-под шапки. Клубы дыхания оседали инеем на усах и в ноздрях. Надо было спешить, чтобы белые пятна не появились снова на щеках Алеши. Только бы дотащить до дороги к ключу. Там может встретиться начальник на лошади. Он останавливался отдышаться. Снег по обеим сторонам пади зеленел и краснел. Когда кровельщиком сильно бьет в голову, тогда начинает человек видеть все в таком цвете. Пот застывал на ресницах, и он плохо видел. Труднее всего на подеме. В ушах начинается звон, и самое опасное, если лопнет от напряжения главная жила. Когда лопается главная жила, человеку приходит конец. Эту жилу охотник прежде всего перерезает в раненом олене.

Вот лесок редееет, и надо подняться вдоль пади до однорукого дерева. Рябчик вдруг взлетает из-под самых ног. Рябчик напоминает, что охотник не должен уставать на охоте. И он волочит дальше свое тяжелеющее сооружение. Сквозь смерзшиеся ресницы он видит знакомый кустарник со скрученной в петлю одной веточкой. Вдруг ветер доносит горьковатый запах дыма, жилища. Теперь он идет напролом, уже не видя пути, натываясь на кусты и деревья. Начальник стоит у порога дома. Он всматривается в их сторону и бежит навстречу.

— Вот, пришли, — говорит Заксор, и на этот раз тело Алеши придавливают его, и он опускается с ним рядом на снег.

Серьезный и похудевший, лежит Алеша на нарах.

— Ты меня спас, Заксор, — говорит он вслух как бы сам себе и качает головой. Слезы появляются на его глазах, и он часто моргает, чтобы их не было видно.

— Я тебе помогал, ты мне помогал, если надо, — отвечает снизу голос. — Какое дело? Нанай всегда вместе живет.

Охота вместе, кета идет — вместе. Один человек — что может? Ничего не может. Много люди все можно.

Алеша снова закрывает глаза. Что было за эти две недели его болезни? Приезжал Магафонов, привозил с собой фельдшера. Наверное, торжествовал Магафонов, что ключ ушел! Сейчас все прошло, завтра он встанет в первый раз. Еще через несколько дней он сможет уже выходить.

— Я все расскажу Дементьеву, — говорит он снова, — все, что было.

— Что было — думать зачем. Вперед думать надо, — отвечает Заксор. — Ты меня просил рассказать, как нанай жить стал в первый раз. Могу рассказать. Про Актанку могу рассказать. Актанку знаешь? Председатель колхоза. Вот как нанай стал жить в первый раз. Русские еще не приходили, Амур широкий был, — Хэй-лун-цзян¹ звали. Зверя много было. Есть сопка Мэкэ. Нанай пошли на охоту, взяли с собой паталà²... девушка. Долго нанай охотились. Соболь тогда был, сохатый был, тугдэ на дереве сидел... Раз нанай приходят в свой унтэха, тигр, видят, сидит. Тигр ничего худого не делал, тихо ушел. Другой раз опять видят, тигр в унтэха сидит. Опять тихо ушел. Охотники спросили паталà: что тигр ходит, она не боится? Она говорит — нет. Потом узнали — тигр паталà муж стал. Как так могло быть? Стали спрашивать патала. Она говорит: тигр пришел, сказал — будешь женой. Потом родился у нанайской патала мальчик. Ему имя дали Актанка. Актанка — что значит, знаешь? Значит — рожденный от тигра, вот что значит. Потом мальчик вырос, стал охотником. Лучше всех стал охотником. Потом он женился, и у него много стало детей. Может быть, сто человек стало. Всем им отец был Актанка, и так стали нанай жить в первый раз. Вот всё, имн'га³ называется.

Алеша слушал. Глаза его были открыты.

¹ Хэй-лун-цзян — река Черного Дракона, китайское название Амура.

² Паталà — девушка.

³ Имн'га — легенда.

— И ты произошел от Актанки? — спросил он погоду.

— Мой род другой. Есть род Киле — один род. Есть род Заксор. Есть Бельды, большой род. Пассар есть род. Актанка — главный, от Актанки все нанай пошли, — сказал он убежденно.

Это были часы выздоровления. Охотник оставался с ним в доме. Печурка жарко горела, и чайничек посвистывал на ней. Когда Алеша окреп, охотник стал уходить в тайгу вместе с другими. Алеша переселялся на его нары и читал книги гидролога. Здесь были книги по водоснабжению в районах вечной мерзлоты, по строению земной коры, здесь нашелся и Пушкин. Теперь можно было написать ответное письмо Аниське. Вот он, Алеша, возмужал в тайге и подвергся уже первым испытаниям. Он лежит один в лесном доме. Все ушли на работу. Крышка на чайнике подрагивает, а за окном мороз, какого не знают на Амуре. Синяя жила термометра вторую неделю неподвижно стоит на тридцати пяти градусах. Но он рад испытанию и даже болезни. Он понял теперь людей, которые окружают его. Ради какой цели ушли они, Аниська, в тайгу, терпят лишения, отказываются от отдыха и скрывают болезни? Эта цель раскрыта сейчас и перед ним во всем высоком и всеобщем своем назначении. Много можно было еще написать Аниське в письме. О книге Пушкина он попросит Дементьева или сам постарается достать ее в Хабаровске.

Он прочел раз вслух его стихи из найденного в библиотечке гидролога томика. Стихи Заксору понравились.

— Как песня поешь, — сказал он одобрительно. — Еще раз можно.

Алеша прочел теперь «Цыган». Охотник чинил порвавшиеся унты и слушал.

— Он убил? — спросил он затем, помолчав. — Один нанай тоже раз убил. Все его прогнали. Иди, живи один. Как хочешь, живи. Старик прогнал, хорошо. Он живой сейчас?

— Кто? — удивился Алеша.

— Кто убил.

— Так ведь это же выдумка... так только в книге написано.

— Раз написано, — значит, живой

человек был, — сказал Заксор убежденно. — Нанайский им'га есть разный, все так было, как старики рассказывают.

Он не верил, что можно выдумать случаи, которых не было в жизни. Если есть песня про это, значит, был такой человек. Старик прогнал его. Пускай живет один. Все правильно. Люди должны жить сообща и помогать один другому. Такой есть старый нанайский закон. Когда человек хочет иметь свой закон для себя, пускай живет один, никто помогать не будет.

Вечером подсел на нары к Алеше гидролог.

— Сегодня запрашивал о твоём здоровье Дементьев. Я написал — ты здоров, скоро начнешь выходить. — Он пригладелся к его похуевшему и повзрослевшему за время болезни лицу. — Все это тебе наука, конечно, — добавил он еще. — Природа в руки сама не дается. Надо уметь ее взять. А для этого прежде всего нужны знания. Книг нужно много прочесть, и поработать немало нужно. Природа пустоого героизма не любит... таким людям она мстит. Вот ведь и ты пострадал, друг.

— Я и не жалею нисколько, — сказал Алеша убежденно. — Зато у меня есть теперь опыт.

— Ну, опыт, проложим, небольшой. Но кое-чему он тебя научил. А ты думаешь, как я пришел к этому делу? Я тебе расскажу. После окончания института мы должны были еще два года поработать на практике. Тут были у меня предложения — в Крым и на ирригационные работы в Среднюю Азию, мог остаться и работать на Волге... ты ведь о «Большой Волге» слышал? Но я предпочел Дальний Восток, потому что Дальнему Востоку больше всего нужны люди. Его нетронутые богатства ждут только, чтобы человек прикоснулся к ним. Но дело даже не в этом. А в том, что здесь для нашего брата изыскателя, — высшая и лучшая школа. Кто поработал на Дальнем Востоке, тот годится для работы в любых условиях. Главное, Алеша, — мужество и выдержка, и любовь к труду. И еще надо помнить —

здесь, на Дальнем Востоке, особенно чувствуешь, что и труд твой, и подвиг, и надежды, — все это для своей страны, для родины, для ее процветания. — Он задумался. Желтый огонь лампы освещал суровое убранство этого их временного дома в тайге. — Я многому научился здесь. Ведем работу в местах, которые до сих пор были как бы прокляты... все отказались от нее, даже американцы. А ведь проблема эта — в сравнении с другими проблемами — не основная, не первостепенная... даже не проблема, а просто препятствие, которое в один год мы должны устранить. И мы его устраним!

— Устраним, — повторил Алеша. Гидролог вдруг улыбнулся.

— Ты уверен?

— Уверен.

— Ну, значит, устраним. Самая лучшая наука без веры — пустая наука. Верь и иди туда, где больше всего препятствий и трудностей... только так формирует себя человек, — заключил он упрямо.

Он сидел теперь рядом с Алешей, как старший и так недостававший ему в детстве брат. Его голубые глаза смотрели на огонь лампы. Не побоялся трудностей, бьется в русле перемерзшей реки, ищет и верит гидролог с такой смешной и короткой фамилией — Детко. И Алеша почувствовал, что он снова здоров, снова через несколько дней он выйдет в тайгу вместе с другими, снова начнут они поиски... И буровой мастер Аксентьев тоже подсел к нему в этот вечер, и впервые так близко увидел Алеша обычно затерянные в густой бороде и дремучие его глаза. Дружелюбно и сочувственно были обращены к нему сейчас эти глаза.

— Я тебе мою сказку про землю не сказывал? — спросил Аксентьев. — Сколько я на своем веку земли перекидал? Начальник вот про родину поминал, я послушал. И я тебе тоже скажу. Я на Урале пятьдесят четыре года назад родился, тридцать лет старателем ковырялся в земле. Земля та же самая, и отвалы те же самые... только я другой стал. Я вот с десяти лет должен был

хлеб зарабатывать, коров сначала пас, старателю на вашгерте мыть помогал... какое это детство, слезы, а не детство! Всё труд, всё нужда, всё нехватки. Ну, бывали случаи, фартило другому. Богатели золотопромышленники, в Екатеринбурге дома построили не хуже дворцов. Благодарность им за царской печатью из Петербурга посылали. Казне тоже неплохо, от золотишка никто не отказывается. А я что имел? Дом не мой и родина не моя. Царева родина да золотопромышленника Полузадва родина, да Привалова родина. А твоя родина какая? В солдаты итти служить, подати платить, землю в отвалы выкидывать — вот твоя родина. Так я для нее вот столько себя не дам! — Он потряс перед лицом Алеши сложенными щепотью пальцами. — А теперь шурф бурю — думаю: найдем водицу, поставим дело. Зашумит мой край, пойдут поезда, и сам я в нем первый, главный человек, Аксентьев! Для царя ишу воду? Для себя ишу воду. Моя земля... на какую сторону ни подамся — везде я свой человек. Это, брат, дорогого стоит! Вот и работаем, и нехваток никаких не считаем. Пускай рожь шумит по всей стране, ключи бегут, а человеку на мерзлоте этой сеять можно. Вот ты и думай, — и корявым пальцем с черным ногтем он постучал о лоб Алеши. — Ты пораскинь здесь, и ключ твой до самой Москвы потечет, до Кремля потечет, вот куда потечет... А знаешь, парень, работаешь как, когда к твоей работе внимание есть? Гору своротишь — не заметишь. Вот татарин Гайсулин... ты думаешь, у него ревматизм в ноге? Рана у него, может, до самой кости... а его с работы силком снимать надо, не уходит. А разве бы прежде он так работал? — Он вдруг улыбнулся. Зубы у него были белые, без единого из'яну. — Значит, если мы это дело с тобою прикинем, — продолжил он добродушно. — нам о том, что ключ у нас ушел, скучать нечего. Раньше старатель один искал, для себя. Слепой в земле работал, как крот. Случалось, уходила жила, пропадала добыча. Люди с горя вешались, бывало и такое. В удаче было счастье... нашел — бери, твоя

прибыль. А теперь ты не нашел, я нашел, а цель одна, общая, для всего государства цель. Вот и отдает человек свои силы, и ничего не жалеет!..

Только полторы недели спустя позволил гидролог Алеше выйти вновь на работу. За эти недели, что он болел, много раз уходил охотник один в тайгу. Он поднимался на наледи и долго прислушивался, не журчит ли в их глубинах вода? Наледи были мертвы, и ключи, поднявшие их, перемерзли. Тогда он шел дальше. Пьяный лес, вздыбленный на буграх, обозначал движение глубоких ключей, но все это были давние и затухшие источники. Так он кружил по спиралям, сужая круг поисков.

Незадолго до выздоровления Алеши он набрел в пади у подножия сопки на оттаявшее место в снегу. Снег был здесь сероват, как бы подмоченный снизу, и на деревьях над ним густо лежал иней. Два дня спустя охотнику показалось, что место это приподнялось. Он отметил его затесями на деревьях и заметками на кустах. Теперь он повел на это место Алешу. Они перевалили через сопку и пошли на восток. Тайга по обеим сторонам защищала широкую падь. Река делала здесь поворот, и падь имела наклон в ее сторону.

— Ты нашел что-нибудь, Заксор? — спросил Алеша обеспокоенно.

— Говорить что можно? Сперва смотреть надо, — ответил охотник.

И он привел на это место Алешу. Пять дней назад здесь еще ровным пластом лежал снег. Сейчас они увидели бугор. Казалось, какая-то опухоль образовывалась на этом протаявшем месте. Два деревца, росшие сбоку, имели теперь очевидный наклон. Ничего, кроме пропарины и обильного инея на деревьях. Синеватая корка льда уже выросла по бокам бугра. С волнением Алеша смотрел на этот бесспорный признак воды. Пока еще ничем не обнаруживала она своего выхода из земли, кроме небольшой этой наледи. Но много наледей набухало кругом, были все они пусты, как обманчивые безводные колодцы. Теперь оставалось вести наблюдение. Они ничего не сказали о находке гидрологу. Недавняя неудача была еще

в памяти. На другой день они снова пришли на это место. Накануне складным метром Алеша измерил высоту бугра. За сутки он поднялся на двадцать три сантиметра. Казалось, опухоль набухла на живом и пульсирующем теле земли. Теперь их надежды были сосредоточены на этом ледяном бугре. Алеша отмечал высоту, растущий объем таликовой площадки, все безошибочные и изученные уже за эти месяцы поисков признаки воды. Облик местности начал меняться. Все выше поднималась конусообразная наледь, и лед прозрачно синел на ней, как на реке перед половодьем.

Наступали последние месяцы зимы. Именно в эту пору вода подмерзлотного живого ключа должна быть в полном подборе. Неутешительные сведения отправлял ежедекадно гидролог Черемухину. Заложенные скважины и шурфы не обнаружили воды в наледях. Речные русла перемерзли. Самым неутешительным было сообщение, что ключ оказался непостоянным, и вода в одно утро ушла.

Был уже двенадцатый день их наблюдения за новым источником. Как обычно, они пришли сюда в утренний час. Морозный туман стоял между деревьями. Высокое небо, обещавшее солнечный день, синело холодно и бесплодно. Было, однако, во всем этом натруженном воздухе какое-то обещание весны. Охотник поворачивал лицо и нюхал широкими ноздрями приплюснутого носа знакомые токи. Так, после большого снегопада в тайге, посылал вдруг в конце февраля свое широкое дыхание Амур. Птицы чувствовали это дуновение весны и жадно клевали выпавший снег. Может быть, был уже в нем вкус дождевой влаги. Знакомой дорогой спустились в падь. Наледь поднялась еще выше. Они обошли вокруг всю таликовую площадку. Алеша достал метр, чтобы отметить в журнале рост бугра за истекшие сутки. Вдруг охотник остановился. Он быстро откинул наушники своей шапки и прислушался. Потом он встал на колени. Сердце Алеши мгновенно забилося. Медленно, чтобы снег не скрипел под ногами, он подошел к

нему. Все было тихо. Только ухнуло в стороне треснувшее от мороза дерево. охотник отстегнул от пояса берестяную воронку и широким концом приложил ее к наледи. Потом он наклонил ухо к воронке. Лицо его стало напряженным. Прищуренные глаза смотрели мимо. Верхняя губа с редкими белыми волосками усов приподнялась. Алеша ждал. Потом тот сделал ему знак рукой. Алеша торопливо опустил ладонь рядом с ним на колени и приложил ухо к берестяной воронке. Он даже закрыл глаза, чтобы лучше сосредоточиться. И вот в этой воронке, как в гулкой поющей раковине, услышал он странный звук. Тонко и отдаленно, но настойчиво журчало и булькало под ледяной коркой. Говорливый ключ торопливо бежал, прорвав толщу вечной мерзлоты, и, стиснутый перемерзшим надмерзлотным слоем, жадно прорывался наружу, навстречу жизни... Казалось, земля напоминала, что она жива и не все ее силы обеспокоены и убиты вечной мерзлотой. Алеша оторвался, наконец, от воронки. Блестящими от волнения глазами он смотрел на охотника.

— Идет, — сказал тот. — Немного идет.

И улыбка медленно, точно сползало заслонявшее облако, появилась на его лице.

— Но ведь это же, Заксор... ты знаешь, что это... — сказал Алеша и не кончил.

Он хотел сказать ему, что это самый счастливый, может быть, в его, Алешиной, жизни день, что он верит в этот ключ и что теперь позади неудачи... Но лучше всего было не говорить ничего. Звучал и пел под коркой льда этот созревший, в полном своем зимнем подборе, ключ, и, наклонившись над наледью, можно услышать теперь, как он течет. Были в этом его торопливом бульканьи какие-то весенние обещания, напоминание о весне на Амуре, о перелетах птиц и о том, что самые замечательные и полные весны еще предстоит только встретить ему, Алеше.

— Теперь может начальник придти посмотреть немного, — сказал Заксор довольно.

Дело было сделано, и можно открыть его людям.

— Это будет твой ключ, Заксор, — сказал Алеша. — Я скажу Дементьеву, чтобы назвали его твоим именем.

— Пускай нанайский ключ называют, — ответил охотник серьезно. — Нанайский народ много, как лес... я один — дерево. Лес шибко шумит, все кругом слышать можно. Дерево одно шумит — кому слышно?

Еще ни разу не чувствовал Алеша весны в воздухе так, как в этот день. Ему казалось, что даже ветки деревьев коричнево потемнели в предчувствии соков. Он распахнул бы полушубок, если бы не дал гидрологу слова беречь себя. Они спускались теперь к руслу реки. Что могли значить все эти буровые работы в мертвых наледях, когда в полукилометре отсюда звенит живой полный ключ... Еще издали он увидел гидролога и первым подбежал к нему.

— Иван Николаевич... — сказал он, задыхнувшись. Он хотел отрапортовать деловито и спокойно, как полагается изыскателю, но волнение мешало ему, и несвоевременный петух вылетел-таки в его мальчишеском и восторженном выкрике:

— Есть вода! Нашли ключ!..

И вот прорывает тонкую корку льда

нанайский источник. Вода изливается наружу сквозь кратер и, намерзая, поднимает все выше и выше ледяной бугор. Величественно и одиноко стоит он в долине, как напоминание о силе земли. На низовых бортах наледи образуются лужи. Они замерзают, и дальше во все стороны распространяется наледь, захватывая долину. Многословное и обстоятельное донесение посылает Черемухину гидролог. Уже производится съемка местности выхода ключа, наносятся границы наледи, ведется наблюдение над ходом живой воды в ней, и первыми неглубокими шурфами и буровыми скважинами прощупываются в границах выхода ключа талики. Несмотря на запрещение гидролога, татарин выходит на работу, потому что никто в эти дни не может оставаться дома.

— Пошла вода... — говорит оживленно Аксентьев, и со скрежетом вгрызается в лед бурав вращательного бурового станка. Ледяные брызги летят из-под бурава, и медленно, оборот за оборотом, высверливает он в наледи скважину. Февраль кончается, и март чувствуется теперь в долгих рыжих закатах, стынущих в холодном небе, во всей этой легкой и незаметной передвижке времени года, которую своими сплюснутыми, жадно ловящими каждое дуновение, ноздрями безошибочно чувствует охотник.

(Окончание следует)

Стихотворения

ЛУИС ДЕ ТАПИА

1. РУССКИМ ЖЕНЩИНАМ

За женщину России молодой,
Где вьется снег
и спит Нева немая,

Сегодня
над землей
и над водой
Я звонкий голос песни подымаю.

Щедра,
и прямодушна,
и нежна,

Умом и сердцем ты близка поэту,
Ты благородна, как твоя страна, —
Прими же песню искреннюю эту.

Твоя мораль прекрасна и нова,
Ты ей верна, как знамени в походе.
Тобой нагружен пароход «Нева»,
Твое добро на этом пароходе,
Твоя любовь к свободе и труду
И преданность испанскому народу!
Ты ощущаешь, как свою беду,
Нужду народа
и его невзгоду.

Плоды твоей любви,
твоей земли

Любых щедрот нам ближе и дороже.
Республики советской корабли
На корабли другие не похожи.

Для наших матерей и для сестер
Ты судно жаждешь нагрузить любое,

И руки с благодарностью простер
К тебе народ мой
из огня и боя.

Ты — дочь великой молодой страны,
Где нет
ни рабской лжи,
ни рабской лести,
Где граждане свободные равны,
Где труд стал делом доблести и чести.

Мы от души благодарим тебя
За все твои прекрасные подарки,
За все, что ты послала нам, любя, —
Консервы хороши

и ткани яркие,
И дружеская верность дорога
Перед лицом жестокого врага.

Любой консервной банке
или блузке
Немало сообщила ты тепла...
Да, нежность надо понимать
по-русски,
Чтоб эта нежность подлинной была.

Запомнят наши матери и дети
Твою поддержку в трудный час
войны —

Все подлинные женщины на свете
Равняться в чувствах по тебе
должны.

2. ИСПАНСКИМ ЖЕНЩИНАМ

Дети моей республики,
Красные амазонки,
С четким и гордым профилем,
С поднятым кулаком,

В черном дыму и пламени
Ваш благородный голос
Радует сердце война,
Раненного в бою.

Сколько высоких подвигов
Вы совершили в жизни!
Сколько любви и доблести
Каждой из вас дано!

Разве вы мало отдали
Самой горячей крови,
Чтобы спасти для родины
Раненых и больных?

Каждая дочь Испании
Жертвует всем для боя,
Сердце ее наполнено
Ненавистью к врагу.

Знайте же, наши матери, —
Мы не дадим вовеки
Хищникам и насильникам
Поработить народ.

Ваше потомство храброе
Не рождено для рабства.

Ждет нас другая, светлая,
Радостная судьба.

Матери пролетариев,
Головы вскиньте выше!
Впрах разобьют мятежников
Вольные сыновья!

Нам дорога республика,
Нам дорога свобода,
И от любого натиска
Мы отстоим ее.

И молодежь Иберии
Миру заявит гордо:
— Мужественные матери,
Нас провожали в бой.

Перевел с испанского

ЛЕВ ДЛИГАЧ.

Стихотворения

ВИСЕНТЕ АЛЕЙКСАНДРЕ

1. ДЕТЯМ, ПОГИБШИМ В МАДРИДЕ ОТ ФАШИСТСКОЙ КАРТЕЧИ

Несчастные женщины
мечутся в страхе по улицам;
Они возникают,
как призраки в плотном тумане.
Разбил их жилище
и выворотил наизнанку
Фашистский снаряд
с иностранным клеймом на боку.
Из груди развалин
доносятся крики отчаянья —
Там смерть воцарилась,
она торжествует сегодня.
Окраины города
хищным схвачены пламенем;
И рушатся стены,
и градом летят кирпичи.
И стонут и мучатся дети
в предсмертных конвульсиях;
Их срезал свинец,
как весенние шумные ветви,
Когда над Мадридом
взметнулся внезапный, как мол-
ния,
Чужой, безрассудный,
далекий, убийственный свет.
Они засыпали,
мечтая об играх и сладостях,
Для жизни рожденные,
не увидавшие жизни.
Они засыпали
под грохот и гром артиллерии
И, видя веселые сны,
улыбались во сне.
Но вот по окраине
мчатся несчастные матери...
Мгновенная смерть
ворвалась через окна и двери.
Она оторвала у мальчика руку
и бросила
В жестокую мглу,
сзаренную зарезом крови.
И каждая капля
младенческой крови запекшейся,
Как замерший крик,
бередит и волнует сознание,

Зовет отомстить
дикарям, палачам и насильникам
И к небу вздымает
могучий и грозный кулак.
Прекрасные лица,
глаза молодые и ясные,
Дыхание чистое,
сердца живые удары,
Серебряный голос,
поющий веселую песенку,
Врываясь в дома,
настигает и губит картечь.
В неслыханных, страшных
невообразимых мучениях,
В огне и дыму
умирают испанские дети —
Невинные жертвы
носителей тьмы и насилия,
Чья цель и мечта —
кабала, разрушение, смерть.
Летят бомбовозы, —
немолкнущий клеткот стервятников
Как бы предвещает
внезапную гибель невинным;
Отчетливо виден в тумане
их блеск металлический
При бледном и сказочном свете
холодной луны.
И стоны, и вопли,
и тяжкие вздохи доносятся
Сквозь гул канонады
и рев озверелых моторов.
Повсюду разбросаны
страшные детские трупики,
Повсюду
предсмертные детские крики
слышны.
Они возникают из мглы
после каждого выстрела,
Они проникают настойчиво
в каждое сердце,
Они вылетают внезапно
из каждого здания,
Они подымаются, гаснут
и снова растут.

Страшнее любого убийства,
 страшнее безумия,
 Страшнее тяжелого
 артиллерийского гула —
 Протяжный, мучительный,
 страшный и неумолкающий,
 Стоящий над городом
 детский отчаянный крик.
 Вы видите жалкое зданье
 с разбитыми окнами,
 С растерзанной бомбами крышей
 и вырванной дверью.
 Из всех закулков,
 из каждой дыры и пробойны
 Несутся немолчные крики
 испанских детей.
 Весь мир пусть услышит
 предсмертные эти стенания,
 Весь мир пусть увидит,
 как гибнут невинные дети,
 Как плачут и мечутся
 осиротевшие женщины,
 Как руются зданья
 и воют снаряды в ночи.

Смотрите и слушайте!
 Братья, смотрите и слушайте!
 Вы видите — детское сердце
 умолкло навеки,
 Распорот живот,
 и застыла в глазах обезумевших
 Мольба отомстить,
 жестоко отомстить палачам.
 Горячее чувство тревоги
 и негодования,
 Высокое чувство единства
 и страстного гнева
 Уже охватило
 не только Мадрид и Испанию.
 Оно подымается
 в тысячах наших друзей.
 Иберия встала
 и дружно взялась за оружие;
 Мадрид героически ринулся
 в бой за свободу;
 В испанской стране
 совершается подвиг за подвигом;
 Ценой своей жизни
 республику мы отстоим!

2. КАТАЛОНСКИЙ МАРШ НАРОДНОЙ АРМИИ

Вовек не забыть нам
 трагической даты,
 Когда взбунтовалась
 фашистов орда,
 Чтоб родину в рабство
 продать без возврата,
 Чтоб честь и свободу
 отнять навсегда.

В Испании бой
 загорелся жестокий —
 Пошел на врага
 возмущенный народ.
 На юге, на севере
 и на востоке
 Пусть каждый, кто честен,
 оружие берет.
 Вперед!
 Спать боевой дисциплиной
 Мы армию нашу должны,
 Охвачены волей единой,
 Согреты любовью страны.

Завыли снаряды
 и пули запели,
 Страна закаляется
 в жарком бою.
 Врагам доказать
 мы сумеем на деле
 Отвагу, и доблесть,
 и силу свою.

Народную армию
 пылким приветом
 Везде и повсюду
 встречает народ.
 По ясной улыбке,
 по братским приметам
 Бойцов за свободу
 страна узнает.
 Вперед!

Спать боевой дисциплиной
 Мы армию нашу должны,
 Охвачены волей единой,
 Согреты любовью страны.

Перевел с испанского

Лев Длигач

Стихотворение

В СТОРОНУ ДНЕПРОПЕТРОВСКА

АЛЕКСАНДР ЖАРОВ

Если хочешь убедиться просто
В том, как вырос, как поднялся
край, —

В сторону Днепропетровска
По любой дороге поезжай.

По любой шагай тропинке узкой...
Вот — подсолнух радужно зацвел
На полях украинских и русских,
И еврейских, и немецких сел.

Здесь былой раздор теперь не снится.
Ласково пылает южный день
Над всеобщей гордостью пшеницы,
Ростом обгоняющей ячмень.

Дальше — степь. Цветы и травы
счесть ли?

Дальше — горы. В залежах — руда
Гаснет солнце, зажигая песни
Над всеобщей радостью труда.

Дружбой наций песни зазвенели.
Вечер сыплет серебро росы
На еще невиданную зелень
Свекловичной полосы.

По Днепру скользят штрихи
заката.

Днепр веселым пламенем об'ят.
Всё же печи Днепрокомбината
В этот вечер ярче, чем закат.

Пароход подходит плавно к шлюзу.
В Черноморье семафор открыт...
Это все Советскому Союзу,
Родине моей принадлежит!

Энергия

Роман

ФЕДОР ГЛАДКОВ

Часть третья.

(Продолжение ¹)

III.

ЗА СТАКАНОМ ЧАЮ

1.

С нижнего поселка перебрались наверх, в соугород, все ответработники. Балеев, Шлиппе и Стрижевский поселились в отдельных каменных домах по соседству друг с другом; в двух комнатах дома Кряжича поместились Мирон и Гудим. Паша Бочка переселилась на левый берег в один из трехэтажных стандартных домов, похожих на дадановские ульи. Она бледнела от одного вида этих сундуков и перебиралась туда угрюмо, с болью в душе. Когда она говорила об этом с Мироном, глаза ее за очками темнели. Минутами ей думалось, что это ее переселение коварно устроил сам Мирон, чтобы держать ее подальше от себя, и ей было обидно и горестно. «Неужели он такой трус и негодяй?» Когда же встречала его тугой взгляд, чувствовала себя ничтожной и злой. «Нет, он не мог этого сделать... не мог этого позволить себе...».

Мирон видел, как она страдает, и ему было досадно и смешно: какие эти женщины странные существа! Паша не может ему простить своей любви... Он за-

мыкался и холодел от этих ее мучительных глаз.

— Мне до смерти не хотелось перебраться на левый берег, товарищи, — сказала она однажды в парткоме: — Я не выношу этих казарм. А вы даже не поинтересовались, как я устроилась.

— А разве ты — там? — смутился Цезарь. — Я и не знал. В этом ты — права.

Мирон пытливо посматривал на Пашу и решал вопрос: как понимать этот ее упрек? В ее лице он не заметил той злобы и отчаяния, какие свойственны ревнивым женщинам. Был момент, когда она взглянула на него с надеждой и нежностью.

— Да, вышло немножко коряво, Паша. Тут АХО орудовало. Со мной тоже произошел казус: прихожу к себе домой и ничего не понимаю — голые стены. Думал, что все мои пожитки сперли и даже телефон. А потом мне сообщили, что меня перебросили на верхний поселок. Не беспокойся, устроим. Хочешь, переселяйся в мою комнату, а я перееду в твою.

— Нет уж, как-нибудь обживусь. За чем же такие жертвы?

— Ну, какие там жертвы? Что за ерунда!

— Нет, нет, Мирон, ни за что! Я каюсь, что затеяла этот разговор.

Гудим повесил трубку и прикрикнул на Бочку:

¹) См. «Новый мир», кн. 6 с. г.

— Каются только путаники и неврастеники. Понятно?

У Цезаря вспыхнуло лицо от яркой улыбки, и высокие влизы покраснели.

— Гудим суров и прямодушен. Однако своей комнаты Бочке не предлагает.

Паша фыркнула.

— Зато он очень убежденно рассуждает насчет любви к товарищу. Для него товарищ — это все. Нет товарища — нет любви.

На лице Гудима не отразилась ни ехидная ирония Паши, ни горячая улыбка Цезаря, ни усмешка Мирона.

Паша встретилась глазами с Мироним и смутилась.

Она вышла из комнаты, растерянная и похорошевшая.

Цезарь с изумлением посматривал на Мирона и Гудима.

— Что с ней такое происходит? Она стала какая-то странная.

Гудим бесстрастно ответил:

— Она дитенка хочет. Говорили мы с ней однажды. Она, кажется, тебя облюбовала, Ватагин.

— Это еще что за разговор, Гудим?

— Бочка — баба хорошая. Ее надо понять. Не злись. Не первый год замужем. Я никому не скажу.

А Мирон украдкой следил за Гудимом и Цезарем.

«Знают они или не знают? Впрочем, если бы и знали, все равно не осудят. Я, кажется, трушу. И зачем это я допустил? Я каюсь, потому что поступок опередил мысль. Каются только путаники и неврастеники. Нет, Гудим: каются и здоровые и твердые люди. Каются мучительно те, у кого развито чувство совести. Для Гудима совесть — интеллигентская болезнь. Чепуха. Совесть — чувство глубоко человеческое... Могучий общественный инстинкт. Цезарь меня скорее поймет, чем он. Хватит ли у меня мужества, чтобы сказать им начистоту о том, что произошло? А надо ли это? Может быть, эта тайна — здоровый иммунитет хотя бы для той же Паши?».

Цезарь думал над какой-то рукописью и не отвечал на пытливые взгля-

ды Мирона. Только однажды бессознательно вспыхнуло его лицо теплой улыбкой друга. Что за человек этот Цезарь? Почему они ни разу не поговорили по душам? Мирону впервые пришла эта мысль, и он удивился. Вот уж два года работает он с этим Цезарем, а, по существу, не знает его. Знал только, что он героически дрался на гражданской войне, что в партии он — с 17-го года, что он имеет орден Красного знамени, но никогда его не носит. Почему? И вспомнил, что Цезарь ни разу не отдыхал и никуда, кроме города, не выезжал. На кого он похож? Не то на писателя, не то на молодого ученого. У него глаза философа. Чуть. Где это он видел философов? Просто глаза думающего да еще больного человека. У больных всегда думающие глаза.

Вечером Мирон шел по улице поселка на собрание актива. До заседания он решил зайти к Балееву. В настроении Викентия Михайловича — опять колебания. Напор на него генералов был настолько уверенным и планомерным, что Викентий Михайлович склонился к мысли пересмотреть встречный план. Иностранная консультация заявила ему, что она не берет на себя ответственности за доброкачественность бетона при таких немыслимых темпах и рекордах. Телеграммы Райта из Америки были вызывающе грубы. Заместители — Стрижевский и Шлиппе — держат себя с ним, как заговорщики, которые готовят ему неожиданный удар. Балеев видел, как они организовали вокруг себя всех старых специалистов, а вокруг них юлили из молодых да ранние — те, которые были недовольны своим положением техников: они из кожи лезли, чтобы выбиться «в люди». Подхалимаж начал распространяться по всем участкам обоих берегов. Пошли слухи о неменяемости Балеева, о его странной привязанности к белке, к девочке-калечке, о трусости его перед Ватагиным. Заговорили о приезде комиссии ЦКК, о карьеризме Мирона и Чумалова, о том, что они ловко прибрали к рукам начстрой. Стали говорить о Стрижевском, как о преемнике Балеева: Стрижевский ездил с докладом в нар-

комат, где доказал несостоятельность Балеева. Намекали на то, что Бубликов — жертва, пешка, ширма, что арест его — это отвод глаз, а главные организаторы вредительства — Стрижевский и Шлиппе, что вредительская организация не только не ликвидирована, но укрепилась и захватила большинство инженеров стройки, что Кряжич — одна из главных пружин, что Балеев знает об этой организации, но молчит, потому что боится за свою шкуру. Находились такие болтуны, которые утверждали, что Балеев сам косвенно принимает участие во вредительской организации, так как вынужден поддерживать ее по директиве откуда-то свыше. Дальше сплетничали о том, что встречный план — это стратегический ход вредителей: они, мол, сами подсунули начиненную бомбу руководителям массовых организаций, чтобы провалить стройку, что это, мол, только смелый диверсионный акт, а партийцы, мол, падки на эффекты и, как остолопы, пошли на приманку. При этом указывали на Бубликова, который рьяно выставял себя сторонником встречного плана. Об этом шептались в гостях друг у друга, за стаканом чая, на улице, на участках, в управлении, в клубах, в кино и даже на курсах по повышению квалификации.

Эти сплетни доходили до Мирона во всех подробностях. В другое время он не придал бы этому никакого значения, но сейчас, в дни особенно напряженной подготовки к развороту работ и к созданию крепкого ведущего коллектива ударных бригад, такие настроения среди инженерно-технического персонала, среди рабочих и служащих грозили разложением и паникой. Во всей этой канители, в каждодневных сенсационных слухах он чувствовал какой-то план, чью-то лихорадочную работу. Несомненно, кто-то был заинтересован в распространении нелепых слухов, — именно таких, которые волновали бы своей дурацкой неожиданностью и неправдоподобием. Часто к нему заходил Емельян в сопровождении красноармейца. Емельян предупреждал техсекретаря, кудрявого парнишку с преданными глазами:

— Прояви-ка свой ангельский дар,

голубчик, чтобы через три минуты был доставлен чаек... и покрепче, знаешь...

Парнишку звали Ангелом, и Емельян всегда шутил с ним насчет его имени.

— Точка. Есть, товарищ Емельян. Можно не предупреждать. Привычки и вкусы твои знаю.

— Подлинно ангел: исполнительен и проникновенен.

— Я, товарищ Емельян, эту свою мистику ликвидирую. Чорт ли! никак же ко мне не пристает... Как его, этого Ангела, мне всучили — ума не приложу. Меняю Ангела на Дудора.

— Зря. Ты людей стесняешься — стыдишься и приноравливаешься к ним.

— Самому противно, товарищ Емельян. Я — комсомолец и большевик, а тут на лбу — несуразная вывеска.

— А чем этот Дудор лучше Ангела?

— А тем, что и самому придраться не к чему и звучит сердито.

Емельян скрывался за дверью, а красноармеец садился около стола Ангела на деревянный диванчик.

— Хороший парень! — восхищался Ангел, кивая головой вслед Емельяну.

— У-у! Товарищ Емельян? — цены нет!.. Мы с ним в бане паримся вместе... Спроть не выдюживаю... Мы с ним паримся на соцсоревнование... Кроет...

— И никакой надежды?

— Безвыходно кроет.

— Ну, Ватагина не кроет...

— Чего?.. И не калякай... Жуть!

О чем толковали Емельян с Мироном в кабинете, какие решали вопросы — ни Ангелу, ни красноармейцу ничего не было известно. Может быть, они делали какие-то догадки, но — каждый про себя: они оба были большие конспираторы и «в порядке охраны» ни словом не тревожили друг друга, а говорили о самых обычных вещах: о том, сколько раз в декаду каждый бреется, когда бывает в кино, с какими девчатами гуляет в свободный час.

Мирон шел по липовой аллее бульвара, мимо новых домов с верандами по бокам, с цветниками и взрослыми деревьями перед фасадами, с большими

фруктовыми садами. Аллея была вымощена бетонными плитами вплоть до здания управления — километра на полтора, и Мирон предпочитал отшагивать каждый день туда и обратно. Машиной или мотоциклом он пользовался только в те минуты, когда нужно было мчаться на другой берег, или в город, или на комбинаты.

Вечер был прозрачный, оранжевый, звонкий. Небо горело за домами алой пылью, и кудрявые облачка в вышине пламени ослепительно. Направо, глубоко внизу неслась река в фиолетовой дымке. Она здесь разрывалась горбатым островом на два протока: один разливно зеркалился вдали, километра за два, а другой бурлил в водоворотах здесь, под обрывами. Очень далеко, на высоте того берега громоздились строительские сооружения — корпуса бетонно-камендробильного завода, железнодорожные здания с водонапорной башней, поселки, строящиеся дома в лесах, а там, на горизонте, на комбинатах целым городом толпились длинные здания цехов в высочайших бетонолитных вышках. На самом горизонте вздымались ввысь две домны, как усеченные конусы.

Всюду уже густым засевом лучились огни, но они были еще бледны в свете закатного сияния. Кричали далеко и близко строительские паровозики.

Мирон уже не замечал всего этого величия: это был только объект его работы — будничная, трудовая жизнь. Красота строительных сооружений, гигантские размахи площадок с живым движением механизмов, с густой сетью рельсовых путей, по которым носятся многочисленные поезда думпкаров и платформы с бадьями бетона, целый город заводов, мастерских и всяких подсобных предприятий, десятки тысяч рабочих, дым, пар, густые облака взрывов, ослепительное море огней, голубые башни, взлетающие со дна реки, — все это для Мирона было обычной обстановкой его напряженного труда. Все это его не восхищало, не волновало, а постоянно держало в напряжении, в беспокойстве, в тревоге за завтрашний день. Не эти

бесчисленные сооружения и механизмы, не эти, залитые огнями, площадки волновали его, а люди — целые толпы людей, которые выполняли многосложный труд, которых надо было знать, которых надо было связать единым стремлением и порывом. Много среди них верных товарищей и друзей, много и злейших врагов, много темных и диких стяжателей, которым неведомы и непонятны высокие задачи социалистического созидания. Надо раздавить ту стихию, которая грозно противостоит ему, надо суметь зажечь души неугасимым огнем борьбы...

2.

В огромных окнах квартиры Балеева ярко горело электричество. В столовой блистал самовар, за столом сидело четверо: сам Балеев с суровой бородкой и недобрый носом, Варвара Михайловна, очень важная и величаявая, Константин в рубахе с засученными рукавами и, к удивлению Мирона, — Глеб Чумалов. Ораторствовал Константин, размахивая руками и устремляясь то к Чумалову, то к Балееву. Варвара Михайловна, сверкая золотым пенсне, в ужасе отмахивалась от него.

— Мирон Васильевич!

Опираясь на подоконник, Балеев высунулся в окно и махнул рукой.

— Очень кстати, честное слово... У нас самовар на столе... Глеб Иванович здесь... Посидим пока до заседания, а потом поедем вместе. Ну, ну! без всяких церемоний...

Не успел Мирон войти на крыльцо, как стеклянная дверь распахнулась, и пожилая горничная в белом переднике, в кружевном чепчике, очень опрятная, немножко чопорная, кивнула ему головой.

— Пожалуйста, товарищ Ватагин!

Приемная была залита светом, всюду по углам — цветы, пол натерт до глянца, но стены — простые, побеленные известкой, и стулья и столики простые.

— Пожалуйста, товарищ Ватагин, в столовую.

Горничная была высокая и стройная, одета в коричневое, хорошо скроенное,

платье. Голос у нее был ласковый, но немного отчужденный.

«Здорово вышколена... — подумал Мирон: — Должно быть, с собой привезли».

От гладкого и скользкого пола он немного сутулился, но вошел в столовую свободно, без стеснения.

Балеев встретил его в дверях. Он был в вышитой русской косоворотке. Протягивая руку, он громко и грубовато сказал:

— Давно бы так... Хорошо, что в око увидели, а то бы...

Важно подняв седую голову, Варвара Михайловна, сдержанно улыбаясь, оттягивала нитку жемчуга.

Мирон подошел к ней, очень осторожно взял ее тонкие пальцы и как-то совсем неожиданно для себя и для всех поцеловал ее руку.

— Каков гусь! — крикнул Глеб и обличительно показал на него пальцем: — Я за ним таких тонкостей не знал.

А Константин даже встал от возбуждения. Он нетерпеливо тянул руку Мирона и говорил:

— Какое огромное удовольствие доставили вы нам, Мирон Васильевич!.. Это — замечательно. Садитесь около моей мамашы, чтобы она меня к вам не ревновала.

С чуть заметной насмешкой в голосе Варвара Михайловна сказала, растягивая слова:

— Сюда, товарищ Ватагин. Между мною и Викентием Михайловичем вам будет более уютно.

— Видите, Мирон Васильевич? Я вас предупреждал. Бешеная ревность...

Миرونу было приятно и беспокоило от этой пронзительной (он так и подумал: «пронзительной») чистоты и строгой опрятности. Всюду, по стенам, — перистые пальмы, жирные лапы филодендронов, цветущие олеандры. Широкий тяжелый буфет занимал почти всю стену и радушно переливался огранкой толстых стекол. И в этой строгой просторной комнате чувствовалась только эта седовласая женщина. Сам Балеев рядом с ней казался невзрачным, неуклюжим, застенчивым. Он на ходу по-

вернул проволочное колесо в большой клетке, и в нем запрыгала белка. Балеев с улыбкой в усах полюбовался ею и прошел к своему стулу.

Мирон сел между ним и Варварой Михайловной и сразу почувствовал, что он — не на месте: от Варвары Михайловны на него истекала какая-то гнетущая барственность. Он вскинул руку и провел ладонью по бритой голове — невольный жест в минуты смущения.

— Вам — крепкий или слабый, товарищ Ватагин?

Голос Варвары Михайловны — низкий, напевный.

— Погуще, если можно... Жидкого чаю не признаю.

— А вот Глеб Иванович не выпьет крепкого чаю и в накладку не пьет.

— Ему — вредно: это — бешеный человек, громобой.

— Клевещешь, друг, — притворно возмутился Глеб: — Я должен его разоблачить, Варвара Михайловна. Он меня вынуждает на это. Не верьте ему: он на фронте чуть своего друга не застрелил.

— Ужас какой! — поразилась Варвара Михайловна. — Неужели вы способны на это, товарищ Ватагин?

— Ну, на фронте всяко бывало. А вот кто хотел задушить десятника Величко на пожаре — не припомнишь?

— Это кто тебе донес? Сплетня, Варвара Михайловна. Он меня всегда старается дискредитировать.

— Друг мой, ведь я бежал на помощь Величке, да какая-то нелегкая унесла тебя во-время...

Глеб корчил ему грозные гримасы. Засмеялись. Викентий Михайлович похотывал баском и с удовольствием смотрел на того и на другого.

— Выходит, что ежели порываться в ваших биографиях, товарищи, то нужно изолировать вас обоих. Вот с кем приходится работать, Варя.

— Бандиты... — скромно согласился Глеб.

Опять засмеялись.
— Ух, какие у вас разговорчики!.. — ужаснулась Варвара Михайловна. — Мороз по коже подирает...

— Красота, а не люди!.. — восхищенно крикнул Константин.

Варвара Михайловна налила стакан чаю Мирону; он подхватил блюдечко и даже поклонился, когда благодарил. Он сейчас же поймал себя: почему он, стараясь быть простым, все-таки помимо воли вылезает из своей привычной шкуры? Балеев не смотрит на него, облокотившись локтями о стол и уткнув бородку в стакан. А Глеб чувствует себя здесь, как дома: он громко кусает зубами сахар, хотя перед ним лежат шипчики, и пьет чай из блюдечка. Он сосет сахар после каждого глотка и попискивает губами. Он даже похлопал по спине Константина и развязно сказал ему, подбирая крошки хлеба со скатерти и бросая в рот:

— По вашей комплекции, товарищ пианист, вам нужно быть водолазом. Ручки-то!.. (он с восхищением помял ему бицепсы) ручки-то!.. как у атлета... А вы пудовыми гирями дзинькаете по рюмочкам...

Балеев откинулся на спинку и усмехнулся.

— У вас, Глеб Иванович, что называется, натуралистическое отношение к миру. Связь между вещами вы измеряете физическим их соответствием.

Константин словоохотливо наклонился к Глебу:

— Рояль — инструмент тяжелый, но клавиши могут играть и тогда, когда по ним прыгает воробей. Эти клавиши производят ураган под пальцами мастера. А вот вы, при всей вашей физической мощи, не сможете вызвать из этого инструмента даже крика младенца. Для музыкального инструмента нужно самого человека превратить в тончайший музыкальный организм.

— В первый раз слышу от тебя умное слово, — с облегчением вздохнула Варвара Михайловна. — Хочется надеяться, что это — начало пробуждения...

А Мирону думалось, что в этих комнатах он едва ли скоро будет. Ни эта женщина, ни пианист совсем не привлекали его.

«Скучно, должно быть, живут эти люди...» — решил он и отметил, что в

этой чинной квартире он — чужой, что его насилие над собой — противоестественно. Сейчас его ждут в Доме общественных организаций, а коридоры и зал гремят от движения голосов сотен людей.

О предстоящем заседании не говорили, точно избегали касаться тех вопросов, которые волновали всех. Варвара Михайловна пожаловалась на Константина, что он занимается не своим делом: смешно музыканту сидеть в кабинке кранового машиниста. Глеб поддержал ее: пожурил пианиста и назвал его опрошенцем. Балеев пошутил, что Глеб Иванович подрывает основы — разлагает и разбазаривает кадры машинистов, которые сколачивались с большим трудом. Поговорили немного о музыке. Константин почему-то отмалчивался, хотя Викентий Михайлович и поддразнивал его усмешками и шутивными замечаниями насчет того, что признать за музыкой функцию труда едва ли возможно. Не даром музыканты переходят на краны и садятся на бухгалтерский стул. У них атрофируется «чувство зада». Старик Гете тонко с'ехидничал: «Если зада не дано, на что же сядет рыцарь?..». Константин колко ответил, что дядя похож на известного философа авантюристов — Ницше, который советует смотреть на художника, как на злодея, чтобы парализовать в нем силу творчества. Варвара Михайловна возмущенно взмахнула руками и вздохнула: «Ох, какие вы с Викентием циники!» Викентий Михайлович, к ее ужасу, одобрительно закивал головой Косте и как будто всерьез отметил, что мнение Константина о Ницше не лишено остроты, но афоризм имеет практическое значение: недопустимо в наших условиях потворствовать разным сочинителям только потому, что они — художники, музыканты, поэты. Если люди без реального гетевского «зада», это — вредители. Мирон когда-то читал кое-что из Ницше, и у него осталось впечатление из его книг, как о бреде взбесившегося, обреченного интеллигента. Это — Поприщин, который больничную одеялку обращает то в мантию испанского короля, то в тогу сверхчеловека. Это —

психологический продукт прусского развития капитализма. Это — не Штирнер, а немецкий Распутин.

— А Лягард, Чемберлен, Шпенглер? — строго спросил Викентий Михайлович: — Распутин — это уродство и юродство...

— Лягарда и Чемберлена — не знаю, а Шпенглера читал с грехом пополам, Шпенглер родной брат нашему Константину Леонтьевичу. Оба — пророки вандализма, инквизиции и расистского человеконенавистничества. Корни фашизма уходят далеко в прошлое. Дисциплина, послушание, национальный дух... Это Победоносцев в образе штурмовика.

— Карлейль тогда же провозгласил особую добродетель русского народа — «талант повиновения».

Балеев медленно сжал кулак, показывая, как понимать этот «талант повиновения».

— Народа-раба, народа-непротивленца... Платона Каратаева...

— Неверно, — сердито ответил Мирон, поглаживая ладонью бритую голову. — Не было у нас народа-непротивленца. Это дворяне и интеллигенты выдумали. Они очень любили повторять: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые»... в качестве созерцателя. А этот народ «под ношей крестной», как деятель и борец, сбросил их под откос и строит свой железный путь к коммунизму. А добродетель Карлейля...

Глеб окончил злорадно:

— ... очень по душе некоторым нашим сверхчеловекам...

Он нечаянно опрокинул стакан с чаем, но сразу поставил его на место и оттолкнул от себя. Варвара Михайловна с удивлением взглянула на него и, улыбаясь, укоризненно покачала головой. Она взяла грушу звонка, свисающую с лампы, и молча нажала кнопку. Стакан бережно подвинула к себе и налила снова. Вошла та самая домработница, которая встретила Мирона, и Варвара Михайловна показала ей глазами на мокрую скатерть перед Глебом.

— Один из фашистских идеологов считает, что фашизм — это выражение мужских добродетелей... — сообщил,

усмехаясь, Балеев, а Мирон недоумевал: шутит он или поучает? если играет, то — мрачно. Балеев снисходительно улыбнулся опять:

— Муссолини заявляет, что Ницше излечил его от социализма.

— Ну, да!.. — засмеялся Мирон. — Поэтому-то истребляй коммунистов и заковывай в цепи рабочий класс. Эмблема Муссолини — римская связка розог с топором. По-итальянски это, кажется, именуется «фашией». А Гитлер возвел в культ шпицрутены, концлагери, кровавую провокацию и шпионаж.

— Вот оно какое проявление мужских добродетелей... — Глеб обличительно поднял палец. — А мы предпочитаем женские добродетели: быть непобедимыми в своей воинственной правде. Истинная свобода — в бдительности и беспощадности.

Константин хотел что-то сказать, но Варвара Михайловна предупредила его.

— Костя, будь добр: сыграй шопеновскую сонату бе-моль... Любимая моя вещь...

Константин резко и грубо оборвал ее:

— Я сейчас — недобр, мамахен.

— Ну, сядь, пожалуйста, допивай свой чай... — холодно попросила его Варвара Михайловна.

3.

Мирон повернулся спиной к Варваре Михайловне и почувствовал, что от этого стало ему легче и спокойнее. Балеев озабоченно хватался за усы и бородку.

— Вы смотрите на вещи очень легко, Мирон Васильевич. Борьба вступила в новую фазу. Сегодня получено сногшибательное донесение от Кряжича: два бычка на левом берегу иностранные консультанты требуют взрывать.

— То-есть три бычка, Викентий Михайлович, — три вредительских бычка...

Балеев глотнул чай, сердито покосился на Мирона и протянул стакан Варваре Михайловне.

— Два бычка. Вы говорите о пустяках: там дело поправимое. Я указываю на два бычка, под которыми обнаружено гнилое гнездо, глубокие трещины, забитые рухляком.

Глеб отхлебнул чай из блюдца и огрызнулся:

— Ерунда, Викентий Михайлович...

— То-есть как это — ерунда? — окрысился Балеев. — Благодарю покорно, Глеб Иванович: эта ерунда будет стоять нам больших хлопот.

Глеб поставил блюдце на стол и оскалил зубы, точно Балеев говорил наивные и смешные вещи.

— Утверждаю, Викентий Михайлович, и отвечаю за свои слова: ерунда с маслом.

Балеев фыркнул и отвернулся. Варвара Михайловна бросила на него умоляющий взгляд.

— Зачем вы это говорите, Глеб Иванович? Сам Кряжич, знающий специалист, пасует, иностранные консультанты — в тупике, а вы вдруг заявляете, что это — ерунда.

Глеб как будто не заметил грубого и пренебрежительного тона Балеева: он добродушно выслушал его, налил из стакана в блюдечко чаю, отгрыз сахару и похрумкал его на зубах. Взял блюдечко, но раздумал и опять поставил его на стол.

— Викентий Михайлович, вы имеете на руках только донесение Кряжича, то-есть мнение одной стороны. Мнение высоких специалистов — авторитетное мнение, слов нет. Но вы делаете ошибку, когда выводите из этого донесения окончательное заключение. Вы же не знаете мнения другой стороны — мнения рабочих.

Балеев дернул плечами и засопел в усы.

— Рабочие не решают технических задач. Их мнение для нас очень важно, но энтузиазм реален тогда, когда он — на твердой научно-технической базе.

Мирон почувствовал знакомые толчки в сердце: этот высокомерный тон Балеева всегда вызывал у него тревогу. Хотелось напомнить ему, что эти рабочие массы спасли положение в котловане, что инженерно-технический персонал в разгар всеобщей мобилизации плелся в хвосте, не веря в успех дела, что эти массы быстро усвоили специфику гидротехнических процессов и выделили из своей среды и бурильщиков, и подрыв-

ников, и крановых машинистов, и десятников. Хотелось напомнить Балееву, что он сам был потрясен и возбужден этой бурей и боролся с консерватизмом своих испытанных инженеров. Но Мирон сдержался и взял себя в руки. Он старался быть хладнокровным и внимательным к словам Балеева.

Константин встал из-за стола и прошелся по комнате, вслушиваясь в спор. Варвара Михайловна последила за ним с тревогой.

— Я тоже — на стороне научно-технических обоснований, Викентий Михайлович, — четко и веско говорил Мирон: — Но нельзя допускать, чтобы одна и та же задача решалась различно и противоречиво.

Балеев принял от Мирона стакан чаю, который тот взял из рук Варвары Михайловны, и звонко помешал винно-красный настой. Шерстистая его рука не выдержала серебряной ложечки и сердито бросила ее на блюдце.

— Чорт вас возьми! не могу же я очертя голову приходить в восторг от беспечного восхищения Чумалова, что гнилые гнезда под бычками — это ерунда с маслом и что шестьсот тысяч кубометров бетона мы уложим в три месяца. Извините, пожалуйста: я — не только начальник стройки, но и инженер, который обязан считаться с законами строительного искусства. Революционеру надлежит быть конкретным мыслителем. Мало одного разума масс и их энтузиазма, надо, чтобы восстание шло, как поезд по рельсам, а не взлетало, как мыльный пузырь. Движение масс, как движение поезда, регулируется сильными, проверенными тормозами, иначе — катастрофа.

— Не выдержат ваши ржавые тормоза, Викентий Михайлович, уверяю вас...

Глеб дул в блюдце и слушал Балеева добродушно и весело, точно Викентий Михайлович рассказывал забавный анекдот.

— Вы сами, Викентий Михайлович, не так давно плевали на эти тормоза. Забыли?

— Извините, я еще далек от мысли о самоубийстве.

Константин весело выкрикнул Балееву:

— Но ты сейчас, дядя, как никогда близок к самоубийству.

Балеев пошевелил бровями и небрежно заметил:

— В этих вопросах ты, Костя, — круглый музыкант.

— Я — за восстание... — заликовал Константин: — Я — за мудрость масс, которые сами имеют мужество создавать законы движения. Последние события ты переживал бурно: вспомни вредителей и изменников, с одной стороны, и изумительный героизм масс — с другой. Я — один из тех, кто понял психику двигателя и постиг искусство управлять им.

Варвара Михайловна молчала, хмурилась, слушала, ждала момента, когда можно будет вмешаться в спор и оборвать его. Волнения Викентия, его бессонные ночи, его сердце — это все от изнурительной борьбы с этими людьми. Они и разговоры за столом сводят к грубым, оскорбительным спорам.

Миرون подмигнул Балееву и весело переглянулся с Глебом.

— Вы как будто говорили немного иначе на летнем техническом совещании, Викентий Михайлович. Не вы ли сказали тогда, что мы строим не только плотину великой гидростанции, но и новую систему человеческого общежития. И даже беспощадно заявили, что мы до сих пор работали плохо потому, что жизнь вступила в новое качество.

— Я — верен своим принципам, но не выношу фанфар...

Сдерживая гнев, Глеб поднялся из-за стола и стал как будто телесно крупнее, даже седина в волосах заискрилась ярче.

— Мы не плохо били природу этими фанфарами, Викентий Михайлович. Здоровенные пинки давали мы и всяким сукиным сынам. Напоминаю вам эту азбуку потому, что вы сами давили оппортунистов практическим разумом масс.

— Практический разум — одно, а специфика инженерного дела — другое.

Чумалов сделал круг около стола, толкнул плечом Константина, но как будто не заметил музыканта.

— Во всей этой борьбе за встречный план, кроме честной и мучительной работы людей, преданных делу, есть подлая работа вредительских сил. Фашистская плесень гнездится в скрытых местах. Дезинфицировать будем, Викентий Михайлович... беспощадно дезинфицировать...

Лицо Балеева стало жестким.

— У нас на стройке не может быть вредителей из руководящего состава. Я знаю всех: я подбирал их сам. Это — чушь.

— Ну, Викентий Михайлович... — Глеб добродушно отмахнулся. — Я думаю, что людей подбирали и на других стройках не менее строго, чем вы, однако... Бубликов вон, или Хабло, и другие вместе с ними как будто не вызывали сомнений... Ведь их тоже подбирали и проверяли на совесть.

Балеев побагровел.

— Вместо того, чтобы играть в жмурки, имейте мужество назвать этих вредителей.

Глеб засмеялся и развел руками.

— Это Ватагин-то играет в жмурки? Дорогой Викентий Михайлович, вы мстите ему за то, что он ни с того ни с сего стал дамам ручки целовать... Зачем же в жмурки играть, когда сорваны повязки?.. Троцкизм, промпартия... Их авторитеты лгут, а их пророки торгуют родиной...

Варвара Михайловна уже не могла допустить дальнейшего разговора на эту тему. Она с беспокойством и настойчивостью подняла голос, как строгая хозяйка:

— Дорогие люди, я запрещаю вам вносить страсти в разговор. Что за споры? Как это у вас нехорошо выходит, Глеб Иванович и товарищ Ватагин. Неудобные вы люди...

— Ну, какой же это спор, Варвара Михайловна, — засмеялся Глеб. — Разве у нас так спорят? Мы ведь народ мятежный, драчуны... Что с нас возьмешь?

Константин весело подхватил:

— Я свою мамашу знаю тридцать пять лет. Она всегда имела слабость к покою и устойчивости.

— Константин!.. — с упреком одернула его Варвара Михайловна. — Это просто неприлично с твоей стороны.

— Но вы не стесняйтесь, товарищи: она — добрая и чуткая женщина. Она всегда способна прощать, хотя упрямо будет стараться нейтрализовать принципиальные споры.

«Он до глупости искренен, — определил Мирон: — А она притворяется... Зачем?»

— Так вот, Мирон, какое о тебе мнение, — со смехом в глазах строго сказал Глеб. — Что же ты за организатор, к чортовой матери, если ты неудобен для людей...

— Да, да. А вы тем более, Глеб Иванович. Именно, плохие организаторы. Это — потому, что вы противостественно находитесь вне семьи. Вы слишком строго и жестоко живете...

— Ну, что сделаешь с солдатами, Варвара Михайловна? — смеялся Глеб: — Наши жены — пушки заряжены...

Мирон тоже старался перейти на шуточный тон.

— Наши жены — как автономные республики: они последовательно проводят политику личного самоопределения.

— Как вы не понимаете, что вы сами их ожесточили? Как это можно, чтобы жена, как друг и мать, целые годы жила где-то в недостижимой дали и не дышала запахом семьи? Я этого не понимаю и отказываюсь понимать.

— Я тоже долго этого не понимал, Варвара Михайловна... — признался Глеб. — Я тоже этого не понимал. С женой мы как-то не можем жить в одном гнезде уже пятнадцать лет.

— Но почему, почему?

— С одной стороны, потому, что таковы условия нашей работы: за эти годы я перебрасывался несколько раз с юга на север, с севера на Украину, с Украины в центр и так далее. Мы — бойцы революции.

— Послушать вас, так революция — какой-то сплошной бракоразводный процесс...

Варвара Михайловна смеялась.

— Ты неправ, друг, — возразил Мирон: — Вина лежит и на нас: мы проглядели наших женщин. Моя Ольга —

директор огромного цеха, она живет своей работой и оторваться от нее не хочет и не может. Разве твоя Даша не в таком же положении?

— Несчастные вы люди, ответственные партии. Разрушители вы семейной жизни. Какой же вы пример даете молодежи?

— Да нет, это ничего, Варвара Михайловна, — откликнулся Глеб: — Привычка. Зато встречи хорошие... От этого как-то и любовь и радость горячее.

— Ты, мамаша, лучше пожалуйся на нас с дядей: мы-то уж настоящие неисправимые холостяки.

— Ах, перестань!.. Каждый из вас по-своему — урод...

Балеев не слушал этого разговора. Он пил чай, углубленный в себя. Видно было, что беседа с Мироном и Чумаловым встревожила его. Опять он стал в оппозицию к ним, опять начнется утомительная борьба. Но эта борьба будет сложнее и опаснее, чем раньше: он — между двух сил, готовых к взрыву. За этими людьми — тысячные массы, мощные организации — лавина. А за Стрижевским, Шлиппе и Кряжичем — весь командный состав высоких специалистов, иностранные консультации, аппарат управления. Что он должен делать, как вести себя на сегодняшнем боевом заседании? Он не может не считаться с силой наступления масс и партийного актива, но не может и отрицать убийственных расчетов специалистов, на которых он опирается. На стороне масс и организаций — энтузиазм, напор, чудовищная уверенность в победе, на стороне же специалистов — неотразимое оружие опыта и мировой практики. Памятное заседание технического совета создало тяжелые осложнения в отношениях между ним и его заместителями — Стрижевским и Шлиппе. Они уже перестали говорить на одном языке, и оба глavinжа, сохраняя внешний декорум почтительного к нему уважения, последовательно вудут свою линию. Стрижевский под благовидным предлогом ездил в Москву и заручился поддержкой в Главэнерго. Об этом Балеев получил точную информацию. Он сам превосходно знает, что наука и техниче-

ская непреложность — на их стороне, но он как революционер и марксист знает и другое (он это пережил не так давно): организованная энергия и целеустремленность масс в определенных обстоятельствах опрокидывают все технические расчеты и нормы и создают новые коэффициенты проектов и планов календарных осуществлений. Эти массы и организации, эти живые действующие силы внесли поправки не только в эти планы, но и в самые сложные процессы труда. И выходит, что не одна только голая техника, не одно инженерное искусство решают дело, а люди, их воля, их система работы, их способ использования механизмов. У борющихся масс есть своя математика, которая в наших условиях — вернее математики ученых львов, поседевших за своими рабочими столами. Как это ни странно, их математически точные, проверенные мировой практикой, формулы и нормы, незыблемые для капиталистических стран и для нашего недавнего прошлого, сейчас, на этой стройке и, вероятно, на всех стройках Союза, оказались мертвыми схемами, реакционными ненужностями, как ять и ижица в азбуке. Не во имя ли этих застывших ненужностей, превращающихся в знамя контрреволюции, возникла и готовила удар эта пресловутая промпартия? Это — густопсовая каста высоких специалистов, стремящихся к господству над миллионами. Это — восстание Бастилии против Конвента.

— Давайте договоримся, Викентий Михайлович, — услышал он дружеский голос Мирона: — Пусть наше слово сегодня будет последним.

— Я буду говорить тогда, когда найду нужным, — резко ответил Балеев, и лицо его стало чужим и неприятным.

Мирон встал и учтиво простился с Варварой Михайловной.

— Заходите, пожалуйста, Мирон Васильевич. Хотя вы мне с Глебом Ивановичем не совсем нравитесь, но мне хочется согреть ваши сердца.

— Это — безнадежно, Варя... — без улыбки пошутил Балеев: — У тебя это совсем не выходит. Наши души нетеплопроводны.

— Боюсь, Варвара Михайловна, — засмеялся Глеб, — что ваша теплота слишком низкой и спокойной температуры. Характеры наши высокого накала. Душевные бури всегда скрываются в надежной холодной телесной оболочке. Знаете, как пламя в домне...

Мирон и Глеб направились к двери, но Балеев остановил их.

— Подождите, куда же вы? Сейчас поедем вместе.

— Я, Викентий Михайлович, хочу пройтись, — предупредил его Мирон. — Чумалов как хочет, а я предпочитаю шагать.

— Я остаюсь, — сказал Глеб. — Его до сих пор никак не приучишь пользоваться машиной. Уговор, Викентий Михайлович: я — у руля.

— Знаю я вас... сломите когда-нибудь башку...

— Я — тоже с вами, Мирон Васильевич, — крикнул Константин. — Пусть они едут.

4

Мирон вышел вместе с Константином в сад, и они пошагали по бетонной дорожке на бульвар. Уже смеркалось. Воздух был синий, по-осеннему свежий. Впереди и на той стороне реки густо лучились огни строительства. Деревья на бульваре были черны и плоски, как силуэты. Из-за гриба водонапорной башни того берега оранжевым кругом выплывала луна.

— У моей мамы — своя жизнь, Мирон Васильевич. Она и меня не совсем понимает.

— Я тоже вас не совсем понимаю. Мне кажется, что вы где-то потеряли себя, а здесь неудачно ищете утраченное.

Константин смущенно остановился на тротуаре, как будто пораженный словами Мирона.

— Наоборот, Мирон Васильевич. Я как-раз здесь-то и нашел себя.

На них внезапно налетел какой-то высокий парень в кепке, с рюкзаком на спине, и сильно толкнул Мирона в плечо.

— Ну, ну!.. Это еще что такое? Ослеп, что ли, молодой человек?

Парень как будто сам удивился, что наскочил на людей, и, не останавливаясь, пошагал дальше, но уже тихо и неуверенно. Он обернулся и сердито сказал:

— Не стойте на дороге — не нарушайте правил уличного движения.

Константин засмеялся.

— Ого! Пожалуй, он прав, Мирон Васильевич.

— Прав или нет, но хулиганить нечего.

Парень остановился, а потом подошел к ним.

— Сильные люди не обижаются, товарищи. Вы лучше мне скажите, где проживает здесь некая хорошая девушка — Татьяна Братцева.

— Идите дальше. Третий дом, левое крыльцо, — неприветливо ответил Мирон.

Парень внимательно взгляделся в лица того и другого и рассеянно козырнул.

— Спасибо за точность. Это — поучительно.

И быстро пошагал по бульвару.

Мирон с интересом проводил его взглядом.

Огни двигались вместе с ними и порхали в листьях и в ветвях лип и тополей, потухали, опять вспыхивали, а деревья черными тенями уплывали назад. Узкая дорожка из бетонных плит исчезала впереди в синей тьме, Мирон два раза оглянулся, точно хотел увидеть парня с рюкзаком.

Шли они некоторое время молча. Мирону не хотелось говорить с Константином: он как-то стеснял его. Константин тоже чувствовал себя неловко наедине с Мироном и немного волновался.

Их ослепили фары встречного автомобиля.

— Вы не находите, Мирон Васильевич, что дядя с некоторого времени как будто смягчился?

— Меня беспокоит одно, как он будет держать себя на собрании. Если он ринется на нас вместе со своей аристократией, придется с ним драться свирепо.

— Я очень рад, Мирон Васильевич, что вы начинаете понимать его. Он — чуткий и нежный человек.

— Ну, это... — Мирон усмехнулся. — Это уж вы хватили через край...

— А вы, Мирон Васильевич, с ним — запросто, по-дружески... почаще заходите к нам...

— Ну, а вы?

— Что — я?

— Нам очень нужны крановые машинисты, но вы, к сожалению, играете не на своем инструменте.

— Чорт возьми, Мирон Васильевич, я много лет борюсь за новые пути в искусстве. Я хочу быть в музыке таким же бойцом и трибуном, как каждый из вас.

— На кой же вам чорт сдался кран, на котором вы сидите? Чудак вы этакий! Делайте революцию не краном, а своим инструментом и организацией новых сил... Не напрасно вас ругает Варвара Михайловна.

Мирон злился и на музыканта и на себя. Трудно было говорить еще и потому, что не привык обсуждать вопросы искусства. Для него и музыка, и живопись, и литература были областями, которые имели отдаленное отношение к прямому, практическому делу. Как и многие партруководы и хозяйственники, он читал романы, стихи и слушал музыку ради отдыха и мгновенного забвения от утомительного напряжения. Как-то он начал читать книгу одного из пролетарских писателей. Об этой книге много говорили, спорили и даже в партийном комитете работники бросались в дискуссию во время работы. Мирон встревожился: какой же он партсекретарь, если не знает этой книги? Он начал читать ее и две ночи напролет не спал, увлеченный чтением. Эта книга не дала ему отдыха и забвения: она взяла у него две ночи, нужные для сна, и дыбом подняла его душу. И он решил:

«Книга — тревожная. Автор поднимает много вопросов и выводит из равновесия читателя. Нехорошо».

А на вопрос Цезаря, как он оценивает книгу, ответил хмуро:

— Писатель строго пишет. Надо бы помягче, поласковее... Вот Пушкин, Тургенев, Толстой приветливо писали...

Цезарь внимательно прислушался к словам Мирона и пожал плечами.

— По-моему, ты — неправ, Ватагин. Искусство — это орудие нашей борьбы. Оно — наше дыхание. Пламенность и суровость нашей жизни рождает и свое искусство. Конечно, это искусство несколько иное, чем у классиков: оно горит нашими днями и насыщено боевым пафосом. Совершенно верно: оно — партийно, взволнованно, ударно. Оно не склонно к так называемому объективному изображению и к изоляции человека за пределы действительности. Оно все направлено к созданию типов и обстоятельств в их наступательности, в их движении в будущее, в их непрерывном революционном развитии...

Мирон подумал и ничего не ответил Цезарю.

— Для того, чтобы творить новую музыку, Константин Ильич, надо знать, как звучит наша жизнь. Важно услышать голоса и гулы современности. Вашему дядюшке, Викентию Михайловичу Балееву, нет надобности возиться с камнями или топтать бетон, чтобы быть социалистическим строителем и инженером.

— Вы правы, Мирон Васильевич, — смущенно согласился Константин. — Я пснял это недавно, когда услышал музыку нашего труда и ее потрясающий смысл, возвращаясь с работы. Вероятно, я сойду с крана, к торжеству мамашки. Уеду в Москву и прихвачу с собою арматурщика Пушкина... Стихийный голос!..

— А говорят, что вы стали совсем неплохим машинистом... Шепель будет огорчен. Начинается буря. Машинисты — на счету. А я подкладываю свирию отделу кадров.

— Новый машинист у вас будет, Мирон Васильевич. Я сойду незаметно.

«Музыкант вошел во вкус физического труда», — подумал Мирон и взглянул в лицо Константина. По задумчивой его улыбке он решил, что пианист борется с собою, что он едва ли уйдет с плотины.

— Я очень хотел бы, Мирон Васильевич, чтобы вы вместе с Цезарем, с Чумаловым и другими товарищами прослушали мою симфонию «Пафос». Она как-раз посвящена нашим дням...

— Гут. Девиц наших позову — Братцеву и Отдушину. Вы еще не знакомы с ними?

Константин молча пожал егѳ руку.

Позади, догоняя их, рокотала машина, и фары ярко обрызгивали мостовую дрожащим светом. Четко шевелились камешки и галька на дороге.

— Наши едут.

Машина затормозила, дверка кабины распахнулась, и Балеев грубовато крикнул из глубины:

— Ну, садитесь, ребята. Живо!

У руля сидел Глеб рядом с шофером.

IV

НАПОР.

1.

Высокий парень в юнгштурмовке, с рюкзаком за плечами, поднялся на открытую веранду, косматую от дикого винограда. Когда он шел по садовой дорожке, большое окно мутно огнилось: нижняя половина — матовой коленкоровой занавеской, верхняя — голубой далью потолка.

Парень остановился перед дверью и нажал пальцем белую пуговку: дверь отворилась, и перед ним появилась Татьяна. Лицо ее так и вспыхнуло от радости.

— Наконец-то!.. Ведь поезд пришел два часа назад... Где же ты пропадал, Вакир?

— Прежде всего — привет и любовь, Тибра.

— Ну, входи, входи, дорогой...

Парень шагнул через порог и схватил руки Татьяны. Не отрывая взволнованных глаз от ее лица, он встряхнул ее руки, а потом поцеловал их в ладони то одну, то другую.

— Ой, какой же ты стал славный, Вакир!.. мужественный, большой...

Вакир все еще любовался ею и, борясь со своим счастьем, сдержанно говорил:

— Тут у вас, извини, пожалуйста, такие масштабы и пространства и, можно сказать, такая конфигурация, что пехтурой до цели не доскачешь.

Татьяна смеялась.

Вакир снял рюкзак и осторожно положил у стены, около двери. И, когда сорвал кепку, стал лобастым, самоуверенным. Глаза у него были большие, пристальные, с коричневым жарком, самолюбивые. Постороннему человеку они показались бы недобрыми, заносчивыми.

— Надо прямо сказать, Тибра: выглядишь ты вполне литературно. Красавица. Вот как наука-то облагораживает...

— Нет, ты лучше скажи, Вакир, почему не отвечал на мое последнее письмо?

Она оглядывала его со всех сторон и обнюхивала с наслаждением.

— Тибра! Ведь я еще не обнял тебя с дороги. Могу?

— Тебе виднее.

Он крепко стиснул ее, поцеловал и сразу же быстро отошел в сторону.

Татьяна с восхищением проводила его пристальным взглядом и улыбнулась: какой молодец! как научился владеть собою!

Оба помолчали, еще пьяные от радости, не находя слов в первые минуты встречи. Переглядываясь, они смеялись и как будто стеснялись друг друга.

— Твои письма, Тибра, читали ребята скопом... Вот какой у тебя авторитет!.. А последнее письмо прямо взбудоражило: раз, говорит, Тибра требует, — бери ноги на плечи и — лети. Хотел на аэроплане, да начальник аэродрома закапризничал: в мерку, говорит, еще не вышел, чтобы тебя к невесте по воздушям доставлять.

— Что за разговор, Вакир? — изумленно засмеялась Татьяна. — С каких это пор я тебе — невеста?

— Да я тоже внес редакционную поправку, что, мол, на тебе я совсем не женюсь, потому что у тебя дурная привычка — опекать людей. Но он, мерза-

вец, не поверил. Это ребята его подзудили.

Татьяна укоризненно покачала головой.

— Ты, дорогой мой, сумел завоевать самого себя. А завоевать невесту — нехитро. Впрочем, тут можно срезаться на самонадеянности.

— Ах, Тибра, у тебя — вызывающий румянец на щеках...

Татьяна захопотала около стола и блеснула чайником.

— Сегодня у нас — бой, Вакир. Очень интересно. Выпьем чайку и пойдем. Тебе необходимо сразу же включиться в движение. Ты как настроен — отдыхать или завтра же — на работу?

Вакир удивленно вскинул голову, и от этого как будто вырос больше.

У Татьяны лукаво вздрагивали ресницы.

— Что тебе сказал в напутствие Шастик?

— У меня, Тибра, — руки артиста: мы научились производить лучшие магнето, и я горжусь славой передового бригадира в соревновании. Ни одного процента брака. Вот-с. Из коммуны я не уйду.

— Садись, закусывай. С чем тебе чай — с молоком или с вареньем?

— С поцелуями.

Татьяна погрозила ему кулачком.

— О ребятах ты уже говорил. А Шастик?

— Он дал мне увольнительную бумажку сроком на десять дней, чтобы выполнить формальности в загсе. Ну, любовные переговоры, проверка темпераментов, то, се... В декаду уложится...

— Дай-ка мне посмотреть эту бумажку.

Вакир небрежно вынул записную книжку, порывлся в ней и мимоходом бросил ее на стол перед Татьяной.

Она деловито развернула ее и внимательно прочла два раза.

— Здесь о загсе нет ни слова.

— Не всякое лыко в строку пишется.

Татьяна с серьезным видом изучила бумажку и вздохнула, улыбаясь:

— Родной, милый Шастик!.. Удивительно проникновенный человек! Он пишет здесь, что посылает тебя в мое распоряжение.

— Ну, это — липа, Тибра. Бумажка ясно говорит, что я, упившись тобою, должен возвратиться в цех с новыми силами.

— Ты так думаешь? Очень хорошо. Но я смысл бумажки понимаю иначе. Вообще же, эта бумажка — вздор, если она рождает разные толкования.

Она разорвала ее на мелкие клочки и бросила их в корзиночку под столом.

— Теперь ты, милый Вакир, — свободен и можешь располагать собою, как хочешь.

Вакир стоял перед нею, озадаченный.

— Подожди... Ведь я же теперь как будто опять — вроде Гавроша...

— Сядь со мной. Вакир, ты — далеко. Рассказывай мне о своей жизни в коммуне, о Шастике...

— Через десять дней я должен возвратиться. Иначе меня будут считать беглецом. Бригада моя заиграет в чехарду.

Глаза Татьяны смеялись, но сказала она сердито:

— Ты будешь работать здесь. Пойдешь на монтаж электростанции. Это — решено.

Вакир смутился и недоверчиво прощупал Татьяну взглядом. Он знал ее хорошо: часто о серьезных вещах она говорила шутливо, а шутка выливалась в серьезных словах. У ней это выходило ловко и тонко. И от этого иногда ребята попадали впросак. Было всегда весело и занятно, и всем казалось, что они после этого становились умнее и лучше.

Перед ним открывался свободный выход в жизнь, где он мог располагать собою, как угодно. Прошлое исчезало, не оставляя следа, и никто из окружающих его людей не догадается о том, что он был когда-то уркаганом. Здесь, на великой стройке, он может развернуться и добиться всего, к чему стремится. Здесь — открытые горизонты, и к этим горизонтам ведут бесчисленные пути. Он может выбирать любую дорогу и пробиваться к своим заветным це-

лям. А рядом с ним — Тибра, неизменный друг и товарищ, который поможет ему всегда в трудную минуту. Это — та же Тибра, но здесь она — другая: она стала значительнее, больше, сложнее. Она воспитана коммунэи, но коммуна ее уже не может вместить. Она живет уже в других масштабах, в другой, могучей, системе жизнестроения. Да, перед ним эти горизонты открыты, и он сам может через два-три года подняться на такую же высоту, как она. Ребята провожали его скопом, как родные братья, и кричали ему в окно вагона:

— Возвращайся скорее, Вакир. Не задерживайся там. Приветствуй Тибру. Помни о нашей бригаде.

А Шастик жал ему руку, когда Вакир протянул ему свою из окна вагона, и добродушно морщился от хорошей улыбки.

— Знай одно, Вакир: ты — свободен. Я в тебе уверен твердо — ты не подкачаешь, и любовь к коммуне у тебя будет гордой. Пожми руку Татьяне. Я знаю, Братцева — с нами каждый день и час.

Зачем все это говорил Шастик? Эти его слова можно было сказать только тогда, когда он, Вакир, оставлял бы коммуны навсегда. Что это были за странные проводы? Он уезжал на десять дней, а его напутствовали, как отъезжающего в далекий, неведомый край. Впрочем, что же тут странного и необычного, когда он действительно уезжал за эти годы впервые? Он вспомнил об этих проводах, об этих голосах ребят, о любовном рукопожатии Шастика и улыбающихся морщинках на его лице, и мысль о том, что он может не возвращаться к ним, показалась ему чудовишной. Тибра решительно разорвала его отпускную и даже не поинтересовалась, хочет ли он остаться здесь и может ли он так просто оставить коммуны. Для нее коммуна — это далекие годы. Она уже утратила с нею все связи: она пришла в коммуны сама и сама же вышла за ее порог. А для Вакира коммуна — целый переворот в душе: коммуна с кровью взяла его прежнюю кромешную, но желанную, жизнь бро-

дяги, который свободно противостоял целому миру, и в свободе своей этот мир был страшен, как кошмар. Она для него была не просто случайной девчухой, сердобольно, вместе с другими парнями, поднявшей его на гнусной площади базара, а чудесным видением, воплощением его неясных дум и мечтаний, которые мерещились ему в бесприютные ночи. Коммуна оказалась беспощаднее тюрьмы: в коммуне не было ни стражи, ни слежки, ни высоких стен, ни замков. Но тысячи невидимых нитей связали его с такими же пацанами, как он, с Тиброй, с Шастиком, с каждым предметом. Ему хотелось бежать, но бежать был не в силах: что-то огромное, непостижимое удерживало его. Это была Тибра, это был Шастик, это были коммунары, такие же бывшие правонарушители, которые выбрали его в конфликтную комиссию. Это, наконец, работа в мастерской, где он постепенно через отвращение к труду пришел к радости за хорошо сделанные вещи.

— У тебя, Тибра, основной порок: в'едаться в душу.

Татьяна подошла к нему и пристально посмотрела ему в глаза. Он хотел отвести их, но не мог.

— Вакир, ты — самый родной и близкий мне человек...

Этот ее порыв был неожиданным для Вакира. Он растерялся и не знал, как держать себя и что ответить Татьяне.

— И я, Вакир, вовсе не хочу насиловать тебя. Поживи со мною эти дни, оглядись, понаблюдай. И, если почувствуешь охоту включиться в наш труд, я буду счастлива. Имей в виду... я признаюсь тебе: с Шастиком я уже договорилась...

— Но почему же он мне ничего не сказал?

— А он предоставил тебе свободу самому решать вопрос о твоей дальнейшей судьбе.

— Зачем это нужно?

— А разве тебе не дорога моя дружба?

Он порывисто обнял ее, и у него задрожал подбородок.

Да, он совсем стал новый — не знаваемый, чужой и родной. За годы раз-

луки он вырос в настоящего мужчину: высокий, сильный, мускулистый, с мужественным лицом, он смотрел на нее ясным, честным взглядом убежденного в своей правоте человека, который знает, что такое путь к счастью. Надо уметь пережить ужасы жизни, уметь осмыслить муки испытаний, чтобы по-настоящему, по-человечески заплакать и оценить на всю жизнь свои слезы. Татьяна не отрывала от него глаз и находила в нем новые и новые черты. Не только зрелость молодости расцветала в нем, весь он светился внутренним благородством и гордым сознанием своего личного достоинства.

А когда-то «трудный» это был парень. Долго не могли переломить его: замкнутый в себе, болезненно подозрительный, он бродил по коммунарскому лесу и тосковал. От работы отлынивал, смотрел на всех с ненавистью и вызывающе посвистывал. Даже ее, Татьяну, не подпускал к себе: враждебно издевался над нею, говорил ей грубости, ругался и обидно оскорблял ее:

— Здесь все — лягавые... и ты — лягавая... Меня не возьмете на аркан. Вот укреплю корпус и уплыву в великий океан.

— Твой океан — болото, Вакир. Единственная там пристань, это — шалман и домзак. Ты — трус.

Она уходила от него, а он усмехался, посвистывал, но незаметно для себя с беспокойством и испугом смотрел ей вслед и медленно шагал по дорожке. Да, он мог убежать из коммуны, мог не выходить на работы в мастерскую, мог в отчаянии ругать Шастика:

— Обработать хочешь?.. Не на такого напал. Я имел дело с шухерами, а с тобой, малиной, не хочу. Ты только ловишь лягавых мух. Я от папаши удрал, удираю от шухеров и угрозы, и от вас удеру, хоть бы вы расставляли сотни облав...

Шастик невозмутимо говорил ему с весельем в глазах:

— Я тебя не держу — иди. Не думай, что ты — дорогая дичь, а мы — охотники. Облавы! Это на тебя-то — облавы?.. Тебя подобрали полуживого, выходили, выкормили, окружили внима-

нием, дружбой, за тобой ухаживали. Бескорыстно! пойми! Человека спасали, на ноги ставили... Если ты этого еще не понял, то понять не поздно. Разберись и подумай...

— Хо, палкой в рай загнали... а в этом вашем раю подохнешь с тоски...

— Гордости-то личной и самолюбия у тебя совсем нет, Вакир... — И Шастик добродушно смеялся. — Валяй, валяй!.. Только ведь у нас ты — в долгу: как же ты этот долг уплатишь? Или просто на виду у всех обворуешь коммунаров и улизнешь?.. Но это ведь недопустимо даже в блатном мире.

Вакир вздрогнул и подозрительно впился в лицо Шастика.

— Липа. Не крути шарманку, малина.

— А как же? Кто же тебя кормил, одевал, обувал, ухаживал, лечил? Кто тебя кормит сейчас, чьей постелью ты пользуешься? Ведь все, начиная от пищи до мастерской и цеха, создано трудом коммунаров. Это все принадлежит им. Вот сегодня будет собрание, и ребята скажут тебе об этом сами: они докажут, какая тебе цена.

— Наплевал я на ваше собрание.

— Хамишь, потому что трусишь. Поступай, как хочешь. Слышала, Татьяна, красноречие своего подшефного?

Она стояла у порога, слушала их разговор и смотрела только на него, Вакира. С нею он не мог хамить так, как с Шастиком и воспитателями, как с коммунарами и мастерами. Он не мог даже выдержать ее взгляда и не мог убежать из коммуны: она одна стояла у него на дороге, как совесть, как сила, которой он не мог противостоять. Эта сила проникала в душу и перевоплощалась в его личное очень сложное мучительное чувство.

— Он был мелкий воришка, дядя Шастик. Лотошник и домушник. Знает вкус марафета. Много раз был смертельно бит. Эта свобода ему понятнее, а нашу свободу надо заработать... С прошлым у него кончено, дядя Шастик, а сейчас он только начинает ползать...

И сразу же тоном приказа закончила:

— На собрание он пойдет, дядя Шастик.

Она взяла Вакира под руку и вывела его из комнаты.

— Скажи мне, чего ты хочешь, Вакир? Ведь все, что хотел бы ты иметь и о чем мечтаешь, — будет у тебя...

— Напиться хочу... до смерти...

— Дурак. Неужели ты так отупел, что ничего не видишь хорошего в нашей жизни? Ведь ты вот живой и здоровый потому, что ты — среди нас...

Они сидели за чайным столом плечом к плечу и говорили ненасытно — о Шастике, о коммуне, о ребятах, — шалили и смеялись. Такие минуты братской нежности и взаимного любования бывают только в ранней молодости...

2.

В только-что отделанном Доме общественных организаций это многочисленное собрание было первым. Здание было двухэтажное, в стиле Карбузье, с портиком и обширным балконом, который должен играть роль трибуны в дни юбилейных праздников. Широчайшая гудронированная улица была похожа на площадь, где должны происходить военные парады и демонстрации. Напротив строился кинотеатр, дальше шли многоэтажные корпуса жилых зданий соцгорода. По фасаду нарядно горели на клумбах и рабатках цветы. Улица сияла электричеством: матовые луны набухали светом вдоль тротуаров и у портика, а пронзительные яркие фонари улетали вдаль, в перспективу улицы, частой оторочкой.

Закончена была трамвайная линия в старый город, вплоть до вокзала — на пятнадцать километров, и со дня в день ждали появления шустрых, блистающих вагонов. Это ожидание было приятно и тревожно: жизнь соцгорода будет тогда беспокойной, звонкой, говорливо-молодой.

Татьяна и Вакир прошли через просторный вестибюль, ярко сияющий снежно-белыми стенами и поющий эхом шагов и далеких голосов. Около книжного киоска толпились рабочие, а продавщица, хлопотливая и румяная, в

кудряшках, металась за прилавком, слушая сразу нескольких человек.

Репродуктор орал могучим голосом и потрясал вестибюль, а навстречу ему прибойным гулом шло необъятное движение толп и глухой шум голосов. Внезапно этот почти грозный голос потух в оглушительном взрыве аплодисментов.

Зал заседаний был огромный — во всю ширину здания, и эстрада с красным столом во весь просцениум казалась очень далекой, а люди за столом — маленькими, как подростки. На столе мутно и мягко зеленели абажуры ламп. На трибуне, отделанной под дуб, стоял толстенький человек с бритой глянцевою головой и блистающим круглым лицом, тоже чисто выбритым. Он кричал надсадным тенором и размахивал руками. Весь зал был туго набит людьми. Люди сидели и вдоль стен, и на подоконниках. Многие стояли у задней стены и около дверей. В президиуме Татьяна заметила суровое лицо Балеева, с густыми, опущенными на бородку, усами, барски-важного, серебряного Стрижевского, тучного Шлиппе, с длинной шелковой бородой, беспокойного Кряжича, почему-то необычно бледного. Мирон сидел в середине перед микрофоном, спокойный, как будто даже самодовольный. Он наклонялся к лицу Балеева и доказывал ему что-то, вбивая кулаком в стол каждую свою фразу. Балеев сидел невозмутимо и не обращал внимания на то, что шептал ему Ватагин, но Татьяна видела, что Викентий Михайлович время от времени настораживался и строго смотрел на кулак Мирона. Смутный шелест не то от движения тел, не то от шопота плавал по залу теплыми волнами, в разных местах переключались кашлем, а неподалеку от Вакира и Татьяны шептались или вполголоса спорили о чем-то рабочие и инженерная молодежь.

Вакир впервые входил в такой огромный зал с такой массой людей, сосредоточенно занятых заседанием. Никто не нарушал порядка, никто не курил, и хотя было душно, но дышалось свободно. Как только он вышел из вагона и очутился среди строительского движения, среди целого города сооружений,

машин, непрерывного грохота поездов, среди бесчисленных толп, моря огней и пара, он сразу почувствовал себя маленьким, затерянным в этой суматохе человеческого труда. Он плыл на катере через черный разлив реки, зажженной тысячами извивающихся ослепительных змей, слышал ревы сирены, и ему казалось, что он вдруг попал в грандиозный сказочный город, с фантастическими дворцами в башнях и колоннадах, с сияющим необъятным кремлем, вырастающим из речной пучины.

В коммуне все здания — и общежитие, и старые дома бывшего помещичьего имени, и новый корпус фабрики — помещались на небольшой площади, в лесу. Правда, жизнь коммунаров была разнообразна: она была создана ими на самостоятельности и соревновании, но распорядок дня был расписан давно: утрення зарядка, завтрак, труд в цехах, в мастерских, обед, опять работа, собрания, учеба, клуб — изо, музо, тел, кружок изобретателей и т. д. Это был свой молодежный мир строго спланированной работы — мир, полный волнений, радостей, драм, мечтаний. Появление новых ребят в коммуне было событием, борьба с отдельными, часто популярными в воровском мире, закоренелыми преступниками и юными бродягами была сложнейшей борьбой за честь, за преодоление в себе диких, разнузданных страстей.

Но эта жизнь, внутренне большая и сложная, полная беспокойства и ежедневных событий, внешне имела маленькие масштабы: вся она умещалась на одной фотографической пластинке. И вот, когда Вакир очутился на этой стройке, он сразу почувствовал, что попал в мир гигантских размахов, целого океана электрического огня и потрясающего грома взрывов и грохота бесчисленных поездов. Широкая бурная река, которую знал весь мир, с которой связана наша тысячелетняя история, волновала его, а бычки внизу по течению, вырастающие из водоворотов, чудились ему грозными броненосцами. Потом он шел по холмам, по гудронному шоссе, по которому проносились автомашины, по аллеям улиц, мимо ярко освещенных

особняков, утопающих в садах, и чувствовал себя — маленьким, беспомощным в этом новом городе, где жизнь гремит неустанным морским прибоем.

То же испытывал Вакир и сейчас, в этом зале заседаний. Этот зал казался величественным, массы людей — бесчисленными, голос оратора в репродукторах — громopodobным, и все люди в президиуме и в зале — необыкновенными. Даже Татьяна стала вдруг какой-то новой, какой он ее никогда не видел.

— Это говорит Симполович... левый берег... — шепнула Татьяна, и ему сразу стало хорошо, когда ощутил ее дыхание. — Пыла у него — избыток, старается забегать вперед, кричит вместе с другими громче всех, но, когда требуется его инициатива, руководство и пример в трудные минуты, он исчезает бесследно.

— Трус? прохвост?

— Нет, вернее — конъюнктурный энтузиаст.

Симполович пылал на трибуне. Он рвался вперед, в толпы людей, махал руками, как крыльями, обливался потом и вдохновенно звал к победам. Говорил он весело, легкокрыло, острил, играл анекдотиками и изо всех сил старался понравиться людям. Нет трудностей, есть только недооценка своих сил и неверие в массы. Он щебетал, как жаворонок, очаровательно подшучивал над мрачным скептицизмом «любимых и уважаемых начальников» и в упоении кричал, что он «без оглядки, скакаша и играя, брссается в живительные волны народного моря». Нельзя сантиметрами измерять географических расстояний, а граммами — глыбы взорванной скалы. Тут надо переключаться на богатырские мускулы. Он имеет счастье принадлежать к революционному объединению ИТР, который включился в эту борьбу, но в котором наряду с орлами...

Кто-то крикнул в передних рядах:

— ... стрекочут сороки...

Зал загремел хохотом.

Симполович растерянно посмотрел на президиум, засмеялся и с восхищением крикнул:

— Нет-с, слепые сычи, которые зарываются от солнца в собственную тень...

Вакир, не отрываясь, взгляды вдалеке, в президиум. Что-то неотразимо привлекало его внимание и тянуло к себе, и он уходил все дальше и дальше от Татьяны. Она оживленно разговаривала с каким-то очень высоким, краснолицым человеком. Он наклонялся к ней и сверкал зубами, должно быть, рассказывал что-то забавное.

Крупнотелый рабочий, смуглый, большеголовый, похожий на любителя тяжелой атлетики, ласково жаловался:

— Пора кончать, товарищи, эту канитель... Горе одно, честное слово... Проблема одна — бить саботеров с треском...

И улыбнулся Вакиру, как другу. А сидящий перед ним черноусый синелицкий металлист поучительно успокоил его:

— Внимай, Макуха, в последний раз. Чтобы драться, надо терпеть... и кулаками слушать...

Вихрастый парень в свитере в негодовании тарашил на них глаза.

— Ну, нельзя же играть с народом... Народ требует ответственного направления... Разяснить ясное — значит затуманивать...

К нему повернулся лысый служащий в очках, в рыжей толстовке.

— На то и демократия, чтобы дискусировать...

Вихрастый парень протянул к нему руку, точно хотел проткнуть пальцем его лысый затылок.

— Вопрос-то давно решен, а тут наводят тень на плетень. Плутают разные плуты. Дело нечестное, как бадня...

Вакир миновал еще несколько рядов. И тут взволнованно переговаривались люди разных возрастов и квалификаций. Парень в украинской сорочке, с клоком волос на лбу, со злыми гримасами, сипел в морщинистую шею пожилого рабочего с седыми усами и бровями:

— Буржуазия — она живучая: ей костюм и личность — не вопрос. Для ней слова — легкая тара зловерной контрабанды. Симполович старательно разгружается, а я — берите меня на каюк — не верю. Да может, под эти-

ми стружками — чёрт те что ухоронено...

Не оборачиваясь к парню, рабочий хрипло и бесстрастно прогудел:

— Верить, не верить, а земля вертится...

Молоденький инженер с ершиком, чисто выбритый, в яркочерном галстуке, непоседливо метался на своем месте и, со смехом в глазах, трогал ладонью и того и другого.

— А раз земля вертится, хватай факты голыми руками. Говорят, что раньше свиньи ногами попирали бисер, а теперь у них этот бисер сверкает и на рыле.

Парень гримасничал, точно страдал от боли.

— Вредители с шиком одеваются по последней моде правдивости...

Торопливые голоса у стены шелестели весело и задорно:

— Ватагин едет в Москву... Горком обеспечен...

— В фойе Самородов рассказывает анекдоты... Изображает преданного сына сына...

— Тень Ситного его усыновила...

— Обман, как таракан, он любит равнодушных нерях...

— Нет, вы глядите: народ-то... напирает, а на пути у него — рваные тросики, капризные механизмы и аварии. Бадьи-то... на головы шлепаются...

— Пойду, покурю и полюбуюсь на Самородова. Он больше любит в буфете пивом людей освежать...

— А у тебя слюнки текут?

— И слюнями можно рыбу ловить...

Здесь же восседал и каменолом Матвей, в новом теплом пиджаке. Туго приямая борода его уже не казалась серым войлоком: она была заботливо подстрижена и расчесана. Рядом с ним сидел и тощенький Никита, который пытался спасти лом из залитого водою котлована. Тонул Никита и не утонул. Живущий оказался мужичонка. Матвей за эти месяцы раздобыл, а Никита и сейчас был какой-то дохлый, но Матвей не отпустил его в колхоз и сам не поехал. У него была уже большая бригада, и он гордился, что на

стройке он — старый и испытанный бригадир.

Слушал он ораторов внимательно, а на разговаривающих людей поглядывал неодобрительно. Только однажды он ткнул Никиту под бок и проворчал:

— Чего-то, погляжу я, *голова, ветра нет, а пыль — в глаза...

А Никита задушливо, но охотно ответил:

— Артель в безделицу покричать любит. На отдыхе и песня пользительна, а муравель и в свирель не дудит.

Матвей почесал толстым пальцем в бороде и строго отметил:

— Народ стал гневный...

Никита оглядел густые ряды голов вокруг себя и жалко улыбнулся.

— Старательный народ... весельи...

Миرون встал, позвонил в колокольчик и назвал имя Шлиппе. По залу колыхнулась волна беспокойства. Что-то вроде глубокого вздоха встряхнуло эти теплые, тесно сбитые тела. Шлиппе стал озираться, как оглушенный: он, должно быть, не ожидал вызова — сидел за столом спокойно и безмятежно, лаская апостольскую бороду. На него с понуждающей улыбкой смотрел Миرون, а Балеев с притворным злорадством кивал ему головой. Стрижевский блеснул зубами и что-то заметил ему на ухо.

Шлиппе стал отдуваться в сильном замешательстве. Он не привык выступать и теперь чувствовал себя беспомощно. Видно было, что он потерял власть над собою, что та сила, которая волновалась в зале, непреоборима и ужасна. Он смутно увидел ободряющие глаза Стрижевского, насмешливое любопытство Балеева и вызывающий взгляд Ватагина и сразу ощутил, что он запутался, что он задыхается, что он потешно хватается за свою бороду в безнадежном стремлении спастись от крушения. Видно было, что он к трибуне шел почти без сознания, с дрожью в бровях. Знающий, опытный и ученый гидротехник, он оказался внезапно забавным в своей неожиданной роли оратора. Он сознавал, что слово его должно быть сказано в этот момент

твердо и полновесно. Надо произнести это слово внушительно, убежденно — так, как он говорил на узком совещании у себя в кабинете и у Балеева. У него есть сильная опора в Стрижевском, в Кряжиче, в ряде инженеров, сам Балеев ждет от него значительных, четких, научно обоснованных формулировок. Но Балеев колеблется — тот Балеев, который всегда был тверд и решителен в своих мыслях и поведении.

Вакир смотрел на Шлиппе с удивлением. Этот бородатый и телесно могучий главинж испуган, неустойчив в ногах. Он смешно хватается за бороду, он трусит перед множеством простых людей с рабочим обликом. Ватагин в сравнении с ним — великан.

— Спустить бы их с цепи друг на друга. Седой-то барин, по-моему, сволочь, а с этим лобастым и бритоголовым я успел уже поцапаться.

— С Ватагиным? — изумленно засмеялась Татьяна. — Какой ты задира!

— Мне отмщение, и аз воздам... сказал Лев Толстой...

Шлиппе давился словами, отдувался, ловил руками воздух, судорожно впиался пальцами в трибуну, а она дрожала, колебалась, и графин с водою порывался слететь на пол. Но важности своей и профессорского величия не терял: коротко остриженную голову с конским хвостом держал высоко. Издали казалось, что его волнение и паника — это пафос, торжественная приподнятость, и он не в силах выразить вихря глубоких мыслей. И когда раздался перед микрофоном его хриплый голос с трещинами, с кашлем, с одышкой, а репродуктор рывкнул и задохнулся, люди заулыбались и с безжалостным любопытством устремились вперед.

Он долго барахтался в многозначных нагромождениях кубометров невыбранной скалы, неположеного бетона и невыработанных человеко-часов. Едва владея разбухшим и высохшим языком, он плутал в теснинах и глыбах невзорванного камня, испорченных механизмов, неизготовленных железных конструкций и мачт и недоставленного

заграничного оборудования. Изнуренный, он, наконец, остановился, оглядывая высокие пространства зала и не вынося пристального ливня глаз.

На него с беспокойством поглядывал Стрижевский, поблескивая зубами, играя серебром усов, а Кряжич весь напрягся от нетерпения и готов был бурно вскочить каждый миг. Мирон как будто не слушал Шлиппе и забыл о нем: он безмятежно разговаривал с Балеевым и энергично пошлепывал ладонью о стол. Викентий Михайлович шевелил бровями и хватался строгими пальцами за бородку и усы. Он кивал головой то утвердительно, то отрицательно и вдруг пронзал пальцем сукно около ладоней Мирона. Они не обратили внимания на молчание Шлиппе и на шорох тревоги в зале и даже не прекратили разговора, когда из засева голов раздался возглас:

— А какие у вас выводы, товарищ Шлиппе?

— Что же предлагает управление строительства?

— Смелей наступайте! все равно будем драться...

Шлиппе храпнул и склонил к трибуне волосатое лицо.

— Управление стоит...

— Именно стоит... и как будто стоя спит...

— Управление стоит на точке зрения невозможности выполнения встречного плана...

— Ого! вы лучше расскажите, что вы делали...

— С кем вы разговариваете, позвольте вас спросить?..

— Я, как главный инженер, не могу взять на себя ответственности...

— Обязаны... В первую голову ответите вы...

— Но дело сложнее, чем мы думаем... Бывают в наше время такие чудеса, что фантазия вдруг превращается в реальный факт... Слабые головы не вмещают этого и трещат, как, например, моя... (Смех).

Ему захлопали, и он не мог понять, что значат эти хлопки.

Людей с бородами Вакир встречал редко, и они всегда смешили его. Эти

хвостатые лица казались ненастоящими — маскарадными. Бороды были у попов, бороды были и у старых мужиков, и эти бородатые люди производили на него впечатление звероподобных и опасно-коварных существ: они его преследовали и ломали кости. И, когда ему сообщили однажды, что до войны и революции эти бороды считались украшением и им придавали искусные формы стрижкой и прической, а бритые лица были только у актеров, — он вообразил себе улицы города, заросшие бородами, и хохотал до слез. Длинная, черная, шелковистая борода Шлиппе была той легендарной бородой, которая когда-то сплеталась с другими такими же бородами на улицах и в комнатах и шелестела загадочно сплошной зарослью волос. Вакир не мог удержаться от смеха, наблюдая за длинным хвостом на лице Шлиппе, и чувствовал, что этот человек нарочно носит нелепую растительность: он скрывает в ней свои настоящие мысли. И Вакир был рад, что этого Шлиппе разнесли в пух и прах, что в бороде своей он запутался и она задушила его. Он хотел обмануть чем-то эти толпы людей, а они разгадали его, и он в смятении удрал на свое место, охраняя ладонью свою драгоценность.

Стрижевский застыл в неприступной отчужденности и не шевельнулся, когда около него сел Шлиппе. А Шлиппе склонился к нему, потрясенный, с дрожащей головой, и смущенно пробурчал:

— Хотел сказать одно — вышло другое...

Стрижевский, играя пальцами по столу, с язвил:

— Вы удалите свою бороду, Генрих Карлович: она у вас — просто флюгер.

— Ну, вот, Евгений Григорьевич, и покажите себя: поразите их своими блестящими усами...

Кряжич подбежал к Шлиппе и воткнул ему в петлицу сухую хворостинку, которую он отломил от старой гирлянды на пилеястре.

— Это вам, Генрих Карлович, за блестящее выступление...

— Это — что такое?

— Почетная лоза, как видите...

Шлиппе, багровый от гнева, выхватил хворостинку и бросил ее на пол. За столом и в зале захлопали в ладоши и засмеялись.

Один за другим стали выходить на трибуну рабочие, парторганизаторы, бригадиры, молодые инженеры и, волнуясь, требовали принятия плана. Они доказывали, уверяли и клялись, что план до морозов будет выполнен. Это они утверждают не по собственному капризу, а от имени рабочих масс и инженерно-технических сил.

Около Мирона давно уже терся Корытин. Время от времени он лениво и мрачно убеждал его в чем-то, но Мирон отмахивался от него. Наконец, он не выдержал, медленно обернулся к нему и оглядел его сверху донизу. Потом опять повернулся к столу и небрежно произнес его имя. Корытин так же лениво и мрачно прошел на трибуну. Он неторопливо разложил перед собою бумажки, вынул записную книжечку и деловито распределил все по местам. Начал он тускло, угрюмо, скучно. Он заявил, что всякую работу он решает, как математическую задачу. Мало воодушевления в труде и всяких заданиях, нужно еще воплотить это воодушевление в точные цифровые данные. Нечего зря болтать об энтузиазме: таковой не существует в действительности, это — только результат агитации. Его, Корытина, не интересует это красивое слово: он сторонник сурового дела. А это дело и реальные факты во все не располагают к карнавальным настроениям.

Шум и смех заставили его замолчать, но он невозмутимо защитился широкой ладонью.

— Не кричите! Ваши крики и смех не производят впечатления. Я считаю план в 600 тысяч кубометров противным конкретной математике дела.

Шум рос, отовсюду покрикивали на него насмешливо и презрительно. Но он был убежденно спокоен и тверд.

— Тут во всем — дутая словесность и беспочвенный восторг. Давайте почитаем с карандашом в руках... Вот...

Он показал записную книжку и карандаш и даже послунывил его.

Мирон нахмурился и стал искать взглядом кого-то позади себя, потом — в зале. Лицо его одеревянело и потухло, только глаза стали тугими и холодными. Он встал со стула, отошел вглубь эстрады к Чумалову, неторопливо вынул трубку и стал набивать табаком, старательно прессируя его большим пальцем. К нему подошел Осокин и растерянно забунтовал перед ним, но Мирон слушал его невнимательно. Глеб скалил зубы и весело поглядывал на Мирона.

— Парень-то немножко тяжеловат... Должно быть, долго чумалил на волах...

— Ну, зачем ты выпустил ьтого балбеса, Мироша? — волновался Осокин. — Как же это можно? Ведь его же, подлеца, гнать надо...

— Ты чего кипятишься, Осокин? — добродушно засмеялся Глеб. — Ведь все равно он подойдет... Сейчас же его раздерут.

— Да разве можно шутить с масса-ми? Товарищи дорогие!..

Мирон прислушивался к словам Корытина и, казалось, наслаждался его хрипловатым, по-простецки убеждающим голосом. Так и чувствовалось, что он, Корытин, не может поступиться своей правдой, что он готов на все, чтобы эту правду честно выложить перед этими людьми. Видно было, что он долго думал над решением той ответственной задачи, которой живет эта масса народа, что он не спал ночей и корпел над ней, как прилежный ученик. И вот решение найдено, проверено, закреплено в столбцах неотразимых цифр, и теперь он несет в себе беспощадную истину, против которой так слепо протестует возбужденное большинство.

Мирон сосал трубку и вдумчиво поглядывал и на Осокина, и на Глеба. В его глазах они увидели знакомый лукавый блеск.

— Молодец! Режет открыто и честно.

Осокин с изумлением глядел на него и не верил своим ушам. Потрясенный, он задыхался от гнева.

— Да ты — в уме, Ватагин? Что ты дурака валяешь? Его сейчас же надо лишить слова... Коммунист ведь... где же дисциплина-то?.. Ты понимаешь, какая пойдет смута в башках? Я сейчас выступлю и съем его, негодяя.

Мирон безмятежно отвернулся от Осокина и обменялся взглядом с Глебом. Глеб понял его и усмехнулся.

— Нет, Мирон, ты не упусти слух: этого математика приставь к Осокину. Пусть он подучит его арифметике, а то предрабочкома орудует только ощущениями.

Мирон поднял голову навстречу потному, испуганному, с осовельми глазами парню, похожему на молодого инженера, в помятом воротничке, с галстуком на бдку.

— Я прямо ушам своим не верю, товарищ Ватагин. Ведь Корытин ни словом не возражал на собрании партколлектива. А сейчас... Что же это за манера?

— Да, скверная манера, Яхно: бдительности у тебя мало. Даже за галстуком не следишь — на боку... И не брит...

И, в упор всматриваясь в Яхно, он улыбнулся. Этой улыбки с пристальным взглядом особенно боялись секретари ячеек. Яхно сразу осунулся и потерел.

— Ведь на собрании, товарищ Ватагин, он ничем себя не проявил, насчет своей позиции. Он даже и не выступал...

— Плохо же ты знаешь своих коммунистов... — засмеялся Глеб. — Тебя бы самого надо перетряхнуть...

Мирон невозмутимо сосал трубку.

— Вот в том-то и дело, что он не выступал... А ты остался безучастным. — Он вынул трубку изо рта и небрежно, как будто между прочим, спросил: — Как он там у тебя? Ты его хорошо знаешь?

Яхно изнемогал от взгляда Мирона и взбешенных насмешек Глеба. Осокин сам страдал, и его гнев и смятение были просты и понятны. Он был нестрашен Яхно.

— Башки вам надо рвать, чертям собачьим... — метался Осокин в от-

чаянии. — А тебе в первую голову, Яхно... Что это у тебя за партколлектив? Любишься вот на своего активиста... Хотя видит око, да зуб неймет...

И он отмахнулся злобно и безнадежно.

— Я сегодня же соберу бюро, товарищ Ватагин.

— Запоздавая торопливость, это — уже поражение, Яхно. Иди.

В зале бушевали. Корытину не давали говорить. Он пытался перекричать рев и гул, но голос его потухал здесь же, у трибуны. Отдельные крики подбадривали его, а Стрижевский старался уловить его крики ладошкой у уха. Балеев холодно смотрел в зал, и нельзя было понять, кому он сочувствует. Широкая спина и бритый затылок Ватагина в глубине эстрады, спокойный благодушный дымок от его трубки казались безучастными, но Вакир был уверен, что этот человек слушает чутко и знает минуту, когда надо стать на свое место. Только раз за разом Ватагин вскидывал руку к голове и поглаживал ладонью по бритой коже.

У Осокина дома в постели лежала Марья Петровна, и ребятишки расплзались из комнаты, как щенки. Алешка сейчас — в школе, он, чертеныш, приходит домой поздно и только нюхает дверь в комнату матери. Он, наглец, обязательно скажет с пренебрежением:

— Наша Марья Петровна не вылезит из квашни...

Чорт ее знает, что приключилось с бабой: не то болит живот, не то родить собирается. И Осокин не сидел на месте, мучился, думал о жене, о ребятишках, и его страдания были мучительнее от того, что этот чортов оппортунист расшатывает организацию.

3

Татьяна молча и строго смотрела на Мирона. Вакир увидел, как лицо у нее окаменело, брови слились у переносья и стали жесткими и глущими. Мирон встретился с ней глазами, удивленно поднял брови и понимающе улыбнулся. Вакир не видел, что ответила окаме-

невшим лицом Татьяна, знал только, что такое лицо у нее бывает в минуты гнева и жестокой правдивости.

Мирон назвал ее имя и опять посмотрел на нее смеющимися глазами, и Вакир отметил, что в этих его глазах остренько играла умная пронизательность: меня, мол, не проведешь; я знаю, что ты думаешь, что скажешь и как будешь себя держать.

Татьяна еще ни разу не выступала на собраниях: за нее говорила порывистая Феня, а Феня очень часто выражала ее мысли. Теперь же Фени не было, и надо было самой ответить за себя и за людей своего участка. Она знала, что и молодые инженеры, и рабочие, и Вихляев смотрят на нее с гордостью и любопытством. Но непривычка к выступлениям и необходимость выйти на трибуну вдруг сковали и тело, и мозг мучительным холодом. Она впервые почувствовала что-то вроде ужаса: точно она должна была выйти голой перед этой массой людей, перед Мироном, перед Балеевым, перед Кряжичем. Она на миг увидела, что они смотрели на нее с пристальным недоумением и насмешливой снисходительностью, точно ничего не ожидали от нее, кроме наивного лепета. Только Кряжич провожал ее со страхом в лице. А Вакир отметил, что этот инженер как-то испуганно рванулся к ней, судорожно взерошил и затеребил нервными пальцами бородку. И Вакир решил с злорадным удовольствием, что этот инженер боится Татьяны и ждет от нее безжалостного удара. Вакиру он определенно не понравился, и он почувствовал к нему беспричинную вражду.

Почему-то он был уверен, что Татьяна тоже ненавидит этого тощего, взбудораженного человека.

Когда Татьяна всходила по ступеням на трибуну, она инстинктивно взглянула вверх, в президиум. Брови у Балеева двигались, а в глазах был окрик. Она на мгновение ощутила дурноту и задохнулась от бурного сердцебиения. Но в тот момент, когда она обратилась к залу и встретила простоту знакомых лиц и дружеские ободряющие глаза,

люющиеся к ней свежим дождем, она сразу почувствовала неудержимый порыв крикнуть всей грудью, чтобы освободиться от страха перед этим лобным местом. И ей показалось, что она крикнула оглушительно и надрывно:

— Товарищи!

Но на самом деле этот призыв прозвучал очень спокойно и даже неприветливо-холодно. В зале насторожилась терпкая тишина. И вдруг среди этой ожидающей тишины бодро крикнул дружеский голос откуда-то из далекой середины:

— Ну-ка, Танечка, приведи-ка все к одному знаменателю...

В разных местах засмеялись и захопали в ладоши, но звонок Мирона оборвал оживление.

Голос ее звенел сердито, уверенно, безапелляционно. Ее нежная красота, скромно приглаженные волосы и девичья чистоплотность как-то не вязались со строгостью и мужской силой ее голоса и рассудительной холодностью ее деловых слов. Она волновалась и дрожала от неиспытанной слабости, но всем казалось, что она невозмутимо уравновешена, и ей совершенно безразличны и люди, и обстановка. В голосе ее чувствовалась даже самоуверенная насмешка и пренебрежение к администрации. И не было у ней ни жестов, ни порываний в зал, только однажды она стала боком к столу президиума и, смотря в пол, отчеканивала металлически отповедь и Шлиппе, и Стрижевскому, и Кряжичу, и самому Балееву.

Она говорила о том, что навстречу идут такие дни, когда все неизбежно должны действовать верно, метко, наступательно и согласованно. Стройка вступила в полосу противоречий: производительные силы всей системы строительского хозяйства несоизмеримы с общественными отношениями внутри коллектива. Она напомнила, что когда-то строительство начато было буквально голыми руками. Кто тогда был главной действующей силой? Грабарь-землекоп с его лопатой и лошадежкой, каменолом с киркой и ломиком, бурыйщик с молотом и стальным стержнем, плотник с пилой и топориком. А в

центральных мастерских — слесаря-кустари. А транспорт — телеги, вагонетки, площадки? Протяжение под'ездных путей — ничтожное. Темпы были неторопливы, навыки людей — первобытны. Да и людей было мало — каких-нибудь две-три тысячи. Правда, делали поправку на механизмы, которые еще лежали на складах Нью-Йорка, но эти поправки не вызывали тревожных вопросов о неизбежности переворотов в методах труда. Тогда труд мало был похож на труд социалистический. И рабочие, и инженерно-технический персонал несли в себе многолетние навыки, выработанные в условиях капиталистического хозяйства. Вот чем определялись те нормы и те темпы, которые господствовали в продолжение трех лет. И вот откуда вышли те идеологи умеренности и аккуратности, теоретики малых масштабов и узких мирных технических возможностей и поэты мускульного труда, которые теперь кажутся смешными и нелепыми метафизиками. За это время стройка пережила большую революцию в технике: труд механизировался до высоких пределов, и этот труд стал новым и по содержанию, и по форме, он количественно и качественно стал иным. Грабари вытеснены экскаваторами, каменоломы — перфораторами, сандерсонами и кранами, площадки — думпкарами, плотники уже — в деревообделочных мастерских. И теперь на базе этой высокой техники создаются новые кадры рабочих и инженеров, которые уже задыхаются в узких клетках старых норм. Они стремятся разорвать эти ржавые пути.

— А вы, уважаемые метафизики, — крикнула она, — вы отстали от жизни, вы не видите реальной действительности и живых творческих сил... (Тут-то она и стала боком к президиуму в обличительной позе гневного судьи. И эти ее слова, и обличительную позу встретили бурные аплодисменты и крики). Массы идут впереди вас, они толкают вас вперед, а вы не только топчетесь на месте, но пятитесь назад. Вы тормозите движение, вы препятствуете, мешаєте развитию трудовой, сознательной инициативы масс, вы уже реакци-

онно боретесь против социалистического переворота в системе труда, против боевых размахов в созидании, вы стараетесь потушить энтузиазм и пафос восставших против ваших метафизических норм и изношенных понятий.

Кряжич не выдержал и, бледный, надрывно выкрикнул:

— Это — возмутительное безобразие!..

Стрижевский сидел неподвижно, застывший в пренебрежении к оратору. Он делал вид, что даже не слышит стоящей перед ним суровой Татьяны. Шлиппе смущенно улыбался бровями. Балеев смотрел на Татьяну с любопытством и даже приложил ладонь к уху. Мирон лукаво перемигивался с кем-то из сидящих в первых рядах.

— Товарищ Кряжич, — повернулась к нему Татьяна, — безобразие в том, что вы, замечательный инженер, живущий стройкой, пасуете перед трудностями, отстаиваете прогнившие традиции, осужденные жизнью. Безобразие в том, товарищ Кряжич, что вы — честный мастер инженерного искусства — не понимаете еще тех свершений и сдвигов, которые происходят около вас. Вы не имеете мужества окончательно сбросить кандалы и смело идти с нами вперед. Знаете ли вы, к чему это ведет и чем это кончается?

Стрижевский пошептался со Шлиппе, потом медленно встал и величественно вышел в дверь. И все поняли, что он сделал это демонстративно. Шлиппе завозился на стуле, панически посмотрел вслед Стрижевскому, потом метнул бороду в сторону Кряжича и расслабленно откинулся на спинку стула. Кряжич даже встал, устремляясь к Татьяне. Балеев улыбался усами, изумленно поднимая брови, и все чаще склонялся к Мирону, бросая ему какие-то короткие фразы. Мирон весело смотрел и на Татьяну, и на людей в зале.

Вакир никогда еще не видел Татьяны в таком возбуждении. Она и раньше была неотразимо прямодушной, и раньше слова ее звучали правдиво и сильно. Потому что они были выражением ее поведения, но сейчас в них гремела неиспытанная мощь. И Вакир

чувствовал, что эта особая значительность Тибры не только оттого, что она, по свойству своего характера, жестока в своей правде, но и оттого, что в мужественном ее голосе и в убежденной уверенности ее движений воплощается душевное волнение всех этих людей, их целеустремленность и практическая мудрость. И в этот миг он как будто сам вырос и позрел. Как-то внезапно он понял, что та жизнь, которой он жил до этого дня, ушла в прошлое навсегда, и к ней уже нет возврата. С восторгом и гордостью смотрел он на Татьяну и жадно слушал ее голос и всем своим существом переживал огромное чувство любви и преданности к этой родной девушке.

— Знаете ли вы, товарищ Кряжич, какова судьба тех, кто борется против нового сознания?.. — Голос Татьяны зазвенел угрозой. — Судьба этих людей — безотраднa: они или гибнут, или сметаются историей, как сор, в лагерь врагов...

Весь зал даже вздрогнул от неожиданности. Волнами прошел из конца в конец смутный шелест и гул. Как-то невольно вся масса лиц и глаз повернулась к Кряжичу и сразу же остановилась на бороде Шлиппе и пустом стуле Стрижевского. К удивлению всех, Кряжич не взъерепенился, а как-то сразу помертвел, пригвожденный к месту. Балеев крикнул громко и отчетливо, но спокойно и даже добродушно:

— Вы чушь городите, товарищ Братцева. Что за мания насчет вредителей?.. Кряжича вы хорошо знаете...

— Да, Кряжич — наш, Викентий Михайлович, и никакая сила у нас его не возьмет.

Эти слова ее потонули в шквале рукоплесканий.

— Но объективное вредительство выражается не только в диверсионных актах, — пожары, порчи машин, замораживание предприятий, аварии, бесплодное истребление финансов, катастрофические изъятия в проектах. Объективное вредительство, — это, если можно так выразиться, честный, в целях хозяйственного расчета и экономии, консерватизм людей, ослепленных новыми

днями. Это — честный консерватизм людей умеренных, педантичных, привыкших поклоняться старым фетишам, не понимающих, что жизнь — это постоянное движение, сдвиги, скачки, революция, что каждый день — это новое качество, новые преодоления и победы, а человек — это новое сознание, творчество и героизм. Честный консерватизм — это одна из самых вредных, последовательных и планомерных инерций, которая мешает нашему движению вперед. Один из философов сказал: «Остановиться и оглянуться назад не значит отстать». Но ведь остановиться и оглянуться назад надо тоже уметь: это значит быть революционером, то-есть, проверяя пройденный путь, предвидеть далеко вперед, чтобы с новой энергией ринуться к цели. А наши метафизики, вообразившие, что они единственные обладатели знаний, недоступных массам, остановились, застыли и тупо смотрят назад. В этом — их система. Ничего у вас не выйдет, не пройдет это у вас, уважаемые метафизики...

4.

Когда люди успокоились и волны рукоплесканий отхлынули, Мирон назвал имя Балеева.

Викентий Михайлович подошел к трибуне в ожидающей тишине. Он чувствовал теплоту толпы и духоту нетерпеливых глаз. Неизвестно, почему зал загремел аплодисментами — как-то сразу, потрясенный взглядом Балеева: может быть, эти люди почувствовали в нем внутреннюю борьбу, может быть, в этот решительный миг он вспомнил тот страшный день, когда он очутился один в мертвом котловане, как в пустыне, и потрясен был внезапной своей обреченностью; может быть, он переживал сейчас такое же глубокое волнение, какое он испытал летом, когда эти же массы вынесли его на простор. Аплодисменты он встретил как должное и с досадой отмахнулся, точно они надоели ему. Сказал он неприятным, крикливым голосом, точно распорядился на стройке:

— Слишком много громких слов и размашистых чувств. Кому это нужно?

Если мы и дальше будем играть в словесную чехарду — чорта лысого построим мы плотину и электростанцию. Основное требование большинства — это 600 тысяч кубометров бетона. Предположим, что мы их втиснем в срок. Но котлован-то вы приготовили к кладке? Вынуты ли у вас сотни тысяч кубометров скалы? Нет. Она лежит еще в первозданном монолите. Это — гранит, который нужно взорвать, взять его, увезти на камнедробильные заводы, выбросить в отвалы...

— Викентий Михайлович! — раскатисто крикнул Мирон с веселым смехом: — Мы вам уже подарили эти первозданные граниты... Разве вы пренебрегаете хорошим подарком?

Балеев даже не взглянул на Мирона и ответил небрежно:

— У меня пока еще нет в руках этого подарка. Это — только обещание. Я привык не верить горячим уверениям. Этот ваш подарок еще во власти речного дна. Вы еще не выдрали его из лап господ бога, а хвалитесь, что подарили. Ерунда.

— Викентий Михайлович! — уже с гневным достоинством крикнул Мирон: — Слово рабочего класса — это дело. Он дарит вам тысячи кубометров скалы, и вы подучите этот подарок к сроку. Массы требуют от вас ответного подарка: преподнесите им из уважения к их заслугам эти 600 тысяч.

— Это демагогия, товарищ Ватагин, неуклюжая игра словами, щекотанье нервов...

Балеев внешне был спокоен и величав, но Вакиру почудилось, что волосы у него ошетинились, и он готов был броситься к столу и ударить Ватагина. Как бы чувствуя, что Балеев может оскорбить Мирона, все эти сотни людей с ревом вскочили с мест и замахали руками. Вакира подбросила огромная волна, и он впервые в жизни ощутил какой-то головокружительный взлет. Эта масса людей поглотила его и наполнила восторгом. И он невольно закричал вместе со всеми. Ватагин улыбался, и эта его улыбка ослепила Вакира. Он увидел, как Балеев, оглушенный и встревоженный, дрогнул, отсту-

пил назад и старался сохранить свою угрожающую монументальность. Но Вакир с радостью чувствовал, что начесть ошарашен и бороться уже — не в силах. Он взглянул на Ватагина, требую у него помощи, но Ватагин не отвечал на его взгляд.

Вдруг Балеева как будто осенила какая-то мысль: он решительно шагнул к самой рампе и поднял руку.

— Хорошо! — крикнул он сквозь грохот и рев: — Хорошо!.. Вы хотите этого? Давайте это запомним крепко. Я принимаю ваш подарок... Я вместе с организациями возглавлю вашу борьбу. Раз шестьсот тысяч — пусть шестьсот тысяч... Они — ваши...

Вакир уже не мог забыть того, что произошло в зале. Все бросились с своих мест в проходы и хлынули вперед. Трещала мебель, хлопали сиденья.

Мирон непрерывно звонил, махая колокольчиком.

Викентий Михайлович властно призывал рукою к молчанию.

— Но имейте в виду... Слышите?.. Имейте в виду...

Грохот, крики и гул отхлынули, затихая вдали.

— Если вы не выполните своих обещаний... если вы ослабите темпы и будете проваливать план, — не ждите пощады... Я сдеру с каждого из вас по три шкуры...

Он повернулся и твердо пошел на свое место, как человек, для которого ничего не осталось, кроме неизбежного.

Ему крепко жал руку Мирон и смотрел на него растроганно. Чумалов, со свойственной ему стремительностью, обнял Балеева и зарычал от восторга:

— Викентий Михайлович! Это же замечательные люди... Разве это случайно? Это — не порыв, а движение, Викентий Михайлович... массовое движение...

Балеев неожиданно вонзился в лицо Чумалова и в глазах его блеснули яркие огоньки. Усы и борода дрогнули, и он засмеялся в волнении.

— Посмотрим, как вы справитесь с этим вашим движением... Седина — в бороду, бес — в ребро, Глеб Иванович...

И быстро сел на свой стул. Мягко и ласково, задыхаясь от счастья, склонился к нему Осокин.

— Викентий Михайлович, родной!.. Рабочий класс душу отдаст, все силы положит, чтобы оправдать... Мы не забудем этой минуты... Ведь такие минуты — дороже годов...

Балеев впервые взглянул в доброе лицо Осокина и увидел слезы в его глазах. Почему он раньше думал, что этот Осокин — ничтожество? Этот Осокин несет в себе какое-то огромное сердце. Пусть за него подумает Ватагин, но он, Осокин, знает, как душевно тепла кровь этих масс...

Как нервный человек, Кряжич ощущал эту многоликую силу обостренно и мучительно. Он видел в глазах и лицах этих людей, нестерпимую вражду, всплески надежды и готовность к взрыву. Он с ужасом чувствовал, что не по доброй воле устремился к трибуне: какая-то огромная сила сорвала его с места и бросила навстречу этим страшным массам людей. Впервые он с замиранием сердца понял, что он, Кряжич, — ничтожен среди этих мятежных толп, что бороться с ними — бессмысленно и безнадежно, что он будет уничтожен, как муха. И впервые он с потрясущим изумлением увидел себя жалким, смешным в своем гордом упрямстве носителя незыблемых истин. Эти незыблемые истины, впитанные им в течение многих лет его инженерской практики, лежали в его голове надежно, твердо, неоспоримо, как кирпичи в здании, как математические аксиомы. Они не изменялись, не испытывали никаких переворотов, их не потрясали никакие социальные сдвиги и революции. Между ними и политикой не было никакого сродства, — так думал он, Кряжич, так думали и многие из его соратников. А когда Бубликов нагло предложил ему произвольно изменить формулу и дал ему понять в тот кошмарный вечер, что бычки испорчены при его, Бубликова, участии, Кряжич впервые испытал настоящее потрясение: незыблемая истина может быть превращена в орудие злодейства, математическая формула в руках вредителя может слу-

жить разрушительной силой. Но после ареста Бубликова и его соучастников эти законы и формулы были реабилитированы и опять заняли свои места. Он не верил в длительность и рост новых размахов труда, не верил в ударничество и соревнование, как в разработанную систему: ему казалось, что этот новый метод — искусственный прием, что все скоро выдохнется — пыл пройдет, и вся эта масса людей разбежится по своим деревням и цехам. Но когда он увидел, что этой бурей соревнования захвачены и старые инженерские кадры, — Шепель, Вихляев, Симполович, Шагаев, Митрохин, — он испугался: эти трезвые люди поразили и встревожили его, как психически больные. Еще туда-сюда Симполович — болтун, приспособленец, актер, для которого ничего не стоит переметнуться к тем, кто кричит напористо. Но Вихляев, который до последнего времени был упрямым защитником грабарского труда и ненавистником мощных американских механизмов, — Вихляев удивил его больше всех. Он ничего не приводил убедительного в оправдание выброшенного чудовищного лозунга в 600 тысяч кубометров бетона и многих тысяч кубометров скалы. Он косноязычно и так же упрямо твердил только одно: «Все дело — в народе: ежели народ требует — значит дело верное. Я привык верить народу. Он не шутит». А вот Шепель с его преданностью машине никогда не говорил дешевых слов: он, как математик, тщательно и педантично решал задачи выполнения календарных планов на своем берегу и испытывал способность механизмов и управляющих ими людей на максимальные темпы.

Движение идет мимо него, Кряжича, мимо Балеева и отбросило Стрижевского. И Кряжич, упорствуя, нутром понял, что пройдет еще немного времени — и он стремглав полетит вслед за Стрижевским, исковерканный и опозоренный на всю жизнь. Впервые за все время он жутко почувствовал, что сила этих масс — грозный и страшный ураган, который рвет на клочки его нормы, формулы и коэффициенты. Проти-

воборствовать этому смерчу нет ни смысла, ни сил. Надо только суметь спасти себя и, насколько хватит самообладания, направить эту людскую бурю так, чтобы был минимум разрушения и максимум полезного действия.

По странной ассоциации, в тот миг, когда он бросился к трибуне, он вспомнил о жене, Рите, и непоколебимо решил, что ее надо отправить на север: это она отравляла болями его голову и мучила постоянным нервным беспокойством. «Да, — обрадовался он, вздыхая облегченно: — Немедленно... иначе будет поздно...».

Когда он стал на трибуне, вцепившись руками в ее края, все с угрожающим молчанием впились в него глазами и боролись с собственным бурным нетерпением.

— Товарищи!.. Я вышел только для того, чтобы заявить, что я... решительно и бесповоротно... пойду с вами до конца... И, что бы ни произошло, какие бы жертвы ни были, я не дрогну... я тоже хочу победы, как и вы...

Все эти сбитые плечами сотни людей охнули и как будто даже испугались. По залу прошел гул и что-то вроде стона. Люди как будто не поняли, что сказал Кряжич. Многие стали перешептываться и с изумлением озирались. Даже отчетливо слышались вопросы:

— Что он сказал? Я не ослышался?

И, когда Татьяна крикнула: «Николай Николаевич!.. Это — замечательно... Поздравляю вас...», — зал забесновался овацией. Кряжич не мог продолжать больше и сам задохнулся от непонятого восторга и какого-то неосознанного освобождения. Он встретил лицо Мирона, хорошее, приветливое, дружески улыбающееся, и суровые глаза изумленного Балеева, и ему стало весело, когда он заметил дрожащую бороду Шлиппе, который стоял у стола и заботливо хлопал в ладоши. Кряжича схватили чьи-то сильные руки и прижали к груди. На мгновение мелькнуло лицо Чумалова и придушило его поцелуем.

Вакир никак не мог побороть дрожи в ногах и странного замирания в груди.

Он силился проглотить какой-то горячий комок в горле, но не мог. До боли бил он в ладоши и кричал, чтобы освободиться от этого комка. Тибра смеялась и покрикивала ему:

— Ну, как чувствуешь себя, Вакир? Не испугался ты наших масштабов?.. Может быть, в коммуне и мир — ближе и буря — роднее? Помнишь, как ты мечтал: вот укреплю свой корпус и уплыву в великий океан... Вот и плыви: океан открыт перед тобой...

V

КОСА НА КАМЕНЬ

1

Татьяна с Вакиром прошли на сцену, где шумно и возбужденно толпились около Мирона, Балеева и Чумалова рабочие и инженеры. Все продолжало еще спорить: одни с ликованием, другие, — с покорной вдумчивостью. Совершилось большое событие, и каждый старался найти свое место и подать свой голос. Мирон неторопливо и коротко отвечал на вопросы, а словоохотливые речи обрывал недружелюбно:

— Надо было выступать. Почему только сейчас развязывал язык?

Балеев был оживлен и с удовольствием перекидывался словами с обступившими его людьми. Густые усы и борода дрожали от усмешки, брови дышали добродушием.

Татьяна подошла ближе к Мирону, но не вмешивалась в разговор. Ей было забавно, как старики и юноши вырывали Мирона друг у друга, стараясь занять место около него. Никто не сердился, бесцеремонно наступал на ноги соседей. Мирон поверх голов взглянул на Татьяну и удивился: она никогда не подходила к нему после заседаний. Может быть, хочет узнать его мнение о ее выступлениях? У нее ярко переливаются глаза, на щеках воднуется румянец. К ней подлетел Кражич и горячо заговорил с ней, но сейчас же взмахнул руками и ринулся обратно. Расталкивая людей, Мирон направился к Татьяне, но к нему подскочил Самородов — секретарь Чумалова и Балеева, — густо

забрызганный веснушками, парикмахерски прилизанный молодой человек. Он фамильярно подхватил Мирона под руку и развязно прошептал высоким тенорком:

— Оцени, Ватагин, злободневный веселый кадр из скучной комедии: Ситный против тебя орудует какими-то фактиками, какими-то бумажками... Слышал сегодня в райкоме из горячих уст... Что-то насчет Паши Погадаевой... этакое такое (он поиграл пальцами и подмигнул Мирону) ...что-то насчет смерти Байкалова... шарадочка в прозе (он сделал пальцем загадочную петлю в воздухе)... За что купил, за то и продаю... Небезынтересно...

Мирон стряхнул руку Самородова и так взглянул на него, что тот с приторным ужасом отпрянул в сторону и закрыл рот ладонью. Потом щелкнул пальцами и гнусаво замурлыкал какую-то песенку.

«Этот пошляк вызывающе нахален, — злобно подумал Мирон: — Идиот и шут. Чем он пленил Чумалова?».

— Вы выступали хорошо, Татьяна Ивановна: строго, крепко.

Татьяна озиралась, ища кого-то в толпе.

— Вакир, где ты? Иди сюда.

Вакир стоял далеко в стороне и занят был разговором с Константином: должно быть, они столкнулись друг с другом, как знакомые. Она призывно махнула рукой, и Вакир подошел к ней, еще не остывший от пережитой встряски. В душе его еще шумела буря, и он как будто поднимался и опускался на волнах. Глаза его были больше и глубже обычных его глаз, а лицо горело красными и бледными пятнами.

Мирон протянул ему руку.

— Мы уже встречались.

— Этот молодой человек, Мирон Васильевич, — из трудовой коммуны. Приехал сюда по моему вызову. Комсомолец. Вы должны пристроить его к себе на ночлег. Хотя бы на одну ночь. Завтра я найду ему место.

— Пожалуйста. Сядем в машину и поедем. Всем — по дороге.

— Нет, я сейчас — на смену, а его захватите.

Вакир вздрогнул и отшагнул назад: слова Татьяны ошеломили его. Почему именно и с какой стати ночевать ему у этого Ватагина?

Татьяна с пристальным упреком посмотрела на него. Он упрямо замкнулся и помрачнел.

Мирон безмолвно подтолкнул Вакира к выходу.

— Константин Ильич, едем!

Но Константина уже не было на сцене. Должно быть, он уехал вместе с Балеевым.

«Ключичь какой... недотрога...»

Прощаясь, Татьяна опять с пристальным упреком поглядела в глаза Вакиру.

Он церемонно вытянулся и сразу же отвернулся от нее.

Сели в машину молча и так же молча ехали по поселку. Мирон почему-то не находил слов для парня, хотя хотелось поговорить с ним. Иногда он бессознательно брал его за руку, за плечо, но парень нелюбимо отодвигался от него. Мирон смотрел по сторонам, на мелькавшие огни фонарей, на освещенные окна несущихся домов и чувствовал какую-то странную неловкость и неудобство.

Ему хотелось расспросить юношу о коммуне, о ребятах, ознакомить его со стройкой, показать объекты, но молчал, — не мог побороть своего оцепенения.

Когда проезжали мимо белостенного дома за высоким забором на взгорье, поодаль от дороги, Мирон положил руку на плечо шофера:

— Подбрось-ка нас, Степаша, к жидкому воздуху. Давно не был.

Вакир живо откликнулся:

— Жидкий воздух? Много видел на своем веку, а жидкого воздуха не видал.

— Завод, — приветливо ответил Мирон. — Штука любопытная. Иногда полезно хлебнуть ядерной тишины и живой простоты. Люблю это место.

«Словечками-то охотник поиграть...» — усмехнулся Вакир и покосился на Мирона. А Мирон устал и задумчиво смотрел куда-то вдаль и как будто не интересовался Вакиром.

Шофер круто свернул с шоссе влево, на переезд, и помчался к заводу.

Красноармеец, хотя и хорошо знал Ватагина, но пропуск его проверил тщательно. Он вопросительно оглядел Вакира и почему-то неохотно пропустил его после слов Мирона:

— Этот парень — со мной.

Они вошли в большую комнату, и Вакиру показалось, что свет в ней сиял невиданно обильно и чересчур торжественно. Бросились в глаза голубые высокие цилиндры вдоль стены, а между ними какие-то музыкально рокочущие двигатели. Звенели ручки воды в металлических резервуарах. Воздух был легкий и приятный, — совсем не такой, как в цехах завода.

Поразила Вакира и другая особенность — полное безмолвие, точно все эти таинственные механизмы работали сами по себе, без участия человека. Что-то в этих сверкающих пространствах с голубыми аппаратами и черными машинами было величавое, храмное, но насыщенное огромным напряжением и строгим движением, скрытым от глаз. И слова Мирона о «ядреной тишине и живой простоте» уже не казались кудрявыми.

К ним подошел высокий, бледный человек, похожий на иностранца, с неестественно прозрачными глазами и очень радостно пожал руку Мирону и ему, Вакиру.

— Ну-ка, товарищ Васин, раскройте этому молодому человеку все тайны вашего производства. Не прочь и я полюбоваться лишней раз. Симпатичная ваша алхимия.

Васин с готовностью и с еще большей радостью пригласил их с собою. В его голосе было что-то женски-ласковое, юношески-искреннее и товарищеское. И когда он говорил, все время улыбался и спрашивал глазами, довольны ли они, интересно ли им. И Вакир был уверен, что этот неведомый Васин, очень огорчился бы, если бы заметил, что они — равнодушны и глухи к его словам.

Вот корпус всасывающего насоса — несложная и добродушная машина: она жадно поглощает внешний воздух и подает его в этот цилиндр. Тут воздух очищается от углекислого газа; потом просушивается и переходит в компрес-

сор. В компрессоре он сильно сжимается. Он становится горячим, и его надо охладить: вот он проходит через змеевик и врывается дальше — в следующий компрессор.

— Пожалуйста! Милости прошу. Все очень просто, неотразимо и действует успокоительно.

Дальше, в других компрессорах воздух сжимается в три раза больше и опять охлаждается... А там, в самом конце — давление до 200 атмосфер. Поиграйте воображением!.. Вся скрытая теплота безжалостно выжимается из воздуха, чтобы уплотнить его до последней черты. За этой чертой — смерть воздуха и — рождение его в новую жизнь. Именно в этот миг он выпускается на свободу. Вот в этом последнем резервуаре совершается это чудо нового рождения. Что там происходит? Вырывающаяся на свободу, воздух изнывает от жажды и холода и росой падает на стенки цистерны, собирается в чашечках и стекает вниз. Время от времени открываются краники, и жидкость, голубая и прозрачная, как небо, течет в термосы. Температура этой жидкости 185 градусов ниже нуля. Прекрасный случай испытать свое воображение.

Васин торопливо схватил кружку со стола и подставил ее под кран. Вакир увидел, как из крана полилась в кружку вода с обычным журчанием, но сразу же исчезла в густом, очень тяжелом клубочке пара. Этот пар был похож на пену, и так же, как пена, стекал по стенкам кружки и сразу же таял бесследно. Неподалеку стояли большие термосы, похожие на бидоны, и по их стенкам тоже сползал вниз кудрявый туманец.

Вакир был взволнован не чудом превращения кислорода воздуха в жидкость, а той почти обидной простотой этого процесса. Его тревожило беспокойство этой голубой бушующей жидкости. В кружке, белой от инея, клокочет, как кипятки, водичка — не на огне, а просто на воздухе. Какая страшная сила! Должно быть, воздух для этой жидкости кажется пламенем домны. Он видел, как Мирон, не отрываясь, смотрел на бьющую ключом жидкость. Разлета-

лись в стороны брызги, и под облачком пара булькала, взрывалась, пыхла, сотрясая кружку, живая вода. Вакир стало хорошо, почему-то хотелось смеяться. Он видел, что Мирон стал простым, близким и понятным, и уже не было к нему недоверия, опаски, недоброжелательства. Ватагин медленно обернулся к нему и лукаво улыбнулся, одобритительно кивнув головой на кружку:

— Ну, что, брат?.. Красота!.. Какой молодец человек!.. Страшная мощь! Мы этой водичкой взрываем целые скалы.. и в этой водичке — и жизнь, и разрушение.

Он вынул коробок, зажег спичку и бросил ее в кружку. Ослепительное пламя вспыхнуло под пленочкой пара, и видно было, как жидкость клокотала голубыми молниями. Потом он схватил обрывок газеты со стола и всунул его в кружку. Когда он вынул бумажку, она была сухая, но дымилась густым паром. Он бросил ее на пол, и она мгновенно превратилась в пыль. Он засмеялся и смотрел вниз, как очарованный.

— Да, брат, вот какие чудеса... Попробуй поиграть, Вакир. Может быть, желаешь окунуть туда пальчик или хлебнуть этого нарзана?

И он сам быстро сунул палец в жидкость и мгновенно вынул обратно.

— Вот какой я герой!..

Вакир шагнул к кружке и хотел тоже погрузить палец в жидкость, но Васин весело схватил его за руку.

— Стоп! Я спасаю во-время ваш юный перст. У нас недавно это любопытство стоило одной работнице указательного пальца: сунула, ахнула, а вынуть забыла — испугалась. И палец отняли. Надо сразу, моментом...

Вакир возмутился.

— Не извиняюсь и не благодарю: этим доказываю, что я — не олух.

Васин почему-то заликовал, быстро схватил кружку, долил ее из крана и радушно поставил перед Вакиром. Мирон тряхнул Вакира за плечо и подмигнул Васину:

— Еж.

С сосредоточенным вниманием Вакир спокойно и неторопливо окунул палец в

жидкость и удивленно взглянул и на Васина и на Мирона.

— Ну, что? кусается?..

Жидкость была сухая, точно он всунул палец в ртуть или в вату. И холода будто не ощутил. Палец, как палец, только кажется чище и немного бледнее других.

Вакир будто освежился здесь, будто сам окунулся в эту волшебную жидкость. Он увидел Мирона совсем другим, чем на заседании и в машине, — мягким, дружелюбным, близким. А Васин, как фокусник, лукаво подмигнул Мирону и подхватил тяжелый бидон. Он наклонил его над металлическим ящиком, где доверху лежали красные бумажные колбаски, начиненные сажеей. Ящик был совсем маленький, а бидон — очень большой. Жидкость лилась на колбаски долго, но ящик не наполнялся, и колбаски были сухие: они ненасытно поглощали кипящую влагу и дымилась.

— Интересно жить на свете... — изумленно сказал Вакир, не отрывая пораженных глаз от kloчочущей струи в переливах огня. — Жаден человек до чудесного...

Мирон, довольный, точно он совершил какое-то удачное дело, взял Вакира под руку и повел его к выходу:

— Хватит на первый раз. Хорошенького понемножку.

И, когда сели в машину, сказал с удовольствием:

— Чайку сейчас поьем... отдохнем, понежмся... А потом — на электростанцию. Там и народу много, и трудовой суеты... Всего много: и хорошего, и плохого. С иностранцами деремся и сами с собою — с дикостью своей. Ты как насчет языков?

— Это дело у нас было поставлено ерундовски. Я рабфак кончил.

— Гут. Будешь учиться у нас в институте. Командируем.

— А я приехал сюда как будто в гости к Тибре.

— К кому? Это ты Братцеву, что ли, так? Давно ее знаешь?

— Можно сказать, родился у нее на руках.

— Гм... Любитель ты метафор и загадок...

2

Машина подкатила к ограде белого длинного особняка, с открытыми верандами по бокам. Как и все дома, этот особняк был окружен фруктовым садом. Они вышли из машины, и Мирон махнул шоферу приветственно и пошагал по дорожке сада. Машина позади фыркнула, заклохтала и круто повернула по мостовой, четко вырезанная на дрожащем отблеске брусчатки.

Вакир шел сзади и смотрел в спину Мирона. Серая кепка как будто мала для головы Ватагина, и затылок его, с шишкой внизу, был неприятен Вакиру. На кой чорт сдала его Тибра на руки этому человеку? Что за приемчик? Тут есть какая-то цель, понятная только ей одной. Идет впереди здоровый человек, властный и кряжистый. Тяжелы такие люди: изнурительно к ним приспособляться. У него раз за разом дергалась голова. Он испугался: этого с ним давно не случалось. Ватагин оглянулся и поймал взглядом судорожный взмах головы Вакира. Вакир со всех ног побежал по дорожке сада.

— Это — чего? вот малахольный... — Ватагин озадаченно вгляделся в парня и пошел за ним вслед. Но сейчас же повернул обратно, чтобы встретиться с другой стороны.

Далеко на стройке голубым хвостом кометы улетал в небо тающий луч прожектора. Его пересек другой голубой хвост. Они ловили облачка в бездонной высоте и рвали их в дымные ключья. Завыла сирена на плотине, взвилась на визгливую высоту и стала опускаться медленно, глухо, замирая на стонущем басы. Мирон взглянул в звездное небо и увидел, как в сторону луны ослепительная стрела прорезала зенит и погасла, оставив после себя фосфорическую линию. Вакир бежал к нему по мерцающей дорожке, размахивая руками. Неподалеку от Мирона он сделал высокий прыжок и остановился, улыбаясь.

— Вот и все...

— Ловко, ловко... — одобрил Мирон: — С чего это ты вдруг сорвался?

— Привычка.

— Пожалуй, и я пробегу с тобой. Могу еще поспорить.

— Тяжеловат малость, товарищ Ватагин.

— Не хвались, на рать идучи... Кайтай по тому же направлению!

Мирон бросил кепку на газон, засучил рукава рубашки и забрал воздух в легкие. Оба взглянули друг на друга подозрительно, угрожающе и ринулись вперед.

— Э-эх! — взвыл Мирон: — были когда-то и мы рысаками...

— Был конек, да из'ездился... — задорно ответил ему Вакир, забирая на шаг быстрее Мирона.

— Куда, куда, стервец? Не шали — сомнуй!

Мирон надал побыстрее. Мимо него бурей летели кусты акаций, копны яблонь и груш; роились вдали электрические звезды, гасли и опять зажигались за деревьями. Рядом с ним, не отставая, легко и упруго бежал Вакир. Почти невесомо и беззвучно он махал ногами по дорожке, как по воздуху. Мирон не слышал даже его дыхания. Он сразу забушевал, распалился и свирепо взял предельную быстроту. На повороте он, не задерживаясь, сделал крутой крен и сильным взмахом левой ноги направил бег под прямым углом. Вакир сразу отстал и как будто смутился: его размашистые шаги замерли позади. С ветром в ушах Мирон несся вперед в лунную тьму аллеи. Еще поворот, последняя дорожка к дому и — победа обеспечена. Он дышал уже запаленно, легкие обжигал жар, но бешенство охватило его, как восторг.

— Не отставай, Вакир! Кишка тонка у поросенка...

Вакир смотрел в согнутую стремительную фигуру Мирона, слушал его запаленное дыхание и уже знал, что на следующем повороте Ватагин выдохнется, сгорит и у веранды бессильно грохнется от удушья.

Это смешило Вакира и возбуждало в нем злорадное желание поразить его внезапным ударом. Здесь уже придется

поработать изо всех сил. Надо сделать так, чтобы стремительным напором быстро оставить его позади, а потом спокойно показать ему настоящее высокое искусство бега.

Он рассчитал расстояние и бросил себя стремительным порывом. Через секунду он уже пролетел мимо Мирона и легко, точно на крыльях, пронесся вперед. Мирон не ожидал такого маневра со стороны Вакира. Этот стервец обладал силой и ловкостью заправского спортсмена. Он не мог допустить, чтобы этот мальчишка торжествовал над ним победу. Его, Мирона, до сих пор никто еще не побеждал в беге. У него были какие-то особые ноги, которые жили сами по себе. Здесь, на стройке, раза два он сражался с лучшими бегунами на спортивной площадке и оставлял их позади. Но этот юноша слишком самонадеян, слишком рьяно берет высоту.

На последнем повороте Мирон опять рванулся вперед, поддал себя левой ногой и понесся огромными прыжками к веранде. Вакир как будто совсем не прибавлял шагу, но к Мирону не приближался. Что за оказия? Мирон с беспокойством и злобой чувствовал, что через несколько минут он не выдержит и безнадежно остановится. Это значит — крышка: или он действительно встретился с исключительным бегуном, или приближается старость. Эта мысль пронзила его больно — что-то вроде смутного ужаса на мгновение сковало грудь. Нет, это — чушь. Он — молод, силен, и мускулы его ядрены, как у комсомольца. Не перегнать этого парнишку — смехотворно.

Чувствуя, что он задыхается, а в ногах и в теле — дрожит изнеможение, Мирон с искаженным лицом и с отчаянием, вырывая последние остатки сил, весь изогнулся и подстегивал себя на каждом ударе ноги. Вакир уже был впереди на взмах руки. Он несся плавно, без всяких усилий и не обращал внимания на Мирона. Красавец, чорт! Откуда столько сил и уверенности? У самой веранды они сравнялись. Мирон взвыл и вцепился в его плечо.

— Ша, стервец! Победы у тебя все-таки нет. Га-га!..

И он всей тяжестью оперся о плечо Вакира. Он уже не дышал, а стонал и захлебывался. Лицо его было страшно. Грудь разрывалась от огня и жадно вбирала воздух. Вакир даже испугался: как бы этот крупный человек не задохнулся у него на плече.

Он обнял его за спину и тихо повел к веранде. Мирон сгоряча не заметил этой его осторожности и шел послушно, опираясь на плечо парня.

— Ну, как, паршивец?.. Это тебе — урок за самоуверенность...

И опять Вакиру стало почему-то тягостно от этого грузного тела. Ему хотелось освободиться от него, чтобы вольно вздохнуть. Вот Ватагин бормочет хвастливые слова, рокошет добродушием и шуткой. Он похож на большого пса, который снисходительно играет со щенком. Но стоит этому щенку осмелеть и держаться с псом за панибрата, как он будет раздавлен.

— Ты сперва отдышись, товарищ Ватагин...

— Чего? Кому это ты говоришь, юноша?

— Отяжелел, отяжелел, товарищ Ватагин... Раньше контра не пугала, а сейчас и кондрат — горлохват.

— Шарлатан! Хвастун! Где твоя победа? Ежели бы я так тренировался, как ты, я бы тебя на хвосте ташил.

— Я — не прочь, товарищ Ватагин. Потренируемся... Поспорим, кто-кого...

— Я тебе уже доказал, кто-кого.

Мирон сделал свирепое лицо и надавил глазами на Вакира, но ноздри его раздувались от смеха.

— Давить ты умеешь, товарищ Ватагин, — слов нет, но это ведь — не искусство. Ты сумей взять человека целиком, чтобы запела и засмеялась душа.

Мирон на мгновение подозрительно последил за ним и взял его под руку. Он вспомнил Татьяну: она тоже жжется, как крапива, и не терпит превосходства над собою.

«Вероятно, все они такие... У них какая-то особая болезнь — их самолюбие боится ожогов. Должно быть, такой же и Кирюха...».

И внезапно он как будто замер от нахлынувшей нежности к этому пар-

ню и щемящей тоски по угасшему образу сына. Мальчик расплывался в памяти, и Мирон даже дрогнул от удивления: ни одной живой и яркой черты не мог он представить себе. Мальчик, как мальчик, каких много... Только одно помнил — подрыгивание головы и безумные глазенки, полные ужаса.

3

Они вошли в комнату, и Мирон включил свет.

— Ну, располагайся, как тебе хочется, юноша. Спать тебе придется на полу. Как видишь, обитель моя без всяких удобств и украшений. Походная легкость. Сейчас я приготовлю чайку: единственная слабость к такому роскошеству, как домашний чай...

Вакир снял с себя юнгиштурумовку. Глаза у него блестели и на скулах горели красные пятна. Не то это — от возбуждения при беге, не то он стеснялся и боролся со своей застенчивостью. Не от этой ли застенчивости он развязно вырвал из рук Мирона блистающий электрический чайник?

— Посторонись, товарищ Ватагин. Я хочу заработать ночлег.

Мирон с любопытством покосился на него и ухмыльнулся.

— Вольно же вы обращаетесь со стариками, юноша...

— Я возвращаю долг честно — монета за монету. Долг платежом красен.

— Здорово. Гут. Ты умеешь выражать крепко и кругло свои мысли.

— Всякая круглая мысль отливается в хорошем мозгу.

Мирон в восхищении похлопал его по спине.

— Не возражаю. Сбит из хорошего теста.

— Ничего себе. И тесто ладное, и умишком не обижен...

Вакир подошел к раковине и открыл кран. Вода с ревом захлестала в чайник. Зеркальные стенки покрылись каплями и росой. Вакир поставил чайник на подоконник и воткнул развилку в штепсель. Мирон возился у стола — прибирал бумаги и книги.

Вакир украдкой посматривал в затылок и спину Мирона, точно старался определить характер этого человека. Несомненно, Ватагин наслаждался и своим здоровьем, и каждым новым днем, и той сложной работой, которую он нес, как привычное, неотделимое от него напряжение. Сегодня на многолюдном собрании, где были люди разных квалификаций, разного общественного положения, разных знаний, сил и веса, он держал себя как хозяин, как проникновенный руководитель, у которого каждый на счету и который видит каждого насквозь. Он как будто заранее предвидел, что скажет и друг, и недруг, соратник и противник, и одинаково относился к тому и другому — с терпеливым вниманием и уверенным хладнокровием. Ему как будто даже весело было смотреть и слушать всех этих возбужденных, бунтующих людей. Он чувствовал здесь себя, как рыба в воде, и заранее знал, что достаточно сказать ему свое самое обыкновенное слово — и все будет хорошо, нерушимо, четко: каждый из этих сотен станет на свое место и не отступит ни на шаг. Да, надо обладать большой силой убеждения и власти, чтобы заставить пойти за собою такого льва, как Балеев, и вынудить Кражича заявить о своей готовности поддержать этот трудовой штурм строителей.

И Вакиру до сих пор было жутковато, когда вспомнил он почти приятельский, шуточный голос Мирона, когда он обратился к Балееву:

— Мы подарили вам, Викентий Михайлович, котлован... Подарите же рабочему классу шестьсот тысяч кубометров бетона...

И вот сейчас, когда Мирон обернулся к Вакиру, лицо его было такое же добродушное, но в этой добродушной улыбке и тугих глазах была такая же властная и очень простенькая сила: должно быть, такой у него был характер, должно быть, в этом была его суть.

— Не стесняйся, брат. Дыши и действуй, как тебе хочется.

— Отвык я стесняться, товарищ Ватагин.

— Ну, так держи себя посвободнее, а то торчишь, как на собственном кукише.

И потрепал его за плечо.

— Когда же стреканул из дома-то?

— Да так... тому лет восемь...

— Значит, одновременно с моим Кирюхой. Откуда?

— Из Москвы.

— Здорово. Может быть, встречал такого паренька, добровольца беспризорной гвардии—еще головой дрыгает?

— Наша братва не любит неудачников, товарищ Ватагин. Такого уroda не встречал.

Мирон смущенно прошел по комнате и задумчиво остановился у окна, за которым чернела тьма.

— Задрыгал-то он, нечаянно, в то утро, когда сгинул. Возможно, что это у него — так... случайно... от потрясения... Мальчишка, брат, убежал, пожалуй, по моей неосмотрительности...

— Неосмотрительность тут не причем, товарищ Ватагин. Я по себе сужу: беспризорным я стал раньше, годика за два до освобождения от родительского шефства. Мои дорогие родители и я — все были одинаково безнадзорны. У нас была не комната, а центрофуга: с утра она начинала вращаться сразу, и мы разлетались в разные стороны. Ночью центробежка останавливалась, и мы опять падали в кучку, чтобы потерять во сне друг друга до утра. А с утра — новая волынка. Революцию и социализм папаша и мамаша делали, как кукушки. Папаша забывал о мамаше, мамаша о папаше, оба вместе о мальчонке. А я, кукушкин сын, наслаждался свободой. Воровать и владеть финкой я уже здорово научился до ухода: без этой школы я погиб бы, как ципка.

Мирон похаживал по комнате и со всех сторон приглядывался к парню: он как будто ощупывал и примеривался к нему, старался почувствовать его всего. Вакир говорил с фамильярной шутовской иронией, в его иронии звучало что-то злое и пренебрежительное и к прошлому, и к близким людям, которых он с подчеркнутой насмешкой называл «дорогие родители». И ни тоски, ни влечения к ним не заметил Мирон в его голосе:

наоборот, в этом легком тоне вздрагивало что-то вроде раздражения.

«Очевидно, надо было пережить этому пареньку большую ненависть к своим родителям, — думал Мирон, — чтобы иметь право говорить о них без всякой трогательной нежности».

Ему был любопытен и неприятен этот комсомолец. В его самоуверенности и независимости было что-то наигранное. Были моменты, когда Мирон перехватывал его взгляд на-лету, и ему казалось, что в душе парня на всю жизнь осталась неугасимая вражда к отцу и матери. Отметим Мирон и другую особенность: парень упорно избегал встречаться с ним глазами и держался поодаль от него — стоял как-то боком или спиной к нему, а ходил около него настороженно. Даже бумажку, лежащую на полу, обходил он, как что-то неприятное и опасное.

— Как тебя все-таки звать-то? Свое вто у тебя имя или выдумка?

— Вакир Омиров, к вашим услугам, товарищ Ватагин...

— Чего-то не встречал такого имени. Разве ты — татарин?

— Что в имени тебе моем, товарищ Ватагин? Оно замрет, как звук печальный...

Они столкнулись взглядами, и Мирон увидел в напряженных глазах Вакира вызывающий смех.

— Тебе как будто мое имячко не по душе?

— Неужели, Вакир, не было у тебя никакого желания увидеть мать и отца?

— Чего ради?

— Ну, как же... ведь — самые близкие люди...

— Нет, об этом не мечтал. Маленькое удовольствие. Впрочем, не скрою. Первый год я пережил трудно; еще терзала привычка к дому, а потом меня преследовал голос матери... ее глаза... Мне чудились они в каждой женщине. Бывало, идешь по улице или по вокзалу, видишь, смотрит на тебя баба или дама, и замрешь: мерещилась мать... Во сне постоянно снилась. Ревел иногда по ночам. А потом все испарилось... Бабы на базаре были страшнее мужиков — жуткие ведьмы: они способны на тон-

ченые попытки. Одна, очень добрая с лица, торговка, с заплаканными глазами, у которой я стырил морковку, отела мне ухо. Вот, это самое. — Вакир издали показал рябую ушную раковину. — Все визжала: «Дайте я его — сама... дайте я его — сама...». Помню, все ловила мой нос и подбородок, а я защищался. Как сейчас, вижу ее лицо: такого лица в жизни не встречал: и зубы и глаза оскаленные. Вцепилась мне пальцами в уши и ловит то нос, то подбородок. Минуточка была исключительная... Потом я замирал от ужаса... Не тогда, а потом. Ну, а когда у ней с носом им и подбородком не вышло, она стала жевать ухо. Чавкала, как чушка... Удивительно, что я даже боли-то не чувствовал: какая-то агония была. Впрочем, эта баба мне защитой послужила: толпа била-то по сути не меня, а ее. С тех пор глаза матери меня больше не преследовали. До помрачения боялся баб... и сейчас боюсь...

Мирон молча подошел к нему и посмотрел на его ухо. Издали оно казалось совсем обычным, но вблизи было изуродовано: рваные кусочки и клочки срослись, как лапша, только по краям раковина зубрилась бородавками и сопочками. Мирон пристально, с мрачным гневом оглядел Вакира, вздернул плечами и отошел к столу. Он закурил трубку и прошелся по комнате, не обращая внимания на Вакира; потом остановился и уставился на кипящий чайник.

— Да, Вакир, мы преступно относились к своим обязанностям отцов. Мы были хуже этих сук — торговков...

Вакир засмеялся, и этот смех показался Мирону неуместным.

— Подумаешь, обязанности... Эти обязанности вы хорошо выполняли. Поменьше бы этих обязанностей... не в этом главное...

— Вот как? А в чем же — главное?

Вакир ткнул пальцем в чайник:

— Чай бы надо заварить...

Мирон подошел к шкафчику, достал чайник и четвертку чая. Он высыпал на ладонь горку чая, опрокинул над чайником, заварил крутым кипятком и поставил чайник на пар.

— На десять минут — до винной крепости и терпкого аромата. Чай должен вызревать.

Вакир видел и обостренно чувствовал только глянцево-череп Мирона и упругие глаза. Он подошел к столу и стал расставлять фигурки на шахматной доске.

— Играешь?

— Пустячки. Больше для прачистки мозгов, когда не дается мысль.

— Может быть, сразимся? — оживился Мирон и весь подобрел и будто сконфузился.

— А электростанция?

— В нашем распоряжении — час.

Когда расставили фигуры, оба почему-то взглянули на чайники, потом друг на друга и улыбнулись. Так улыбаются люди в особые мгновения — в игре, в соревновании, в пробе сил, испытывая друг друга.

«Тертый калач... — подумал Мирон. — К нему просто не подойдешь».

— Итак, в чем же главное? — спросил он, переставляя фигурки, — спросил как будто между прочим, погружаясь в игру.

— Это — насчет чего?

— Это я округляю мысль насчет отцов и детей.

— По-моему, товарищ Ватагин, притча о блудном сыне — самый фальшивый и идиотский рассказ в евангелии. Сын — жалкая тварь, проходимец, пьяница. Домой он не мог возвратиться, да еще такой хороший. С какой стати он приперся? Все равно ведь брат вытурит его, как дармоеда: сволочь, никакого самолюбия. А отцу нечего радоваться: он хорошо знает, что это за фрукт — балбес, летун, бездельник. Для чего он какую-то пьянку в честь этого прощальги устраивает? Что он этим хочет доказать?

— Свою любовь к сыну. Вполне понятно, Вакир. Тут даже некоторый воспитательный прием.

— Плевать воспитатель этот папаша. Чего он раньше смотрел? Надо было с самого начала проявлять эту любовь. Другой-то сын хорошо знает цену папаше: самодур, должно быть, старик-то, эгоист. И — никакой у него любви к

детям. Бродяжит сынишка — ему наплевать, не вспоминает даже о нем. Другого парня эксплуатирует, обезличивает. Когда же тот возмутился, что для босоты пир старик устраивает, сейчас же в морду получил. Чуть.

Игра шла скучно, механически. Фигуры брались обоими равнодушно. Оба чувствовали неловкость, что-то сковывало их свободу.

— По-моему, ты неправ, Вакир. Если бы, скажем, мой Кирюха явился ко мне так же внезапно, как этот блудный сын, я бы тоже устроил ему пир горой. И мать бы вызвал, и ребят бы сбил целую кучу. Ведь такое событие один раз в жизни бывает.

— Ерунда. Фальшь. Игра.

— Как это — фальшь, игра?

— Да ты же, товарищ Ватагин, совсем не знаешь своего Кирюху. Не знает и он тебя. Откуда у тебя любовь к нему?

Мирон оторвался от игры и смахнул все фигуры с доски. Он молча прощупал недобрый взглядом Вакира и выбил трубку. Он уже не глядел на парня, а думал о чем-то сердито. Вакир встал и подошел к чайникам.

— Тащи сюда, на стол. Ставь на газету.

Вакир хотел поставить на стол оба чайника сразу. Он держал ручку, оббитую камышом, горизонтально и очень ловко пронес на вытянутых руках, но на последнем шаге споткнулся, и маленький чайник полетел на бумаги, которые горой лежали перед Мироном, а потом кувыркнулся к нему на колени.

— Дубина! — вдруг вспыхнул Мирон. Он бросил трубку, вскочил на ноги и грубо отшиб Вакира в сторону. — Философ лопухий... Не может сделать самых простых вещей... У тебя, должно быть, ловкость рук — на другое...

Вакир с обожженным лицом уставился на Мирона.

— Ты на меня не ори... На меня орал и такие, как ты...

— Осторожнее, молодой человек. Ты — не на улице...

И Мирон дрожащими руками стал набивать трубку. Вакир не двигался и смотрел в ничто застывшими глазами.

Молчание стало тяжелым и враждебным.

«Я, кажется, свалю дурака... — спохватился Мирон: — Он прав: с какой стати я ору на него? Из-за какой-то ерунды... Сам же не досмотрел: на полу — какой-то шпагат... и чайник стоял противоестественно...».

Несомненно, парень прожил трудную жизнь, которая и не снилась Мирону. У него, Мирона, все было просто — без провалов и трагедий. Он и работал, и к людям относился просто: строгий план, рассчитанный порядок действий — процесс, которому он и сам подчинился, как организатор и работник. Но знал ли он всех тех людей, с которыми имел дело за эти полтора десятка лет революции? Он ценил их не по душевным качествам, а по их пригодности к делу. Дело — прежде всего, а люди — это сила, которая должна быть организована, приспособлена, квалифицирована для этого дела. Он обращал внимание на отдельного человека только тогда, когда человек проявлял особую активность и способность к выполнению порученных ему обязанностей. Так было и в Москве, на парторботе, так особенно в эти годы — на стройке, и лозунг первой пятилетки: «Техника на данном этапе решает все» понят им был просто: все для техники, нужно отрешиться от всяких личных интересов, люди должны принести себя в жертву во имя техники, нужно отказаться от всяких благ во имя техники; личные невзгоды, беды, стремления, мечты — ничто в сравнении с этой великой задачей эпохи. Так же было и во время гражданской войны, когда целые армии шли на верную смерть во имя борьбы за власть советов, за партию, за будущее. Забота о себе, о семье, об устройении быта казались преступными, как обывательская канитель. И когда здесь, на стройке, ему не раз приходилось сталкиваться с скандальными делами о трудовых расценках и нормах, когда конфликты между рабочником и ТНБ принимали характер склоки, а рабочие волновались и грозили отказом от работы, — он ставил вопрос на бюро партийного комитета, громял Осокина и всех руководителей

профорганизации за хвостизм, за примирничество, за потворство потребительским и рваческим тенденциям; он жестоко требовал от них немедленной ликвидации этой волянки, чистки рабочих кадров и профсоюзного аппарата. Осокину особо при всех угрожал строгим выговором. А Осокин не раз в своих выступлениях и лично Мирону бросал негодующие и чувствительные фразы:

— О человеке не думаем, милые товарищи... о живой душе... Ведь не болваны, а люди социализм-то строят... Уметь подойти к каждому в отдельности, узнать, коснуться его нутра, оценить и поднять его, как творческую силу, — это половина дела, товарищи... Нельзя обезличивать человека, Мироша... Отлив-то людей — и от этой обезлички, между прочим... Пойми, дорогая...

— Садись, садись, Осокин... — усмехался Мирон, и ему угодливо подсмеивались партийцы-активисты. — Не разводи, пожалуйста, антимоний. Ты — сторонник самотека... Смотри, как бы тебя не пришлось снять...

Только Цезарь и Паша не улыбались ему и открыто поддерживали Осокина. И Осокин к ним относился с нескрываемой нежностью. Мирон всегда чувствовал, что Осокин не одобряет его, между ними было молчаливое отчуждение, хотя Осокин и называл его Мирошей и внешне относился к нему, как к ближайшему другу.

Да, он и Осокина, по существу, не знал, и Паши не знал, хотя между ними была физическая близость (страшная и сложная вещь, эта физическая близость!), не знал и Цезаря, и Гудима, не говоря уже о массе людей на стройке. Но он и не хотел их знать. Почему? Потому, что он привык относиться ко всем со своей точки зрения. Только Феню он как будто знал лучше всех, но и в ней он не мог ухватить самого главного... А когда приехала Ольга, он вдруг увидел в ней что-то совсем новое, чего он не знал никогда. И она показалась ему не той Ольгой, с которой он прожил много лет.

«Что же это такое? — думал Мирон: — Туп я, что ли? Или бессердечен?».

Он смотрел на Вакира и впервые почувствовал виноватым себя и глухим к людям. Он жил до сих пор как будто механически, хотя и обдумывал каждый свой шаг и каждое слово. Какое-то слепое пятно было у него в душе. Он никогда не ласкал людей, не искал в них присущих им даров, а к детям был равнодушен. И только сейчас он по-настоящему почувствовал, насколько богаче его тот же Осокин и насколько он, Мирон, беден в сравнении с Цезарем и Пашей. Он никогда не страдал, как Ольга, и в жизни своей не проронил ни одной слезы... Только слеза эта затуманила глаза перед трупом Байкалова, но это не та слеза, которая делает душу простой и горячий.

— Ну, подходи, садись... Нечего там... — примирительно сказал он: — Сейчас снова все сорганизуем. Какой ты недотрога, браток!..

Вакир враждебно взглянул на него, выпрямился, быстро схватил свою юнштурмовку и картуз и повернулся к двери.

— Ну, я пошел...

— Постой, постой! куда же ты! Вот чумной какой!..

— Не выгорело чего-то... сорвалось, товарищ Ватагин...

Мирон стоял около двери, растерянный и взволнованный, и смотрел на ее матовую белизну.

«Что за чорт? Неужели я чего-то не понимаю и опоздал в чем-то?..»

И Миرونу стал противен и чай, и стены комнаты, и бумаги, и вещи (все как-то помертвело), и сам себе стал противен... Зазвонил телефон, точно засмеялся над ним... Мирон протянул к нему руку, но раздумал взять трубку и отвернулся к окну.

Какое странное совпадение! Этот парень, с сомнительным именем Вакир, исчез из Москвы в тот же год, может быть, в тот же день... исчез при тех же обстоятельствах... Отец и мать... кто они такие? Он не помнит никого из ответработников, у кого так же, как у

него, навсегда сгинул бы мальчишка... Не жизнь и не смерть — просто растаял, как призрак. Надо подробнее изучить его... расспросить Братцеву...

4

Размахивая юнштурмовкой, Вакир торопливо пошагал по бульвару. Раза два он оглянулся назад, будто опасался, что Мирон бросится за ним вдогонку. Липы густо сплетались ветвями над головой, и листва закрывала небо. Листья падали на дорогу, играя в огне электричества, трепетали и вспыхивали, как мотыльки. Фонари высоко на столбах между домами и бульваром ослепительно кололи глаза сквозь ветви, лучи их падали на дорожку золотыми кружевами. Навстречу Вакиру прошли две парочки. Первая парочка целовалась и не заметила его. Парень одной рукой прижимал к себе девочку за плечо, а другой держал патлатую ее головку. Другая парочка в комбинезонах торопилась куда-то, — вероятно, шла на работу. Парень был маленький, коренастый, губастый, большеротый. Девчушка — очень молоденькая, похожая на школьницу.

— Полегче вирайте, товарищ! — с сердитой насмешкой крикнула девчуха: — Поберегите тросы!..

Вакир молча взглянул на них, но их не заметил.

— Ему кто-то мозги вывихнул, Катюха... Гляди, как шибко ударяет каблуками...

Девочка оглянулась на Вакира и засмеялась звонко и весело.

— Эй, гражданин без темпов! Следуй за нами на бетон...

Голос девчушки словно подстегнул Вакира. Он круто свернул в сторону и выбежал на взгорбок, к высокой металлической ажурной мачте с размашистым коромыслом наверху. Эта легкая во взлете мачта, стройная и упругая, врастающая четырьмя опорами в бетонные подушки, остановила Вакира. Ее спокойная огромная твердость будто грозно прозвенела ему металлом: стоп! Прямо перед ним спускалась вниз, к реке, ровная, еще нетронутая степь в осенних бурьянах. Она тлела и дымилась, пото-

му что тлел и дымился воздух ночным заревом. Огни строительства заливали полгоризонта, и небо мутно сияло, вспыхивало разрядами и рассекалось голубыми хвостами прожекторов. Это ослепительное море огней волновалось, вихрилось, пульсировало в далеком грохочущем реве реки. И там, за этим речным и степным простором, она неслась в фосфорной пене в гористую ночь. Медными отблесками светились скалы на том берегу. Пологая и гладкая спина острова тоже дымилась и таяла, исчезая во тьме.

И Вакир как-то вдруг сразу отрезвел, успокоился. С реки дул холодный ветер и трубил в железных переплетах мачты далекой сиреной. Пахло полынью и умирающей травой. Недалеко за отвалами земли прогрехотал паровоз. Он выдыхал клубы пара и легко бежал из ночного мрака к строительству. Видна была только одна труба и медный стаканчик свистка. Вдруг паровозик залился веселым криком и залязгал быстрее.

Что случилось? Почему он, Вакир, как испуганный бездомник, очутился здесь? Неужели выгнал его окрик этого человека? В этом окрике не было ничего оскорбительного, чтобы можно было струсить или обидеться. Разве на него так орала разные люди, когда он был беспризорником? И орала, и били до потери сознания, и сажали в кутузку... Вообще, люди относились к нему, как к бродячей собачонке, — нет, как к воришке, к паразиту, к правонарушителю, который существовал за пределами законов. Он мог сделать все, и с ним могли расправиться, как угодно. Но закон формально защищал его, и эта защита превращалась в постоянное преследование. А в целях самозащиты он присоединялся к банде таких же ребяташек, как и он, и банда эта была силой, с которой считались все. Вот хотя бы зимовка на вокзалах на Украине. И буфет подкармливал их, чтобы гарантировать себя от разгрома, и потребиловка снабжала их папиросами, спичками и всякой мелочью, чтобы охранить лавочку от грабежа и от других беспризорных шаек. Железнодорожная администрация тоже жила с ними в дружбе, чтобы не

нажить от них каких-нибудь неприятностей. Их боялись, от них откупались. А в одном большом доме в Ростове, где они ночевали зимою на верхней площадке перед чердачной дверью, их всех, восемь пацанов, квартиранты одели и обули, только просили не пускать на лестницу никого постороннего. Но стоило ему отбиться от своей шайки, как он был беззащитен: те же люди, в тех же местах готовили ему свирепую расправу. Одного везде ждала его смертельная опасность — побои, ловушка, самосуд...

Так что же произошло сейчас? Ватагин отнесся к нему неплохо. Мало этого, он, Вакир, видел, что Мирон как-то по-особому внимательно и проникновенно подошел к нему. Чувствовалось, что Вакир для него не просто случайный парень, а связан с ним долголетней своей драмой: он, Вакир, для него — образ его сына, его совесть, мучительная тоска, которую он загнал глубоко в нутро силою своей воли. Вот, вот. В этом — главное. В этом вся пропасть между ними, и эту пропасть не превозмошь. Никогда, ни на один миг, не мог Вакир забыть какого-то необъяснимого ужаса перед отцом, которого он не знал, не понимал, считал страшной, почти сверхъестественной силой. Этот ужас до сих пор душил его и вместе с этим ужасом — непримиримая ненависть на всю жизнь. За эти годы скитальчества он был в Москве только один раз. Целый день он в лохмотьях, в угольной гари (спал в бункерах одного дома), тенью бродил по улице около завода и ждал, когда выйдет мать. Только за тем и приехал с юга, чтобы увидеть издали: не выдержал, заела тоска. Впрочем, он и ее ненавидел, но ночные ее заботы о нем в постельке и ее глаза, которые он встречал сквозь сон, не мог забыть ни на час. Ненависть к ней была иная, чем ненависть к отцу: к нему была ненависть-ужас, который выгнал его из дому навсегда, чтобы освободиться от невыносимой пытки, а к ней эта ненависть выливалась в невыносимую обиду, в скорбь, в вражду: а! тебе дороже завод, другие люди, машины, вещи? ты отбросила меня от себя, я стою у тебя на дороге, ты хочешь себе свободы от

меня? Хорошо. Я тебе заплачу. Я тебя заставляю плакать и метаться всю жизнь...

Так приблизительно думал он и отомстил ей с мучительным наслаждением. Но эта месть только ранила его, и он сам долго метался и плакал от раскаяния.

Он болтался у ворот дня два, но матери так и не увидел. Дальше он не мог ждать: его спугнул сначала сторож, а потом — мильтон. Свисток гнал его до самого вокзала. Там Вакир сел на поезд и укатил на берег Черного моря. В своей свободе — сначала в Москве, в банде безнадзорников, таких же, как он, потом среди беспризорников — он нашел настоящую жизнь, потому что эта жизнь полна была бесшабашности, дерзких приключений, борьбы с милицией, с торговцами, со спекулянтами, с законами и правилами мирной жизни и с такими же людьми, как его отец, которые калечили его жизнь. Этовольное существование обрекло его на постоянное блуждание — на переезды с места на место: с севера на юг, с юга на Урал, с Урала в Закавказье, с Закавказья на Украину... Это были вечные перелеты, очертя голову, с птичьей настороженностью (как бы их не зацарапали шухеры, как бы их не избili, как бы не засыпаться во время налета на ларьки, на прилавки, на рыночных дам...), с постоянной муштровкой себя в юркости, в ловкости, в изобретательности, в проворстве рук. Слух его и глаза обострились до такой чуткости, что прежнего себя он считал просто олухом: он изошрился в наблюдательности и по одной незначительной мелочи — по походке, по лицу, по смеху, по фигуре, по привычке носить сумочку, портфель, корзинку — сразу и безошибочно определял характер женщины, служащего, мужика или торговца. Он уже хорошо знал, когда можно легко, играючи, запустить руку в карман, в корзинку, вырвать сумочку или портфель.

В поездах он обычно барабанил в ложки и пел с разными забавными вывертами, жестами, мимикой, с прибаутками, и всегда умел выудить медяки и серебряшки. Он даже настроился произ-

носить острые речи перед пассажирами: обличал их в бездушии, в обывательстве, в равнодушии к общественным неполадкам, когда бедные, несчастные дети принуждены питаться и страдать, как бродячие, пахитивые собаки. Это производило впечатление: люди хохотали, восхищались, задумывались и бросали ему деньги. Тогда он, чтобы совсем растревожить этих тупых людей, начинал импровизировать жалобные песенки о «маме моей родной», которая протягивает ему руки из могилы, о своей жестокой жизни.... Этих песен, сочиненных им походя, по смелой находчивости, было у него много, но они быстро забывались. Одну он только хорошо запомнил, потому что повторял ее часто, отделявая, совершенствуя ее и про себя, и во время пения. Он даже записал ее в книжечке, которую вытащил у одного лопухого гражданина в трамвае.

По теплушкам, по вокзалам,
По дорогам, по подвалам
Ветер нас гонял.
Под вагонами чертили,
По карманам фарт ловили,
Чорт бы нас побрал...
За шамовку, за ширмовку,
За блатную жизнь-воровку,
Шухер нас ловил...

И когда он подобран был, избитый и истерзанный, Тиброй и доставлен в коммуну, он впервые почувствовал, что Тибра оборвала навсегда его прошлую жизнь. В эту новую жизнь он родился на границе смерти. Побои были серьезные: у него был проломлен череп и повреждено ребро. А когда он пришел в себя и стал выздоравливать, он не мог понять, где была действительность и где — бред: то ли беспризорная жизнь мерещилась сном, то ли эта чистая больничная палата с красивой Тиброй у кровати. Потом она рассказывала ему, что он много раз в бреду вскакивал с постели и пытался бежать. И когда хватали его, он дрался, кусался и в иступлении кричал и рвался из рук. Только она одна могла укрощать и успокаивать его. Она мягко и ласково обнимала его, шептала ему что-то нежное, невнятное, прижималась щекою к его лицу, и он теплел, расплавлялся и послушно зати-

хал. Когда ее не было в палате, он тосковал, стонал, выл, требовал ее к себе, выпадал в бешенство и рвал на себе повязки. Потом она приучила его терпеливо ждать ее в определенный час, и он счастливо смеялся ей навстречу и тянул к ней свои руки. От ее волос растекались по всему телу теплые волны, и он долго держал ее голову в своих руках.

Вместе с нею стал заходить военный, высокий, носатый человек с веселой улыбкой. Он сразу понравился ему и своей простотой, и пристальными, очень свежими, сильными глазами, и ласковыми, сильными руками. Тибра часто ему говорила слово «трудный», а он подмигивал ему и очень хорошо смеялся.

— Всякий человек труден, потому что трудно достается жизнь. Ну-ка, попробуй, мол, пережить то, что я пережил... Правда, ведь, милок?.. Это я — для себя... А она, брат, эта девчуха, пережила жизнь тоже нелегкую... Но зато и человечина из нее получилась... Ты не протестуй, Татьянушка... Эка, подумаешь, скромница какая!.. Надо ценить и уважать себя по достоинству. Личность у нас должна стоять высоко. А правдивость к себе и к другим — лучший показатель оценки. Вот-с. Ну, голубок, выздоравливай скорее — жри почем зря, дыши, накачивай в себя побольше хорошей крови, а потом мы тебе таких замечательных ребят покажем, — прямо ахнешь...

В этом военном человеке он внезапно увидел что-то общее с отцом. Он давил его и оттеснял Тибру. Тибра его любила. При нем Тибра не отдавала себя Вакиру. Вакир видел, что этот человек — хитрый: он обхаживает его и метит, как бы поймать его на удочку и пришпилить к стенке.

Отсюда начинается новая страница его жизни, или, лучше всего, — новый зигзаг, новый излом.

Три случая неугасимо горят в памяти: это — полет на аэроплане, когда мир увидел он с высоты и когда перевернулась его душа; потом — когда Шастик выдвинул его заведывать распределителем, а потом — избрание его коммунарами в конфликтную комиссию. Эти три события заставили его и вести се-

бя, и мыслить по-другому. Было трудно и непривычно, но сразу же потрясла его неиспытанная гордость от того товарищеского доверия и уважения, которые были ему оказаны. Он как-то в первое время даже не узнавал себя. Точно он выпарился в бане и почувствовал себя чистым и праздничным. Эта же гордость заставила его бороться в цеху за первенство в соревновании и за отличные успехи в учебе. И книги стал читать с особым напряжением и жадностью. А читая книгу за книгой, вдруг увидел новую жизнь, и это потрясло его так же, как первый полет на аэроплане...

Пульсировали рассыпанные звездами огни, а далекие гулы дрожали будто в недрах земли. Казалось, играли металлом где-то недостижимые оркестры. Это трубил ветер в стальных, раскаленных конструкциях высочайшей мачты.

Тут совсем неважно, что сказала бы Тибра. С Тиброй — дело второстепенное. Не такие каверзы с ним бывали когда-то, и Тибра умела весело сбивать пыль и нагар с его души. Здесь важнее всего личная самооценка. Тибра всегда хватала его за шиворот и смеялась со строгим упреком в глазах.

Шел он обратно нерешительно и виновато. Свет горел ярко, и кустарники на дорожках и ветви деревьев пламенили и пересыпались искрами. В окне он увидел Мирона, который ходил по комнате, заложив руки за спину, и думал о чем-то сосредоточенно. Потом он остановился перед окном и пристально стал глядеть на Вакира.

Чтобы понять этого человека и подойти к нему, надо обуздать себя. Чтобы бороться с ним за свое достоинство, чтобы пробудить в нем уважение, чтобы возвыситься до него, надо суметь держать себя в руках: быть всегда рядом с ним, покорно онеметь, когда надо, ударить и отразить удар, когда наступает удобный момент. Здорово же он сваял дурака, когда удрал от него...

Шел он как-то ошупью, с натугой, часто останавливался и задыхался от сердцебиения. Отворил он дверь быстро, сразмаху и даже забыл ее затворить. Он стал на пороге, и молча, с жарком в глазах, с огромным усилием воли, по-

смотрел на Мирона. Лицо его немного осунулось и побледнело. Мирон как будто ждал его: он встретил его без всякого удивления.

— Ну-ка, иди, друг, пей свой чай и поедем на плотину.

И неторопливо, как будто между прочим, затворил дверь.

Вакир сел к столу, и, не сдерживая дрожи в голосе, сказал:

— Я сглупил, товарищ Ватагин. Я это сознал и решил исправить ошибку.

Мирон дружески улыбнулся, потрепал его за плечо.

— Чудак! ты сделал замечательно, что вернулся.

И он подвинул ему стакан с чаем.

Вакир незаметно поймал руку Мирона и крепко пожал ее. Мирон так же крепко сжал его пальцы.

На столе лежала четвертушка бумаги, на которой еще не высохли фиолетовые строчки. Крупные буквы лежали кругло, тяжело и связаны были надежно и крепко. Вакир прочел невольно:

«Начальнику трудовой коммуны. Прошу сообщить, есть ли и был ли в числе воспитанников Вашей коммуны Ватагин Кирилл Миронович. Разыскиваю сына много лет».

Вакир небрежно отодвинул бумажку и на мгновение встретился с испытующим взглядом Мирона.

(Продолжение следует)

Стихотворение

С. ШИПАЧЕВ

Зайченку нет милей лесного шума,
и он утек, мелькая над травой.
Но он трусишка. Я стрелять не
думал.

Стою. Любуюсь шустростью такой.
Встречая солнце, курслеп и кашка
росу студеную по капле пьют.
Я рад зайченку, крошечной букашке,
цветам веселым — что они живут.
Вчера соседский мальчик-птицелов
принес мне жаворонка.
Вон он, в небе тонет.

Я отпустил его — и на ладони
осталось птичье нежное тепло.
Он и мальчишку, и меня забудет.
Нам хватит места — белый свет
велик.

Но где-то там у пограничных будок
тревожный шорох травы шевелит.
За ним — леса: береза да осина.
Чирикнет птица — тишина в ответ.
И сразу — грохот, горький дух
бензина,

и диверсант запутывает след...
Я в сад вошел.
За мной вбежали тропы.
Здесь говорливы листья на ветру.

Любое дерево, когда могло бы,
мне руку подало б, как старый друг.
Неспелых яблок каменная тяжесть
согнуло яблоню в росе, в тени.
И мне помочь ей хочется.

Ведь даже
травинке смятой я скажу — тянись!
Но где найду слова о человеке?
Он где б ни рос, —
был сладок детский сон.
Жужжали мухи, в стекла бились
ветки.

А зубы прорезались — плакал он.
Его купали, стригли. Из рубашек
он с каждым годом вырастал. И вот
он стал большим, — и курслеп,
и кашка,

и яблони приветствуют его.
И как ему собою не гордиться
хотя бы тем, что видит белый свет.
Не для того ли, чтобы нам родиться,
земля вертелась миллионы лет?
Вот потому (тут не в зайченке дело,
травинка тихая, к ногам ложись)
я славолюб, вонзающийся в тело,
которое нам заслоняет жизнь.

Путевые стихи

АНАТОЛИЙ ГАЙ

1. В ДОРОГЕ

Одна луна, да синь, да вязь
Листвы, да искры звезд, —
Когда, рыгая и давясь,
Глокает рельсы паровоз.

С опушек выводки грушат
В нас дышат дичью и теплом,
И в польке бешеной кружат,
Тряся зеленым подолом.

И ты под лязг сухих рессор
Вновь застываешь у окна...
Я впытываюсь в узор
Полуночного волокна.

Не там ли, за седой канвой,
Был душен путь и вечер ржав,
И брал в штыки скупой конвой
Глухую песню каторжан?

Не здесь ли, в тлеющем песке,
Брел твой отец, срывая шаг,
По горло в дьявольской тоске,
По щиколотки в кандалах?

И на последнее «авось»
Бежал, не слыша ярый свист,
И, пулею прошит насквозь,
На буреломе грузно свис, —

За то, чтоб выросла страна
В суровом облике твоём;
Чтоб мы возрастали, как она;
Чтоб ехали теперь вдвоем;

Чтоб жизнь вела, несла вразнос
И треск гранат, и стон струны;
Чтоб юность шла, забыв износ,
Дорогами моей страны, —

Вдоль свежести взведенных стен,
Над мглой полей, сквэзь гул застав,
Где дым, как хлопья потных пен,
Роняет взмыленный состав;

И душно дóверху, сполна
От полночи, от рук, от кос.
И сбитым яблоком луна
Летит сразмаху под откос..

2. РАССТАВАНЬЕ

Утонув в пыли по пояс,
Вдоль оврагов, рощ и хат
Ключья полдня гонит поезд
На оранжевый закат.

Над теплом тиши озерной
Тает дым, как спелый воск.
Мечет огненные зерна
Очумелый паровоз.

Шаг еще — и вот обронит
Рельсы гон с откоса вниз.
— Он, должно быть,
ветром пронят —
Сумасшедший машинист!

Невдомек ему, что руку
Я несу в купе пустом,
Изнывающую мукой
Расставанья за мостом;

Что несу ее такую,
Повторенный в сотнях лиц, —
Сквозь шеренгу бурь, покоя,
Поколений, дел, столиц.

И цветет через столетья,
До предсмертного глотка,
На моем багряном лете
Знак прощального платка.

Он взвивается — и тонет
В придорожные огни...
— Над горящею ладонью
Освежающе вздохни!..

Хабаровск.

Что проходит — будет былью:
Вётры, ветер, мост, сады
И придушенные пылью
Наши встречи позади.

Если с сердцем нету слада, —
Пусть в отходных мрет свистках
Чувств глухая канонада,
Отраженная в висках.

Для огня — нужны потемки.
Я пройду их. И без мук
Будут знать мои потомки
Радость встретившихся рук.

Стихотворения

ВИЛЬГЕЛЬМ ЖУРАВЛЕВ

Я с детских лет красивое искал,
Но красоты нигде не находил.
Я слышал, как между холмов и скал
Свирепый Терек разъяренно выл.

В степях ковыль серебряной волной
Катился к речке, к зарослям куги,
И розовые чайки над водой
Вычерчивали плавные круги.

Я видел, как тюльпаны говорят,
Как рассекает небо метеор,
Как плавают вишневая заря
В зеркалах отшлифованных озер.

Я видел, как туманы над водой
Ползли широкой, медленной волной,
Как по утрам в долинах и лугах
Переливались росы на цветах.

Но всюду я встречал один обман:
Ведь переменны зори в небесах,—
Чуть солнце — и рассеется туман,
Чуть ветер — и осыплется роса.

И я бродил среди ночных полей
И привыкал законы звезд читать.
Качались тени дальних тополей,
Качался мир...

И только ты, мечта,
Меня вела среди холмов и скал
И в жизнь звала
И пела, как струна...

Я с детских лет красивое искал,
И я нашел тебя, моя страна.

На закате кровью
Наливались тучи,
Сосны фиолетовые
Замирали вдруг.
Ехал ухарь-вечер,
Чернокудрый кучер
В звездах-колокольчиках
Под узором дуг.

И ему навстречу
В кофточке сатиновой, —
А на этой кофточке
Росписью цветы,—
Выходила девушка
Под закат малиновый,
Вечеру навстречу
Выходила ты.

Как увижу, вышла —
Сердце так занеет,
Что ложись хоть заживо
В самодельный гроб.
Было. С мальчуганами
Уезжал в ночное я,
Мимо вашей милости
Проезжал в галоп.

Цокали копытами
Наши кони звонко,
Выезжая в поле,
Убыстряли бег.
Может, ты глядела
Мне тогда вдогонку,
Только я не думал
Вовсе о тебе.

Понимай как хочешь,
Вечное навечно,

Голубая река

ХАДЖИ-МУРАТ МУГУЕВ

(Окончание 1)

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Перемена командования гарнизона и смена генералов прошла незаметной среди горожан. Ян Хучжен сдал дела Ли Гуй-юаню «во временное командование» и сам уехал в Нанкин. Приняв дела, маленький майор первые два дня не выходил из своего кабинета, изучая материалы, обстановку, слушая доклады полиции, жандармерии и командиров частей гарнизона. В следующие дни он лично обошел и объездил все наиболее важные пункты своего укрепленного района, входя в детали дела, знакомясь с солдатами и командирами частей. Вместе с ним так же напряженно работал и штаб гарнизона. Усталые адъютанты, с покрасневшими от бессонницы глазами, метались по городу, разыскивая нужных людей, добывая точные данные и проверяя исполнение приказов, отданных новым начальством.

— В военной службе главное даже не самый приказ, а его точное исполнение, — коротко сказал Ли Гуй-юань удивленному такой энергией Го Жу-ду, которому не давали покоя постоянные звонки майора и его бесконечные ординарцы.

— Офицеры жалуются на него, — морщась, сказал он фон-Вольфу, — генерал Ли не дает им ни есть, ни пить, ни спать. Все проверяет, требует такой точности, словно они не люди, а духи.

— Это настоящий военный стиль работы... германский стиль. Генерал Ли

Гуй-юань от мозга костей и до последнего ногтя настоящий солдат, а ваши офицеры, развращенные бездеятельным, ленивым Яном, просто зажиревшие бабы... Уверен, что генерал Ли выбьет из них эту дурь, — сурово ответил Вольф, напряженно глядя на смолкшего Го Жу-дуна.

«Странный стиль... не есть по суткам, не спать по двое, гонять людей трижды для проверки одного и того же дела» — удивленно подумал командующий, но промолчал, чувствуя, что сердитый немецкий советник одобряет действия сумасшедшего майора.

К вечеру этого дня Го Жу-дун получил длинный список мероприятий, которые должны были быть проведены по плану Ли Гуй-юаня.

Бывший майор, слегка побледневший, с чуть осунувшимся лицом, но, как всегда, подтянутый и точный, явился к командующему для доклада по этим делам. Большая кипа бумаг, которую внес за ним офицер, испугала Го Жу-дуна. Он со страхом оглядел ее и с надеждой перенес взгляд на фон-Вольфа, безмятежно курившего в углу.

— О-о! Да тут дела на целый месяц, — с притворной шутовской улыбкой сказал Го Жу-дун, похлопывая по куче аккуратно сложенных бумаг.

— Нет... ровно на полчаса. Я считаю нужным провести ряд мероприятий внутри города, необходимых для дальнейших общих операций. Угодно будет вам узнать о них? — спрашивал майор.

— О, да. Мы с генералом охотно слушаем их...

¹ См. «Новый мир», кн. 2 с. г.

— Первое. Необходимо уволить за бездеятельность, трусость и полную непригодность из состава армии указанных ниже офицеров, принадлежащих к полкам нашего гарнизона. Список увольняемых прилагаю...

— Как велик список? — едва нашелся что спросить не ожидавший такого начала Го Жу-дун.

— Восемьдесят шесть человек. Из них два командира полка и один начальник бригады.

— Это невозможно... — после долгой паузы сказал Го Жу-дун. — Это должен сделать сам генералиссимус, после нашего об этом представления.

— Это уже сделано мною. Сегодня я сообщил указанным лицам об их увольнении. В обстановке военного времени у нас нет возможности возиться по инстанциям с этим вопросом. Вот список. Распоряжение об увольнении сделано. Извольте утвердить мой приказ, — сухо сказал Ли Гуй-юань, подвинув к командующему бумагу. Го Жу-дун отодвинулся назад, посмотрел на ухмыльнувшегося фон-Вольфа и растерянно сказал:

— Но... дорогой Ли... у нас, в нашей китайской армии, никогда не было подобных увольнений. Людей увольняют за трусость и бездеятельность, но ведь боев-то еще не было. Кто знает, будут ли они трусами в бою?

— Командир, который ворует деньги из скудного солдатского пайка и в обстановке мирного времени не пользуется авторитетом и любовью своих солдат, не годится для боя. Офицер, не знающий элементарных, азбучных положений военного дела, не интересующийся уставом, — какой это офицер? Словом, вы подписываете приказ? — поднимая глаза на командующего, спросил Ли Гуй-юань.

— Ну да... ну да! Я только удивляюсь вашей пронцидательности... — быстро черкая поперек листа свое имя, сказал Го Жу-дун. — А это что?

— А это смена частей гарнизона! Манчжурские полки, стоявшие до сих пор в городе, необходимо вывести на время, заменив их полками, несшими все это время полевую службу. Это будет

полезно и справедливо. Пусть привыкают к строевой службе не только в городе, но и на походе.

— С этим я вполне согласен, — покорно сказал Го Жу-дун, не понимая в душе, чем провинились манчжурские полки, надежно охранявшие его покой в городе.

— Это — приказ о смене начальника полиции и отдавание его под суд за кражи, взяточничество и связь с преступным уголовным миром Ичана.

— Как? Отдать под суд нашего уважаемого Ян Ци-шаня?

— Кем уважаемого? Во всяком случае не мною. Это известный вор и пройдоха, — попыхивая сигарой, вставил генерал Вольф. — Дело, конечно, внутреннее и к моей компетенции военного советника не относится, однако считаю это мудрым и необходимым мероприятием.

Го Жу-дун промолчал. Шея его налилась кровью, а полные щеки побагровели. Все, что угодно, он мог бы разрешить и подписать для удовлетворения глупых затей этого сумасброда, но отдавать под суд начальника полиции... человека, с которым вместе он обирал Ичан... человека, который пользовался едва ли одной четвертью доходов от всего того, что шло к самому Го Жу-дуну... Нет, это было невозможно! Его маленькие, обычно сонные глаза ожились и забегали в беспокойной тревоге.

Он быстро взглянул на Вольфа и заметил издевательский огонек в смеющихся глазах немца.

— Скотина... он все понимает!.. — и командующий перенес глаза на майора. Ли Гуй-юань, как всегда корректный и внимательный, очень вежливо ждал его ответа.

— Да-а! Если это верно, то его, конечно, мы должны наказать... и очень сурово. Очень! Очень! — повторил Го Жу-дун, стараясь найти, наконец, какое-либо подходящее решение.

— Но ввиду того, что у нас в Китае из ста администраторов воруют девяносто девять, и ни один из них никогда под суд не идет, я думаю, что «уважаемого» Ян Ци-шаня можно просто отпра-

вить в долгосрочную командировку, хотя бы в Шанхай или Кантон, а на его место «временно» назначить другого, — предложил Ли Гуй-юань.

— Вот именно! Это будет справедливо, — облегченно вздохнул Го Жу-дун и, ставя в этом духе резолюцию, подумал: «Говоря о девяноста девяти администраторах, этот наглец, несомненно, думал обо мне».

Остальные бумаги — об охране порта, о принудительном рытье горожанами вокруг города окопов, об охране и минировании моста через Ян-цзы, закладке фугасных полей вокруг Ичана и ряде других подобных вещей — командующий подписал, почти не слушая майора; только в одном случае, когда Ли Гуй-юань говорил о необходимости минирования моста, Го Жу-дун на секунду задержался и подумал:

«А зачем минировать? Ведь никто же ему не угрожает?»

Он оглянулся было на фон-Вольфа, но немецкого советника в комнате не было.

Ли Гуй-юань, словно понимая мысли командующего, пояснил:

— В зоне объявленного военного положения все объекты исключительной важности должны быть своевременно приведены в состояние боевой готовности. Сейчас у нас есть время рыть волчьи ямы и окопы, строить защитное поле укреплений вокруг города, заложить фугасные поля и тому подобное. Думаю, что они нам никогда и не понадобятся, но «на войне, как на войне», говорят французы, и все должно быть заготовлено своевременно. Это — военная азбука. Так же и минирование моста!

— Совершенно справедливо, — подписывая бумагу, сказал Го Жу-дун, приветливо улыбнувшись вошедшему в эту минуту с фон-Шером Вольфу.

Когда Го Жу-дун отодвинул от себя последнюю подписанную бумагу, фон-Вольф вынул часы и восхищенно сказал:

— Двадцать восемь минут. Ровно столько, сколько назначил генерал Ли Гуй-юань. Вот он, стиль настоящего солдата.

Бывший майор поднялся и, щелкнув

каблуками, отдал честь мгновенно подскочившему на ноги фон-Вольфу.

«Типичные куклы из театра. Чорт бы побрал вас всех вместе с вашей войной и настоящим солдатским духом» — тоскливо подумал Го Жу-дун, глядя, как вытянувшиеся во фронт фон-Вольф и Шер в свою очередь отдавали честь Ли Гуй-юаню.

Отойдя от перевала, корпус разделился на три отряда, шедших по трем направлениям на Ичан. Тяжелые орудия и танки, захваченные в бою под перевалом, были взорваны и сброшены с кручи гор, а огромный обоз и интендантские склады армии розданы крестьянским отрядам района Да-Минь-Ху.

Перевооружив крестьянские дружины, снабдив их пулеметами и боеприпасами, седьмой корпус выступил из Ра-Минь-Ху в дальнейший поход.

Около трех с половиною тысяч сдавшихся нанкинских солдат влились в полки корпуса, — не пожелавшие продолжать военной службы были распущены по домам. Свыше семисот молодых крестьян и ремесленников города вошли в комсомольскую дивизию корпуса. Теперь это была внушительная сила, доходившая до 20 тысяч человек. Ротные совпартшколы и ликбезы даже на походе не приостанавливали своей работы. Пользуясь дневками и недолгими часами отдыха, комиссары и политруки проводили беседы и агитсобрания, читая бойцам газеты и рассказывая им о задачах, стоявших перед красной армией и коммунистической партией Китая.

— Без победы над японцами не может быть спасения страны. Только Красная армия Китая спасет народ от голодной смерти и японского штыка.

Шли без боев. Малочисленная стража и редкие полицейские своевременно убежали прочь или же вместе с крестьянами встречали проходившие полки. На одной из горных стоянок корпуса в штаб явилась делегация от крестьян горного уезда Чи-Шань. Они просили красную армию отрядить несколько рот с ними в ущелье Юн-Лу. Здесь были и старые, и

молодые крестьяне, загорелые, суровые, с обветренными лицами. Они просили красных помочь им разрушить осиное гнездо, замок помещиков Чжу, который уже три месяца безуспешно осаждало их крестьянское ополчение.

— Понимаете, уважаемый талантливый начальник, мы ничего не можем сделать с ними. Они укрылись на большой скале, за высокими каменными стенами. Их ружья бьют в пять раз дальше и сильнее, чем наши старинные фузильеры, заряженные картечью. У них есть пулеметы, — у нас нет. У них черный, настоящий порох, у нас самодельный, взрывающийся слабо, окутывающий нас желтым вонючим дымом. Им легко защищаться. У них есть даже гранаты и старая бронзовая пушка, у нас ничего нет, кроме веры в себя. Они, как пауки, из рода в род, сотни лет живут на наших шеях, их отцы, деды и прадеды также мучали наших предков, как мучали эти пауки нас. Пятьдесят разных налогов мы платим им, — и за духов, и за воду, и за горный воздух, и за посещения храмов, и за хождение по дорогам... и еще много других.

— А аренда особо.

— А губернатору отдельно.

— И за воду отдельно... —

сумрачно встали молчавшие крестьяне, добавляя к словам говорившего.

— Жить стало трудно, труднее, чем умирать. Мы подумали и напали на них, но эти земляные черви проведали о наших мыслях. Продажные черепахи, Чэнь Ю и Ли, из нашего села сообщили им, и они все бежали в этот замок. Мы убили предателей Ли и Чэня и осадили замок помещиков Чжу, но взять его не можем. Мы теряем каждый день много людей, а помещики со стен смеются над нами, стреляют и грозят стереть нас с лица земли.

— Вы пробовали отвести воду? — спросил Ма Ту-инь.

— Вода у них есть в замке. Там горные ключи и два колодца.

— А еда?

— Они издеваются над нами, бросая со стен к нам жирных кур и гусей. У них на два года запасов.

— А патроны?

— У них много. Из Ичана два раза прилетал аэроплан, сбросивший к ним ящики с патронами.

— Три раза, — поправил кто-то.

— Да, три раза! Патронов у них много. — повторил старик.

— Есть там с ними крестьяне или же недовольные ими?

Делегаты помолчали.

— Крестьян нет, слуги есть, но все это купленные ими люди.

— Два дня назад они сбросили со стены голову одного из слуг, почтенного Ян Сы-чена, из нашего села.

— Да-да! Они убивают всех, кто им кажется неверным.

Опять наступило молчание, затем старик-делегат поклонился до самой земли командованию красных, и вся делегация повторила поклон.

— Мы очень просим, мы слезно просим справедливых, советских людей помочь нам овладеть этим замком, мы пойдем первыми, только пусть ваши сильные и мощные пушки откроют ужасный огонь по замку... а мы, крестьяне, полезем на стены по камням и лестницам, не боясь никого. Иначе, когда придут нанкинцы, помещики уничтожат всех нас вместе с нашими детьми и женами, а если мы возьмем этот замок, мы, крестьяне всего района, казним всех собравшихся там пауков, вместе с их детьми и слугами, и никто, ни один человек в мире, не будет знать, как произошло это.

— Мы все, весь крестьянский уезд Юнь-Лу, казним своих помещиков.

Ма Ту-инь снял свои очки, медленно протер стекла, посмотрел на свет сквозь промасленную бумагу, вставленную в окно, и коротко сказал:

— Хорошо. Мы вам поможем.

Делегаты облегченно вздохнули, поклонились и шумно поднялись с мест, направляясь к выходу.

Задерживаться на месте невозможно. Обстановка требовала движения вперед, и вместе с тем нужно было помочь крестьянам.

Основные силы центральной колонны на следующий день двинулись в поход,

держа прежнее направление на Ичан, а пехотный полк, имени Советской Москвы, с четырьмя орудиями и саперной командой, свернув со своего пути, походным маршем подошел к замку и осадил его.

С полком остался Ма Ту-инь, пожелавший лично руководить штурмом замка.

Вечерело. Солнце еще только садилось, и зеленые холмы Юнь-Лу горели в багровых огнях заката. Цепь высоких гор, сплошь затканная лесами, тянулась впереди. Прямо перед опушкой, на сером выступе скалы, угрюмо поднимался черный замок. На его каменных стенах мелькали фигуры людей. Внизу, среди зелени трав, через лес шла дорога, она поднималась к самым воротам замка, над которым мирно вились голубоватые дымки. На краю дороги сидели трое крестьян, в стороне у опушки леса паслось несколько коров.

Ма Ту-инь, сопровождаемый начальником крестьянской сотни, державшей караулы у замка, подошел к сидевшим. Рядом с ним шел новый командир полка имени Советской Москвы, товарищ Ю-кунь, временно исполнявший должность взамен ушедшего Ли Гуй-юаня. Командир батареи, держа в руках бинокль, шел с левой стороны колонны. Сидевшие поднялись. Это были крестьяне: двое молодых парней в тростниковых шляпах и третий пожилой, морщинистый человек. На траве лежали вилы, кривой серп и тяжелое, с расширившимся к дулу стволу, ружье, обмотанное проволокой и веревкой. Это был дозор. Дальше идти было опасно, опушка обстреливалась пулеметным огнем со стен замка.

— Здравствуйте, братья, — присаживаясь у канавки, сказал Ма Ту-инь. Крестьяне безмолвно поклонились, со скрытым любопытством озирая незнакомых им людей.

Замок, как свеча, поднимался над лесом. Под ним лежали лес, река, дорога, низкие, пузатые холмы. В отдалении сверкала кудрявая цепь горных хребтов.

— Они знают о вашем приходе, — сказал начальник крестьянской сотни,

сжимая кулаки и прикладывая их к груди в знак уважения к комкору. — Вечера всю ночь огни горели на стенах замка, и до самого утра стража перекликалась друг с другом.

— Всю ночь стреляли, наверное, с перепуга, — вставил пожилой китаец из дозора.

— А утром пытались поджечь этот лесок, — указывая рукой вправо, продолжал начальник сотни, — но ничего не вышло. Лес сырой, ветра нет, да наши крестьяне не дали.

Осмотрев подступы к замку, выбрав артиллерийскую и пулеметную позиции и поставив свои красноармейские караулы, комкор вечером следующего дня собрал военный совет.

Крестьяне, как и раньше, умоляли только об одном — обстрелять сильным артиллерийским огнем замок, пробить в нем брешь или сбить ворота, остальное они брали на себя.

— Мы атакуем их, только пробейте брешу. Мы перебьем проклятых червей одними ножами и заберем себе их отличное оружие.

Крестьянское ополчение уезда было стянуто к замку и готово к атаке. Свыше полутора тысяч человек стояло под стенами. Лесными тропами к ним из деревень ежедневно приходили жены, дети, родители, принося пищу и умоляя их скорее раздавить змеиное гнездо помещиков Чжу.

— Каково ваше мнение, товарищи? — выслушав крестьянских руководителей, спросил комкор своих командиров.

— Батарея готова. Мне кажется, стены выдержат огонь моих пушек, поэтому я буду бить по воротам замка. Атакующим я могу обеспечить долгий, действительный огонь.

— Как только стемнеет, мы попробуем заложить мины и взорвать динамитом ворота и часть стен, — просто сказал начальник саперной команды.

— Мои бойцы откроют огонь из пулеметов и ружей по замку. Я не дам его защитникам высунуть и носа из-за стен, когда же саперы произведут взрыв и крестьянские дружины пойдут на штурм, я подкреплю их атаку ударом в штыв-

ки, — доложил временный командующий полком имени Советской Москвы.

«Ли Гуй-юань поступил бы иначе» — подумал Ма Ту-инь и, не поднимая головы, сказал: — Атаку начнем под утро. Саперной команде заложить не два, а несколько фугасов, взорвать их одновременно и по моему сигналу — световой ракете — штурмовать через бреши замок. Артиллерии все время стрелять беглым огнем — до атаки гранатами, а затем шрапнелью, перенеся огонь внутрь замка. Полку имени Советской Москвы атаковать и первым ворваться в замок. Неорганизованные, необученные крестьянские массы нельзя пускать под пулеметы на штурм, они понесут огромные потери. При первой неудаче их может охватить паника. Совецание кончено. Командирам сейчас же отправиться к частям и под прикрытием ночи придвинуть их к замку. О штурме предупредить бойцов. Теперь же занять все дороги и запереть выходы в случае вылазки или бегства осажденных из замка. Накормить бойцов вторично обедом, впереди предстоит тяжелая ночь. Через час я сам буду у замка с частями, которые начнут штурм.

Со стен хлопали выстрелы, иногда стучал и обрывался пулемет. Огоньки двигались во тьме, это были фонари. На поляне горели костры, зажженные по приказу Ма Ту-иня, озарявшие скрещение дорог. Дым относил к лесу. Он низко стлался по земле. Из замка били по кострам, пули с шипением врезались в густой кустарник, другие со свистом проносились в воздухе, шурша в ветвях деревьев. Несколько раз прогремела пушка осажденных. Повидимому, это была старинная, медная или же бронзовая пушка, стрелявшая круглыми, полторафунтовыми ядрами. После каждого ее выстрела над стенами замка столбом поднимался густой сизо-багровый дым. Старинные ядра смешно и безобидно лопались во тьме, падая саженьях в двухстах от замка.

Около костров было пустынно. Все люди прятались у опушки, по-одному

и по-два перебегая по высокой траве, к холмам. Бойцы залегали в канавках вдоль дорог, в ложбине и поле, прячась за поваленными деревьями и выкорчеванными пнями. Луны еще не было, и серая муть покрывала небо. Лес, холмы и дороги окутала ночь. Батальон, готовясь к штурму, медленно накапливался под стенами замка. Второй батальон полка им. Советской Москвы стоял в резерве. Орудия, подтянутые ближе, были наведены на замок. Саперы, руководимые крестьянами-проводниками, незамеченными подошли к его стенам и залегли во тьме. Немного погодя они осторожно приступили к закладке мин. Вдруг сильный, беспорядочный огонь и пулеметная дробь прокатились по стене. Саперы смолкли. Прошло минут пять непрерывной пальбы. Залегшие цепи не отвечали, и обманутые тишиною осажденные прекратили огонь. Осторожно работая сверлами и ломом, саперы часа за полтора заложили пять глубоких динамитных фугасов и, соединив в один узел шнуры, отползли назад, в овражек. Два самых больших фугаса были установлены в массивных воротах замка. Несколько раз, слыша шум осыпающейся земли и возню, противник открывал огонь, но, скрытые темнотой и выступами замковой стены, саперы, переждав стрельбу, осторожно продолжали работу.

Едва только они успели отползти в овражек, как со стен стали валиться груды облитого нефтью горящего тряпья. Тысячи искр и горящих языков пламени прорезали темноту. Подножье стен озарилось светом... но там не было никого.

Получив донесение от начальника саперной команды о заложенных фугасах, комкор послал по цепям и засевшим в лесу отрядам приказ приготовиться к атаке.

— Как только взлетит зеленая ракета, саперам взорвать заложенные мины, вторая ракета — красная — сигнал полку атаковать ворота и бреши.

Ординарцы исчезли в темноте. Прошло еще минут сорок. Луна показалась из-за серых туч, и ее молочное сияние облило долину. Явственной встали холмы, резко поднялся над ними прямой, как игла, замок и чернее высились хребты гор.

Комкор взглянул на часы. Уже все командиры получили его приказ.

Сопровождаемый адъютантом и двумя крестьянами, он прошел по дороге, не видя, но чувствуя по сторонам ожидавший начала боя резервный батальон. В темноте слышались покашливания, тихий, еле уловимый разговор и позвякивание привешенного на пояс штыка. Кто-то шопотом проговорил над самым ухом комкора:

— ...Самое главное в атаке — спокойствие.

Еще одна оборванная фраза добежала из темноты до слуха шагавшего комкора: «... хорошо поел, а спать вовсе не хочется...».

Ма Ту-инь дошел до батареи. Его глаза различили квадраты оружейных ящиков и вытянутое туловище крайней пушки. Около орудия, сидя на корточках, возился человек, другой сердитым тенорком приглушенно говорил:

— Не с той стороны ищешь... Она вот где упала.

Комкор подошел ближе. Из серой мглы выступила знакомая фигура командира батареи.

— Все готово, товарищ командующий. Батарея ждет вашего приказа.

— Сейчас начнем, — шуря глаза и всматриваясь в вытянувшийся над долиной замок, сказал Ма Ту-инь. — А что он ищет? — указал он на приподнявшегося с корточек красноармейца.

Люди, стоявшие у орудий, засмеялись, а смущенный красноармеец, улыбаясь, сказал:

— Лепешку жевательную потерял, товарищ командующий.

Замок стоял совсем рядом. Комкор уже прошел передние цепи залегших бойцов. Впереди были только дозоры и

несколько саперов, ждавших сигнальной ракеты для взрыва стен.

— Дальше ходить опасно. Луна сейчас выйдет из облаков и нас осыпят пулями, — предупредил начальник крестьянских войск, шедший вместе с комкором.

— Ничего. Оставайтесь здесь, я пройду еще немного. Надо для избежания кровопролития предложить защитникам замка сдать.

Крестьянский командир остановился и с тревогою в голосе сказал:

— Как... сдать? Мы их все равно прикончим всех. Так постановил союз деревень всего уезда, так мы и сделаем. Крестьяне не могут оставить в живых ни одного человека из тех, кто спрятался в этом замке.

Ма Ту-инь выслушал его и тихо, но очень раздельно сказал:

— Красная армия Советского Китая не убивает сдающихся в плен врагов. Это закон. Мы предложим им сдачу, и всех, кто сдастся, мы не тронем, но будем их судить народным судом. Если вина его невелика или произошла случайно, народ его простит, если же это козвопийца и вампир, враг крестьян и Советов — суд сам накажет его. Понял, товарищ?

— Понял... — глухо ответил крестьянин и замедлил шаги. Луна выползла из-под облаков и снова залила мир серебристым, мертвым светом.

Замок стоял над Ма Ту-инем. Его черные зубцы и угловые квадратные башни казались совсем рядом. Позади были молчание, лес, канавы, холмы.

Комкор остановился у дороги и, подняв ко рту деревянный оцинкованный рупор, такой, какие употреблялись красноармейскими ротами для переговоров и пропаганды противника, сказал:

— Эй-й... там... в замке. Слушай-й-те все!

Фонарики сильнее замигали на стене. Грохнуло несколько беспорядочных, торопливых выстрелов, и пуля, свистя, пронеслась в стороне. Выстрелы оборвались. На стене, видимо, прислушивались к мегафону.

— Замок окружен красной армией, пришедшей на помощь крестьянам. У нас много бойцов, много больших пушек, много снарядов. Спротивляться бесполезно. Пушки наведены на вас, стены минированы, дороги перерезаны. Вам никуда не уйти. Среди вас много детей, женщин, стариков. Среди вас много слуг, неповинных ни в чем. Сдавайтесь!

Голос комкора рвал тишину, перебиваясь через замок, и обрывистое эхо отвечало ему.

— Я, командир советского, красноармейского корпуса, Ма Ту-инь, именем коммунистической партии Китая обещаю всем сдавшимся без боя пощаду. Подумайте, поговорите и через полчаса пусть откроются ворота замка. Иначе будет штурм!

Ма Ту-инь опустил мегафон. Он стоял один, вытянувшись во весь рост под замком, озаряемый сиянием луны.

Было тихо. И вдруг грянул резкий залп, перешедший в частый огонь. Пули рыли землю вокруг комкора. Одна из них с металлическим звоном прошила насквозь опущенный мегафон.

Комкор медленно повернулся и сошел с дороги на траву. Его фигура слилась с темной пеленою поля. Сзади неистово грохотали выстрелы и стучали расставленные по стенам пулеметы.

Четыре тяжелых удара, один за другим, потрясли ночь. Снаряды пронеслись над головами цепей и в красном дыме разорвались над замком. Сбитый щебень, осколки камней и пыль взлетели над стеной. Во тьме протяжно запали сигнальные рожки батальонов.

Над замком все чаще рвались гранаты, озаряя рыжим огнем суровые холмы. Но стены стояли крепко. Их полутораметровая толщина надежно защищала укрывшихся за нее людей. Со стен грохотали выстрелы. На стенах слышалась возня, движение. Облитые горячей нефтью, охваченные пламенем хлопковые тюки во множестве стали валиться вниз.

— Пора, — сказал комкор и махнул рукой.

Сбоку от батареи блеснул огонек, что-то вспыхнуло, зашипело, рванулось кверху, и зеленая, стремительная ракета пыльным, шуршащим хвостом перепопала ночь.

Ее сверкающая головка пролетела над лесом и, описывая дугу, упала в кусты, раскидав по сторонам зеленые брызги. Пехота открыла огонь. Пулеметы батальонов влились в общую трескотню. Их четкий, размеренный стук заглушил частую стрельбу цепей. Грохотали тяжелые, пудовые фузилы и фальконеты крестьян, и тогда, в черной цепи, вставали долгие дымные огни вспышек.

Поле, лес и опушка были наполнены стрелявшими людьми. Эхо залпов гудело по ущелью, а над замком все чаще поднимались разрывы гранат.

— Вторую! — сказал комкор, и рывая ракета со свистом рванулась над полем, уйдя далеко ввысь. Прочертив огненным пунктиром темноту, она метнулась к земле и лопнула за холмами. И сейчас же раздался удар, очень похожий на подземный гул, тяжелый, глухой и нарастающий. Что-то громынуло, толкнуло стену замка. Из серых камней вырвалось пламя, густой дым, и развороченная взрывом стена стала медленно валиться вниз. Еще удар... фонтан огня и камни стремительно рухнули книзу... На стенах раздалась крики. Часть защитников в панике бросилась назад, но новый тяжелый удар потряс замок, и ворота, вырванные динамитным взрывом, разлетелись в клочья и провалились внутрь.

Крики ужаса заглушили пальбу. При свете горевшего хлопка, под яркие разрывы гранат отчетливо были видны две больших бреши в стене. На месте выбитых ворот еще кружилась пыль. Разметанные, осыпавшиеся камни падали к подножью стен. Выстрелы, вопли и гул разрывов смешались с резкими звуками рожков и криками пехоты, бросившейся в штыки.

На следующий день батальоны уходили. Несмотря на просьбы крестьян

держаться, погостить у них хоть день, Ма Ту-инь отказался. Впереди были огромной важности дела. Замок был взят, осиное гнездо помещиков, оплот мироедов всего района, находилось в руках крестьян. Оружие и патроны, захваченные в замке, были розданы крестьянским отрядам, запасы продовольствия переданы союзу бедноты, в самом замке учрежден районный крестьянский совет. Опьяненные победой, радостно бурлили крестьяне. Они с нежностью гладили длинные стволы красноармейских пушек, помогших им овладеть замком, называя их ласковыми уменьшительными именами, сравнивая их силу с силою тигров и небесных сил.

Под резкую, короткую команду вышли в поход бойцы. Крестьяне, стоявшие толпами вокруг, размахивая соломенными шляпами и красными флажками, двинулись за ними. Они шли огромной, бесконечной толпой по обеим сторонам дороги, заполняя собою поля. Возбужденные, радостные, кричащие. На их худых бронзовых лицах смешались два выражения: печали, потому что уходили их братья — красноармейцы, вместе с ними бившиеся с помещиками в прошлую ночь, и чувство огромной легкости от веселого сознания, что проклятый замок Чжу пал и 300 кровососов-помещиков, их лютых врагов, сидели в подвалах под стражею, ожидая сурового народного суда.

По сухой, глинистой дороге катились пушки. Номера орудий шли рядом. Поднимая пыль, стараясь держать равнение в ногу, проходили веселые красноармейские шеренги. Батальоны уходили, но вместе с ними, не отставая ни на шаг, текли по полю крестьянские толпы, провожавшие их в поход.

Замок остался вдалеке. На перекрестке нескольких дорог стояли новые толпы крестьян. Здесь были старики, женщины и молодежь. Они размахивали над головами сотнями малых и больших флажков. По сторонам взрывались и грохотали петарды, подоженные в честь красноармейских бойцов. Над полем поднимался дощатый, наспех сделанный, обтянутый красной материей, помост, над которым стояли шесть с

портретами Ленина, Маркса, Сталина, Мао Цзе-дуна и Чжу-де. Вся полянка вокруг помоста была усыпана зелеными ветвями сосен и охапками полевых цветов.

Здесь предстояло прощание с крестьянами, отсюда батальоны уходили дальше.

Подошедшие крестьяне смешались с ожидавшими. Море голов, остроконечных шляп, зеленых и синих рубах, колеблющихся по ветру флажков залило поляну.

Батальоны замедлили шаги. Послышалась команда, и тысячи сверкнувших в воздухе ружей опустились к земле. Крестьянское море голов стихло, розовый закат золотил красные знамена и портреты вождей.

Ма Ту-инь поднялся на помост. Вся дорога была полна людьми. Кусты, опушка, канава, полянка, даже ближайшие деревья были усеяны крестьянами, жадно ожидавшими его слов.

Старые, молодые, седые, худые, в лохмотьях, покрытые рваньем, мужчины, женщины, подростки, — победители ненавистных помещиков, веками мучивших их, — они, как дети, с нежностью, надеждой и любовью смотрели на него, командира красных войск.

«Вот они, за чье счастье мы льем свою и чужую кровь. Вот он, Китай, великий резервуар мировой революции...» — подумал комкор и, подняв над головою руку, сказал:

— Братья-крестьяне. Я буду краток. Мы уходим дальше, потому что у нас впереди большие неотложные дела. Но, несмотря на них, мы помогли вам победить ваших врагов. Никакие дела в мире не могли помешать нам в этом, потому что Красная армия Советов существует именно для того, чтобы сражаться за благо крестьян и рабочих, за благо обиженных богатыми бедных людей. Сегодня мы победили, и я приветствую вас, но это еще не все. Вы должны сохранить эту победу и дальше. Вас много, молодых, здоровых, сильных. Оружие у вас теперь есть. Помещиков вы ненавидите попрежнему, — значит, вам нужно только объединиться под ру-

ководством вашего совета, уничтожить межи, запахать сообща все помещичьи поля и сообща защищать их. Совершенно ясно, что уцелевшие помещики не примирятся с вашей победой и вызовут сюда нанкинские войска. Бейтесь с ними, не сдавайтесь, ведите партизанскую войну, учитесь воевать у Красной армии. Организуйте советскую власть. Помните, что вас сотни миллионов, а помещиков и генералов — небольшая кучка. Если вы будете организованы, вы всегда победите. В этом порукой вам Красная армия, к помощи которой обращайтесь, товарищи, всегда, когда вам это будет нужно.

— Очень хорошо! Правильно сказано. Сделаем, как советуешь, — раздались голоса крестьян.

Один из провожавших, член районного совета, снял с головы шляпу и с волнением сказал:

— Да! Мы поступим так, как говоришь ты, наш дорогой брат и защитник. Вся сила находится в наших собственных руках, — мы это знаем, но мы чувствуем себя непобедимыми еще и потому, что мы и Красная армия Советов — это одно и то же. Ведь вот из этих сотен бойцов, — он показал рукой на стоявших в рядах красноармейцев, — есть ли хоть один помещик, бонза или купец, или хотя бы их сын? Нет!.. Здесь все крестьяне, рабочие, кули, студенты. Кость от нашей крестьянской кости. Мы не одиноки, мы дополняем друг друга, но... — тут он поднял обе руки кверху и потряс ими, — мы знаем, что мы не одиноки, еще и потому, что далеко отсюда есть Великая Советская Страна, которая считает нас, китайских крестьян и кули, своими братьями, наше дело — своим делом и готова помочь в нашей борьбе. Извини нас, Ма Ту-инь, что мы не приготовили достойного угощения нашим уходящим братьям красноармейцам... Мы знаем, что вы спешите, — вам надо уходить, а замок взят только сегодня ночью... но лучшей благодарностью вам будет наше твердое обещание — продолжать общее дело и красное знамя совета не опускать перед помещиками, пока вы снова не вернетесь сюда. Не так ли, братья? — по-

вернулся он к замершему, напряженно слушающему человеческому морю.

— Так! Истинные слова. Мы все уйдем в леса, все будем биться с ними, но советскую власть не сдадим... — загудело отовсюду.

— Клянемся в этом? — снова спросил делегат совета.

— Клянемся! — поднимая руки, зашумели крестьяне, и тысячи рук поднялись к небу. А над ними, чуть колыхаясь от ветра, стояли портреты народных вождей.

— Спасибо. Мы верим вам, товарищи. До свиданья. Мы скоро вернемся сюда, — громко произнес Ма Ту-инь и, поворачиваясь к батальонам, скомандовал:

— По-олк... смирно!

Бойцы вздрогнули, вытянулись. Дрожь пробежала по рядам.

— На плечо! — И тысячи винтовок, сверкнув под солнцем, взлетели вверх и ровной линией легли над головами бойцов.

Толпа раздалась. Проводники-крестьяне выступили вперед. Загрохотали гонги. Находившиеся в охранении дозоры спустились с холмов и пошли по дороге. Конные раз'езды, охранявшие поляну, на-рысях ушли и скрылись за лесом.

— Марш!

И красноармейские роты зашагали по дороге. Вокруг стояли крестьяне, махая руками, крича и подбрасывая шляпы. И вдруг кто-то в толпе запел «Интернационал». Батальоны подхватили его, и гимн мирового пролетариата разлился среди зеленых полей и холмов Юнь-Лу. Большинство крестьян не знали его слов, но это не смутило их. Они хором запели свою крестьянскую песню о земле:

Мы идем по полям Китая,
Чтобы бороться за землю, за революцию.

Под пение, под немолчные крики «Десять тысяч лет красной армии», под радостные слезы женщины и смех молодежи уходили батальоны полка имени Советской Москвы.

Через два дня полк нагнал арьергардные части корпуса. Штаб корпуса находился всего в полутора переходах, и Ма Ту-инь решил, придя в село Лао-Линь, оставить в нем на ночевку полк, а самому ночью двинуться дальше, с тем, чтобы к утру следующего дня нагнать свой штаб.

Подходя к Лао-Линю, комкор увидел шедший к нему навстречу крупной рысью раз'езд. Среди под'езжавших кавалеристов он узнал одного из своих ад'ютантов, оставленных им со штабом корпуса.

Еще под'езжая к комкору, ад'ютант, на-рыси, вынул из полевой сумки пакет и издал крикнул:

— Из штаба корпуса срочное донесение, товарищ комкор.

Ма Ту-инь вскрыл пакет.

«Из Ичана доносят, что девять дней назад во дворе тюрьмы были казнены трое захваченных в городе с динамитом коммунистов. Имена их пока не известны. Комитет партии и наша агентура пытаются выяснить имена казненных товарищей. Вчера днем, в 2 часа 11 минут, неизвестно кем взорван и совершенно разрушен ичанский мост. Железнодорожного движения через Ян-цзы нет. В горде паника и слухи. Подробностей пока нет.

Подписи: Н-к штаба.

Политкомиссар корпуса».

Ма Ту-инь перечел еще раз донесение. Итак, мост через Ян-цзы взорван. Задача, исполнить которую ушли четверо смельчаков, была разрешена. Кто сделал это? Кого неделю назад казнили палачи в стенах ичанской тюрьмы? Все четыре образа ушедших на подвиг товарищей прошли перед ним. Последним встало спокойное, холодное лицо Ли Гуй-юаня и его серые, бесстрастные глаза. Комкор вспомнил крепкое рукопожатие майора, когда, прощаясь, Ли Гуй-юань, уже уходя, сказал:

— Через месяц ичанский мост будет взорван.

Да, маленький майор был точен, как всегда. Послезавтра истекал срок взрыва, назначенный на совещании Лю Фан-мином.

Ма Ту-инь провел по лицу рукой, словно отгоняя прочь набежавшие на него печальные воспоминания. Надо было спешить.

Растянувшийся по дороге полк подходил к нему. Мягкий вечер ложился на поля. Высыпавшие навстречу войскам крестьяне Лао-Линя толпились у деревенской околицы. Старшина суетился возле квартирьеров, объясняя им расположение отведенных под ночевку домов.

Запыленные, усталые, потные, подходили красноармейцы к селу, в котором ожидали их ужин и покойный сон. Ма Ту-инь, отозвав в сторону командира полка, тихо сказал:

— Ночевки не будет. Спешно накормить полк. Дать ему полторачасовой отдых и походным маршем двинуть на соединение с корпусом. Через полчаса я уезжаю вперед. Приказываю вам не позже завтрашнего дня догнать корпус в деревушке у Чишаньской переправы.

По его категорическому тону комполка понял, что произошли важные события. Он молча кивнул головой, отдал честь и провёл взглядом поскакавшую за комкором кавалькаду.

Роты, довольные приходом в село, весело и шумно располагались на ночлег, еще ничего не зная об ожидавшем их ночном походе.

Холмы вокруг города были изрезаны окопами, вынесенными далеко вперед от городских стен Ичана. Проволочные заграждения опоясали ходы сообщений, стыки дорог. Рылись пулеметные гнезда и блокгаузы. На старых глинобитных стенах города стояли пулеметы. По приказанию нового начальника гарнизона спешно строилась небольшая четырехкилометровая дорога, соединявшая наиболее важные пункты обороны. Толпы безработных, слонявшихся без дела на базарах и в порту, нашли себе работу на постройках укрепленного района Ичана. Иногда на стройку приезжал сам гене-

рал Ли. Рабочие и кули скоро привыкли к молодцеватой фигуре генерала, обходившего стройку и детально знакомящегося с ней. Рабочие приветливо встречали его. Они даже любили появление этого генерала. Им нравилась его простая манера приветствия и то, что он подолгу беседовал с ними. Это было необычно. Важные господа, а особенно генералы, никогда не здоровались и не замечали народа. Обходя работы укреплений, новый начальник гарнизона всегда заговаривал с работавшими людьми. Его приветливая, неизменная вежливость со всеми, будь это простой рабочий или самый главный строитель-инженер, особенно расположила к нему рабочих. Быть может, здесь имело место еще и то, что несколько раз бывший майор по окончании осмотра стройки собирал работавших людей и спрашивал их об условиях, оплате работ, о качестве пищи, а также и о том, нет ли у них каких-либо жалоб на начальствующий персонал.

Правда, ни разу никто из рабочих не осмелился пожаловаться генералу, но было замечено всеми, что в дни, когда Ли Гуй-юань появлялся на стройке, администрация работ была вежлива с людьми и давала им хорошие харчи.

Проходя мимо рабочих, закреплявших блиндажи готового окопа, Ли Гуй-юань несколько задержался, осматривая ряд вырытых, но еще не законченных волчьих ям. Возле одной из них, обтесывая кол, работал невысокий, плотный человек, из новых, только-что набранных рабочих. Услыша голос генерала, человек этот вздрогнул, поднял голову и пристально взглянул на не заметившего его взгляда генерала. Топор едва не выпал из рук побледневшего рабочего. Чтобы скрыть свое смущение, он быстро присел на корточки и стал обухом сбивать кору с уже заостренного кола. Бывший майор пошел дальше. Человек на корточках смотрел ему вслед тревожно открытыми глазами.

Оставив работу, двое других нерешительно подошли к нему. На их лицах было беспокойство и страх. Прошла долгая, томительная пауза.

— ... Да ведь это, кажется, наш ко-

мандир... — наконец, еле слышно прошептал один из них и оборвал фразу.

Отошедший уже довольно далеко генерал обернулся. Его взгляд встретился со скорбными, недоумевающими глазами смотревших ему вслед людей. Во взгляде генерала было столько теплоты, так много родного, знакомого чувства, что, еще даже не понимая, в чем же все-таки дело, все трое людей поняли, что мимо них только-что прошел их прежний командир бесстрашного полка имени Советской Москвы.

Если Ли Гуй-юань был талантливым военным, то, несомненно, он был и способнейшим организатором разведки, переустройством которой занялся сам. Работавшие с ним офицеры удивлялись, откуда и где находил время для нее этот неугомонный, всегда точный и исполнительный человек. В течение двух дней он почти целиком разогнал старые штаты агентуры. Новые люди были набраны им. Среди них были и купцы, и матросы, и рабочие порта, и даже пленные красноармейцы, взятые в боях.

Марш красной армии, оставлявшей Хубей, переполошил помещиков провинции, живших по своим деревням и усадьбам. Неизвестно откуда появившиеся красные, то небольшими группами, а то и целыми полками, заливали горную полосу Цзы-Цю. Густые, малоисследованные леса тянулись по склонам уходивших к югу гор. Козьи тропинки шли между скал, то поднимаясь до снегового пояса суровых хребтов, то опускаясь до веселых зеленых лугов. Ущелья, водопады, обрывы с деревьями, переброшенными вместо мостов через быстроходные, крутящиеся потоки, — это были пути, по которым ходили только крестьяне, жители заоблачных, высокогорных деревень.

Глухие леса, с вековыми дубами, с мощными, в три охвата, чинарами, непроницаемой крышей покрывали хребты. Лучи солнца никогда не доходили даже до середины их стволов, застревая

в густой листве и ветвях этих великанов. В лесу было сыро, прохладно и темно, в то время как над горами сияло яркое, субтропическое солнце. На черной коре гигантских деревьев постоянно висел влажный яркозеленый мох. Вокруг сгнивших, осыпавшихся от старости пней пышно рос распутившийся, в сырости папоротник. Влажный, нездоровый воздух и полутьма царили в лесу. Невидимые глазу, роднички, монотонно журча, сбегали с гор. Внизу, под стволами тянулась еле заметная тропинка.

По Ян-цзы, спасаясь от неожиданно возникавших в районе боев, вниз по реке, в направлении к Ичану, уходило много крестьян, молодых, пожилых, старых. Они плыли на плотках, в лодках и на сампанах, вместе со своими семьями, окруженные поросятами, курами, домашним скарбом, пищавшей детворой. Но чаще это были убежавшие от возможной мобилизации в войска одиночки — здоровые, крепкие мужчины, желавшие только работы и покоя.

— Мы ни за кого. Мы не знаем ни красных, ни голубых, — и они с наивностью крестьян, с жадным любопытством расспрашивали попадавших им по реке людей, можно ли найти какую-либо работу на Ян-цзы.

Некоторые из них доплывали до Ичана, где мгновенно терялись в сутолоке порта, растворившись в базарной суете — среди сотен такой же нищей голытьбы. Большинство же, вероятно, прослышав о тяжелой участи, ожидавшей голодных беженцев-крестьян, высаживались или не доезжая до города, или же проплыв и порт, и самый Ичан. Многих из этих молодых крестьян легко можно было встретить среди оборванных, голодных толп кули, искавших какой-либо работы в порту.

В города, со всех сторон провинции, бежали помещики, напуганные таинственным движением красных, появлявшихся то в одном, то в другом месте, не имевших, повидимому, постоянного местопребывания. Наиболее богатые бежали в Хуань, подальше от очагов гра-

жданской войны, другие же стремились в портовые города, поближе к Голубой реке, по которой бродили канонерки и стояли гарнизонами нанкинские полки. Города Иду, Байян и Гуйчжоу были наводнены стекавшимися отовсюду напуганными помещиками. Ичан, как наиболее защищенный портовый и железнодорожный центр, в котором находился сам командующий, генерал Го Жудун, был переполнен сбжавшимися из уездов купцами и помещиками.

Приказ начальника гарнизона о рытье вокруг города окопов вызвал беспокорство среди горожан. В течение следующего дня несколько делегаций от купечества, домовладельцев и промышленного сословия посетили командующего армией, дожидаясь приема. В приемной штаба было тревожно. Слухи о повсеместном движении красных отрядов подтверждались этим приказом. Сотни сбжавшихся в Ичан помещичьих семейств еще более усиливали их, рассказывая о разгромленных усадьбах, о поголовном восстании крестьян, о целых родах и фамилиях, якобы безжалостно вырезанных неизвестно откуда появившимися красными.

Начавшаяся смена частей гарнизона и частичный уход манчжурских полков также напугали служилых и торговых людей. Сидя в шумной приемной Го Жудуна, они не без волнения ожидали встречи с ним.

Здесь был цвет городского купечества, лучшие, именитейшие люди, имевшие солидный кредит не только в Китайском рынке, но даже и в самом «Смешанном Англо-Американском обществе Шанхая». Шелковые магуа, брошенные поверх цветных и белых хитонов, солидные золотые цепи, небрежно свисавшие на толстые животы, дорогие соломенные шляпы, пухлые руки в перстнях и массивных кольцах украшали этих господ, сила и значение которых в финансовом мире Ичана расценивались миллионами до двадцати.

В центре делегации сидел худой, морщинистый человек, резко выделявший-

ся среди остальных простотою своей одежды. На его черном, чесучевом халате скромно поблескивал простой черепашковый лорнет.

Когда входил кто-либо из адъютантов в приемную, человек этот близоруко щурил сквозь лорнет свои умные, пронизательные глаза. Это был известный богач и компрадор Лян Шу-кай, державший в своих руках весь торговый и финансовый мир Ичана. По тому вниманию, с которым относились к нему окружавшие его делегаты, было видно, что он был самым уважаемым и главным из них человеком.

— Осмелюсь просить почтенных господ немного подождать. Сейчас генерал занят.

— Не угодно ли будет выкушать чаю, пока генерал освободится от дел, — любезно предложил один из дежуривших офицеров.

— Военный совет, — разводя руками, пояснил другой, обращаясь главным образом к худому старику с лорнетом.

— В нашей приемной сейчас сидит не менее двадцати миллионов долларов наличными и в бумагах, — усмехаясь, сказал Го Жу-дун, просматривая список делегации. — Вот этот, например, почтенный банкир Лян Шу-кай, один стоит не менее десяти миллионов. Его два парохода и баржи бегают по Янцзы и Юаню. Его хорошо знают и в Йокогаме. Остальные помельче.

Он засмеялся, показывая ряд мелких, жемчужных зубов.

— Когда я встречаю таких господ, как почтенный банкир Лян, я становлюсь социалистом и даже готов несколько разделять точку зрения Советов... Ну, скажите пожалуйста, на что одному старому китайцу десять миллионов? Разве он их все съест или истратит? Действуя по справедливости и для блага Китая, у таких людей следовало бы отобрать половину для укрепления казны.

— А говорят, что у вашего превосходительства тоже можно насчитать не-

сколько миллионов, — возразил, смеясь, фон-Шер.

Все улыбнулись.

— Я солдат. Мне нужно иметь крепкую армию, без денег ее не создашь. Нет, я серьезно говорю, что наши финансисты мало, очень мало жертвуют на армию... — вздохнул Го Жу-дун и, обернувшись к ожидавшему продолжения доклада Вольфу, сказал:

— Итак, продолжаем наше совещание.

Начальник штаба, водя пальцем по карте, доложил:

— Сведения разведки ясно говорят о быстром продвижении оторвавшегося от преследования противника. Где находятся основные силы красных, мы не знаем, но согласно данным, сообщенным штабом главкома, вчера утром занявшим перевал, красные сплошным потоком устремились на юг. Это же подтверждают и попавшие в плен при захвате Да Минь-Ху красноармейцы. По сведениям же, полученным от прибывающих ежедневно в Ичан помещиков, красные отряды направились в высокогорную полосу Мен. Но тут возникают сомнения. Зачем красной армии идти в глухие дебри горных лесов? Дороги там малопроезжимы, деревни редки. Артиллерия не пройдет по горным тропам, лавареты и обозы будут брошены в долинах. Словом, логика говорит о том, что отряды восставших крестьян, подкрепленных местными туфьями¹, а частично и дезертирами из отставших красных, приняты перепуганными помещиками за части корпуса Ма Ту-иня.

Го Жу-дун утвердительно кивнул головой, видя, как внимательно слушавший доклад Ли Гуй-юань сказал:

— Правильно!

— ...Итак, надо считать почти навязанное выясненным главное направление красных частей — это долина по реке Изюхе, между городком Дуньян и горным массивом Юань-Ань.

Рука начальника штаба прошла по карте, указывая названные им пункты.

— Эти пункты нам необходимо теперь же усилить крепкими частями.

¹ Разбойниками.

— Уже сделано. Оба манчжурских полка гарнизона вчера посланы мною в Дуньян, — просто сказал Ли Гуйюань.

Го Жу-дун посмотрел на него взглядом, в котором удивление было перемешано с завистью и восхищением.

— Чорт побери, дорогой друг Ли! Я всегда считал вас гением, но сегодня вы превзошли самого себя.

— Нисколько! Для того, чтобы разгадать несложные маневры красных, нужно только проследить за движением их арьергардов из Да Нинь-Ху.

— Ичан нельзя оставлять без сильного гарнизона. Чем заменены эти полки? — спросил фон-Вольф.

— Я передвигаю к городу 96-й и 99-й полки, стоящие у Лю-До-Хэ.

Фон-Вольф удовлетворенно кивнул головой.

— Направление Дуньян настолько важно, что я, если бы это зависело от меня, немедленно послал бы обе наши канонерки в район Ци-Ли. Красные будут только демонстрировать в сторону Ичана, основной же удар они нанесут именно по Дуньяну, прорываясь на Сычуань. Их главные силы движутся не к югу, как думает штаб уважаемого главкома, — это детская мистификация — а на юго-запад, в район стыка провинций Сычуань—Хубэй.

Мы не должны дать им прорваться к Чуйчжоу. Всеми нашими силами надо перехватить пути. За Ичан бояться нечего. Он хорошо укреплен. Население второй день роет окопы вокруг него. Дороги заняты караулами, гарнизон силен. Точки обороны спешно укрепляются. Противник наш не так глуп, чтобы идти сюда, на берега Ян-цзы, по которому в любой час подойдут канонерки, сюда, где имеется аэродром и двухколейная железная дорога, по которой при первой же опасности с юга и востока примчатся эшелоны солдат. Этот железнодорожный мост, — бывший майор коротким жестом указал через окно, — и эта река гарантируют нас от красных. Их надо ждать в Дуньяне, их надо там разбить и уничтожить.

Он замолчал. Его тонкие губы еще дрожали от напряженного волнения.

Го Жу-дун вопросительно взглянул на фон-Вольфа.

Немецкий советник сказал:

— Согласен со всеми пунктами, выказанными начальником штаба и генералом Ли Гуйюанем, за исключением одного. Гражданская война очень своеобразна и полна самых неожиданных сюрпризов. Она лишена непреложной логики и закономерной ясности обычных войн. Ее стратегия — особая стратегия, и опыт русской революции подтверждает это. В городе Ичане очень сильна коммунистическая партия. В порту много безработных беженцев, рабочих, кули... всякой бедноты. Даже при обходном движении красных подпольным коммунистам не трудно будет устроить здесь небольшой путч... а что, если паче чаяния, красные изменят свой план и атакуют Ичан? Тогда здесь, внутри города, начнется резня... Если уйдут канонерки, то я считаю необходимым усилить хотя бы еще одной бригадой ичанский гарнизон.

Го Жу-дун обрадованно захлопал в ладоши. Все, что сулило ему личную безопасность и покой, все это приводило его в радостное, счастливое настроение.

Ли Гуйюань поднялся и, мягко улыбаясь в сторону фон-Вольфа, сказал:

— Вы, ваше превосходительство, предупредили меня. Ваши весьма правильные слова я именно хотел привести в своей речи, но только после того, как мы, закончив военные дела, перейдем к политическому положению Ичана. Вы весьма точно сказали все, и я позволю себе только дополнить вашу речь еще одной деталью. Это разведка. У нас, по сути, ее нет. То жалкое подобие, которым пользуемся мы, лишено средств и опытных людей. Это позорно! Разведка — глаза и уши армии, и мы обязаны ее создать... и мы ее создадим по примеру и образу германской, которую так прекрасно организовал в мировую войну, господа, ваш знаменитый соотечественник, полковник Николаи... — обращаясь к немцам, сказал Ли Гуйюань. Оба немца молча поклонились.

— ...Затем я хотел коснуться также политической полиции внутри города и цензуры. И то, и другое отсутствует. Полиция развратничает, создает дутые дела, обирает горожан, а цензура не читает не только писем, но даже и простых телеграмм, предпочитая заниматься торговлей и прибыльной спекуляцией чаем.

Го Жу-дун сделал возмущенные глаза и сокрушенно покачал головой.

«Откуда он успел дознаться об этом? Скорее бы приходил главком и убрал к себе в штаб этого всезнайку» — подумал он.

В комнату поспешно вошел дежурный офицер и, извиняюще улыбаясь, пригнувшись к генералу, по-китайски сказал:

— Ваши гости, делегаты от общества Ичана, немножко волнуются. Почтенный Лян Шу-кай просит передать, что его дела не дают ему времени ждать больше.

Го Жу-дун взглянул на Ли Гуй-юаня и, видя, что он слышал адъютанта, по-китайски ответил:

— Сейчас приму... — и, улыбнувшись в сторону майора, добавил: — Что делать. Десять миллионов долларов иногда бывают сильнее, чем угроза от красных банд, — и, переходя снова на английский язык, сказал:

— Итак, мы пришли к общему решению. Это хорошо! Прошу всех в семь часов вечера почтить мой скромный обед.

Немцы встали и, сопровождаемые Ли Гуй-юанем, вышли в боковую дверь кабинета.

Город, река, деревня — все должно быть пронизано агентурой. Точные данные разведки — это больше, чем выигранный бой, — сказал он Го Жу-дуну, когда испуганный расходами командующий попытался сократить отпущенные ассигнования. Для того, чтобы полностью разгадать план движения красных через Хубэй, генерал перебросил через фронт свыше тридцати агентов, нанебрав половину из них среди крестьян и безработных порта. Когда кто-

то из полиции робко предупредил его, сообщив, что среди этой агентуры имеются и подозреваемые в коммунизме люди, Ли Гуй-юань рассмеялся и сказал:

— Из ста агентов разведки семьдесят пять всегда работают за деньги. Это — аксиома. Я уверен, что из моих ушедших тридцати двадцать агентов не вернутся вовсе, а пятеро принесут ложные донесения. Из остальных добросовестных пяти только двое-трое окажутся ценными, но этого-то мне и достаточно. Их сведения будут тем самым материалом, из-за которого я бросил через фронт тридцать человек. Словом, задача будет выполнена целиком. Что же потеряю я? Ненужных мне двадцать людей? Это даже хорошо.

— Я сам того же мнения, мне только жаль, что это стоит нам таких бешеных денег, — уныло сказал Го Жу-дун.

— Хорошие сведения стоят огромных денег, — успокоил его бывший майор. — Кстати, отчего вы не обложите на это дело особым налогом имущих людей Ичана, всяких там Лян Шу-каев и прочих богачей? Мне кажется, что на дело разведки, именно они обязаны дать большие средства.

— Прекрасная мысль. Я и сам как-раз думаю об этом... — поспешно согласился Го Жу-дун, умалчивая о том, что со всего финансового мира Ичана им давно были собраны всевозможнейшие налоги на пять лет вперед.

— Кстати, дорогой друг Ли, — вспомнил Го Жу-дун, — вы знаете, что мне по секрету прошлый раз на приеме сказала эта старая обезьяна, банкир Ли?

Тут командующий огляделся по сторонам и, хихикая, полушопотом сказал:

— Он советовал мне... быть с вами... поосторожней! Ха-ха-ха! Вы понимаете, о чем он говорил? Он считает, что уход моих манчжур несвоевременен, что излишняя осторожность пугает горожан и создает базарные слухи о нашей слабости и что смена начальника полиции, а также и отставка других чинов дезорганизуют наш и без того не слаженный аппарат. — Какова свинья, а? — возмущенно воскликнул командующий.

— А что вы ему ответили на это?

— Ну, понятно, оборвал... и притом даже очень резко. Я ему сказал... что... его дело — это финансы и торговля... и чтобы он не вмешивался в мои военные дела. Да! Не вмешивался! — на-лету сочинил командующий, забывая сказать о том, что в ответ на жалобы банкира он горестно вздохнул и молча вынул из стола телеграмму главкома, в которой последний поручал ему майора. «Что я могу сделать с этим?» — горестно пожимая плечами, спросил Го Жу-дун, глядя на хмурого банкира, недовольно перечитывающего телеграмму главкома.

— Благодарю вас. Я ожидал от вас именно такого ответа, — переходя к следующим делам, сказал Ли Гуй-юань, не поверив ни слову из всего того, что сочинил его выхоленный собеседник.

Возвращаясь домой после осмотра построек, автомобиль Ли Гуй-юаня был задержан недалеко от базара огромной толпой сбежавшихся отовсюду и запрудивших улицу зевак. Полицейские, разгоняя их длинными бамбуками, били по головам, плечам и рукам заслонявшихся от ударов людей. Гомон, отдельные голоса, крики, висели над толпой. Караван из мулов и маленьких серых осликов стоял в стороне. Заслышав гудки машины, толпа людей подалась назад, но узкая, скупо вымощенная плитами и каменными обломками уличка была проходима для машины только вдоль стены. Видя, что нелегко проехать через этот кишачий людями муравейник, Ли Гуй-юань приоткрыл дверцу и вышел из машины. При виде важного генерала толпа подалась в сторону, а бамбуки полицейских яростнее запрыгали по головам.

Войдя в самую гущу расступившейся толпы, генерал в изумлении остановился.

Посреди улицы, раскинув руки, лежал с пробитой головой человек, сжимая в руке черную рукоятку револьвера. Рядом с самоубийцей валялась окровавленная соломенная шляпа, такая, какие во множестве носят крестьяне и ремес-

ленники по всему югу Китая, начиная от Цзяши и до Кантона.

Над трупом, стоя на коленях, рылись в большом белом, испещренном серебряными узорами, гробу двое полицейских. Один из них, сержант, не поднимая головы, копаясь внутри гроба, кричал полицейским:

— Не подпускать сюда никого. В случае неповиновения — стреляйте!

Но толпа, не слушая угроз полицейских и их бамбуков, сейчас же сомкнулась за Ли Гуй-юанем. Сотни любопытных глаз, десятки голов, налезавших друг на друга и высывающихся из-за спин передних, снова окружили место, где лежал самоубийца и полуразбитый гроб.

— Вот еще, вот... — отбивая тесаком доску, крикнул сержант и поднял голову, глядя на подошедшего к нему вплотную человеку. Желтые военные краги и блестящие европейские ботинки заставили его поднять голову. Увидя начальника гарнизона, он быстро вскочил и поднес руку к голове.

— Что здесь такое?

— Пулеметы в гробу, в разобранном виде... — тараща на генерала глаза, крикнул сержант.

— Пуле-меты? А это кто? — едва касаясь носком ботинка трупа, спросил генерал.

— Один из везших гробы. Другой скрылся.

— Это красные! Они хотели провезти в гробах пулеметы... но мы сразу разгадали, в чем дело, — хвастливо доложил сержант.

— Этот убил себя, когда упал с мула и разбился гроб, — добавил другой полицейский.

— С какого мула?

— Вон с того! С пегого.—И, видя, что генерал все же не понимает его, полицейский пояснил: — Они везли гробы и сказали страже, будто везут умерших.

— Мы думали, что это погонщики, — подтвердил третий полицейский.

— Мы думали, что там лежат мертвецы, ищущие погребения в своих краях... а там, смотри что: пулеметы и патроны.

— Как вы догадались об этом? — внимательно всматриваясь в сержанта, спросил Ли Гуй-юань.

— Да мы бы и не узнали, если бы не мул. Он упал в канаву, гроб разбился и из него посыпались патроны, — продолжал словоохотливый полицейский.

— Какие хитрые, эти проклятые красные, — использовать мертвых и наши старые, народные привычки, — покачивая головой, сказал один из стоявших вблизи людей, все же опасливо косясь на полицейских. Видя, что говорившего не оборвали, другой, в шелковых туфлях и чесучевом халате, похожий на лавочника или менялу, горестно вздохнул:

— Подумать только! Каждый день здесь проходят караваны. Кто знает... быть может... — но он смолк, видя, как генерал, не слушая его, направился к своей машине, которую медленно провёл через толпу шофер.

Как только машина тронулась, палки полицейских с удвоенной энергией заходили по головам отхлынувших назад любопытных.

На следующее утро Ма Ту-инь догнал свой корпус в одной из горных деревушек уезда.

Отсюда уже начинались районы Дуньян, Ичан и Цзы-Ли. Горы разделяли их. Нетронутые вековые леса бескрайним морем затаили горы до самого горизонта. Сосны, чинары, дубы, гранатовые деревья, тополи и айланты чередовались в этом зеленом море, сходя террасами к долине, где в зелени посевов, далеко внизу, бежала желтая, быстрая река Хэ.

Путь красной армии шел горной полосой. Пропасти, ущелья, скалы, дороги, вьющиеся по хребту, местности без деревьев, без людей, с редкими кумирнями на перекрестках нескольких троп, в которых трижды в день гудит медный колокол да возле бронзового будды застыл в таком же молчании престарелый хо-шан¹.

В штабе корпуса было тихо. Штаб расположился в небольшом доме, построенном из бамбуковых, обмазанных глиной, плетенок, с двускатной крышей, на случай проливных дождей. В окна, затянутые вошеной бумагой, слабо пробивалось солнце, через открытую дверь вливался свет. На широком кане², занимавшем добрую половину комнаты, сидели комиссар корпуса Чен Чина-цзю, Сян, Ван Ин и однорукий Сун. Они приподнялись навстречу комкору, жестом усадившему их обратно на кан. На низком, шестиугольном столе была еда — моченый горох, длинные, красноватые клубни батата³, вареная утка, рис и засоленные овощи, заменяющие перец и соль. Появление Ма Ту-иня прервало их обед. Комкор, голодный и усталый, молча присел возле Суна и, взяв мучнистый картофель, разломил его пополам. Говорить ему не хотелось. Бессонные ночи утомили его. Он медленно ел, макая утку в солония, послушно прислушиваясь к тому, что говорили ему за едой товарищи. Завтра надо было двигаться дальше. Три пути шли на Ичан. Туда, где один из ушедших героев взорвал этот проклятый мост. Сегодня надо было выбирать маршрут.

Ему очень хотелось спать. Чувствуя, что силы совсем оставляют его, он широко зевнул, рассмеялся и, вытирая бумагой пальцы и рот, сказал:

— Товарищи! Разбудите меня через сорок пять минут, через час будем совещаться, — и, стаскивая на ходу потертый, английского покроя, френч, лег на кан, заходивший под ним.

Ичан, мост, лицо майора и сидевшие возле него товарищи — все это заходило, завертелось в мозгу. Он еще раз сильно и устало зевнул и словно провалился в небытие.

Он не слышал, как его сотрапезники, прерывая еду, тихо, на цыпочках, вышли из комнатки, завесив бледные, бумажные окна черным сукном.

Он не слышал и того, как во дворе кто-то срывающимся, усталым голосом

² Лежанка.

³ Сладкий картофель.

¹ Буддийский священник.

спросил, где командующий корпусом Ма Ту-инь.

Комкор спал глубоким, крепким сном и не слышал, как за стеною пришедший издали человек упорно повторял опрашивавшим его людям:

— Пакет комкору в собственные руки... — Из Ичана!

По уже ставшей привычкой манере военных людей, разбуженный Ма Ту-инь сразу же поднялся и припомнил, где он находится и кто окружает его.

— Товарищ Ма! Разведчик с пакетом из Ичана, — нагибаясь к уху комкора, сказал Сун.

Подавляя зевоту и сон, комкор впросительно взглянул на говорившего.

— Но это не из комитета. У него к вам личный пакет...

— Давай его сюда, — прерывая адъютанта, сказал Ма-Ту инь и поспешно встал. Надевая френч, он нервно прошелся по комнате.

...Гонец мог быть только от...

В комнату, в сопровождении Суна, вошел крестьянин средних лет, с усталым, возбужденным лицом. Его синяя, латанная кофта была грязна. Соломенные сандалии изорваны и сбиты набок. Следы от пота пробороздили его бронзовое, запыленное лицо, и только глаза ясно и свежо смотрели на комкора.

— А-а!... — сказал Ма Ту-инь.

— Срочный пакет от командира... — доставая из-за пазухи смятый конверт, сказал вошедший.

Комкор взял пакет и отошел к окну. Адъютант и разведчик выжидающе смотрели на него.

Ма Ту-инь узнал мелкий, почти женский, почерк майора.

«Дорогой друг! Сегодня все будет сделано. Задача, поставленная партией, выполнена. По мере сил я тоже помог этому. Основные силы врага ожидают вас в районе Дуньян-Ци-Ли, куда корпусу следует только продемонстрировать. Главный удар, быстрый и точный, наносите теперь же сюда, на Ичан. Сейчас город беззащитен, в нем два батальона 39-го полка, эскадрон кавале-

рии и рота манчжур из охраны Го Жундуна. Остальные части мною перемешаны и посланы в Дуньян. Манчжуры уведены, канонерок нет. Спешите, пока весте о взрыве не откроет глаз Го Жунду. Мой привет товарищам по корпусу и полку.

Ваш «маленький верденец».

Письмо было написано по-английски, на дорогой рисовой бумаге.

Слова «демонстрировать» и «спешите» были дважды подчеркнуты.

Внизу стояла короткая приписка, заставившая сжаться сердце комкора.

«Прощайте, дорогой друг Ма. Я очень устал».

Слово «прощайте» было надписано над перечеркнутым словом «до свиданья».

Комкор прошелся по комнате и задержался у окна. Ему было тяжело. Эта короткая приписка говорила больше, чем само письмо. Глядя в окно сухими, выжженными скорбью глазами, он глухо сказал.

— Собрать военный совет. Корпусу готовиться к выступлению.

Через мост проходил поезд. Наверху бойко простучали колеса. Гулкие, нарастающие шумы, заметное дрожание свай, свисток и дым пробежали над рекой. Колеса уже стучали вдалеке. Под мостом прошел пароход. Небольшой, пузатый «купец» с грязной палубой и пронзительным гудком. Саперов обдало вонью прогорклого бобового масла, перемешанного с запахом несвежих овощей. Толстый хозяин судна, задрав круглую бритую голову, разглядывал солдат, возившихся на фермах моста. Молодой китаец, чистивший на палубе овощи, смеясь, замахнулся луковицей на солдат. Один из саперов показал ему кулак. Оба мирно и добродушно рассмеялись, и корма «купца» прошла под мостом.

Было прохладно и темно. Плескалась волна. Иногда пробивались лучи солнца сквозь свай, и тогда оживала, смеялась темная вода.

Еще пароход и лодка прошли по ре-

ке. Высокая мачта джожки с покачивавшимися на ней цветными выпелами прочертила под мостом.

У берега шли плоты. Лодка с квадратным, трепыхавшимся по ветру, рогожным парусом, ползла впереди них. Натянув длинные канаты, вереницей шли почти голые, бронзовые люди, таща за собою караван плотов.

Их потные тела поблескивали на солнце. Короткие, хриплые возгласы «Их-ха-оо-о!», похожие на стон, глухо добегали до солдат.

— Прокладку основного шнура кончили, — подходя к опершемуся о перила Ли Гуй-юаню, доложил офицер.

— Проводите вторую, запасную магистраль, — не отводя глаз от реки, сказал генерал.

— Уже проведена! Мы всегда ведем две магистрали, запасную и основную.

— Благодарю вас, капитан. Как идет вязка снарядов?

— Заряды для быков готовы. В каждой вязке по восьми больших, толстых шашек. Для балок же, так как они клепаные и составные, мы готовим другой заряд. Мы подвязываем под них связки мелинитовых шашек, перемежая подрывную линию малыми соединительными шашками. Согласно инструкции, — сказал офицер.

— Вы хорошо знаете свое дело! Где вы учились инженерному делу? — спросил генерал, глядя с интересом на расторопного офицера.

— В школе Ванпу, а затем на инженерном отделении академии в Нанкине, — польщенный вниманием генерала, ответил офицер. И, глядя почтительными глазами на Ли Гуй-юаня, добавил: — Мой курс, к сожалению, опоздал и не мог слышать ваших лекций, но офицеры, окончившие академию, всегда с гордостью вспоминали о вашем превосходительстве.

Ли Гуй-юань пристально взглянул на молодого офицера, молча пожал ему руку и отвернулся.

Огромная река могуче несла к морю свои воды. Желто-бурые волны перекачивались по ней. Левый берег, песчаный и низкий, уходил в зеленеющие рисовые поля. Город вытянулся по нему.

Над Ичаном стояла голубая мгла... Ласточка крылом прочертила след и взметнулась над водой.

Снизу раздался голоса. Саперы, вошедшие на фермах моста, установили заряд. Офицер по веревочной лестнице спустился вниз для проверки работы.

— Все готово, ваше превосходительство. Четыре связки зарядов, все с детонирующими шнурами, по 20 килограммов каждый, — крикнул он ожидавшему его Ли Гуй-юаню.

— Как рассчитаны?

— С установкой на обрушение моста. Раствором вниз, по наклонным линиям ферм.

— Вы прекрасный сапер, — снова похвалил генерал и приказал солдатам опустить его в люльку под мост.

Осмотрев прокладку сети и крепление зарядов, генерал удовлетворенно кивнул головой. Работа была сделана хорошо. «Даже французские саперы не смогли бы лучше установить фуфасы...» — подумал он.

Гроздь обернутых в холст, перевязанных бечевкой зарядов, расположенных рядами, унизали фермы и балки моста. Сердце майора сжалось. Он тихо сказал:

— Очень хорошо! Я доволен вами, капитан, а теперь попробуйте приращивать источники тока к концам магистрали.

Офицер с удивлением взглянул на генерала. По инструкции, обязательной для всех, приращивание тока производится лишь перед моментом взрыва, в ином случае оно категорически воспрещается.

— Но...

Генерал засмеялся:

— Вы хотите сказать об инструкции, но это будет пробой, через десять минут мы разведем концы.

Прирастив концы, они поднялись наверх. Теперь весь ичанский мост представлял собой огромную, страшной силы, мину, начиненную толлом и мелинитом.

— Простите, ваше превосходительство, за вопрос. Разве наше положение в Ичане так скверно, что мы должны

быть готовы ко взрыву моста? — спросил офицер.

— Нет. Ичан и его укрепления в прекрасном состоянии, но я, когда еще учился за границей в академии, а затем сам стал читать лекции в академии, всегда считал главным в военном деле — быть готовым ко всему.

Офицер не много понял из слов генерала, но, успокоенный, согласился с ним, глядя на Ли Гуй-юаня восторженными глазами.

Они прошли вдоль моста и остановились около сапера, укладывавшего под поперечные балки моста фигурные заряды, от которых, свисая, тянулись красные шнуры. В открытых ящиках лежали круги бикфордова шнура. Широкоскулый сапер, словно сосиску, разрезал ножом один из свисавших над балкой стопинов¹ и бросил обрезок в ящик.

Сзади проходили саперы. Закончив крепления и установку зарядов, они вылезали из-под свай, собираясь вокруг офицера. Последним пришел сержант, узкоплечий человек с интеллигентным, сосредоточенным лицом.

— Все готово, установка подрывных закончена. Электросеть и вводы проведены, магистраль соединена, — доложил он своему офицеру.

— Люди все в сборе? — перебил его генерал.

— Все!

Саперы собрали разбросанный по мосту и путям материал. Кусачки, обрывки провода, пила-нож, ручной бур для сверления быков...

Они складывали их в зеленые армейские сундучки, обшитые железом по краям.

Генерал что-то хотел спросить офицера и вдруг, что-то припоминая, озабоченно сказал:

— Капитан, мой друг... Я совсем забыл о том, что источники тока соединены. Надо будет их раз'единить, а пока прошу вас, пройдите к телефону мостовой охраны, соединитесь с моим штабом и передайте, чтобы сейчас же

вызвали туда коменданта, и затем возвращайтесь. Я хочу побеседовать с вами, вспомнить нашу академию.

Офицер благодарно взглянул на него, отдал честь и, забирая с собой закончивших работы людей, быстрым шагом пошел по мосту. Солдаты гуськом потянулись за ним, и только один широкоскулый сапер все еще ползал на коленях, собирая свой раскиданный инструмент.

Он с удивлением посмотрел на генерала, пристально глядевшего вниз на Ян-цзы. Солдату показалось, будто генерал что-то тихо сказал. Сапер вскочил на ноги и на всякий случай громко спросил: «Чего изволили сказать, ваше превосходительство?».

Генерал поднял на него глаза. Долго и будто в раздумьи разглядывая, он сказал:

— Изволил я следующее... Догони скорее своего офицера и возьми у него... — он сделал паузу, — возьми... бинокль. Понял? — найдя, наконец, нужное слово, сказал генерал.

— Так точно. Понял. — И солдат, перескакивая через шпалы, побежал по мосту. Отбежав шагов пятьдесят, он вдруг припомнил, что генерал как будто бы собирался еще что-то сказать ему, он повернулся, чтобы вернуться к нему, и вдруг присел на корточки и в ужасе завыл.

Два стопиновых шнура, только-что установленных им на фигурном заряде, горели, охваченные ярким, быстро несущимся пламенем.

В стороне, опершись на перила спиной, неподвижно стоял генерал.

Потом раздался взрыв, один, другой, третий.

Мост рванулся и заходил под солдатом. Обезумев от страха, он вместе с рухнувшими вниз балками провалился в Ян-цзы. Обожженный, придавленный, он лишь случайно не погиб, будучи выловлен бросившимися с берега лодочниками. К вечеру того же дня он умер, успев перед смертью дать показание следователю.

Таково было показание на следствии солдата саперной команды, Чен И, 39-го полка, 12-й Ханькоуской дивизии.

¹ Проселитренный и пропитанный порохом шнур.

Начальник саперной команды, капитан Ку, давая свои показания следователю по особым делам, полковнику Му Чан-лину, нарисовав ту же картину, добавил следующее:

— Когда я с моими солдатами оставил генерала на мосту, с ним был только сапер Чен И. Как произошел взрыв, сказать не могу, так как, подходя к берегу, мы услышали пронзительный крик, за которым раздался оглушительный, страшной силы, грохот. В воздух взлетали куски железа, конструкции, и балки рухнули вниз, развороченные быки осыпались в воду. Дым, огонь, пыль и мгла окутали место катастрофы, а над всем этим гремели новые раскаты взрывов. Внизу под мостом каскадами взметалась вода и бешено кружилась, словно в водовороте. Это был ад!

— Из поведения генерала Ли Гуйюаня и его беседы с вами не возникает ли у вас мысли, так сказать, подозрения о том, что взрыв, вольно или по неосторожности, но совершен именно им? — пытливо глядя, спросил следователь.

— Что вы! Ни на одну секунду. Наоборот, он просил меня скорее вернуться и поговорить об академии, которую окончил я и в которой генерал читал лекции.

— Та-ак! А о чем он еще говорил? Вообще припомните возможно точнее весь ваш разговор на мосту с момента приезда туда генерала.

Офицер, напрягая память, медленно и довольно точно воспроизвел почти целиком всю беседу на мосту. Однако умолчал о том, что концы источников тока были им приращены к зарядам.

— Чем же вы объясняете этот ужасный взрыв?

— Небрежность погибшего сапера. Этот солдат всегда отличался неаккуратностью в работе. К тому же он был наркоманом, проводившим ночи в курильнях. Возможно, что он закурил или же вообще был как-нибудь небрежен с зарядом.

— Ваши солдаты показали, что концы проводов запалов были соединены с источниками тока. Верно ли это?

Офицер покраснел и коротко ответил:

— Да, верно.

— Вы ничего не сказали об этом. Однако инструкция для подрывников ясно говорит о том, что это недопустимо. Почему это случилось?

Офицер промолчал. На повторный вопрос следователя он сказал:

— Это было сделано в виде пробы по просьбе генерала.

Полковник сухо сказал:

— Однако сержант и все солдаты вашей команды подтверждают, что они сами слышали, как генерал перед вашим уходом приказал вам разединить провода. Верно это?

Офицер сильнее покраснел.

— Да! Но я не успел сделать этого.

— Ввиду неясности ваших показаний мне придется еще два-три раза опросить вас. На это время вам следует находиться в комендатуре штаба.

— Это значит, что я... арестован?

— Не-ет! Зачем арестован? Просто временно задержаны для ясности следствия, — сказал, поднимаясь, следователь и крикнул через дверь: — Вести следующего...

— Мы думали, что наступил последний день для Ичана. Так ужасен был взрыв и так бешено рухнул мост в реку. Мы видели только пламя, дым и волны, — в один голос повторяли следователю потрясенные, перепуганные солдаты.

Лодочники, солдаты охраны, плотовщики и матросы порта, бросившиеся к месту катастрофы, своими показаниями не внесли ничего нового.

Они видели дым, пламя, несущиеся по воздуху обломки... Грохот был так силен, что эхо его многократно отозвалось на реке.

— Я думал, что затряслась земля. Ноги мои подкосились, и я упал.

— Река пошла обратно... Вот что подумал я, как только кинулся к мосту на своей лодке.

— Волны больше дома поднялись и бросились к берегу. Водовороты кипели и мешали нам грести, — добавил другой.

И, наконец, последнее показание плотовщика, вытащившего из воды, далеко ниже моста, безжизненное искромсанное взрывом тело генерала:

— Нас страшно напугал грохот и ужасное пламя, охватившее мост. Мы упали на колени, радуясь, что на каких-нибудь двадцать минут раньше взрыва прошли под этим проклятым... — он умолк, боязливо посмотрев на следователя, и, видя его нетерпеливый жест, продолжал: — мостом. Вдруг левый рулевой Янь и я увидели, как что-то большое и тяжелое, словно камень, упало по боку от плота. Мы думали, что это обломок железа или бревно. Янь испугался и закрыл руками лицо, а я успел разглядеть, что это человек... Я крикнул: «Ребята, человек это... не бойтесь» Ен Чи, Жень Хэ и я бросились в воду, а Янь не пускал нас, умоляя не прыгать. Он думал, что это оборотень. Мы ныряли, и я с Ен Чи вытащили этого важного господина. Он был избит, изранен, обожжен. Мы сделали ему тун-хин-чао¹, но это мало помогло. Вода вышла, но он сам был все время, как мертвый. Мы слушали его сердце, и никто не услышал его. А потом пришли солдаты и увезли тело с собой. Вот и все.

На этом кончился первый спросный день дознания по поводу взрыва большого ичанского моста.

Взрыв моста произошел настолько неожиданно, что Го Жу-дун в первый момент даже не сообразил, о каком мосте докладывал ему перепуганный адъютант.

Поняв, наконец, в чем дело, он опустился в кресло и долго молчал. Трясущийся, бледный, он совсем не походил на командира армии, скорее это был неудачливый, разорившийся купец-акционер, узнавший о крахе своей обанкротившейся фирмы.

Первый день дознания не дал ничего особенного. Следователь, полковник Му Чан-лин, сообщая генералу показания опрошенных им лиц, подчеркнул полную неясность и разноречивость выводов следствия.

— В этой весьма запутанной картине пока трудно найти истину, хотя кое-что уже определяется, — выслушав доклад следователя, сказал Го Жу-дун.

— Например? — сердито спросил фон-Вольф.

— Ну, хотя бы, исключительное внимание и заинтересованность генерала Ли Гуй-юаня в минировании моста... Его внезапный уход от красных и появление здесь...

— Прошу извинить, ваше превосходительство, но в уже рассмотренных мною делах имеется приказ, отданный свыше генералу Ли, о минировании ичанского моста, — осторожно вставил следователь.

— Свыше? — наморщив лоб, переспросил Го Жу-дун. — Откуда же свыше?

— Из вашего штаба. Приказ № 109 о немедленном начатии подготовительных работ по укреплению обороноспособности города и порта за вашей подписью.

Фон-Вольф уничтожающе поглядел на вытянувшееся лицо командарма. Следователь продолжал:

— У меня с собою в делах имеется этот приказ, — и, порывшись в куче бумаг, сказал: — Вот он! Разрешите я прочту его. «Приказ штаба отдельной Ичанской армии № 109. Параграф седьмой: территорию на участке реки Ян-цзы, от деревни Мя-Ту-гоу, включая порт и береговую линию города Ичан и вплоть до складских помещений и пристаней, ниже канала Бутун, считать на военном положении. Немедленно же приступить к укреплению обоих берегов реки, для чего, силами мобилизованного для работ населения, возводить насыпи, рыть окопы, провести необходимые сооружения временного порядка, установить сеть проволочных заграждений...».

— Это да... помню! — успокоенно кивнул Го Жу-дун.

— «... усилить речную охрану, удвоить число сторожевых катеров, установить большее количество прожекторов. Осмотр проходящих судов и недопуск их к запретной зоне возложить на команды катеров. Определить два прохода для судов под мостом, строго следя за выполнением настоящего приказа...».

¹ Искусственное дыхание.

— Так, так. Совершенно верно! — соглашался командующий.

— «... ввиду особенностей военного времени минировать подступы к мосту, а также и самый мост через Ян-цзы, но с тем, чтобы электронисточки, впредь до особого распоряжения, не были введены в сеть. Усилить наличный состав охраны моста, возложив на командира части ответственность за соблюдение данных инструкций».

— Ваша подпись, — почтительно повторил следователь.

— Не помню этого пункта! Возможно, что я и подписал его. Генерал Ли Гуй-юань давал мне так много всего для подписи.

— Давайте поговорим прямо, — грубо перебил его фон-Вольф. — Взрыв моста — дело огромной важности, и это — не случайность. Взрыв — результат умной и хорошо продуманной работы. К чорту всякие экивоки, намеки, церемонии и таинственность. Я, ваше превосходительство, не в меньшей мере отвечаю вместе с вами перед главнокомом, а в смысле военном — даже больше. Ведь я солдат, профессионал, прошедший три войны, и у меня под носом взрывают объект исключительной важности. Так давайте же прямо и по-солдатски резко говорить о деле. — И, обращаясь к обоим, и следователю, и Го-Жу-дуну, сказал: — Говорите, какие еще у вас есть улики против генерала Ли Гуй-юаня?

— Прямых улик нет, если не считать преждевременного минирования моста.

Фон-Вольф нетерпеливо перебил его:

— Это дело индивидуальное. Я, лично, поступил бы так же. Все надо предусмотреть и подготовить заранее, тем более, что предупредительные меры были приняты генералом. Судя по вашему же докладу, офицер-сапер нарушил инструкцию, весьма подозрительно «по-забыл» выключить ток.

Следователь молча кивнул головой.

— Неосторожность солдата так же могла быть причиной взрыва. Помимо этого, очень может быть, что среди солдат саперной команды или охраны моста есть коммунисты. И этот ловод не надо забывать при ведении следствия.

— Сведения о солдатах собираются, — сообщил следователь.

— Прошу не подумать ложно о моих высказываниях, — смиренно сказал Го Жу-дун, — я меньше всего подозреваю в этом ужасном деле нашего общего, несчастного друга генерала Ли. Ни на одну секунду. Как можно это даже предположить, чтобы хладнокровно самого себя бросить в море огня, в эту ужасную бушующую смерть.

Фон-Вольф жестом перебил его.

— О нет! В этом вы как-раз неправы. Коммунисты, идущие на смерть, вряд ли испугаются... — он почти издевательски повторил, — «моря бушующей смерти». А особенно такие люди, как Ли Гуй-юань, если только он коммунист. Вот тут-то, по-моему, и находится разрешение нашего вопроса. Вот что следует всеми силами выяснить нам. Кстати, как генерал? Еще жив?

— Пока жив. Но все время без сознания. По словам дежурящих при нем врачей, он умрет ночью.

— Надо привести его в сознание. Есть же какие-то сильные врачебные средства, необходимо добиться этого.

— Какой ужас! Какой ужас! — покачивая головой и лицемерно поднимая глаза, простонал Го Жу-дун.

Фон-Вольф холодно поглядел на него, переждал и продолжал:

— Ввиду происшедших событий, необходимо пересмотреть все мероприятия генерала. Информируйте теперь же обо всем главноком. В противоположность вам у меня нет подозрений против генерала Ли Гуй-юаня, но, как военный специалист, я должен быть готовым ко всему.

Искромсанное, обожженное взрывом тело Ли Гуй-юаня уже сутки лежало в военном лазарете при комендатуре Ичанской армии. Трое врачей неотлучно находились при нем, из Гуйчжоу был вызван известный тибетский лекарь, бывший ламаатский гыген¹. Но и таинственные снадобья прославленного лекаря не помогали. Оглушенный страшным взрывом, полузадохшийся в воде

¹ Гыген — духовное лицо, вроде игумена монастыря.

Ли Гуй-юань умирал. Несмотря на повторные впрыскивания камфары, он не приходил в сознание. Его переломанные ноги были в лубках, разбитая голова забинтована, все обожженное лицо бывшего майора было стянуто марлей, и только левый глаз, безжизненный и мутный, виднелся из-под ваты и бинтов.

Изорванное, залитое кровью платье майора было тщательно обыскано полковником Му Чан-лином, но ничего такого, что могло бы навести следствие на верный путь, найдено не было. Наоборот, в записной книжке, взятой из мундира Ли Гуй-юаня, были записи, помеченные в день взрыва, о том, что нужно сделать в этот и на следующий день.

Такие например записи, как:

«... Установить четыре ночных поста с патрулями на северо-западной дороге, идущей на Цзы-ли».

«... Подготовиться и принять участие в ожидающемся у командарма совещании».

«... Не забыть о замене в батареях дивизии устаревших орудий новыми, системы Крезо (75 мм.)».

«... Обязательно на этих же днях снова побывать на стройке».

«... вызвать для переговоров капитана порта».

«... посетить муниципалитет и городское самоуправление Ичана. Познакомиться поближе с руководителями торговых и финансовых кругов».

Но Ли Гуй-юань обманул врачей. Прошли сутки, кончались вторые, а он попрежнему недвижно лежал в лазарете. Вечером, часов в семь, раненый неожиданно пришел в себя. Дежуривший около него врач, совершенно уверенный в том, что больной к ночи умрет, вышел на несколько минут из покоя. Вернувшись, он изумленно остановился, видя устремленный на него живой, осмысленный взор генерала. Врач нагнулся и провел рукой над глазом больного. Глаз закрылся, но, как только доктор отнял руку, больной так же внимательно смотрел на него.

— Вы слышите меня?.. — не веря себе, спросил врач.

Генерал несколько секунд молчал, затем вместо ответа он медленно закрыл глаз.

Дежурный поспешно выбежал в коридор и, торопясь, позвонил в комендатуру, сообщив о том, что умирающий пришел в себя.

Через двадцать минут фон-Вольф, Го Жу-дун и следователь, полковник Му Чан-лин, уже были в лазарете у кровати генерала.

Но все было напрасно. Больной не отвечал, хотя было видно, что он узнал стоявших вокруг него людей. Раза два он силился что-то произнести, но вместо слов из-под бинтов вырвался такой мучительный стон, что Го Жу-дун и фон-Вольф только переглянулись.

— Никакой надежды... может быть, еще проживет до утра. Ужасные, исключительные ожоги, — провоячая высоких гостей, доложил старший врач.

Когда дверь за посетителями закрылась, дежурному показалось, будто слабая улыбка оживила безжизненное лицо генерала, а его зрачок иронически сверкнул, но, всмотревшись, он сейчас же отогнал от себя эту нелепую мысль.

В тот вечер, казалось, все ополчилось против Го Жу-дуна. Не успел командующий, вернувшись к себе, переодеться в шелковый халат, как его вызвали к проводу в переговорную.

В аппаратной уже находились начальник штаба, капитан фон-Шер и несколько чинов штаба.

По комнате в сжидании Го Жу-дуна ходил крупными шагами фон-Вольф. Два телеграфиста работали над лентой, переписывая ее на листы. Пожилой китаец с усталым, равнодушным лицом принимал телеграмму, изредка постукивая по ручке приемника. Лента с мягким треском плыла по столу, ложась к ногам телеграфиста легкой, кружевной волной. За окном виднелась фигура часового и острый конец примкнутого к винтовке штыка. Поднялись, бросая на пол недокуренные сигаретки, офицеры, курившие в углу.

— Что случилось? — переводя дыхание, спросил Го Жу-дун.

— Красные атакуют Дуньян. Сегодня в четыре часа дня их авангарды внезапной атакой захватили ряд селений во круг него, — доложил начальник штаба, разворачивая ленту.

— Сейчас идет бой по всему фронту, от Дуньяна и до Цзы-Ли. Наши полки сдерживают красных, готовясь к контратаке. Вот донесение начальника манчжурской дивизии, которая первой приняла удар.

«Очень своевременно была послана туда эта дивизия», — подумал Го Жудун, забывая, как сильно противился он этому, когда Ли Гуй-юань двинул в Дуньян манчжур.

Словно угадывая его мысли, фон-Вольф сказал:

— Красные атакуют именно там, где неделю назад предсказал генерал Ли Гуй-юань.

... Из опроса захваченных в бою пленных видно, что на линию Дуньян—Цзи-Ли наступают части 6-го корпуса красных, Пэн Де-хуая, перемешанные с несколькими полками седьмого корпуса, командира Ма Ту-иня.

Аппарат смолк. По донесению генерала, ведшего бой, атаки противника почти везде были отбиты. Манчжуры ночью собирались атаковать позиции красных, повидимому, утомившихся и ожидавших подхода остальных сил.

— Там начинается генеральное сражение, надо помешать красным прорваться через Дуньян. Их надо разгромить, — припоминая слова майора, сказал важно Го Жудун.

— Теперь нам следует ожидать демонстрации против себя, — сказал начальник штаба.

Го Жудун вопросительно взглянул на Вольфа. Немец ухмыльнулся:

— Они натолкнутся на крепкий орешек. Они поломают на нем свои зубы.

Начальник штаба кивнул головой:

— О, да! Генерал Ли Гуй-юань превратил Ичан во второй Верден.

Немцы промолчали. Сравнение с Верденом было несколько неудачным.

— А по-моему, этого не будет, — сказал фон-Шер. — Какая тут демонстрация, когда красных частей нет не только у Ичана, а и вообще в уезде.

Демонстрировать против нас надо все-таки солидными силами.

Фон-Вольф покачал головой.

— Гражданская война, прошу вас не забывать этого и не смешивать ее с обычной войной. В уличном бою, начатом сотней солдат, прорвавшихся в город, мгновенно принимают участие тысячи штатских людей, борющихся упорнее и крепче солдат. Вспомните Чапей, не забудьте и Россию. Я тоже не думаю, чтобы Ичан мог быть объектом демонстрации красных, но допустить это могу.

В аппаратную вошел офицер с пакетом. Найдя глазами Го Жудуна, он громко сказал:

— Радиограмма вашему превосходительству от главкома.

Го Жудун с заметной торопливостью раскрыл пакет.

— Наконец-то! Я до сих пор не имею ответа на телеграмму о взрыве моста...

Прочтя радиограмму, он слабо улыбнулся. Улыбка вышла неестественной и кривой.

— Главком сердится... — и, поманив к себе отошедшего в сторону фон-Вольфа, сказал: — Пойдемте в штаб, ваше превосходительство.

Оставив у аппарата начальника штаба, командарм вернулся к себе.

Радиограмма главкома была неприятного содержания. За обычной вежливостью стиля ясно чувствовалось, что ответственность за взрыв моста генераллисимум целиком возлагал на Го Жудуна. Попутно он обвинял его и в излишнем увлечении тыловыми, гражданскими делами. «... Ваша особая армия, прекрасно вооруженная, снабженная лучше других действующих армий, не воюет, отсиживается в тылу и не может нести простой, охранной службы. Это позорно...». И так далее, в том же духе.

О самом Ли Гуй-юане было сказано всего несколько слов.

«... Я очень скорблю о несчастье, постигшем уважаемого генерала Ли (прошу ему это передать). Для ознакомления с результатами ведущегося вами дознания посылаю полковника Чана,

когого прошу считать особой, достойной доверия и полной откровенности с вашей стороны».

Это значило, что в ставке главкома не очень верили следствию Го Жу-дуна, и оттуда ехал человек для ревизии штаба.

«... Красные уходят из Хубэя. Они идут на северо-восток. Ваша задача не дать им прорваться на Сы-чуань. Я настиг и гоню их арьергарды. Вам надо обрушиться силами особой армии на разгромленные, потерявшие боеспособность, бегущие через ващу провинцию остатки красных банд.

Действуйте согласно обстановке, но все время учитывая, что ввиду взрыва ичанского моста коммуникации наши надолго сорваны и раз'единены. Разгром под перевалом армии Чжо Шао-шена и уничтожение моста ставят меня, а особенно вашу армию, в исключительно тяжелое обособленное положение.

Поэтому, несмотря на демонстрацию и бегство красных из Хубэя, считаю нужным напомнить вам об этом, уважаемый друг и генерал.

Главком».

— Утром я выеду на фронт в Дуньян! Я буду руководить операциями против красных. Вы, кажется, этим удивлены, но, ваше превосходительство, я принадлежу к той категории военных, о которых еще в древности сказал наш философ Лао-Цзы: «Истинно великий генерал не должен любить войны. Он назначает сражения, но предпочитает вовсе не иметь их. Он лучше выждет нападения, чем сам начнет его. Если бы все поступали так, не было бы стремлений к драке и опустошительных войн» — плавно размахивая в такт нараспев цитируемых им стихов, прочел Го Жу-дун.

Фон-Вольф откровенно расхохотался. Этот командарм, в век техники и электричества ссылавшийся на доисторические бредни какого-то ветхого, выжившего из ума старца, своей наивной хитростью вдруг даже понравился ему.

— Но ведь стратегия вашего Лао-Цзы в корне расходится с высказываниями таких ничтожных воинов, как Цезарь, Наполеон, Фридрих. Эти смешные люди, не зная великих откровений ва-

шего Лао-Цзы, всегда считали, что надо первыми нападать на врага, не дожидаясь, когда он соблаговолит атаковать вас. «Нападение — лучшая форма обороны» — это был основной тезис стратегии этих простаков.

Широкое лицо немецкого советника сияло от восторга. Редко улыбавшийся, всегда угрюмый фон-Вольф искренно развеселился, так понравилась ему неожиданная ссылка Го Жу-дуна на бредни какого-то полупомешанного болтуна. Генерал спокойно продолжал:

— Я вам давно говорил, что это — Китай и что методы Европы здесь покажутся смешными, точно так, как наши методы войны развеселили вас. И на этот случай у меня есть стихи другого, еще более знаменитого философа и князя мудрости, Конфуция. Вот они: «Все люди рождаются одинаково, но в практической и духовной жизни они сильно разнятся друг от друга». Здесь Китай, и люди, населяющие его, — это люди Лао-Цзы и Конфуция.

— Вряд ли! — с сомнением покачал головой фон-Вольф. — А современные пушки, самолеты и танки? А такое течение, как коммунизм?

— Все это не ново, все это уже было. Китайскую империю много лет назад качали такие же точно безумцы, как современные коммунисты, — тайпинги, но раскатать не смогли. Не свалят они ее и теперь.

— Итак, дорогой мой генерал, я завтра еду в Дуньян. Вы, конечно, представляете себе, как мне будет трудно оставаться без вас и ваших полезных, мудрых советов...

Фон-Вольф в этих вежливых и очень искренно произнесенных словах ясно чувствовал иронию, звучавшую в словах Го Жу-дуна, как ответ немцу на его откровенный, фельдфебельский смех.

— ... Я очень огорчен, что мне придется беспокоить вас, но тем не менее все же прошу разрешить мне вызывать вас к проводу, так как ваши опыт и военные таланты будут очень помогать мне при ведении операций.

— К-каналия! — нахмурился фон-Вольф. Его ограниченный солдатский ум

не выносил вежливой до издевательства речи генерала.

— А вы знаете, ваше превосходительство, я лично думаю, что Конфуций тут с этим вторым вашим мудрецом не при чем... — с казарменной прямоотой вдруг сказал он. — Дело я думаю обстоит проще.

— А именно? — поднял брови Го Жу-дун.

— Очень просто! Генералиссимус только тогда простит вам гибель ичанского моста, если Особая армия сокрушит красных под Дуньяном. Дело складывается благоприятно. Ночью манчжуры атакуют противника. Красные будут разбиты и побегут. В момент победы, чуть раньше, или чуть позже, среди войск появитесь вы, и лавры победителя будут ваши... Очень просто!

Го Жу-дун загадочно улыбнулся.

— Но, ваше превосходительство, ваши древние мудрецы ошиблись. Люди и рождаются, и поступают одинаково. Нового ничего нет. Ваш классический ход, увы, применялся и раньше, хотя бы даже в прошлую мировую войну. Если у вас есть время, я вам могу назвать до сотни подобных примеров только в одной германской армии, а среди генералов Антанты подобных историй можно насчитать и больше... — и он победоносно поглядел на собеседника.

— А вы знаете, это правильная мысль. Благодарю за нее... Как однако она не пришла мне в голову... — сокрушенно сказал Го Жу-дун, ласково глядя на фон-Вольфа. — Видите, как однако много значит опыт мировой войны.

Немецкий советник встал и невежливо перебил его:

— Прошу прощенья, ваше превосходительство, я не очень здоров. Имеете ли еще что сказать по службе?

— Что с вами? Не прислать ли врача? — забеспокоился командующий, но фон-Вольф, звякнув шпорами, отвесил поклон и ушел. До конца контракта, заключенного с правительством Нанкина, оставалось еще больше полугода. Если бы не это обстоятельство, генерал наговорил бы не мало резкостей этой толстой, китайской обезьяне...

«Хитрая лиса! Он едет один для того, чтобы победу над красными изобразить перед ставкой, как результат своего собственного плана. Хоть бы красные набили ему его толстую морду».

Впервые в жизни крамольные пожелания закопошились в его мозгу. Он даже сплюнул и, уже входя к себе в покои, сказал по-немецки вслух:

— Нет, довольно с меня этой петрушки.

«Этот солдафон не так уж прост, — по уходе фон-Вольфа решил Го Жу-дун. — Надо было распорядиться, чтобы к утру была готова канонерка».

— Вам лучше ехать на «Таку». Она более современна, нежели другие. Разрешите распорядиться? — спросил адъютант.

— Хорошо! Отдайте приказание капитану порта. В моем отсутствии из ставки главкома приедет полковник Чан. Прошу не снабжать полковника материалами штаба. Сошлитесь на мой отъезд, на боевые действия, словом, на что угодно, но затяните до моего возвращения из Дуньяна.

— Понимаю!

Адъютант пошел в соседнюю комнату звонить в порт о канонерке.

В кабинет вошел начальник штаба с вытянувшимся расстроенным лицом.

Го Жу-дун вопросительно взглянул на него.

— С фронта плохие вести, ваше превосходительство. Красные предупредили манчжур и снова атаковали Дуньян. Они идут с антияпонскими лозунгами, предлагая объединиться против японцев. Это сильно действует на солдат. Одновременно обходная колонна вышла по берегу Ян-цзы с юга и отрезала город. Генерал Лян просит помощи. Телеграф перестал работать, как видно красные перерезали провода. Я дал приказ перейти на радиосвязь, но кто знает, когда ее установят... — он безнадежно махнул рукой.

Командарм с раскрытым ртом и остановившимся взором слушал его.

— Вот это история, — пронеслось в его голове. — Как хорошо, что я не уехал туда...

— Надо выслать в Дуньян хотя бы одну из канонерок. Их мощные орудия очистят берег от красных, — сказал начальник штаба.

В комнату вошел адъютант, еще не слышавший новостей.

— Ваше превосходительство, в порту нет канонерок.

— А где же они?

— Ни одной?

В один голос спросили командующий и начальник штаба.

— Еще до взрыва они ушли вверх, в направлении Гуй-Чжоу по письменному приказу генерала Ли Гуй-юаня.

— Ли Гуй-юаня? — поднимаясь с кресла, повторил Го Жу-дун.

— Да! Командир порта говорит, что в его распоряжении, кроме охранных катеров, нет даже ни одной пушечной баржи. Они все по тому же приказу ушли вслед за канонерками.

— Что же это такое? Это похоже на... — еле сдержался Го Жу-дун.

— Капитан порта просит разрешения приехать к вам, — робко вставил адъютант.

— Зачем?

— Забастовали грузчики порта и пристаней. Какие-то лица усиленно пропагандируют их.

— А где полиция? Части гарнизона? Где, наконец, охранный полк?

Начальник штаба и адъютант удивленно взглянули на генерала.

— О каком полке охраны говорите вы, неужели о 4-м жандармском?

— О каком же еще другом? — грубо сказал командующий.

— Извините, ваше превосходительство, но он вместе с манчжурами отправился в Дуньян.

— По чьему приказу? — валясь в кресло, еле выговорил Го Жу-дун.

— Приказ подписан вами и генералом Ли Гуй-юанем.

— Это измена! Я никогда не мог отпустить из города охранный полк. Это же прямое безумие, что ж, наконец, имеем мы здесь для защиты Ичана?

Начальник штаба подумал и неуверенно сказал:

— Это дело штаба начальника гарнизона. Я сейчас позвоню в управление укрепленного района.

— ... Укрепленного! — иронически протянул Го Жу-дун. — Наше счастье, что красные пошли на Дуньян. Если бы они... — голос командующего дрогнул, и он умолк, безнадежно махнув рукой.

— Прикажете сообщить обо всем советнику фон-Вольфу? — осторожно спросился адъютант.

— Не надо! Узнает завтра. Эти заморские господа считают Китай своей усадьбой, — с сердцем сказал командующий, вспоминая наглую речь немецкого генерала.

Адъютант с готовностью кивнул головой. Начальник штаба звонил в укрепленный район.

— ...Ну, а два батальона пехотного полка? — кричал он в трубку... — Как оба? Кто? Дружина миньтуаней Ичанского района? Ну, какое это, к черту, войско... Так... так... у Северных ворот... а еще? Что? Неизвестно? Совсем точными данными через 30 минут приехать ко мне... Да, да! Воля командующего, — вешая трубку, сказал он.

— Ну что?

— Все очень запутанно. Пушечный бронепоезд после взрыва моста остался на правой стороне Ян-цзы. Там же две полевые батареи. На этой стороне гаубичный взвод, две пушки и бронемашин. Пехотные батальоны, расположенные в вокзальных казармах, уже трое суток, как ушли в У-Ху сменять батальоны 39-го полка. Смена еще не вернулась!

— Это тоже приказ Ли Гуй-юаня? — коротко спросил Го Жу-дун.

— Да! Две роты железнодорожного полка с одним орудием и резерв полиции занимают линию укрепленного района Северных ворот. Сотни четыре миньтуаней да ваши телохранители, не считая наличного состава дежурных по городу солдат и полиции, — вот и все.

Го Жу-дун резко поднялся с места. Всегда медлительный и спокойный, сейчас он не был похож на себя. Руки его дрожали, губы тряслись. Насупленные глаза налились злым огнем.

— Нас ловко, очень ловко провели. Этот маленький майор оказался большим хитрецом, оставив нас всех в дураках, и меня, и вас, и главкома.—Он издевательски рассмеялся, вспоминая телеграмму главкома.

Генерал пробежался по комнате и, как это часто бывает с людьми трусливыми и истеричными, переходя из одного настроения в другое, он, впадая в крайность, перед лицом опасности преисполнился мужеством отчаяния.

— Приказываю сейчас же снять у У-Ху все три пехотных полка и спешно вернуть их в Ичан. Немедленно же дать радиogramму в Чуйчжоу и вернуть обе канонерки, чтобы к утру были в Ичане. Роты, занимающие окопы по линии Северных ворот, ввести обратно в город и всю ночь патрулировать по улицам и площадям. Всю полицию и наличный состав жандармерии выслать к вокзалу, на электростанцию и в порт. Нарядом полиции занять телеграф. Охранным кадрам...

Сильный, дважды повторенный звонок прервал его.

Адъютант, взяв трубку, что-то полупрошептал в нее. Внезапно его лицо посерело, округлившись глаза в испуге остановились на командарме.

Ноги Го Жу-дуна подкосились. Его возбуждение прошло, пыл военачальника соскочил.

— Что? Началось восстание? — тонким, срывающимся голосом взвизгнул он.

— Генерал... Генерал Ли Гуй-юань... умер. Звонят из комендатуры, — с трудом выговаривая, сказал офицер.

— Жаль! Его надо было сжечь, как предателя... согласно старым обычаям, — успокаиваясь, сказал Го Жу-дун.—Проставить караул к телу. Продолжаю дальше, — дружину миньтуаней и мой личный эскадрон выставить на ночное дежурство у штаба! Я залью кровью этих негодяев, если они только задумают... поднять...

Грохот отдаленного залпа и короткая резкая дробь пулемета ворвались в открытое окно.

...Под-нять! — повторил, бледнея, Го Жу-дун.

Снова наступила тишина. На реке, гудя сиреной, прошел пароход.

— Это миньтуани балуются, — неуверенно сказал начальник штаба, — необузданное мужичье. Они думают, что им здесь деревня.

— Я им покажу, если только это они. Завтра же расстрелять десяток этих негодяев, — выкрикнул, успокаиваясь вновь, Го Жу-дун.

— Не-ет! Это не миньтуани! — снижая голос до шопота, сказал он. Новый залп, сливаясь с воем сирены, пробежал по реке.

За дверью послышались голоса и шум торопливых шагов. Генерал в ужасе сидел в кресле, втянув голову в шею и напряженно глядя на дверь.

В комнату вбежал офицер из аппаратной, за ним вошел пожилой телеграфист, держа в руке обрывки лент.

— У-Ху два часа назад без боя захвачен коммунистами. Остатки дивизии разбежались по горам. Сильные части красных подходят к городу со стороны Южных и Юго-Западных ворот... Вот... телеграмма из Пей-Пяо!

Генерал привскочил. Пей-Пяо находится всего в четырех километрах от Ичана.

— ...Связь с ним уже оборвалась, на наши вызовы ответа не поступало, хотя линия действует и цела.

Начальник штаба красноречиво вздохнул.

Удручающе выли сирены на Ян-цзы. Их тоскливый, заунывный вой пугал генерала.

— Где мой эскадрон? — оглядывая людей, торжественно сказал Го Жу-дун.

— В казарме, я сейчас вызову его.— Адъютант бросился к телефону.

Сирена смолкла. Взвизгнул и стих последний гудок, и тогда явственнее доносились звуки перестрелки.

— У Южных ворот! — прислушавшись, сказал начальник штаба и заглянул на улицу через окно. Город словно вымер. Спящий, молчаливый Ичан казался черным, притаившимся зверем. Только золотая линия уличных фонарей да огни порта оживляли ночь.

— Казармы не отвечают, — отры-

ваясь от трубки, взволнованно сказал адъютант.

— Звоните еще, или нет, вызовите караул в ружье. Мы сами пойдем в казармы... — выходя из оцепенения, сказал командующий.

Черная, непроницаемая тьма залила кабинет.

— Что это? Зажгите же свет... — в страхе закричал Го Жу-дун.

Вспыхнули спички, еле озаряя черную комнату с колеблющимися, длинными тенями, в которой, прижавшись друг к другу, стояли рассеянные, испуганные люди. На реке снова раздирающе завыли гудки.

— Что же делать, господа? — повторил командующий.

По коридору раздались поспешные, торопливые шаги. Неровный свет свечей, вставленных в лампоны, скупо озарил кабинет. Поблескивая оружием, толпились в дверях солдаты.

— Кто это? — слабым голосом сказал Го Жу-дун.

— Ваше превосходительство, это мы, караул из охраны, — неровным, сбивающимся голосом сказал один из вошедших. Генерал по голосу узнал в нем команданта штаба.

— Что нам делать? В городе началось восстание, электростанцию захватили красные. Если оставаться здесь, нас перебьют, как кур...

— Я послал двух солдат в казармы, но их до сих пор нет, — сказал офицер, начальник караула.

— Да они и не вернуться... — слышался из темноты хмурый солдатский голос.

— И мы не хотим оставаться здесь.

— В случае нападения тут самое опасное место.

— Надо уходить отсюда. В городе стрельба, на улицах темно... — слышались голоса солдат.

Через город, озаряя ночь, пронеслась зеленая ракета, секунду спустя за ней пролетела красная, разорвавшись вверху пестрым, сверкающим каскадом. Снова завывли сирены, надрывно запели гудки.

— Это сигналы! Надо уходить, бежать надо отсюда, — тревожно заговорили солдаты.

Шум перестрелки придвинулся ближе, и черная ночь разом посветлела.

Рыжие кудрявые полосы прошлись по небу и осветили его. Они заходили над домами. Ключья дыма вырвались из тьмы и закружились в длинные багряные, кипящие клубки.

— Базар горит, — тихо сказал начальник штаба, и эти зловещие, короткие слова определили дальнейшую суть, словно решив колебания людей. Стараясь не шуметь, почти не разговаривая, прижимаясь ближе друг к другу, затушив во дворе свечи, они вышли на пустынную, не озаряемую ничем площадь Ичана.

— Куда же итти? — шопотом спросил начальник штаба, и только чей-то солдатский голос ответил ему:

— Надо в поле. Там всего безопаснее.

Стараясь не отстать от спутников, забыв о фон-Вольфе и о гневе главкома, командарм торопливо шагал среди кучки испуганных, ежесекундно озирающихся людей, мечтая лишь скорее выбраться за стены Ичана.

Они шли, натываясь друг на друга, сами не зная, куда, шарахаясь от попадавшихся навстречу людей, а над их головами все ярче вставало зарево горевших домов. Через город проносились снаряды.

Теперь стрельба шла везде. И на вокзале, и в порту, и по всем направлениям Ичана.

Из-за реки, со стороны насыпей железной дороги грохотали орудия. Их тяжелые снаряды, шурша в воздухе, проносились над городом, ложась за стенами Южных ворот.

— Это наш бронепоезд, — сказал начальник штаба. — Нам нужно переправиться к нему через Ян-цзы.

— Но как? — еле шевеля языком, спросил командующий.

— Надо осторожно выйти к берегу, там всегда стоит много джонок. Под покровом ночи мы на любой переправимся к нашим. Города все равно не удержат, сейчас надо заботиться о наших жизнях.

— Я согласен, — еле слышно сказал генерал.

— А мы не хотим на ту сторону. Мы не пойдем, — сказал один из солдат, — останемся здесь. Город горит, лавки гибнут, а мы два месяца не получали жалования.

Другие солдаты решительно поддержали его.

— Не пойдем. Остаемся.

— А красные? — спросил комендант.

— А мы их не боимся. Простым солдатам они не сделают худого. Важным господам будет плохо, а мы — бедные крестьяне, — отходя, ответил солдат.

— Не мешайте им. Пусть уходят, — шепнул Го Жу-дун, больше всего боявшийся, чтобы эти же самые солдаты вдруг не арестовали и не потащили его к красным.

Солдаты ушли. Теперь оставалось 7 человек: генерал, начальник штаба, комендант, офицер, два сержанта и один солдат из караула. Прячась в переулках и тупичках, они пошли к берегу.

Часов в шесть утра на правый берег реки подошла на веслах рыбацья лодка, из которой вылез мокрый, дрожащий от страха и бессонницы, генерал. За ним медленно шли, такие же жалкие и усталые, чины его штаба. На левом берегу стрельба уже стихла. Пожар кончился, но дым еще вился над берегом. Многочисленные, все прибывавшие беженцы, сумевшие за ночь перебраться на правый берег, рассказывали о том, что красные войска широким потоком с трех сторон вступили в город.

Подобрав генерала, бронепоезд отошел назад.

Словно скрюченные, сведенные руки больного гиганта, висели над рекой пролеты взорванного моста.

Го Жу-дун мрачно отвернулся, чтобы не видеть его. Колеса стучали, бронепоезд ускорял ход.

Генерал фон-Вольф только-что принял ванну, теплую, слегка надушенную сосновой водой. Он с детства любил запах хвои. Это напоминало ему его родную Тюрингию, холмы Зальцбрунна, где он кадетом охотился на белок в сос-

новых лесах. Лакей Ганс, бывший у него денщиком всю мировую войну, приготовил постель, погушил верхний свет и, пожелав покойного сна, удалился.

— С-котина! — проворчал генерал, вспоминая беседу с Го Жу-дуном.

Он докурил сигару и, еще не совсем готовый ко сну, но уже несколько разнеженный и ослабевший, откинул спинку кресла и задумался. Так прошла минута. Он чувствовал, как тяжелеют веки и наливаются сном глаза. Генерал сбросил халат, прилег на кровать и потушил свет...

Проснулся он сразу, будто кто-то разбудил его. Странный гул наполнял комнату. За сдвинутыми шторами было темно. Розоватый отсвет пробивался сквозь них. Звуки, похожие на ружейную стрельбу, множились, росли. Недоумевая, генерал повернул выключатель, но света не было.

— В чем дело? — подумал он и, нащупав на кресле халат, набросил его на себя. Подойдя к окну, он откинул штору и оцепенел. За гребнями черневших домов колыхалось пламя. В розовом, крутящемся дыму плясали языки огня. Багровая пелена лежала по горизонту.

— Пожар! И огромный. Кварталах в четырех отсюда, — вглядываясь, решил генерал и понял, что этот шум, треск и крики вызваны огнем. Он прислушался. Гулкие выстрелы приближались. Это не обеспокоило его. Генерал знал азиатскую манеру пожарной тревоги. Таким именно образом, неистовой пальбой в воздух, беспорядочными криками и гамом, население вызывало пожарных и в Китае, и в Персии, и в Афганистане.

— Азиатские нравы, — любуясь огнем, сказал Вольф, — странно однако же, почему не горит свет? — и он снова щелкнул выключателем. Света не было.

Вдруг в беспорядочную, суетливую пальбу ворвался гулкий разрыв.

— Кажется, граната?.. Вторая! — поднимая брови, сказал фон-Вольф.

Через город с воющим шелестом стали летать снаряды. Внезапно вблизи застучали пулеметы, покрывая шум пальбы. Стали рваться ружьиные гранаты, и шальная пуля, пущенная откуда-то

издалека, с тонким визгом пронеслась мимо окна.

— Да ведь это бой... Ночная атака, — все еще сомневаясь, проговорил генерал, не в силах оторвать глаз от колыхавшегося над домами пламени и от багрового дыма, кипевшего над пожаром.

Зазвенело стекло и осколками посыпалось на пол.

Пулеметная дробь прокатилась совсем близко, и в окна дома стали залетать пули.

Фон-Вольф отступил назад и, нащупывая в полутьме одежду, стал быстро одеваться. Он был храбрым, опытным солдатом. Но отсутствие штаба, адъютантов и вообще кого-нибудь из людей беспокоило его.

— Где же они все, черт побери?.. Где, наконец, Ганс? Я даже трех слов не смогу сказать, если не появится переводчик. Где он сам, этот ком-мандующий?.. — набрасывая френч, пробормотал он.

Зажав в руке маузер, с которым он проделал кампанию на Изере и Марне, фон-Вольф шагнул к двери.

Во дворе раздавались голоса, но, кто были эти люди, он не знал. Телефон, соединявший его с Го Жудуном, не работал.

Совсем близко от штаба разорвался снаряд.

— Семидесятипятимиллиметровый... французская пушка, — по привычке различил генерал и, держась за стены, стал пробираться к помещению, в котором всегда дежурили адъютанты.

— А где же Мюллер, фон-Шер и другие?.. Ведь не перебили же их всех... — снова с неудовольствием подумал он и остановился.

Внизу среди грохота и палбы слышались хриплые, короткие крики, возня, удары.

— Рукопашная схватка, — холодея, сообразил фон-Вольф. Только сейчас он понял свое обреченное, трагическое положение всеми брошенного генерала.

Кто-то со стеном упал и покатился по лестнице. Чей-то испуганный голос по-пороссячи завизжал и оборвался.

Еще разрыв и блистание снаряда.

По лестнице бежали фигуры, крича и стреляя на-ходу.

Фон-Вольф закусил губу и, даже не зная, кто это, враги или свои, нажал собачку и, не отрывая пальца, стал стрелять по этим людям.

Один из набежавших людей со всего размаха всадил в него широкий, японский штык. Генерал дернулся корпусом и, навалившись на ружье, стал медленно оседать.

Штык красноармейца, одного из полков корпуса Ма Ту-иня, достиг фашистского генерала на берегах Ян-цзы. Генерал фон-Вольф, расстрелявший сотни русских, немецких и финских рабочих, нашел свою смерть на штыке китайского кули, даже и не заметившего в полутьме, в какого важного господина он на-бегу всадил свой отточенный штык. Из окон второго флигеля забил ручной пулемет. Припав на колено, ворвавшиеся бойцы открыли огонь по флигелю, даже не глядя на лежавшего ничком под стеной мертвого генерала.

В город вошли только штаб, политотдел да два пехотных полка. Остальные части корпуса расположились вокруг Ичана, заняв позиции по берегу Ян-цзы и установив на холмах артиллерию.

Красноармейские патрули, сменив рабочие отряды, заняли порт, электростанцию и вокзал. По приказанию комкора все учреждения города на следующий день должны были начать свою работу. Магазины и лавки, закрытые перепуганными владельцами, частично уже открылись и начали торговать. Только полусгоревший базар был все еще оцеплен красноармейцами, оберегавшими уцелевшие лавки от разграбления.

Приняв делегацию от населения и муниципалитета города, Ма Ту-инь успокоил их:

— Продолжайте ваши дела! Живите и работайте спокойно. Мы не сделаем никому вреда, если нас только не вынудят к тому. Красная армия не воюет с населением. Она карает только измен-

ников, продающих родину японцам и мешающих народу объединиться против японского империализма. Через несколько дней мы уйдем дальше, на север. Наша цель — изгнание японцев из Китая и объединение народных сил страны.

Город понемногу принимал свой обычный вид. Улицы стали заполняться народом. Показались рикши. Заработала телефонная станция. Сначала неуверенно, затем смелее стали появляться торговцы, разнося на лотках сладости и еду. Открылась часть магазинов. Появились женщины, служащие учреждений, школьники, дети. И к полудню улицы Ичана снова приняли свой обычный вид. Если бы не полусожженный базар да кое-где изрешеченные пулями вывески и ворота домов, то никто и не предположил бы, что город перенес ночной бой и смену властей.

По реке так же сновали бесчисленные джонки, по-старому густо высился в порту лес мачт и протяжно выли гудки не успевших уйти и задержанных командами пароходов.

Среди политзаключенных, освобожденных из тюрем, Ли Гуй-юаня не было, не было его и в списках казненных полицией коммунистов. Уйти с белыми майор не мог. Они бежали так поспешно, что побросали все, начиная от секретных шифров и переписки с главнокомом и вплоть до наличных сумм и дислокации частей.

Ма Ту-инь в течение утра дважды вызывал к себе комиссара штаба, настойчиво требуя от него узнать, где находится Ли Гуй-юань и что с ним. Ни городской комитет партии, ни агентура корпуса ничего не знали о судьбе командира полка им. Советской Москвы.

Но вскоре выяснилось все. Захваченный в плен у себя на квартире, военный следователь, полковник Му Чан-лин, рассказал о гибели моста. В подтверждение своих слов он представил незаконченное следствием дело о взрыве ичанского железнодорожного моста и собранные им материалы «о подозреваем-

мом в этом злодеянии бывшем майоре Ли Гуй-юане».

Пленный полковник указал и лазарет, где находился умирающий майор. Комкор, выслушав пленного офицера, сейчас же пошел в приемный покой комендатуры. Женщина-боец, политкомиссар корпуса Чен Чина-чю, ординарец Сян, начальник политотдела Ван Ин, командир Сян и красноармейцы молча вышли вслед. Обойдя лазарет, они не нашли никого, кроме перепуганного санитаря. Весь персонал ночью разбежался. Дрожащий санитар как следует даже не понимал, кого ищут среди больных пришедшие, водил их повсюду и наконец привел в комнату, где на узкой железной койке весь в бинтах лежал мертвый человек.

Никто не узнал его. Командир Сян, волнуясь, нагнулся над трупом, отвернул бинты и глухо сказал:

— Он!

Никто не отозвался. Все молча опустили головы, и удивленный, все еще перепуганный санитар увидел, как у высокого, худого человека с красноармейской звездой на груди блеснули слезы, а женщина во френче, с маузером на боку, охватив руками голову, отвернулась к стенке.

Один из красноармейцев, выронив ружье, опустился у ног лежавшего в бинтах человека и зарыдал.

Высокий, худой человек отер слезы и стал бережно разматывать бинты. Поцеловав холодную голову умершего, он приколол к его груди «Красный орденом», переданный ему партизаном А Чао.

Митинг-демонстрация, назначенный на следующий день, заканчивался. Уже сошел с трибуны последний оратор, войска и демонстранты готовились пройти мимо гроба того, кто отдал жизнь за их победу и о ком так много говорили выступавшие люди.

На трибуне остался только Ма Ту-инь да засыпанный цветами и зеленью красный гроб. Развернутый бархат знамен колыхался над спокойным лицом майора.

У трибуны стоял караул из старых бойцов полка им. Советской Москвы. Это были лучшие из лучших ветераны Кантонской Коммуны, изрешеченные пулями в жестоких боях. Это были храбрецы, которых водил к победам Ли Гуй-юань.

Теперь они хоронили его. Бойцы сурово молчали, глотая слезы, не сводя с лица своего командира тоскливых, напруженных глаз.

Раздалась команда. Сверкнули красноармейские штыки, дрогнули колонны и полки, шеренга за шеренгой стали приближаться к трибуне. Поднимая пыль, на рысях прошел артиллерийский взвод.

Оркестр, стоявший за трибуной, играл похоронный марш. Его грустная мелодия потонула в выкриках и возгласах проходивших мимо демонстрирующих толп. Заглушая печальную музыку смерти, словно прибой, набегали звуки «Интернационала», обрывки «Смело, товарищи, в ногу», крики «Да здравствует Красная армия» и бодрые слова молодоговардейского гимна: «Вперед, заре навстречу».

В этой возбужденной симфонии жизни, движения и радости растворилась печальная мелодия похоронного марша. Это был великий подьем духа, вызванный победой, ощущением своей силы.

Жизнь побеждала смерть.

Красные знамена реяли в воздухе. Тысячи поднятых, машущих рук, сотни взлетающих вверх флажков, платков и крестьянских шляп, сверкающие штыками, четкие шеренги красноармейских рот текли под трибуной.

— Да здравствует Красная армия!

— Да здравствует коммунизм во всем свете! — кричали они, потрясая руками. Пламя победы еще горело в них. Проходя мимо гроба, они на секунду стихали, с уважением и болью глядя на труп героя, погибшего за них, но пройдя дальше, — солнце, жизнь и свобода снова делали их лица и движения полными буйного счастья. Их глаза смеялись, лица сами собою расплывались в улыбки, а из тысячи грудей рвался восторженный крик:

— Да здравствует коммунизм!

И солнце, словно нарочно, только в этот момент осилившее хмурое утро, прорвалось сквозь нависшие тучи. Оно сверкнуло по крышам Ичана, брызнуло по площади и заиграло на штыках бойцов.

Свет и блики залили площадь. Солнечный луч, скользнув по штыку красноармейца, перебежал на грудь лежавшего майора, блеснул на ордене, приколотом к груди, и, чуть задержавшись, осветил половину лица убитого. Это придало лицу майора такое живое, осмысленное выражение, что Ма Ту-инь вздрогнул. Солнечный луч пробежал дальше, и выражение жизни оставило лицо мертвеца. Оно снова стало безжизненным, серым и холодным. Комкор отвернулся и, подавив волнение, отдал честь шедшим под трибуною колоннам.

Корпуса Пэн Дэ-хуая и Хо Луна вошли в Дуньян. Вся прибрежная полоса Голубой реки между Тан-Хе, Цзи-Ли и Дуньяном была занята красными войсками, спустившимися через лесистые горы и хребты Уфына и Ань-Фу.

Узнав о взрыве моста и падении Ичана, манчжурские полки отказались сражаться и, заключив перемирие, отошли на Ян-цзы.

— Мы охотно пойдем с вами на север. Воевать со своими мы не хотим. У нас есть общий враг — японские поработители, — подписывая перемирие, сказал манчжурский генерал Лян.

Солдаты его дивизии еще более горячо приветствовали красноармейцев.

— Мы должны освободить Манчжурию от японского штыка. Там остались наши села и наши родные. Мы хотим воевать с японцами, — повторяли они, братаясь с красноармейцами и отказываясь возвращаться в свои полки.

Операция с прорывом через Хубэй удалась. Позади катила волны могучая Ян-цзы. Взорванный мост безжизненно висел над нею. Корпуса Красной армии вышли на стык провинций Хубэй—Сычуань. Путь на север был открыт.

Начинался великий поход красных армий на Сычуань.

Витязь в тигровой шкуре

ШОТА РУСТАВЕЛИ

Перевод Пантелеймона Петренко при участии и под редакцией
К. Чичинадзе.

(Окончание¹).

(Печатается в сокращенном виде).

Возвратившись в пещеру к Тариэлю, Автандил, однако, не застаёт его там. Он находит его в одной местности в глубоком обмороке. С одной стороны Тариэля лежал мертвый лев, с другой — тигрица. Очнувшись, Тариэль начинает свой рассказ.

Сказ двадцать шестой

Тариэль рассказывает Автандилу о том, как он умертвил льва и тигра

965. «Расскажу тебе подробно происшедшее со мной,
А потом суди по правде, сердцем истину открой.
Истомленный ожиданьем, я не вынес пытки злой,
От пещер в поля поехал, распаляемый тоской.
966. Этих зарослей достиг я, вниз спустившийся с высот.
Вижу: лев идет к тигрице, и она к нему идет;
Как ведомые любовью, облегчали сердца гнет,
Но ужасен был и странен их свидания исход.
967. Лишь увидел я тигрицу, привлекаемую львом,
Их влюбленным уподобил, и рассталась грудь с огнем,
Но, сойдясь, они схватились, как противники вдвоем.
За тигрицей лев погнался; я добра не видел в том.
968. От заигрываний нежных перейдя к вражде опять,
Принялись они друг друга без пощады поражать,
Но, как женщина, тигрица обратилась быстро вспять,
И, борьбою распаленней, лев пустился догонять.
969. Льву сказал я: «Безрассудный, в чем же мужество твое,
Если ты подругу мучишь и преследуешь ее?»
Я накинулся на зверя, извлекая лезвие,
И, по темени ударив, погрузил в небытие.

¹ См. «Новый мир», кн. 6 с. г.

970. Меч отбросивши, тигрицу я в объятья заключил:
Целовать ее хотел я в честь светила из светил.
Лютый нрав острокогтистой эту нежность отвратил;
Я убил ее во гневе, что сдержать не стало сил.
971. Тщетно силясь успокоить отвечающую злом,
Я схватил ее и наземь бросил в бешенстве глухом,
И, с возлюбленной своею ссору вспомнивши потом,
Чуть с душою не расстался я в страданьи огневом.
972. Рассказал я все о роке, не жалеющем обид.
То, что вид мой изменился, почему тебя дивит?
Я от жизни убегаю, но и смерть меня бежит!».
Он вздохнул и сбросил перлы на хрусталь своих ланит

Автандил увещевает Тариэля образумиться, приводит его в пещеру, где он встречается с Асмаг, и, назначив ему годичный срок, уезжает на поиски Нестан-Дареджан решив предварительно захватить к Придону.

Сказ двадцать восьмой

О том, как отправился Автандил к Придону

1010. О, зачем ты, мир неверный, нас ввергаешь в смерч тревог!
Все твое, как я, рыдает, преступая твой порог.
Кто предвидит место смерти и узор своих дорог?
Но ярмо твоих предательств с человека снимет бог!
1011. Автандил, скорбя о брате, небо голосом рассек:
«Снова кровью истекаю, обрекаемый навек!
Расставание не легче встречи в сфере млечных рек.
Ах, во многом не подобен человеку человек!».
1012. Звери жажду утоляли тех рыданий родником.
Ярым пламенем вздымалась грусть о друге дорогом.
Сердце вновь и вновь скорбело, страсть мечом стучала в нем,
Красил розы жемчуг, росший над прекрасным багрецом.
1013. Роза вяла и желтела, тополь ветви наклонял,
И в лазурь преображались белизна и рдяный лал.
Он от гибели спасался и над пропастью рыдал:
«Что же тьме дивлюсь, покинув солнцеравный тот кристалл!».
1014. После к солнцу обратился: «Ты — подобье Тинатин!
Два лица дарят лучами дебри гор, дома долины,
Мне желанен в мире целом светлый образ твой один;
Но зачем же вы низвергли это сердце в тьму кручин?».
1015. Отойдет на месяц солнце, налетит зимы порыв.
Без обоих как не плакать? Путь бессолнечный тосклив!
Кто о стену будет биться — расшибется, не пробив.
Нож не лечит язву — срежет или вызовет нарыв.

1016. Что меня казнит безумьем — то пылает надо мной,
Дал моей любви ты, боже, солнца облик неземной.
Как пытаться жить без милой сердцу, скованному тьмой?
Ах, не даст погоды ясной мне удел жестокий мой!»
1017. Плача, к солнцу обратился витязь в горести своей:
«Пожалей меня, молю я, ты — сильнейшего сильней.
Ты даешь величье малым, а счастливым власть царей;
Не терзай меня разлукой, не меняй на ночи дней!
1018. Ты, Сатурн, приди на помощь и прибавь слезу к слезе,
Темнотой окутав, сердце ты предай ночной грозе;
С ношей скорби, словно мула, к тайной выведи стезе;
Ей скажи: он твой — и казни для тебя приемлет все.
1019. О, Юпитер справедливый, соверши свой суд скорей,
Дай сердцам открыть все тайны перед тем, кто всех мудрей!
Не вини того, кто честен, не губи души своей.
Пусть, коль прав я, — не останусь средоточием скорбей.
1020. Снизойди, о, Марс нещадный, порази меня мечом,
Тело пусть мое омоет кровь пурпуровым ключом;
Ты правдиво ей поведай о мучении моем;
Видишь, сердце холодеет в теле бледном и худом.
1021. Помогите мне, о, Венера! Опалила та меня,
Что кораллом окаймила перлы с отблеском огня.
Ты красавицу украшаешь, дух и плоть воспламеня.
Как меня, ты всех чаруешь, разум грезами казня.
1022. О, Меркурий, ты к чудесным поручениям привык!
Видишь, я охвачен солнцем, ярый жар в меня проник.
Рядом сядь. Чернил не надо — слез кровавых рдья родник;
Не пером пиши, а телом, тонким, стройным, как тростник.
1023. Ты, Луна, как я, в ущербе, наклонись и пожалей!
Становлюсь и я от солнца то полнее, то худей.
О моем безумьи грозном расскажи любви моей.
Жизнь хранил я для нее лишь и отдать хочу лишь ей.
1024. Семь свидетелей имею — зорких звезд чудесный ряд:
Солнце, Марс, Луна, Меркурий и Сатурн со мной скорбят,
И Юпитер, и Венера, что сочувствием горят,
Скажут ей, как я терзаюсь, вечным пламенем об'ят».
1025. Он сказал: «О, эти слезы! Без конца они текут.
Не спасет самоубийство, строит козни дьявол тут.
Ведь, озера из гишера хоть кого с ума сведут.
Трудно справиться с печалью, а веселие — не труд.
1026. Если я живым останусь — тени сгинут без следа,
Если солнце я увижу, отойдет моя беда».
Автандил поет и плачет, длится скорби череда.
Словьши, ему внимая, стали совами тогда.

1027. Вышли звери к Автандилу — так он пел, тоской тесним.
Из пучины вышли камни, чтоб словам внимать живым.
Сладкогласному дивились. Он заплачет — все за ним.
Всюду был, рожденный песней, слезный дождь неистоцим.

Приехав к Придону, посоветовавшись с ним и осмотрев место, где ему довелось увидеть Нестан-Дареджан, Автандил двинулся в долгий путь по берегу моря, наводя справки у каждого встречного. В дороге он повстречался с торговым караваном, спас его от морских разбойников, истребив последних, и поехал морем вместе с этим караваном, выдавая себя за его начальника.

Сказ тридцать первый

О приезде Автандила в Гуланшаро, когда он причалил к берегу моря

1124. Витязь, море пересекший, перейти на сушу смог.
И увидел — город белый в густоту садов залег.
Взоры пестрыми цветами тешил каждый уголок.
Несказанной красотой этот край себя облек.
1125. Свой корабль они поспешно привязали у садов.
Автандил купцом оделся, к делу новому готов.
Скоро грузчики собрались, прибежавшие на зов.
За торговлю взялся витязь, словно главный из купцов.
1126. Прилегающего сада к ним садовник подоспел;
Белой молнии подобный, облик юный он узрел
И услышал голос властный, что ответить повелел
«Чьи вы люди, и какого государя здесь удел?».
1127. Приказал прекрасный витязь: «Расскажи подробно мне:
Здесь в цене какие ткани и какие не в цене?».
Тот ответил: «Ты сияешь, словно в солнечном огне!
Сообщаемое мною будет истинно вполне
1128. Царства нашего морского не обехать и за год.
Гуланшаро, город славный, всех чарует и влечет.
К нам редчайшее привозят корабли далеких вод.
Здесь Мелик-Сурхав, счастливо нами правящий, живет.
1129. К нам приехав, даже старец явит юношеский нрав.
Это — край пиров, ристалищ, пенья, зрелищ и забав,
Здесь равны зимой и летом все цвета цветов и трав.
Всякий зависть ощущает, наше царство увидав.
1130. У торговцев богатейших лишь такая прибыль тут:
Купят, сбудут, наживутся, проиграют, проживут;
Бедный вдруг разбогатеет. Все богатства к нам плывут.
Неимущему товары накопить недолгий труд.
1131. Я садовник у Усена — возглавителя купцов;
Заведенный здесь порядок обяснить я вам готов:

Он — владелец послуживших вам для отдыха садов;
Все ему вы покажите — долг приехавших таков.

1132. Богатейшие, приехав, дар несут Усену в дом,
Распаковывать товары все обязаны при нем.
Что получше — будет взято за наличные царем;
Без стеснения торговцы торговать вольны потом.
1133. Как достойно, принимает он почтеннейших господ,
Содержателям постоев приказанья отдает.
Но сейчас Усен в отлучке, а когда сюда придет,
Вам он выказать обязан много дружеских забот.
1134. Остающаяся дома возглавителья жена
Не груба, — гостеприимна, обходительна, нежна;
Изведу ее, и примет вас, как надобно, она, —
Вам раба навстречу вышлет, в град войдете дотемна»
1135. «Как желаешь, так и сделай», — ослепительный речет.
Мчится радостный садовник, — по лицу струится пот,
Госпоже Фатман вещает: «Лучезарный к вам грядет,
Пред его лучами бледен даже солнечный восход.
1136. Он — купец и возглавляет преизрядный караван;
Он — как месяц семидневный, кипариса стройный стан;
Облачен в халат красивый и коралловый тюрбан.
Хочет знать, какие цены на шелка в стране морян».
1137. Госпожа Фатман навстречу десять выслала рабов,
Для хранения товаров был особый дом готов.
Гость вошел розоланитен, снежнобел и не суров.
Все шептали: «Он имеет ловкость тигров, силу львов».
1138. Городское население там собралось целиком;
Трепеща, зывали: «К солнцу как приблизиться дерзнем!».
Вожделенно восторгаясь чудным станом и лицом,
От мужей своих презренных жены бросились бегом.

Сказ тридцать второй

Прыбытие Автандила к Фатман, прием его ею и ее радость

1139. Из дверей навстречу вышла и Усенова жена,
Поклонилась, улыбнулась, явной радости полна.
После ласковых приветствий сели вместе, и она,
Как заметил я, пришедшим не была огорчена.
1140. Та Фатман, в летах не юных, все ж казалась молодой:
Точно выточено тело, облик смуглый, не худой.
Посидеть она любила и за чарой круговой;
Не один убор имела непомерно дорогой.
1141. У Фатман в ту ночь скиталец угощался без тревог;
Он прекрасные подарки поднести любезной смог.

- За пирушку дорогую заплатил ей щедро бог.
Витязь, вдосталь упоенный, спать отправился и лег.
1142. Развернул свои товары, чуть забрезжила заря,
Что получше, отбирая на продажу для царя.
Повелел купцам: «Несите!». Нагрузил их, говоря:
«Продавайте, как хотите, тайну должную творя!».
1143. Не шелом носил воитель, а купеческий тюрбан.
То к себе Фатман просил он, то являлся он к Фатман.
Речью тешились изящной; исчезая, статный стан,
Как Висо уход Рамина, наносил ей много ран.

Сказ тридцать третий

Фатман влюбляется в Автандила, пишет и отправляет ему письмо

1144. От прелестниц, если сможешь, отдались, нето — беда!
Словом ласковым доверья достигая без труда,
Обольстившая изменит и наделает вреда.
Женщин с тайнами знакомить не годится никогда.
1145. Вожделенье к Автандилу, светоносцу дальних стран,
В грудь все глубже западало изнывающей Фатман.
Тщетно скрыть она старалась глубину сердечных ран;
«Что мне делать?» — восклицала, и в очах стоял туман.
1146. «Если я ему откроюсь — вдруг сокроется, вспылит;
Если скроюсь — будет разум грозным пламенем обвит.
Нет, откроюсь, возликую, иль не вынесу обид.
Как того излечит лекарь, кто не скажет, что болит?».
1147. Автандилу написала и отправила она
То письмо, где боль открыта и любовь изречена.
Эта исповедь страданья потрясающе нежна
И должна быть не забыта, а навек сохранена.

Сказ тридцать четвертый

Любовное письмо, написанное Фатман к Автандилу

1148. «Солнце, богу захотелось, чтобы солнцем стало ты!
Без тебя и жизнь богатых — горше всякой нищеты.
Кто приблизится — сгорает, разглядев твои черты.
И планеты лицемерьем красоты твоей горды.
1149. Взор, познавший блеск, безумьем истязуем в забытьи.
Как тебя узрев, о, роза, не трепещут соловьи!
Без лучей цветы увянут, увядают и мои;
Я, мертвее, жду рассвета, льются слезные ручьи.
1150. Видит бог, страшусь прочтенья вами этого письма,
Но ничем иным от смерти не спасу себя сама.

Сердце вынесет ли пытку? О, ресниц разящих тьма!
Если ты мне не поможешь, я соиду тогда с ума.

1151. И доколе не получен ожидаемый ответ,
И покуда я не знаю: смерть явилась или нет,
Буду ждать я терпеливо в окруженьи тяжких бед.
Пусть решится: жить останусь иль оставлю этот свет!».
1152. Написав письмо, послала к Автандилу поскорей;
Как письмо сестры, без дрожи, прочитал он свиток сей
И сказал: «Кого люблю я — неизвестно это ей.
Как сравнить ее с царевной несравненною моею!
1153. Для чего вороне роза? Кто их общность усмотрел?
Соловей на ней, конечно, ни один еще не пел.
Скоротечность и бесплодность — дел безнравственных удел.
Что за вздорное посланье? Вот безумия предел!».
1154. Но потом себе в раздумьи витязь юный говорит:
«Кто тебе защитой будет, если ты себе не щит?
Ради той, из-за которой мне скитаться надлежит,
Я снесу любое бремя, сердце стерпит боль обид.
1155. Здесь Фатман живет и видит приезжающих гостей,
Принимает входящих из различных областей;
Обо всем она расскажет при покорности моей,
Я могу узнать немало, если дружен буду с ней.
1156. Как уток основе, сердце отдает любви жена,
Стыд бесстыдной недоступен, совесть вовсе не нужна;
Если тайное узнает, разболтает все сполна.
Лучше с нею согласиться, дело сделает она.
1157. Кто изменит провиденье, кто изменит бытие?
Нежеланное имею, что желанно — не мое.
Все смеркается на свете, сам он—сумерок тканье.
Изливается из чаши лишь налитое в нее».

Сказ тридцать пятый

Ответное письмо Автандила к Фатман

1158. Написал спасет: «Прочел я, вознесен письмом твоим;
Ты меня предупредила, хоть и жарче я палим,
Очевидно, обоюдно пламенеем и горим;
Связь имеет оправданье, коль желательна двоим».
1159. Сердцу страждущей достались ныне радости одне.
Написала: «Слез немало пролила я в тишине;
Ты влюбленную сегодня здесь найдешь в долине.
Поспеш же на свиданье — ввечеру явись ко мне!».

1160. На закате, лишь стемнело, витязь, вняв ее письму,
Вышел в путь, но раб навстречу передать спешил ему:
«Этой ночью не являйся, не готова я к тому».
Он, обидевшись, воскликнул: «Что такое? Не пойму!».
1161. Не вернулся, хоть обратно приглашение взяла,
И явился он, стройнее кипарисного ствола.
Он заметил: в беспокойстве пригласившая была,
Но из преданности страха обнаружить не могла.
1162. Сели вместе и, целуясь, из'яснялись без препон.
Вдруг явился гость пригожий, что прекрасно был сложен,
А за ним оруженосец, тяжело вооружен.
Увидав спасета, дрогнул, словно в бездну глянул он.
1163. А Фатман, его увидев, стала вздрагивать и млеть.
Тот промолвил, продолжая на обнявшихся смотреть:
«Я теперь не помешаю, злая тварь, тебе бледнеть,
Но с утра тебя заставлю об измене пожалеть!»
1164. Потаскуха, опозорен я по милости твоей,
Но в ответе будешь завтра, и посмотрим, что больней.
Ты, как хищница, зубами будешь рвать своих детей,
Или в бороду мне плюнешь, и сокроюсь от людей!».
1165. Бороды своей коснулся и скрывается, кляня;
А Фатман метаться стала, причитая и стена.
Было слышно, как журчали слезы в отблесках огня,
Воскликнула: «Ах, побейте вы камнями меня!»
1166. Мной убиты муж и дети!» — дико крикнула она:
«Драгоценности разбиты, их утрачена цена!..
Со своими дорогими я навек разлучена!
Я свой дом опустошила! Вопиет моя вина!».
1167. Этим плачем удивленный, Автандил сказал: «Открой,
В чем страдания причина, что за слезы, что с тобой?
Чем грозил тебе тот витязь, в чем проступок видел твой?
Успокойся и поведай: Чем он занят? Кто такой?».
1168. «Я с ума схожу, — вскричала, проливая слез ручей, —
Не спрашивай: ты видишь, расстаюсь я с жизнью сей!
Ведь своих собственноручно погубила я детей.
Я сама себя убила в слепоте любви своей.
1169. Так окончит, кто обманчив, многословен и горяч,
Кто таить не в силах тайну, кто безумен и незряч.
Каждый, казнь мою узревший, да разделит этот плач.
Кто свою же кровь вкушает, как того излечит врач?
1170. Лев, одно из двух ты сделай, я молю тебя о том:
Если можешь, этой ночью заколи его тайком,
Чтоб избавить от несчастий злополучный этот дом.
Расскажу, когда вернешься, о несчастии своем.

1171. Если нет, навьючив мулов, в эту ночь отправься вспять,
Все возьми, к моим владеньям не ищи путей опять!
Из-за женщины преступной можешь тяжко горевать.
Коль монарха он увидит — значит, всем нам пропадать».
1172. Автандил, услышав это, преисполнился огня,
Булаву тогда схватил он, золотое солнце дня.
Объявил: «Позорным было б равнодушие для меня!».
Ведь искать ему подобных — бесполезная возня.
1173. Молвил: «Дай мне человека, чтоб с дороги не свернуть;
Не помощника мне надо, надо знающего путь,
Ибо витязь тот не равен мне могуществом ничуть.
Жди желанного исхода и вполне спокойна будь!».
1174. В путь Фатман дала спасету провожатого тогда
И сказала: «Муки сердца облегчивший без труда,
Коль от недруга избавишь, то избавь и от стыда:
Он мое колечко носит, — принеси его сюда».

Сказ тридцать шестой

Убийство Чачиагира и двух его телохранителей Автандилом

1175. Пересек весь город витязь, чудный станом и лицом,
И узрел он возле моря изумрудно-алый дом.
Над террасами террасы громоздились на нем,
Поражавшие размером, благолепьем и числом.
1176. И услышал солнцеликий провожающего глас:
«Вот искомая обитель, — видишь, радостный для глаз?
Пребывает он под кровлей наивысшей из террас;
Там сидящим или спящим ты найдешь его сейчас».
1177. Загражден был вход телами спящих воинов двоих.
Автандил прошел бесшумно, хоронясь в тенях густых;
Он, схватив за горло стражей, головами стукнул их,
И смешались с мозгом кудри задремавших часовых.
1178. Витязь тот лежал, горя в одиночестве своем.
С обагренными руками и с пылающим лицом
Автандил неуследимый, подобравшийся тайком,
Сбросил юношу с постели, заколол его ножом.
1179. Солнце видящих и ужас ратоборствующих с ним,
Перст, украшенный колечком, сняв ударом ножевым,
Из окна он бросил в море мертвеца, неуследим.
Молодца того могилу не найти очам людским.
1180. Тайны той не разгласила быстролетная молва.
Без печали розоустый бросил место торжества.
Как сумел он скрыть убийство — не поведают слова.
Он ушел путем, которым к цели шествовал сперва.

1181. Грозный лев, он возвратился в дом трепещущей Фатман,
Молвил: «Умерший не будет светом солнца осиян.
Твой служитель видел тело, заалевшее от ран.
Вот кольцо и палец трупа; и доселе нож багряя».
1182. А теперь скажи, чего ты опасалась ночью той,
Чем грозил тебе убитый? Ныне истину открой». Обнимающая ноги говорит ему: «Герой,
Твой огонь унять готова, исцеленная тобой.
1183. Я, Усен и наши дети рождены сегодня вновь.
Чьи, о лев, тебя прославят славословья и любви!
Если вправе похвалиться, что пролита вражья кровь,
То для повести немалой ты вниманье приготовь».

Сказ тридцать седьмой

Фатман рассказывает Автадилу историю Нестан-Дареджан

1184. «Все торжественно встречают в этом граде новый год,
И никто не уезжает и торговли не ведет.
Все мы, пышно разодеты, веселимся без забот,
И обед большой дается у владетельных господ.
1185. Мы, богатые торговцы, во дворец дары несем,
И цари нас награждают по достоинству потом.
Десять дней не умолкает пенье арф, кимвальный гром.
Кони скачут, мяч летает на ристалище большом.
1186. Мой Усен — глава торговцев, богачами правит он.
Не нуждаясь в приглашеньи, как начальница их жен,
Привожу дары несущих я к царице на поклон.
Во дворце бывает бедный и богач увеселен.
1187. В новый год пришли к царице, и, радушия полна,
Одаряемая нами, одаряла нас она.
После пира возвратиться воля нам была дана;
Снова сели без стеснения, веселились дотемна.
1188. На закате я спустилась к зеленеющим садам
И с подругами своими я прогуливалась там.
Сладкозвучнейшие песни петь велела я певцам,
Тешась, разные вуали примеряла к волосам.
1189. Зданья стройные вздымались над обильною листвою.
Окнам дали открывались над пучиною морской.
Увлекла я к этим окнам развлекавшихся со мной,
И опять мы веселиться стали в горнице большой.
1190. Как сестра, я занимала, угощала их питьем,
Но без видимой причины пригорюнилась потом;
Разошлись, увидев это; опустело все кругом.
Я одна осталась, горечь в сердце чувствуя своем.

1191. Лишь окно приотворила, море очи привлекло,
Разгоняя то унынье, что в душе моей росло.
Нечто малое по влаге колыхающейся шло
И сравниться лишь со зверем или с птицею могло.
1192. Подошел предмет чудесный, оказался лодкой он.
Был двумя телами черных образ некий заслонен,
Голова одна виднелась, те стояли с двух сторон.
Изумительным виденьем был мой взор воспламенен.
1193. Та ладья к садам примчалась, и причалила она;
Озираются и смотрят — всюду мир и тишина,
Им окрестностей безлюдность, очевидно, не страшна.
Я, сокрытая, за ними наблюдала из окна.
1194. Из суденышка достали эти черные ковчег,
И, едва открыли крышку, вышла девушка на брег,
На челе вуаль чернела, зеленела пальма нег, —
Красоты такой хватило б солнцу красному навек.
1195. Только дева повернулась, ярко вспыхнула скала,
От ланит ее сверкавших в небесах редела мгла.
Я, прищурясь, наблюдала; взор блистательная жгла;
Дверь закрыта незаметно мной, незримою, была.
1196. Четырем рабам сказала я, припавшая к окну:
«Посмотрите, что за солнце держат черные в плену!
Подберитесь осторожно, не нарушив тишину,
Дайте им любую цену, но купите ту луну!
1197. Если торг они отвергнут, зарубите их скорей,
Постарайтесь, чтоб светило было в горнице моей».
Вниз рабы мои скользнули, птиц стремительных быстрей.
Торг не шел: заметно было по ужимкам тех людей.
1198. Неуспех торговли видя, я воскликнула: «Казни!»
Черным головы срубили без особенной возни.
В море бросили убитых, взяв мерцавшую в тени.
Устремилась я навстречу, хоть не мешкали они.
1199. Был хорош неиз'яснимо облик девы неземной.
Солнцу солнцем как назваться перед этой красотой?!
Кто сияние осилит, нестерпимый стерпит зной.
Я сгореть готова в блеске ослепительницы той!»
1200. Принялась терзать ланиты рассказавшая о ней.
Из очей героя слезы заструились горячей.
О себе они забыли, обезумев от огней.
Из нарциссов на порошу перлов ринулся ручей.
1201. Витязь вымолвил: «Всю повесть до конца поведай мне».
Отвечала: «Поклонилась я сияющей луне.
Руки, ноги целовала ей в вечерней тишине
И с прекрасною осталась говорить наедине.

1202. Я спросила: «Где же страны светоносные лежат?
Привели тебя откуда, о, владычица Плеяд?»
Отвечать не пожелало средоточие услад.
Светлых слез ее каскады заволакивали взгляд.
1203. И, внимая неотвязно вопрошающим словам,
Тихо всхлипывала дева, волю давая слезам.
Шли потоки из нарциссов по гишернам желобам.
Созерцала я, и сердце разрывалось пополам.
1204. «Ты мне матери любезней, — так ответила она, —
Но покажется рассказ мой дикой сказкой болтуна;
Некой страннице печальной, мне погибель суждена.
Ты дальнейших объяснений домогаться не должна».
1205. Я подумала: не знаю, как светило сохранить.
Ведь хранящий, обезумев, разорвет сознания нить.
В час удобный для прошенья можно просьбу повторить.
Очевидно, что не время с этим солнцем говорить».

Сказ тридцать восьмой

**Как Фатман привела Нестан-Дареджан к себе
и поведала о ней Усеву**

1206. «Я взяла красу, которой славословия не льстят;
Перед ней, чтоб не узрели золотых лучей каскад,
Опустила я свободно подымающийся плат.
От ресниц метель подула, на рубины падал град.
1207. Так вошла в мой дом та пальма, что в эдеме возвращена;
В пышно убранных палатах поместилась она
И была моею волей ото всех утаена.
Для услуг дала я негра и входила к ней одна.
1208. Эта дева удивляла поведением своим,
День и ночь из глаз бежавший был поток неистощим;
Лишь на миг она смолкала, вняв молениям моим.
Как я жить могу в разлуке, предаваясь мукам злым!
1209. Перед ней алмазным ливнем был всегда залит ковер,
И гишеровые копья закрывали скорбный взор;
Чаши черные черпали черноту больших озер,
И просвечивали перлы сквозь коралловый раствор.
1210. Не могла я выбрать время для расспросов и речей.
Если спрашивать пыталась: «В чем причина скорби сей?»,
То в ответ она безмолвно изливала слез ручей.
Из людей никто не стерпит боль, доставшуюся ей.
1211. И постель, и одеяло отвергала та луна,
Одеянья и вуали не снимала и для сна;

- Ей подушку заменяла лишь рука ее одна,
После сотни просьб лишь каплю с'есть решалась она.
1212. Описать должна подробно я сверкавшее на ней;
Хоть видала я немало самых редкостных вещей,
Та вуаль казалась чудом и для опытных очей,
Бархат — мягкостью являла, панцырь — прочностью своей.
1213. Так она довольно долго этот радовала дом.
Я старалась, чтобы с тайной муж остался незнаком;
Порешила: коль узнает — разболтает он о том;
То входила к ней, то снова выходила я тайком.
1214. Я подумала: Но как же, ничего не рассказав,
Мне искать ей утешенья, развлеченья и забав?
Если муж о ней узнает — обнаружит злобный нрав.
Как сокрою свет, что солнце затмевает, засияв?
1215. Что одна я делать стану с нарастанием огня?
Лучше мужу повиниться, подозренье отгона.
Перед тем да поклянется, что не выдаст он меня.
Не захочет он погибнуть, страшной клятве изменя.
1216. Я его расположила нежной лаской, добротой,
Объявила: «Если хочешь знать о редкости одной,
Поклянись, что никому ты не откроешь тайны той».
Он сказал: «Пускай о скалы я ударюсь головой!
1217. Что поведать пожелаешь — не скажу я никому:
Ни завистнику, ни другу, ни владыке своему».
И, открыв Усену тайну, объявила я ему:
«Ты за мною следуй к солнцу, разгоняющему тьму».
1218. Лишь вошли в покои девы мы с особого крыльца,
Вопросил Усен, увидев уязвляющую сердца:
«Из чего и кто содеял странный свет ее лица?
Если то земли творенье — пусть прогневаю творца!»
1219. Я сказала: «Это призрак иль земное существо, —
Кроме сказанного мною, я не знаю ничего.
Спросим: Кто она, откуда и скорбит из-за кого?
И ответить соизволит, если сердце не мертво».
1220. Мы вдвоем вошли бесшумно, уважения полны,
Доложили ей: «Светило, мы тобою сожжены;
О, поведай — в чем лекарство для тускнеющей луны?
Несравненные рубины чем в шафран превращены?»
1221. Слыша нас или не слыша, дева уст не разняла,
Не показывались перлы, роза связана была.
Извивающихся змеек перепутались тела;
Затененное драконом солнце сковывала мгла.
1222. Эта дева не внимала нашим трепетным речам
И сидела, как тигрица, затаявшаяся там.

Снова хлынувшие слезы уподобились ручьям.
«Я забыла все! Уйдите!» — вот об'явленное нам.

1223. Возле плачущей мы сели, зарыдали вместе с ней,
Но, о сказанном жалея, не нашли иных путей.
Умалить едва смогли мы возрастание огней,
И от наших угощений отказался свет очей.
1224. Муж сказал: «В ее сверканьи всех печалей жар угас.
Как же смертный поцелует пламя щек и солнце глаз?!
От нее вдали страданье возрастает в сотни раз.
Если дети мне дороже — пусть умрут они сейчас!»
1225. От нее уйдя нескоро, свой мы прокляли удел.
Был приход пределом счастья, а уход — всему предел.
Близ нее мы забывали суету торговых дел.
Нам сердца источник света сетью крепкою одел».

Царь той страны, узнав о сказочной красавице, взял ее к себе. Девушке удалось подкупить царскую стражу драгоценностями, полученными ею в подарок от Фатман, и ей устроили побег. Она вернулась к Фатман, взяла у нее коня и ускакала, перелетая юношей.

Через некоторое время Фатман узнала от одного странника, что эта самая девушка, озарявшая ночь сиянием своего лица, попала в плен к страшным каджам. Они поместили ее в неприступную Каджетскую крепость, назвав ее невестой еще несовершеннолетнего их царевича, наследника престола.

Автандил открывает Фатман, сообщает ей, кто он и зачем сюда приехал. У Фатман есть раб-чародей, умеющий летать и превращаться в незримого. Они посылают его в Каджетскую крепость с письмом Фатман к Нестан-Дареджан.

Сказ сорок первый

Письмо Фатман к Нестан-Дареджан

1333. Написала: «Солнце мира, озаряющее даль!
От кого ты удалилась, те утешатся едва ль,
Мудрый свет сладкоречивый, изгоняющий печаль,
С драгоценнейшим рубином вместе спаянный хрусталь.
1334. Хоть историю свою ты не дала услышать мне,
Все же я узнала правду про тебя на стороне.
Извести же Тариэля, что скорбит в чужой стране.
Пожелания все ваши да исполнятся вполне!
1335. Ныне брат его по клятве к нам приехал за тобой,
Автандил, арабский витязь, славный славой боевой;
Он спасет царя Ростена, не затронутый хулой.
О себе самой вестями нас, благая, удостой!
1336. Для того наш раб решил этот лист к тебе отнесть.
Извести, вернулись каджи, иль иною будет весть?
Помоги число их войска нам, неведающим, счесть.
Кто тебя оберегает, кто их в бой обязан весть?

1337. Напиши нам, что намерен предпринять коварный враг,
И какой-нибудь пришли ты для возлюбленного знак;
В расцветающую радость преврати унынья мрак.
Вашу встречу я устрою, коль творцу угодно так!
1338. Если крылья ты имеешь, долети, письмо, скорей!
Ты, на зависть мне, придешь к победившей блеск лучей.
Ах, тебя увидят очи жгучей радости моей!
О, потерянная, плачу! Коль узнаешь, пожалей!»
1339. Колдуну тому посланье было ею вручено:
«Вот письмо, солнцеподобной предназначено оно».
Ткань зеленую накинув, черный выпрыгнул в окно
И над кровлями растаял во мгновение одно.
1340. Полетел колдун бывалый, словно ловкая стрела;
Долетел. Каджети скрыла предвечерней тени мгла;
Сквозь врата прошел незримый, где дозорным нет числа;
От Фатман привет он отдал той, что солнечно-светла.
1341. На замок был заперт замок, но замков для мага нет.
Негр вошел длинноволосый, в плащ таинственный одет.
Солнце вздрогнуло в испуге, ожидая новых бед.
Роза цвет прияла желтый, а фиалки — неба цвет.
1342. Негр сказал: «Вотще трепещешь, сердце ужасом тесня.
Знай, Фатман сюда прислала с вестью радостной меня;
Я не лгу. Гляди! Посланье скажет, истину храня;
Не спеши увянуть, роза, — поспешает пламя дня».
1343. Удивилась чрезвычайно та, не ждавшая чудес;
Тут миндалинки раскрылись, задрожал гишерный лес.
Раб вручил письмо, и радость получила перевес.
Вся в слезах, читала дева, славя благость небес.
1344. Прочитав, она спросила: «Кто, скажи, спаситель мой?
Что топчу еще я землю, разве знает кто земной?»
Он ответил: «Доложу я только известное мной, —
С той поры, как ты исчезла, наше солнце стало тьмой.
1345. С той поры она не может залечить сердечных ран;
Слезы льются бесконечно и втекают в океан;
О тебе уже однажды приносил я весть Фатман,
И с тех пор, не утихая, слезный дождь ее багрян.
1346. Прибыл к нам какой-то витязь, обаятельный лицом,
Госпожа ему сказала о несчастье твоём.
Он — искатель твой отважный, ловкий в деле боевом.
Ими велено мне было проскользнуть к тебе тайком».
1347. Дева молвила: «Правдиво сей рассказ был изъяснен.
Как могла Фатман разведать, кто увел меня в полон?
Где-то есть, наверно, тополь, кем огонь мой разожжен.
Напишу я, ты же устно изъясни сердечный стон».

Сказ сорок второй

Письмо Нестан-Дареджан к Фатман

1348. Светлоликая писала: «Ты мне матери милей,
Посмотри, что мир содеял с бедной пленницей своей!
Он, терзающий мой разум, увеличил вихрь огней,
Но пришло твое посланье, стало на сердце светлей.
1349. От волхвов двоих спасла ты горевавшую в плену.
Ныне, каджами хранимых, я ворот не отомкну,
Ибо тысячи злодеев стерегут меня одну,
И мои не тронут стоны роковую тишину!
1350. О каких еще событиях написать возможно тут?
Дулардухт не возвратилась, каджи скоро не придут,
Но бесчисленные стражи замок зорко стерегут.
Будут поиски бесцельны и бесплоден всякий труд.
1351. Кто искать меня приехал, жизнь цветущую казня,
Тот напрасно подвергает сердце ярости огня.
Все же, солнце созерцавший, он счастливее меня,
И к нему питаю зависть я, не видящая дня.
1352. Я тебе не рассказала нашей повести тогда:
Это стоило бы сердцу непосильного труда.
Пусть возлюбленный смягчится, или ждет меня—беда.
Напиши ему, пускай он не является сюда.
1353. Без его мучений лютых здесь тоски довольно мне,
Коль его увижу мертвым, то сама умру вдвойне.
Мне никто помочь не сможет в этой дьявольской стране:
Да побьют меня камнями, если этой быть войне!
1354. Ты велишь прислать что-либо для того, кто мной любим.
Шлю обрывок покрывала, мне подаренного им,
Дар его являлся взору наслаждением неземным,
Хоть с моею долей черной он окраскою сравним».

Сказ сорок третий

Письмо Нестан-Дареджан к возлюбленному

1355. А теперь она, рыдая, шлет возлюбленному вдаль
То письмо, что раздирает сердце внемлющим, как сталь.
Слезы гасят жгучий пламень, что зажгла ее печаль,
И разорванная роза обнажает свой хрусталь.
1356. «Из души письмо я выну, тело будет мне пером.
Горькой желчью напишу я, вспоминая о былом.
На листе трепещет сердце, как на сердце дорогом.
Сердце, к сердцу припадая, век останешься вдвоем!

1357. Ты, мой свет необычайный, чародейных полный сил,
Без тебя темнеет сердце и сияние светил,
О, не даром взору мудрых мир неверностью не мил!
Без тебя меня безмерно гнет печали истомил.
1358. Разлучили нас навеки жизнь тревожная и рок.
Я чужда теперь веселью, — веселивший так далек.
Ах, оторванный от сердца, ты страдать его обрек!
Что таил доселе разум, то — в узоре этих строк.
1359. Я — клянусь твоим сияньем! — мертвецом тебя сочла,
И была палящей скорбью радость выжжена дотла;
Но узнала: жив! — и к небу вознеслась моя хвала.
Прежний мрак уравновесить весть отрадная пришла.
1360. В сердце весть проникла светом дорогого бытия,
И оно презрело раны обожженные края.
Пусть к затерянной стремится греза нежная твоя
И растет любовь, что в сердце для тебя взрастила я.
1361. Так пишу, но не опишешь всей истории моей,
Так язык иссохнет, правда станет вздором для ушей.
Помогла Фатман вначале; небеса молю о ней.
Снова мир меня терзает в злобной ярости своей.
1362. И теперь, прибавив к горю горе горше во сто крат,
Он израненную ранить снова бедствиями рад.
Под конец меня он ввергнул в необорный этот ад.
Так, подосланные роком, нас случайности казнят.
1363. До подножья этой крепости не достигнет острый взор.
Вглубь скалы ведет дорога, и стоит под ней дозор.
Смена во-время приходит по угрюмым ребрам гор.
Чужака хватая, стража превращается в костер.
1364. Знай, что способом особым начинают битвы тут.
Горше этого мне будет, коль тебя они убьют,
И сгорю, как от огнива загорающийся трут.
Так смирись, храбрец, хоть сердцем, как утес отвесный крут!
1365. Не хочу я, чтоб любимый так терзался и страдал.
Не подумай, что другому рок любовь твою отдал.
Не бывать тому вовеки! Обреченная меж скал,
Лучше брошусь я с обрыва, или кинусь на кинжал.
1366. Я, клянусь тобою, солнце, буду век твоей луной,
Я не дамся, если даже трое солнц придут за мной,
И скорей со скал низринусь в сумрак пропасти ночной.
Обратись, любимый, к небу окрыленную мольбой!
1367. Будь заступником пред богом. Тяжко мне в краю земном,
Окруженной гулким ветром, влагой, прахом и огнем.
Окрыли меня, всевышний, чтобы в сумраке и днем
Я с лучом не разлучалась и жила, как птица, в нем.

1368. Без тебя погаснет солнце, — ты ведь часть его огня.
Так сопутствуй же светилу, вечный жар его храня.
Буду зреть тебя, и сердце озарится у меня.
Жизнь горька, и смерть подходит, к темной пропасти маня.
1369. Не страшит меня погибель. Возносясь к тебе душой,
Я любовь твою вобрала, и она во мне, со мной.
Хоть разлука ранит сердце и томит его тоской,
Не рыдай и не печалься, пламень сердца дорогой.
1370. Мой родитель в затрудненьи. Устремись туда, где он
Раз'яренными врагами отовсюду окружен;
Бездочернему будь сыном и, сияньем озарен,
Помни деву, от которой мир слезами отделен.
1371. Мой удел, достойный жалоб, мною ныне из'яснен.
Эта правда, тронув сердце, порождает долгий стон.
Скоро стану я причиной злого карканья ворон,
А пока жива я, будет взор твой влагой орошен.
1372. Берегу я твой подарок — это чудо из чудес.
Символ радости, чьей светоч неожиданно исчез,
Шлю герою — покрывала, им подаренного, срез.
В гневе кружится над нами колесо семи небес».
1373. Так любимому посланье дописала и потом
Край отрезала вуали — эту память о былом,
И открывшиеся косы чудным прянули ручьем.
Ворон пальмы ароматы развевал своим крылом.
1374. В Гуланшаро возвратился к госпоже слуга опять;
Долгий путь он был способен во мгновение совершать.
Он явился к Автандилу, не заставив долго ждать,
И восславил солнцеликий провиденья благодать.
1375. Он Фатман с улыбкой молвил: «Я по милости твоей
Все узнал — услуга эта мне сокровища ценней,
Пробил час. Проходит время. Надо' рать собирать скорей.
В царство каджей приведу я их нежданных палачей».
1376. Отвечала: «В отдаленьи от живых твоих огней
Мне в страдающее сердце заползет орда теней,
Но не думай обо мне ты, следуй помыслом за ней.
Если каджи все узнают, дело станет потрудней».
1377. И прислужников созвал он, коих дал ему Придон;
Повелел он: «Каждый мертвый днесь да будет воскрешен!
Мы желанное узнали. Вестью падший окрылен.
В прах врагов пора повергнуть, слышать горестный их стон».
1378. Передайте Нурадину, что пришлось увидеть вам.
С ним пока я не увижусь. Путь мой дальний скор и прям.
Пусть, возвысив мощный голос, он готовится к боям.
Все, чем ныне я владею, вам, служители, отдам.

1379. Остаюсь теперь я вашим благодарным должником,
Расплачусь, когда с Придоном повстречаемся потом.
Ныне выдам, что с пиратов общим взяли мы трудом.
Здесь я больше не имею. Покажусь я вам скупцом.
1380. Не при мне мои богатства, не смогу раздать наград».
Тут корабль им подарил он и для каждого наряд,
И велел: «Дорогой прежней вы отправитесь назад!
Вот письмо. Придону дайте. Я писал, как брату брат!»

Сказ сорок четвертый

Письмо Автандила к Придону

1381. Написал: «Придон державный, полный счастья, царь царей,
В ратоборстве лев могучий, солнце в полчище лучей,
Вражьей кровью затопленный ширь бескрайнюю полей, —
Я, как младший брат, пролаял свой привет из-за морей.
1382. Награжденный за страданья, что изведаны сперва,
В деле, мною предрешенном, я добился торжества
И узнал об испытаньях неземного существа,
Что, лежащего в геенне, все поддерживает льва.
1383. Каджи солнце полонили, к нам пришла оттуда весть.
Путь мне кажется игрою, хоть преград не мало есть.
Под дождем хрустальным роза продолжает нежно цвести;
Каджей нет пока в Каджети, но воителей не счесть.
1384. Я рыдаю от восторга, поредела ныне мгла.
Для союзной вашей силы выполнимы все дела;
Невозможно, чтоб удача вас, могучих, обошла.
Что противники?! Отступит перед вами и скала.
1385. Я не смог тебя увидеть, о, прости мне! Дни летят,
Мне нельзя остановиться, — ведь плененную томят.
Мы в весельи возвратимся, будешь встрече этой рад.
Больше нечего добавить. Помоги по-братски, брат!
1386. Этих слуг не одарил я, пусть их бог вознаградит,
Пусть их ревностная служба ваше сердце веселит.
Долго с вами пребывая, каждый станет знаменит,
Ибо каждое подобье ряд подобий породит».
1387. Написал письмо красиво, дал Придоновым рабам;
Розы цвет неизяснимо шел к фиалковым кудрям.
Молвил: «Устно передайте вести, ведомые вам».
И коралловые двери открывались жемчугам.
1388. А к торговцам караванным обращаясь, он изрек:
«Мчится время. Дружба с вами мне пошла, как видно, впрок.
Что хотел я, то исполнил. Укрепил мне сердце бог.
Вы защитника ищите, я же сделал то, что смог».

1389. Отыскав корабль, идущий до желаемой страны,
В путь отправилось светило, что прелестнее луны;
Для него часы прощанья были тягостно грустны.
Кровь и слезы проливали те, что с ним разлучены.
1390. Все: Фатман, Усен и слуги слезы пролили из глаз,
Говорили: «Солнце скрылось, день ласкающий погас.
Почему во мрак ввергаешь ты сгорающих сейчас?
Погреби врагов руками, поGREбающими нас!»

Автандил застаёт Тариэля в поле стоящим около убитого им льва. Тариэль с недоверием относится к принесенной весте об обнаружении Нестан-Дареджан. Но, когда, раскрывая письмо, он увидел обрзок хорошо знакомой ему шали, он лишается чувств и падает на землю. Автандил, не найдя поблизости воды, кровью льва приводит его в чувство.

Сказ сорок шестой

Приезд Тариэля и Автандила к Придону

1439. Взяв Аснат, промчались братья, лишь взошло светило дня.
До граници страны сажали за собою на коня.
Там купец им продал лошадь, хоть недешево ценя.
Находил спаспет дорогу, провожатых заменя.
1440. С пастухами Нурадина братья встретились потом,
Лошадей табун узрели на просторе полевом.
Тариэль сказал спаспету: «Дай подшутим над царем
И охотиться за стадом Нурадиновым начнем».
1441. Царь услышит, что чужие скот угнали, налетев,
Мигом в поле он поскачет совершать кровавый сев,
Но узнает, удивится, позабудет лютый гнев.
Даже гордый станет весел, шутку добрую узрев».
1442. Жеребцов забрали царских нагоняющие жуть.
Пастухи зажгли светильник, поспешив огонь раздуть,
Закричали: «Кто вы, сталью пролагающие путь?
Наш владыка дерзновенным свой клинок вонзает в грудь».
1443. Тут взялись они за луки и погнали пастухов.
Пастухи кричали громко, был отчаянным их зов:
«Помогите, удержите необузданных бойцов!»
Шум поднялся, царь слышал донесение рабов.
1444. На коня вскочил державный и тяжелый меч вознес;
Переключку совершая, строй воителей возрос;
Приближались ратоборцы, не страшившиеся гроз;
И забралами скрывали пышноцветность нежных роз.
1445. Тариэль, узнав Придона, молвил: «Вот кто нужен мне».
Снял шелом он, засмеялся, отблеск сея в вышине,
И добавил: «Знать, приход наш нежелателен стране,
И скупой на хлеб хозяин приготовился к резне».

1446. Соскочил с коня державный, совершил земной поклон
И друзьями дорогими был в об'ятья заключен.
К небу руки простирая, прославлял творца Придон.
Солнцеравных целовали охраняющие трон.
1447. Царь сказал: «Немало ждал я, что же мешкали вы там?
Разве стану я лениться, услужить желая вам?»
Солнц двоих с луною встреча здесь мерещилась рабам.
Быстро пастбища покинув, все направились к дворцам.
1448. Вместе спешились у дома, что убранством знаменит.
Мулганзарец Автандила усадить с собой спешит.
На престоле Тариэля расстелили аксамит.
Поднесли Придону братья те доспехи, меч и щит.
1449. «Кроме этого, — сказали, — что дадим тебе, герой?
Но у нас еще богатства есть и в местности другой».
Отвечал Придон, к ногам их припадая головой:
«Мне скорее подобает поднести вам дар такой».
1450. После отдыха ночного предложил купанье им
И подарками осыпал их радушный побратим.
Одарил он их обоих одеяньем дорогим,
Перлы в чаше драгоценной дал товарищам своим.
1451. Он сказал: «Хоть это слово мне не радостно ничуть,
Хоть от'езд гостей хозяин и желал бы оттянуть,
Промедление — смертельно, лучше ехать в дальний путь.
Если каджи подоспеют, не позволят и вздохнуть».
1452. Все возьмите без стеснения, что хотите, я отдам.
Я — ваш мост, и я — дорога вашим царственным ступням.
Из сокровищниц возьмите, сколько требуется вам,
Но скажите: войска много или мало нужно там?
1453. Лучше с малым, но хорошим, вдаль отправиться полком.
Человек, примерно, триста с нами двинутся верхом,
Сокрушим и завоюем мы Каджетию мечом
И, сердца людей томящий, тополь тела обречем.
1454. Я бывал у каджей прежде, их твердыня ранит взгляд.
Там со всех сторон обрывы, не исчислите преград.
Если двинемся открыто, нас, конечно, отразят;
Там, скользкий незаметно, малый надобен отряд».
1455. Побратимы с мулганзарцем согласились под конец.
Здесь Аснат до возвращенья предоставлен был дворец.
Триста всадников забрали озарители сердец.
Напоследок даст победу всем страдающим творец.
1456. Через море побратимы переправились втроем;
Путешествовали ночью, путешествовали днем.
И сказал Придон: «Мы скоро до Каджетии дойдем;
Чтобы враг не заметил, ночью двинемся тайком».

1457. Те послушались Придона, — мудрой речь его была.
Их задерживало утро, им сопутствовала мгла.
Скоро стены показались и охрана без числа,
И гудела часовыми окруженная скала.
1458. Та скала кругла повсюду, враг дороги не найдет.
По три тысячи охраны стережет у трех ворот.
Посредине круга крепость подпирает небосвод,
И, просверленный, свирелью подымается проход.
1459. У прохода десять тысяч охранявших увидав,
При луне узрели братья город с множеством застав.
И шептали: «Мы обсудим, чем смирить их лютый нрав.
Сотня тысячу осилит, средства лучшие избрав».

Сказ сорок седьмой

Совещание Придона, Автандила и Таризля под Каджетской крепостью

1460. Нурадин сказал: «Неверной будет речь моя навряд:
Лишь великими войсками можно взять подобный град;
Время ль хвастать? Мы имеем недостаточный отряд.
Простоим века напрасно, коль ворот не отворят.
1461. Хорошо канатоходству я обучен с давних пор,
Научился всем уловкам, стал я ловок, смел и скор;
Как носился по канату, уследить не мог бы взор.
Подражать юнцы пытались, но терпели все позор.
1462. Кто из вас аркан умеет лучше кинуть в высоту,
Тот один конец каната пусть метнет на башню ту.
По нему легко промчусь я и победу обрету.
Вы, войдя, внутри найдете вместо стражи пустоту.
1463. По канату в тяжких латах проскользну я без труда,
Налечу, подобно ветру, спрыгнув дерзостно туда.
Всех убью, врата открою; устремитесь — и тогда
Устрашающе протрубят трубы нашего суда».
1464. Автандил сказал Придону: «Для друзей ты не был лих;
Ты надеешься на крепость львиных мускулов своих;
Хоть тверды твои советы, хоть заплачет враг от них,
Но ужели ты не слышишь переключки постовых?»
1465. Ведь, узнав по звону брони о прибытии твоём,
Сторожа твою веревку поспешат рассечь мечом.
Брат, подобная попытка не окончится добром.
Твой совет не пригодится, мы другое выберем.
1466. Вы сокройтесь. Дело примет надлежащий оборот.
Для купцов не закрывают в этом городе ворот.
В одеянии торговца я сыщу свободно вход.
Мой клинок, шелом и панцырь мул за стены провезет.

1467. Если все войдем, заметят и немало будет ран.
Я один, переодетый, проберусь во вражий стан;
Тайно латы я надену, сторожей введу в обман,
И утес от вражьей крови станет влажен и багрян.
1468. Быстро с внутренней охраной за стеной расправлюсь я.
Вы, снаружи налетая, извлеките лезвия.
Все затворы и ворота распахнет рука моя.
Если лучшее найдете, будет принято, друзья».
1469. Тариэль сказал: «Храбрейших вы, могучие, храбрей;
Сочетаете вы мудрость с непреклонностью своей,
Вам свирепый бой желанен — не бесцельный звон мечей;
Хорошо в разгаре битвы быть среди таких друзей.
1470. Все же дело изберите вы достойное и мне.
С высоты Нестан увидит, стоя с солнцем наравне,
Вас, внутри мечом разящих, и стоящего извне.
И не спорьте. Что поможет осрамленному втройне?
1471. Мой совет скорей повергнет неприятелей во прах.
Мы возьмем по сотне каждый, чуть блеснет на небесах,
Трое с трех сторон к воротам устремимся на конях;
Те отряд увидят малый, но потом узнают страх.
1472. Налетим молниеносно, затворить не смогут врат.
Хоть один вовнутрь ворвется, двое пусть извне разят.
Пусть вошедший образует крови вражеской каскад.
Вновь да славится завтра в дланях дружеских булат!»
1473. Нурадин сказал: «Все это раз'яснилось для меня.
Вряд ли кто у врат задержит Тариэлева коня:
При дарении не снилась мне в Каджетии резня,
Иль тебе не подарил бы, как скупой, его храня».
1474. Нурадин шутил, толкуя о подарке дорогом,
И смеялись беззаботно острословные втроем;
В настроении веселом перед грозным ратным днем
Скакунов они водили в облаченьи боевом.
1475. Мулрой речью услаждаясь и не споря меж собой,
С Тариэлем согласились, вознесенные судьбой,
Взяли всадников по сотне, где героем был любой;
На коней воссели братья, шлем скрывая боевой.

Сказ сорок восьмой

Взятие Каджетской крепости и избавление Нестан-Дареджан

1476. Видел я троих героев; блеск их ярче солнца был,
В световом столбе стояли под опекою светил.
Тариэль на вороного сел и поле осветил.
Враг от вида пораженных падал в прах, лишенный сил.

1477. Мой рассказ необычайный только истиной богат:
Коль обрушится обильный ливень с облачных громад,
То в трепещущих ущельях все потоки закипят,
Но, когда вольются в море, только гладь увидит взгляд, —
1478. Хоть славны своим геройством и Придон, и Автандил,
Нет бойца, чтоб Тариэлю в ратном деле равен был.
Солнце сразу затмевает все созвездия светил.
Люди, слушайте, глядите, что содеет ратный пыл!
1479. Разделив между собою трое вражеских ворот,
Три героя взяли по сто смельчаков наперечет.
Чтобы все разведать, ночью быстрый сделали обход.
Рассвело, и со щитами смело двинулись вперед.
1480. Словно странники, сначала шли нестройною гурьбой,
И никто не распознал их, не окликнул часовой.
Встали вольно и спокойно перед вражеской стеной,
Шлемы во-время надели и скорей сомкнули строй.
1481. Сразу плети засвистели, кони кинулись вперед,
Крик отчаянный раздался из незапертых ворот.
С трех сторон три друга в город сразу врезались вразлет,
И от грома труб их дрогнул вражий прорванный оплот.
1482. Божья кара била каджей, возникая из высот.
Отвратясь от солнца, Кронос сумрак мертвенный несет.
Буйной бурей перевернут и низвергнут небосвод.
Поле павших не вмещает, тяжесть тел его гнетет.
1483. Грозный голос Тариэля без меча людей сражал;
Он срывал с людей кольчуги и метал металл в металл.
У ворот сгрудились в рубке, час решительный настал,
И ворвались все, и каждый стражу в ужас повергал.
1484. Встретясь в крепости, дивились Автандил и лев-Придон:
Облик площади был щедро кровью стражи обагрен.
Вскрикнув, радостно обнялись: больше не было препон.
Обернулись, — только третий побратим не обретен.
1485. Не узрели Тариэля, и никто не знал о нем.
Не теснимые врагами, к башне двинулись вдвоем,
Где виднелся холм доспехов, перерубленных мечом.
Десять тысяч тел застыло, прах на прахе был кругом.
1486. Перебитые лежали перед башнею полки,
На израненных останках — лат изрубленных куски.
От дверей, разбитых в щепки, не осталось ни доски:
Было видно — это дело тариэлевой руки.
1487. Видят оба — путь расчищен. Вмиг вошли в зиявший зев;
И змея, луну для солнца отпустив, забыла гнев.
Сняв шелом, с челом лучистым он предстал, похорошев.
С грудью грудь и с шеей шея райских двух слились дерев.

1488. Обнимались и рыдали, в их сердцах огонь был яр,
Словно, встретившись в лазури, к Зуало прильнул Муштар;
Солнце розу озаряет, и она горит, как жар.
До поры сердца страдали, — днесь даны друг другу в дар.
1489. Обнимались и стояли, шею к шее приложив,
Розы уст разверстых, юных вновь и вновь сливал порыв.
Подошли и побратимы. Был их облик горделив.
Славя солнце, перед светлой стали, головы склонив.
1490. Их приветствовало солнце, блеск улыбки в них проник,
Лик с лобзанием приветным к двум спасителям приник,
Изъявляя благодарность, низко кланялся тростник;
И беседовали дружно, и сверкал речей родник.
1491. Обратились к Тариэлю. Он, как тополь, в землю врос.
Говсрили друг о друге, за вопросом шел вопрос.
Враг не тронул их доспехов и увечий не нанес.
Львам они подобны были, а враги их — стаду коз.
1492. Шестьдесят и сто осталось у Придона из трехсот;
Жаль утраченных, но общий в деле радостен исход.
По врагам прошли с мечами: кто не умер — да умрет.
И нашли казну, которой совершить нельзя подсчет.
1493. Много мулов и верблюдов захватили из теснин;
Самоцветами навьючив, в караван свели один.
В каждом выюке каждый камень — яхонт, жемчуг иль рубин.
Завоеванное солнце усадили в паланкин.
1494. И, в Каджетии оставив славных стражей шестьдесят,
Повезли царевну, — трудно отобрать ее назад!
Взяли путь к морскому граду, хоть и дальше во сто крат,
Благодарные решили, что Фатман вознаградят.

Счастливые и радостные, они вернулись в царство Придона, захвав также к царю Гуланшаро, и отпраздновали там свадьбу Тариэля и Нестан-Дареджан.

Автандил предлагает теперь поехать спасать Индию, о тяжелом положении которой имеются какие-то смутные сведения. Но Тариэль категорически требует поездки сперва в Аравию, чтобы соединить Автандила с Тинатии.

В Аравии устраиваются большие торжества. Красота всех собравшихся вместе героев поэмы ослепляет взоры созерцающих.

Из Аравии три героя, с Нестан-Дареджан и Аснат, едут в далекую Индию. Автандил везет с собой восьмидесятитысячное арабское войско.

Приблизившись к Индии, они устраивают привал в одном из оазисов. Там же остановился торговый караван, идущий из Индии. Люди этого каравана одеты в траур. Тариэль расспрашивает их, кто они такие и почему в трауре. Те отвечают, что они — египетские купцы и возвращаются в свою страну из Индии. Вкратце рассказав историю Нестан-Дареджан и Тариэля, они поведали, что царь Парсалан, разыскивая целые годы и не найдя их нигде, недавно умер от горя. Нестан-Дареджан и Тариэль рыдают. Смущенные торговцы говорят им, что хатайский царь Рамаз, воспользовавшись смертью Парсадана, занял всю Индию, за исключением столицы, в которой заперлись царица-вдова и ее приближенные. Герои быстро достигают границ Индии, побеждают хатайцев и забирают в плен их царя Рамаза, который однажды уже был в плену у Тариэля. Освобожденная Индия снимает с себя траур и празднует возвращению Нестан-Дареджан и Тариэля, которых немедленно возводят на престол.

Сказ пятьдесят шестой.

Свадьба Тариэля и Нестан-Дареджан¹

1710. На престол родной воссели и супруга, и супруг.
Мать-царица ликовала и не знала больше мук.
Вдовьи взоры просияли, удалился злой недуг,
Горе радости сменили, и умолк рыданий звук.
1711. Так, достойные друг друга, в озарении венцов,
Восседали те супруги на престоле их отцов.
Их восславить не сумел бы ни единый из певцов;
Властелины затмевали всех адамовых сынов.
1712. За царицей все сменили погребальный свой наряд
На багряные одежды, ободряющие взгляд.
Всем царица говорила: «Позабудем боль утрат!
Посетила нас отрада, — лучше в мире нет награды!»
1713. Венценосцы получили — их могущества оплот —
Семь подвластных царских тронов, умножающих почет,
Испытали утешенье и забвение невзгод...
Только муки переживший — наслаждение поймет!
1714. Было больно оку смертных на блистающих смотреть.
Загремела, загудела оглушающая медь,
И народ индийский славу не устал царю греметь
И просил: «Распоряжайся, царь, сокровищами впрядь!»
1715. Автандилу и Придону трон поставили тотчас.
В честь героев своды зданья крик приветственный потряс.
О скорбях своих герои рассказали в этот раз.
Зрелищ не было чудесней и отраднее для глаз.
1716. Пили весело, и челядь приумножил государь,
И отпраздновал он свадьбу так, как праздновали встарь.
В равной мере всем дарил он безоары и янтарь,
А для нищих подаянье опускал в отдельный ларь.
1717. Мать-царица повелела привести вдовиц, сирот
И осыпать их дарами, чтоб любили царский род.
Человеческою речью тех не выразить щедрот,
И поздравил новобрачных осчастливленный народ.
1718. Тариэль сказал: «Царица! Просьбу выслушай одну:
Пощади царя Рамаза, возбудившего войну.
Он страшится и трепещет, он раскаялся в плену.
Небо милует злодея, признающего вину».

¹ Начиная с этой строфы перевод до конца поэмы, по причине смерти П. Петренко, выполнял поэт Борис Брик.

1719. И согласье мать-царица милосердная дала
И хатайского владыку для поклона привела.
Загремела песнопевцев неподкупная хвала,
И душа, что горевала, стала нынче весела.
1720. Рассыпал хозяин золото, серебро и жемчуга,
Заблестели все покои, как росистые луга.
Без числа кидали лепту, хоть бывала дорога,
И пирующих по сану не рассаживал слуга.
1721. Тариэль войскам арабским оказал большую честь:
«Здесь вы гости. Не стесняйтесь и берите все, что есть!»
Мулов, золотом нагруженных, каждый смог с собой увести.
Это взяли, как подарок... Остального же — не счесть.
1722. Автандилу и Придону в дар царица поднесла
Изумрудов и рубинов, и жемчужин без числа.
Расточительность царицы не нашла себе русла
И лилась на властелинов, чья рука ее спасла.
1723. Заслужили уваженье и Придон, и Автандил.
«Избавители вы наши!» — каждый в Индии твердил,
Исполнял владык желанья, как царям, хвалу кадил
И для дружеской беседы, словно к братьям, приходил.
1724. Одарил царя Рамаза, как и прочих, Тариэль
И велел: «Плати нам подать, как платил ее досель!»
Тот уехал, презирая недостигнутую цель
И душой благословляя покорителя земель.
1725. Тариэль Асमत заметил и сердечно молвил ей:
«Клятву дам, что всех наставниц и служанок ты верней.
Возвышайся и седьмою частью Индии владей,
И да будет это царство вечной вотчиной твоей!
1726. Царствуй славно и супруга по желанью избери,
И служите нам отныне, как вассальные цари!»
Но Асमत ему сказала: «Отсвет утренней зари!
Быть рабыней вашей — счастье. Об ином не говори!
1727. Одаренная всей сушей, не рассталась бы с тобой.
Не пойду отсель, не брошу я воспитанную мной!
Очевидицей была я славы солнца золотой.
Хватит вашего луча мне, чтоб довольной быть судьбой».
1728. Царь индийский возразил ей: «Горевала ты не раз,
Не однажды проливала слезы скорбные из глаз.
Молча, выслушай, рабыня, мой торжественный приказ:
И почетную охрану, и венец прими от нас!»
1729. И Асमत повиновалась: «Видно, горестям конец!»
Приведен был смелый витязь, отличившийся боец;
Принял он из рук владыки уготовленный венец
И повел свою супругу в отведенный им дворец.

1730. В шумных пиршествах герои провели немало дней,
На охоте и в забавах братьев не было дружной,
Им дарили редкий жемчуг и отборнейших коней;
Но тоска овладевала Автандилом все сильней.
1731. Царь, заметив, что тоскует аравийский властелин,
Молвил: «Видно, жены тянут даже издали мужчин.
Горе мне! Ты обезумел, вспоминая Тинатин,
Рок завистливый желает, чтоб остался я один!»
1732. Вслед за другом отпросился и Придон к себе домой:
«Как вассал, служить готов я Тариэлю всей душой
И по первому же зову я знакомою тропой
Устремлюсь к тебе, как серна к роднику в палящий зной».
1733. И ответил царь индийский: «Омрачились торжества.
Возвращайся же скорее, помни, друг, свои слова».
Автандилу же промолвил: «Вновь душа моя мертва,
Но удерживать не смею, ибо солнце манит льва».
1734. Царь отправил с Автандилом ряд сосудов золотых,
Много кубков огранных и нарядов дорогих:
«От меня отдай Ростэну ты почтительнейше их!»
И ответил тот: «Не знаю, как останусь я в живых!»
1735. А Нестан сестре послала и наряды, и вуаль, —
Стан и лик, не столь прекрасный, им украсить было б жаль.
И карбункул драгоценный, отгоняющий печаль,
Что, сияя словно солнце, освещал ночную даль.
1736. Попрошавшись с Тариэлем, сели оба на коней.
Всех троих тоска терзала все острее и больней.
Все индийцы наблюдали расставание друзей,
И воскликнул царь арабский: «Яд разлуки — всех сильней!»
1737. Вместе ехали герои. День за днями проходил,
И слезами на распутьи каждый землю оросил,
Был поход благоприятен для сверкающих светил,
И в Аравию спокойно возвратился Автандил.
1738. Был он подданными встречен и в чертоги был введен,
Он свое увидел солнце; скорбь исчезла, словно сон.
С Тинатин при громких кликах он воссел на царский трон
И священной короной был от бога награжден.
1739. Властелины дружны были и удачливы во всем,
В дружелюбные чертоги, как в родной входила дом,
Преступавшего законы усмиряли, как в былом,
И расширили владенья благодетельным мечом.
1740. Всех подвластных одарили, царский выполнили долг,
Вдов и сирот защитили, — плач обиженных умолк,
Покарали злодеянье и нагих одели в шелк.
Жили мирно в их владеньях и коза, и хищный волк.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СТРОФЫ

1741. Рок могучий вероломен и над каждым нависал.
Словно сон, ушли герои — и властитель, и вассал.
Бег веков подобен мигу и кого не ужасал?
Месх безвестный из Русгави, этот сказ я написал.
1742. Царь Давид наш солнцеликий, славный в думах и делах,
От Восхода до Заката на врагов наводит страх,
Двоедушного сражает, хвалит преданность в сынах, —
И воспел ему в усладу я предание в стихах.
1743. Недостойный петь Давида, преисполненного сил,
Я нашел преданье это — и в стихи переложил
Иноземных государей и судьбу, и бранный пыл,
И обычаев старинных справедливость восхвалил.
1744. Так! Неверна жизнь людская, и бытийственный ручей
Быстротечнее миганья человеческих очей.
Упования напрасны: рок — жесточе палачей
И, паря в мирах обоих, не щадит главы ничьей.
1745. Амирана восхваленье у Хонели мы найдем,
Славных дел Абдул-Мессии сам Шавтели был певцом,
Диларгета пел Тмогвели, неустанный языком,
Тариэля же — Руствели, вечно плачущий о нем.
-

Люди и факты

1. ЗИНАИДА РИХТЕР—Михаил Громов. 2. ЕВГЕНИЙ ЮНГА—Пограничные пелесы.

МИХАИЛ ГРОМОВ

Зинаида Рихтер

Июньский безоблачный день. Серебряный переулочек, на углу высятся здание госпиталя. В глубокой сини неба гул невидимого самолета.

Впереди меня идут две девушки в светлых платьях, они на ходу громко читают папанинские и шмидтовские телеграммы, напечатанные на первой странице «Правды».

Из ворот высыпала ватага ребят. Самый маленький, озорной, выбежал на середину мостовой и, взмахивая руками, как крыльями, кричит: «Я — флагман Водопьянов».

В это чудесное летное утро летающие в воздухе белые пушинки с отцветающего тополя напоминают воздушный десант.

Со стесненным сердцем вхожу в госпитальную приемную, надеваю обязательный халат, выслушиваю, как пройти к «больному Громову».

Больничный воздух, насыщенный лекарствами. Леденящая чистота лестниц и коридоров.

Поднявшись во второй этаж, стучусь в конце коридора в указанную мне палату. За дверью раздается спокойный, низкий голос Михаила Михайловича:

— Войдите.

Громов — в халате, за столом, откладывает книгу и встает.

— Наконец-то собрались, — говорит он, здороваясь, тоном дружеского упрека. В больничном халате Громов кажется выше, заметно осунулся, побледнел.

С мужественного лица исчез обычный свежий загар, отличающий людей воздуха. Но и в халате, и в больничной обстановке облик Михаила Михайловича оставляет впечатление подтянутости и бодрости, свидетельствующей о несокрушимом душевном равновесии. Пояс халата так же туго стягивает его талию, как и ремень гимнастерки. Спокойны, уверенны его неторопливые слова и жесты.

— В первый раз, утром, — говорит Михаил Михайлович, — проснувшись в госпитале, я просто сам себе не поверил...

Лучшие пилоты страны готовились к перелету, который должен был удивить мир. Экспедиция Шмидта уже вылетела на остров Рудольфа, центральные газеты отводили целые страницы героям воздуха... Стояли чудесные весенние дни, а Герой Советского Союза Михаил Громов лежал в госпитале.

Можно было вознегодовать на судьбу, упасть духом, распуścić нервы. Громов встретил это житейское испытание спокойно. «Чтобы хорошо владеть самолетом, — всегда говорит Громов, — надо прежде научиться владеть собой».

Помогая врачам, точно исполняя все их предписания, Громов и в больничной палате сохранял обычное свое равновесие духа и так же изумительно владел собою, как за рулем при прохождении тумана.

Вспоминается один мало известный, но замечательный случай из пилотской

юности Михаила Громова. Это было в годы, когда о слепых полетах еще не имели понятия. Летали на самолетах без навигационных приборов, ориентируясь по земле и небу, когда пилот больше всего полагался на свой глазомер и чутье.

Глубокой осенью Михаил Михайлович с борт-механиком вылетел из Москвы в Севастополь на воздушные состязания. Позади, в Москве, была слякоть, впереди — синее море, крымское солнце. В районе Серпухова начался густой туман. Слева надвигалась грозная, непроницаемая стена, еще можно было уйти от нее, повернув назад, но тогда сорвались бы состязания. Громов, рассчитывая на свое искусство и волю, продолжал полет на самолете без приборов в тумане.

Пилоты перестали видеть друг друга, исчезли небо и земля, плотная влажная повязка легла на глаза Громова, и он тут же почувствовал, как самолет валится на крыло... Громов продолжал полет, сохраняя самообладание.

Этот в буквальном смысле слова слепой полет продолжался очень долго. Наконец туман начал редеть, в разрывах облаков внизу зачернело пахотное поле.

После этого полета могли ли испугать Михаила Михайловича Громова слепые полеты на самолетах, вооруженных точнейшими приборами, — хотя бы в арктическом тумане?

Сейчас, вынужденный бездействовать в больнице, Громов не унывал. Он был уверен, что сумеет наверстать потерянное за время болезни. Очень хорошо, тепло говорил он о товарищах, участвовавших в воздушной экспедиции Шмидта. В нем не было и тени зависти больного к здоровым. Громова ничуть не тревожило, что кто-то его опередит, наоборот — победа товарища открывала перед ним возможность поставить новый, еще более значительный рекорд. Ничто не могло помешать Громову на любом маршруте показать свое непревзойденное искусство пролететь дальше и лучше.

Он весь был захвачен идеей перелета через полюс. Он говорил, что неинте-

ресно при благоприятной погоде или, положившись на «счастье», как-нибудь «проскочить» через полюс. Надо это сделать наверняка и безукоризненно. Иначе — не стоит.

Свой перелет через полюс «по точному графику» Михаил Громов вынашивал два года.

Вошла сиделка с подносом и диетическим завтраком. Михаил Михайлович с серьезным видом приступил к завтраку. Вдохновение, порыв не мешают Михаилу Михайловичу принять лекарство, добросовестно съесть пюре и кисель. Удивительно сочетаются в этом человеке вдохновение художника, героизм и педантическая точность.

Аккуратно и неукоснительно Громов проделывает свои ежедневные гимнастические упражнения, распределяет свой трудовой день и отдых. Ложится спать он ровно без четверти одиннадцать. Он ведет строгий образ жизни, следит за состоянием своего организма, как за работой мотора своего самолета.

Готовясь к трансарктическому перелету, Громов старательно накапливал силы. В выходной день он обязательно уезжал за город, сам управляя автомобилем. Увлечен теннисом и стал отличным теннисистом, изучал различные стили плавания. Атлетически сложенный спортсмен, образцовый, культурный пилот, он всегда изумлял своими физическими данными строжайшие испытательные врачебные комиссии.

Я не хочу утомлять больного долгой беседой и ухожу. На прощанье Михаил Михайлович говорит:

— Как только выпишусь из госпиталя, — прямо в Кремль, к Иосифу Виссарионовичу.

Врачи предписали оправившемуся Громову пребывание в санатории. Вскоре я позвонила на квартиру Громовых справиться, как чувствует себя Михаил Михайлович в санатории.

— Михаил Михайлович в Щелкове, готовится лететь в Америку.

На этот раз Михаил Михайлович не послушал врачей, направлявших его в санаторий. 10 июня в Кремле состоялось правительственное совещание с

участием Героев Советского Союза Чкалова, Громова, Леваневского.

Товарищи Сталин и Ворошилов поддержали Громова, ходатайствующего о разрешении ему перелета через Северный полюс.

Михаил Михайлович жил в щелковском штабе, осаждаемом напористыми корреспондентами газет, для которых являлось своего рода рекордом получить интервью у неразговорчивого, сдержанного Громова.

В Москву Громов приезжал изредка и ненадолго. Радостно было в эти дни услышать по телефону голос Михаила Михайловича с нотками какой-то особенной юношеской бодрости и жизнерадостности. Эти нотки появляются у Громова тогда, когда он захвачен большим делом, готовится к новому рекордному перелету. Но как только цель достигнута и начинаются восторженные овации, снова появляется

на его лице чуть-чуть ироническая улыбка. После каждой крупной победы Громов испытывает то же, что писатель, композитор, закончившие труд, поставившие последнюю точку.

Подготовка к громовскому перелету через Северный полюс проходила в спешном порядке. Приходилось наверстывать потерянное. Самолет Чкалова, начавшего готовиться раньше, вылетал первым. Лишь после отлета чкаловского

самолета вплотную подошли к усиленной подготовке громовского самолета.

Наступило самое хлопотливое и напряженное время. Приходилось преодолевать массу сложнейших препятствий: три раза сменить мотор, производить новые и новые испытания, чтобы выжать из машины все, что она могла дать. Громов лично проверял каждый винтик на самолете, помогал инженерам в сложнейших вычислениях.

Двенадцать лет назад, в июне 1925 года, Москва, как и сейчас, переживала большие авиационные дни. Это была первая дальняя воздушная экспедиция СССР.

В перелете Москва — Пекин участвовало шесть однотипных самолетов. И в этом отношении перелет был первым в мире. В самом грандиозном американском перелете вокруг света участвовало лишь пять однотипных машин.

Но самое замечательное в перелете было то, что наряду с двумя «Юнкерсами» летели 4 самолета, построенные на советских авиазаводах, — три биплана и один пассажирского типа. Два биплана «Р-1» были не только построены на советских заводах, но имели и моторы нашей конструкции и производства. В то время наша авиационная промышленность только начинала развиваться. За границей не хотели верить, что в СССР научились строить моторы. Да и у нас многие еще недоверчиво относились к советским моторам.

Воздушный путь, на котором предстояло советским моторам держать экзамен и соревноваться с «Юнкерсами», был неисследован: Уральские горы, сибирская тайга, озеро Байкал, пустыня Гоби, монгольские степи и горы и, наконец, далекий, загадочный Китай.

В Китае шла гражданская война. Многие у нас считали этот перелет безумным предприятием, заранее обреченным на неудачу:

— Лететь на советских самолетах и моторных через весь Азиатский материк, да еще в страну, где идет война, — предприятие чрезвычайно смелое и рискованное.

В пекинскую экспедицию были назначены лучшие пилоты того времени, отличные военные летчики: Волковиков, молодой талантливый пилот Михаил Громов, участник гражданской войны Екатов, Поляков, Томашевский, рекордсмен Найденов.

До пекинского перелета имя Громова не было знаменито, но в летном мире Громов считался первоклассным летчиком.

В 1917 году ученик старшего класса коммерческого училища Михаил Громов, увлекавшийся полетами и авиамоделизмом, придя однажды в училище, увидел расклеенные на стенах объявления о приеме в летную школу проф. Жуковского, — и это решило его судьбу. Время было военное, курс сильно уплотненный, курсантов муштровали и гоняли. Громову очень помогало отличное знание математики и географии. География — его любимая наука, он знает ее, как ни один штурман.

Отлично окончив авиационную школу в годы гражданской войны, Громов работал инструктором, испытателем машин. Он блестяще владел искусством высшего пилотажа. Знатоки, видевшие его фигурные полеты, называли его советским Фронвалем и предсказывали ему большую будущность. Как истинный художник Громов не довольствовался повторением уже известных фигур и придумывал новые. Он комбинировал сложнейшие фигуры высшего пилотажа. Иногда он перед полетом продумывал весь комплекс фигур, которые

собирался воспроизвести, иногда импровизировал в воздухе для тренировки в быстроте соображения и действия.

Громов проделывал свои фигурные вариации с поразительной чистотой и легкостью. С земли это представляло изумительное зрелище, непрерывный, неиссякаемый каскад самых разнообразных сложнейших фигур.

Однако Громов не был воздушным трюкачом, мечтавшим об успехе у публики. Фигурные полеты были его ежедневными обязательными гаммами. Эти постоянные технические упражнения давали ему возможность научиться лучше овладеть самолетом.

Как испытатель машин он поражал своим тонким искусством представителей иностранных авиационных фирм — наших поставщиков. В этом искусстве не было равного ему.

Время было еще тяжелое, мы только начинали ликвидацию последствий войны, блокады, разрухи. Михаил Громов, отличавшийся всегда исключительной скромностью, никогда не заботившийся о личном благополучии, в те годы жил, как настоящий беспартийный большевик, иногда впроголодь. Громову, и тогда крупному специалисту, достаточно было заикнуться, и ему предоставили бы все необходимое, но он никогда ничего не просил, не добивался никаких ордеров, пайков.

Однажды на аэродром была доставлена из-за границы новая машина, заказанная известной иностранной фирме. Приемочные испытания машины были поручены Громову. Представитель фирмы, иностранец, презрительно улыбнулся при виде советского испытателя, подошедшего к блестящей машине в более чем скромной, поношенной одежде.

«Ну, подожди, я тебе покажу», — подумал Громов, заметив презрительную улыбку иностранца. Поднявшись в воздух, Громов у самой земли начал крутой вираж. Поставив крылья почти перпендикулярно, он сделал изумительную спираль.

Представитель иностранной фирмы, не ожидая ничего подобного, вытаращил глаза, побагровел. Стоявшие рядом с ним испугались, как бы с ним не

случился удар, но он бешено зааплодировал и бросился со всех ног через поле к садившемуся самолету. Громов, выйдя из кабины, вежливо улыбаясь, вручал восторженные похвалы подбежавшего иностранца, который с энтузиазмом жал ему руку.

Фирма и не подозревала, чего стоил самолет в руках такого пилота, как Громов.

О Громове я много слышала до полета в Пекин, но познакомилась с ним лишь на аэродроме за четверть часа до старта.

В день вылета нашей экспедиции погода была серая, хмурая.

Низко проплывали разорванные облака, едва не цепляясь за шпиль Петровского дворца и вершины Серебряного бора.

С рассвета на аэродроме уже ожидала многотысячная толпа, делегации со знаменами и оркестрами. Подъезжавшие участники экспедиции проходили на аэродром сквозь расступавшуюся толпу, как между двух живых стен. Подобные проводы в то время были еще новы, непривычны, смущали.

Самолеты выведены из ангаров, но ветер не стихает. Назревает тревога: а ну, как вылет будет отложен?

Среди всех участников экспедиции Громов выделялся своим невозмутимым спокойствием, непринужденной естественностью. Подняв голову, он с серьезным лицом следил за быстро плывущими облаками, изредка поглядывая на часы.

В последние минуты перед отлетом я вынула блокнот и приготовилась писать, как вдруг рядом голос Громова чуть насмешливо произносит, как бы угадав мои мысли:

— А впереди безводная пустыня Гоби, фантастические приключения...

— А вам это безразлично? — спросила я, готовая обидеться.

— Совсем не безразлично, — просто и миролюбиво ответил Громов. — Но не следует так писать о перелете. Во всяком случае это преждевременно. Нет ничего сверхъестественного в том,

что мы летим в Китай на советских самолетах и моторах. Я за свой «Р-1» отвечаю, иначе не полетел бы. Разумеется, известный риск есть, трудности будут, но это может случиться и несравненно ближе озера Байкал или пустыни Гоби.

Михаил Михайлович был прав. Самым опасным местом нашего перелета оказалась не пустыня Гоби, а сарапульский аэродром, размытый дождями, не приготовившийся к приему экспедиции. На этом аэродроме опытный пилот Волковоинов при посадке едва не сломал себе шею.

От первого разговора с Громовым у меня осталось такое ощущение, точно он дружеской рукой вытащил меня из корзины романтического жюльверновского аэростата доктора Фергюссона.

Большую часть пути в пекинском перелете я летела на «Р-1» с М. Громовым.

В продолжение целого месяца этого богатого впечатлениями и переживаниями воздушного путешествия я имела возможность наблюдать будущего Героя Советского Союза как на земле. — во время подготовки к вылету, — так и за рулем в воздухе.

Эскадрилью перелета всюду в Сибири встречали многочисленные толпы; тут же, на аэродроме, едва успевали приземлиться самолеты, начинался митинг.

Михаил Михайлович не был опытным оратором. Его короткие речи, однако всегда отличающиеся большой искренностью и содержательностью, имели исключительный успех. Рабочие и крестьяне, обступавшие самолет, чувствовали, что этот высокий человек, с таким честным и решительным выражением лица, не бросает слов на ветер.

В продолжение всего перелета Михаил Михайлович вел себя исключительно сдержанно и скромно. Громов никогда и нигде не старался выдвинуться на первое место.

Наши летчики, еще не избалованные славой, носились с газетами, где были

помещены статьи, корреспонденции о них. В центральной и местной печати, разумеется, не обходилось без неточностей, ошибок. Одному летчику приписывали то, что сделал другой, и т. п. Иногда телеграф путал инициалы, фамилии. Тот, кого это касалось, принимал близко к сердцу малейшую ошибку. Исключение составлял Михаил Громов, ничуть не волновавшийся из-за ошибок, касавшихся его лично. Он очень требовательно относился лишь к тому, что освещало перелет в целом. Больше всего его раздражали неумеренные похвалы, техническая неграмотность корреспондентских передач.

Между М. Громовым и борт-механиком Е. Родзевичем были наилучшие дружеские отношения, но, как ни доверял, как ни ценил Громов своего борт-механика и друга, он считал все же необходимым самому проверить все до последнего винтика. Во время дней, когда остальные пилоты отлучались в город в театры и к знакомым, М. Громов неотлучно находился на аэродроме, возясь вместе с механиком над мотором. Пилоты, полагавшиеся исключительно на борт-механика, обычно перед вылетом нервничали из-за всяких неполадок в моторе. А Громов в это время расхаживал спокойно в стороне, засунув руки в карманы.

В продолжение всего пути Громов строго придерживался спортивного режима, делал гимнастику, упражнялся с гириями (Громов — чемпион РСФСР по тяжелой атлетике), не пил, не курил.

Обычно с аэродрома после митинга нас везли в город, и из кабины самолета мы попадали прямо на банкет. Хлебосольные сибиряки закармливали нас ильменями, икрой и другими яствами. Не было недостатка, разумеется, и в вине. Иногда, не отдохнув, сразу после банкета ехали на аэродром.

Громов со своим борт-механиком не подавались никаким уговорам — на банкетах они ничего не пили, кроме лимонада.

На одном большом сибирском банкете, когда слишком гостеприимные хозяева потребовали, чтобы Громов произнес речь, он наполнил свой бокал чистой

водой и поднял его за то, чтобы пилоты во время перелета ничего не пили, кроме воды.

... Наблюдать Громова во время перелета было большим удовольствием. Отличительная черта Громова как летчика — это расчет, математически строгая обдуманность действий.

Перед каждым трудным этапом (над оз. Байкал, пустыней Гоби), накануне вылета, он, как искусный шахматный игрок, обдумывал все ходы. Превосходно изучив карту перелета и атмосферные условия, он тщательно продумывал предстоящее столкновение с воздушными силами до последних деталей. Он готовился победить, но не забывал, что у него могущественный противник — воздушная стихия, которая будет всячески стремиться швырнуть его обратно на землю.

Он представлял себе всевозможные рискованные положения, изучал их и заранее искал выходов из них.

Но Громов — не односторонний человек, для которого все интересы замкнулись в авиации. Он любит и понимает музыку, живопись, природу.

В пути Громов часто присылал мне и борт-механику Родзевичу лирические записки:

— Смотрите на юг, как красивы Саянские горы.

Под крылом самолета проплывали необыкновенно живописные Саянские горы. Сколько хватает глаз, расстилось зеленое море кедров и сосен.

Мы летим все на восток, навстречу солнцу, оно поднимается над горизонтом в виде огненного диска, перед самым носом самолета. На позолоченном горизонте отчетливо вырисовывается за рулем спокойная, уверенная фигура Громова, и мне кажется, что я слышу, как сердце пилота и сердце самолета — мотор — стучат в унисон с точностью хорошо выверенных однородных механизмов.

Во время пекинского перелета две машины потерпели аварию; пассажирский самолет «АК-1», застигнутый самумом в пустыне Гоби, перевернулся при посадке и сломался. Пилоты остались невредимыми и прилетели в Пекин позже.

«Юнкерс» Полякова сломал крыло у самой пекинской стены. У всех пилотов, кроме Громова, были вынужденные посадки.

Громов совершил перелет безукоризненно. Вылетая последним и прилетая первым, он не сменил в этом далеком полете ни одной части в моторе.

Громов не обещал приключений на пути в Пекин, но без них не обошлось. На самом трудном этапе — Иркутск — озеро Байкал — Улан-Батор — экспедиция попала в полосу циклонов. Вылетев из Иркутска в сильный шторм, самолеты разошлись в облаках и потом снова нашли друг друга в Улан-Баторе, на границе Монголии.

Громову и Волковоину, вылетевшим из Иркутска раньше других, пришлось в бурю, под проливным дождем пробиваться горными ущельями. Громов шел впереди, и единственным ориентиром служило русло горной мутной реки. То и дело перед самым носом самолета вырастали скалы. Исключительное самообладание, находчивость и искусство Громова помогли самолетам выбраться из этой мышеловки и благополучно сесть в Верхнеудинске.

В пустыне Гоби эскадрилью настиг самум.

...Горизонт на востоке потемнел. Пепельно-серая гладь пустыни вздулась. А мы уходили к северу. Самолет Громова был быстрее грозного смерча.

Едва передохнув в Пекине, Громов и Волковоинов полетели в Токио (2700 км). Этот перелет они совершили в 3 дня. В воздухе они пробыли 18 часов. Дожди и туман осложнили этот и без того нелегкий перелет над высокими горами и морем. Много рискованных моментов пришлось пережить летчикам прежде, чем они увидели конусообразную вулканическую гору Фудзияма, которую в несколько ярусов опоясывали облака.

Из Москвы Громов вылетел мало известным в широких кругах летчиком. В Пекин и Токио он прилетел общепризнанной известностью, о нем говорила вся европейская, американская печать. Но блестящий успех и общее внимание не вскружили голову пилоту. На

пекинских и японских банкетах и приемах Громов держался с удивительным достоинством, выделяясь своей простой и скромностью, чего не могла не отметить иностранная печать.

Мы летели от Москвы до Китая 33 дня. В сравнении с последним перелетом Мих. Громова его первая экспедиция в 1925 году — перелет Москва — Пекин — аксаковское путешествие «на долгих». С того времени наша авиационность неизмеримо далеко ушла вперед. Сейчас кажется просто невероятным, что в такой дальний перелет, как в Китай, летчики отправлялись без парашютов. Парашютов тогда еще не было.

Вскоре после возвращения нашей воздушной экспедиции из Китая Михаил Михайлович, заглянув как-то ко мне, с увлечением рассказывал о новых только-что полученных из Америки парашютах, которые раскрываются в воздухе не механически, а по воле прыгающего — выдергиванием кольца. Он рассказывал о прыжках представителя американской фирмы, демонстрировавшего на московском аэродроме прыжки с этим парашютом с различной высоты и с разных положений самолета. Это был парашютист-трюкач, рекламировавший продукцию своей фирмы во всех европейских столицах. Михаил Михайлович предсказывал этому парашюту огромное будущее.

Но в летных кругах, по словам Михаила Михайловича, к парашюту отнеслись сначала с предубеждением. «Пусть прыгает медведь», — говорили летчики. Добровольцев испытать американский парашют не находилось. Громов первым вызвался прыгнуть с парашютом, но ему не разрешили, так как он в это время готовился к рекордному полету Москва — Рим — Париж — Москва. Позже, в 1927 году, Громову пришлось все-таки первому испытать действие десантного парашюта, спасшего ему жизнь при аварии испытываемого самолета. Самолет перешел в штопор, и Громову чуть ли не на последнем витке пришлось выброситься из кабины. Могучая центробежная сила как бы пригвоздила летчика к сиденью. Громов должен был

собрать всю силу своих богатырских мускулов, чтобы оторваться от машины.

Через год после пекинского перелета Громов на советском металлическом самолете «АНТ-3» в три дня облетел столицы Европы, доказав, что советские самолеты и пилоты не уступают французским. Еще через три года на трехмоторном самолете «Крылья Советов» он совершает свой третий перелет по Европе. В 1934 году он совершил свой четвертый перелет, побив мировой рекорд дальности полета по замкнутой кривой. Вместе с штурманом Спириным и инженером Фириным Громов доказал, что советский самолет и советский мотор — лучшие в мире.

Пятый перелет Громов совершил вместе со своими друзьями Юмашевым и Данилиным на замечательной машине «АНТ-25».

Нужно отметить еще одну черту Мих. Громова — умение подбирать товарищей-помощников. В этом отношении он очень разборчив. Первый бортмеханик Громова Евгений Родзевич, ныне выдающийся авиаинженер, и его помощники по перелету через полюс — Андрей Юмашев и Сергей Данилин — серьезные, скромные люди, талантливые летчики, лучшие сыны нашей великой родины.

Станция Щелково. Лесная дорога к штабу и аэродрому.

Разрешение М. Громова на посещение его у меня есть, и меня быстро пропускают.

Уборщица, провожающая меня по нескончаемым коридорам штаба в комнату, занимаемую Громовым и его товарищами, сожалеет, что завтра-послезавтра эти комнаты опустеют, — жильцы улетают в дальние края.

— А уж такие они хорошие люди, такие-то простые, скромные, нетребовательные. Много хороших людей я здесь neverидала, а эту тройку особенно любила. Просто жалко расставаться. Счастливого им пути.

Михаил Михайлович только-что возвратился с аэродрома после нового испытания самолета. В короткий срок он

неузнаваемо поправился после госпиталя. Окреп, загорел, полон сил и жизни.

Сегодня было последнее испытание. Товарищи заняты вычислениями. Через полчаса будут известны результаты. Наверно положительные. У Громова на этот счет нет сомнений.

— Теперь дело за погодой. Как только метеорологическое управление сообщит, что можно вылетать, — стартуем.

Настроение у Громова праздничное. Прохаживаясь со мной по дорожке штабного коридора, он неспеша рассказывает о той работе, которую он проделал со своими товарищами за последнее время. Маршрут уточнен и расписан, выработан самый точный график высоты и скорости полета на протяжении всего пути. Все сделано с таким расчетом, чтобы максимально сэкономить горючее и пролететь как можно дальше.

Слушая рассказ Михаила Михайловича о подготовке к перелету, я представляла себе этот героический перелет как головоломную, труднейшую математическую задачу. Недостаточно одной готовности к самоотверженному подвигу, недостаточно отваги. Нужны еще большие знания и опыт. Пилот должен быть отличным математиком.

— Наше направление, — говорит Громов, — на Новую Землю, а оттуда прямо на Соленое озеро. Помните роман Синклера?..

Провожая меня, он повторил фразу, которую я уже от него однажды слышала в госпитале:

— Еще никогда мне так не хотелось лететь, как сейчас.

И он так же, как и тогда, радостно, вдохновенно улыбнулся.

..Громов и его товарищи вылетели в Соединенные Штаты Америки через Северный полюс.

Об этом на рассвете возвестило радио. Утром почтальоны, разносившие газеты по московским квартирам, встречались, как самые дорогие гости, с громкими приветствиями. Понимая это волнение, газетчики торопились сообщить последние новости:

— Летит, все в порядке...

Летит, летит, летит...

Прямая, твердая линия громовского полета неуклонно тянулась от Москвы к Соленому озеру, в Сан-Франциско...

Шестьдесят два часа мы не спускали глаз с карты, перезванивались по телефону, радостно сообщали друг другу: перелетел полюс, Скалистые горы, все в порядке.

Сиэттль, Сан-Франциско, Сан-Диего— линия удлиняется к мексиканской границе.

Дух захватывало от восторга, от радости.

Громов и его товарищи скупно и коротко сообщали: «Все в порядке». Ни слова о тех тяжелых условиях, в которых они летели.

За их полетом следил весь мир, переговаривался по радио, телеграфу, телефону. С одного континента на другой передавался удивительный рассказ о по-

лете Громова сквозь циклоны, морозные туманы...

Все восхищались подвигом Громова и его товарищей, единогласно признавали Мих. Громова первым летчиком мира.

Наконец краснокрылый самолет Громова сел в нескольких километрах от Сан-Джасинто. Только после этого Громов послал телеграмму:

«Москва, Кремль. Сталину.

Экипаж выражает свою преданность, любовь и благодарность за то доверие, которое Вы нам оказали. Посвящаем наш перелет Вам, великому вождю народов.

Громов, Юмашев, Данилин».

Нужно знать Михаила Громова, нужно было видеть его затаенную радость перед полетом—«Еще никогда я так не хотел лететь, как сейчас», — чтобы понять, как много чувства вложено в эти простые, сдержанные слова большого мастера, обращенные к великому вождю и другу.

ПОГРАНИЧНЫЕ ПЛЕСЫ

(Из цикла дальневосточных рассказов)

Евгений Юнга

I. У РЕКИ ХОР

1

Человек бежал по снежному полю, озираясь, как затравленный волк. Впереди синела спасительная тайга.

Позади глухо звучали выстрелы. В прибрежном тальнике продолжалась перестрелка между пограничниками и бандой диверсантов, проникших на советскую территорию по льду реки Уссури возле устья сплавного притока Хор.

План капитана разведывательной службы удался. Банда перешла Уссури с тем, чтобы, приняв на себя удар советских пограничников, дать возможность шпиону уйти незамеченным вглубь страны.

Шпион отлично знал местность. Вдоль реки Хор до линии Дальневосточной железной дороги тянулась тайга. В ней

раскинулись редкие стойбища народа удэге и еще более редкие стоянки охотников-нанайцев, пришедших с Амура на беличий промысел. На случай встречи с охотниками шпион захватил флягу китайской водки.

Он бежал к тайге, стиснув рукоятку маузера, готовый расправиться с каждым, кто попытается задержать его бег. Следы догоняли шпиона. Они преследовали его до самой тайги.

Выстрелы звучали все отдаленнее и реже. Затем настала тишина. Шпион прислушался к ударам своего сердца к свистящей разноголосице ветра.

— Ушли обратно, — решил он и устало привалился к стволу столетнего кедра.

2

Сизые тучи, нависшие над тайгой, обрушились на пограничную зону густым снегом. Ветер с Амура, тряхнув

ветви деревьев, подхватил снежную россыпь и швырнул ее в поле. Начиналась пурга.

Иктэ Джексор гнал собачью упряжку вниз по реке. На узких нартах, притороченные ремнем, лежали трофеи дневной охоты — распластанные беличьи шкурки. Джексор часто оглядывался на них, гладил пушистые хвосты и, подгоняя упряжку, тянул нескончаемую песню о богатой зиме и хорошем охотнике Иктэ Джексоре, который убил за один день тридцать хулу¹, всем попал в глаз и не испортил ни одной шкурки.

Упряжка мчалась по берегу под ключими ветвями раскидистых кедров. Рядом, невидная в пелене пурги, кружила река Хор. Давно сковали ее морозы, покинули и разбрелись по домам сплавщики. Дремучая тайга стиснула реку с обеих сторон, скрывла за чащей дубняка и вековых кедров неприметные охотничьи тропы. На них стерегли белок меткие стрелки из удэгейских стойбищ и приезжающие с Амура колхозники-нанайцы.

Джексор был доволен охотой. Минувала третья неделя с того утра, когда его бригада покинула Найхин, расположенный на одной из бесчисленных амурских проток, и через сопки умчалась в тайгу.

Накануне отъезда, вечером, местная радиостанция, обслуживающая Найхин и соседнее стойбище Даэргу, транслировала концерт из Хабаровска. Джексор сидел на теплых канах². Перед ним была растянута сетка для ловли соболей. Он проверял целостность петель и тихо, без слов, мурлыкал песню. Комната охотника напоминала судовой камбуз после генеральной уборки: все в ней блистало чистотой и занимало свои, точно определенные, места. Только военный моряк, привыкший к идеальному порядку на корабле, может оценить опрятность жилищ найхинских поселян. Записи бывлых путешественников о нечистоплотности нанайцев и всяческих заразных болезнях, поражающих этот народ, не соответствуют действительности. На побе-

ленных стенах, под портретом Сталина, окруженном начищенными ружьями в меховых чехлах, висели трофеи прошлых охот: надпиленные рога изюбра, панты которого высоко ценятся китайскими врачами; рыжеватые шкурки кабарги, носителя мускусных мешочков, незаменимых в парфюмерной промышленности; клыки диких кабанов, в изобилии встречаемых у предгорий Сихотэ-Алиня, в долинах которого они паутся.

Над головой охотника, на украшенной ленточным орнаментом полке, темнел диск репродуктора. Так было почти в каждом доме Найхина.

Рядом с Джексором работали охотники его бригады — Пойа Оженка и Киле Мокона. Они чистили берданки и обсуждали предстоящее путешествие на реку Хор. На берегах ее промышляла орех белка. Пойа не соглашался бродить в тайге всю зиму без перерыва. Он предлагал вернуться в Найхин на отдых после трехнедельного беличьего сезона.

— Неправильно, Пойа, — возражал Киле. — Только собаки напрасно устанут, если ехать обратно за двести километров, а через неделю снова спешить в тайгу. Разве так надо делать, чтобы наша бригада была первой в Найхине? Разве ты не хочешь, чтобы у тебя дома слышали о Пойа-победителе, который набил пятьсот хулу?

— Если Пойа устанет, — насмешливо протянул Джексор, — мы дадим ему всех убитых белок и пошлем в Найхин. Пусть греется вместе со старухами на канах. А сами пойдем на соболя. Возьмем поросенка и заставим его кричать, чтобы матка дикого секача подумала, что ее зовет маленький секач. Собачки быстро помчат нарты на реку Анюй, на реку Хор. По дороге убьем секача, у которого клыки с огнем, зажжем на клыках щетину, поставим палатку и найдем десять соболей.

Киле проглотил слюну. Иктэ умел, как никто из охотников, показывать будущее. Не даром его звали зангином — очень красноречивым человеком, который умеет хорошо говорить, потому что ел мясо кукушки.

¹ Белок (нанайск.).

² Сплошные деревянные нары, под которыми находится обогревающий их камелек.

Пойа сдался после того, когда из репродуктора послышался знакомый голос Актанки — диктора найхинской радиостанции.

— Два лучших охотника, — говорил Актанка, — Иктэ Джексор и Киле Мокона заключили договор о соревновании. Они обязались набить за три недели беличьего сезона по пятьсот хулу каждый, и всем попасть в глаз, чтобы не испортить ни одной шкурки... Дирекция первого нанайского театра приглашает всех уезжающих охотников в клуб, где будет показана пьеса «Я виноват»...

Утром колхозный Найхин провожал охотников. В стойбище оставались только старики, женщины и школьники. Все мужчины уходили в тайгу. Таков был освященный веками обычай: летом нанайский народ добывал себе пищу в плавных водах Амура, зимой промышлял в тайге, на реке Хор, в предгорьях Сихотэ-Алиня, белку, соболя, кабаргу, дикого кабана.

Старые нанайки в синих очках и расписных унтах принесли охотникам подарок — соленые китайские арбузы-сянчуаны. У нарт торжественно выстроился пионерский отряд. Школьники с завистью смотрели на охотников. Каждый из нанайских пионеров имел звание юного ворошиловского стрелка и мечтал о том дне, когда сможет взять упряжку и помчаться на реку Хор.

Прошли три недели. Беличий сезон близился к концу. На бригадном складе, у Трех Кедров, соклаи на вешалах полторы тысячи хулу, результат охоты Иктэ Джексона, Киле Мокона и Пойа Оненка.

... Толчок нарт отзлек Джексона. Сквозь запыленные ветви хвои виднелась знакомая поляна с тремя гигантскими кедрами посередине. Между ними, на сваях, защищающих от лесных хищников, чернел бревенчатый сарай, где охотники хранили продовольствие и пушнину.

У склада никого не было, хотя Пойа обещал вернуться первым и привезти кабана. Он забрал с собой поросенка. Охотники захватили его из Найхина. Визг поросенка служил приманкой для матки дикого секача.

Джексор распряг собак и, подойдя к складу, заметил полузанесенные пургой следы человека. Это не были следы Пойа. Вероятнее всего, на склад забрел охотник-удэгеец, у которого вышла провизия. Гостеприимство было законом тайги. Не раз охотники-нанайцы, блуждая в пурге, встречали самый радушный прием в стойбищах народа удэге.

Джексор собрал шкурки, перебрал их на свайную площадку, бережно положил дробовик и на руках подтянулся к дверцам склада.

Железные засовы были отодвинуты. Охотник распахнул дверцы. Из глубины склада в упор на него смотрело дуло маузера.

3

— Заходи! — приказал шпион. — Давай ружье! Твой склад?

Джексор утвердительно кивнул. Он был ошеломлен поведением незнакомого человека.

— Кто еще с тобой? — спросил тот.

— Нет никого, — ответил Джексор. — Все на охоте, — объяснил он. — Пурга метет. Нельзя ехать. Можно пропасть.

— Да ты не бойся, — повеселел шпион и, отбросив пинком ноги в сторону дробовик, спрятал маузер. — Я сам испугался. Думал — идет худой человек. Все лето работал, бревна сплавлял, много денег получил, вот и боюсь. Иду домой. Пурга застала. Кушать есть?

Охотник достал из угла мешок с продуктами.

— Кушать есть, — сказал он, присев на корточки. — Чай есть, хлеб есть, сахар есть, юкола есть, мясо в железных банках есть. Колхозный кооператив много кушать дал.

— Так ты в колхозе!.. — протянул шпион. — Нанаец? Вы же и сеять не умеете.

Джексору не понравились слова незнакомца.

— Хлеб сеем, — стал перечислять он, — картошка растет, капуста растет, помидоры есть, бобы есть, сянчуаны есть. Раньше ничего не было.

— Даже сянчуаны?.. Ну, это, приятель, мелочь по сравнению с нашими

российскими арбузами. Давненько я их пробовал... А спирт есть? Могу угостить.

— Спирт не надо! — отказался Джексор.

«Этот человек похож на манчу¹, — подумал он. — Советские люди никогда не предлагают нанайским охотникам спирт. Они знают, что много нанайских охотников умерло от спирта».

— Наши старики, — сказал Джексор, — говорят, что давно раньше, когда нанайский народ назывался Ха, над землей светило три солнца, и плохо было жить тогда нанайским людям: вода кипела, земля кипела, рыба и зверь умирали. Шаман Ходо хотел помочь народу и убить одно солнце, однако убил два. Земля и вода перестали кипеть, следы зверей остались на письменных камнях Сакачи-Аля², однако, нанайский народ не стал лучше жить. Приехали к нам русские шаманы, надели кресты и заставили церковь строить. За ними приплыли манчу, привезли табак, оружие, спирт, забрали у охотников всех белок, всех соболей, торбаза, унты, панты, немного дали в долг до будущей зимы. Охота в тот год была плохая, орех не родился и вся белка ушла с Хора к верхнему Амуру на Хинган, где большой дубняк и много жолудей. Снова приехали манчу, забрали все, что осталось, и дали спирт. С той зимы нанайские охотники всю жизнь были в долгу, пока не пришли советские люди и не прогнали манчу. И перестал нанайский народ пить спирт, стал хорошо жить и хорошо родиться.

— Ты не манчу? — неожиданно спросил Джексор.

Шпион отшутился.

— Вся прелесть жизни в этом, — показал он на флягу с сивухой. — Было холодно, станет тепло. Было скучно, станет весело. Выпей, приятель!

¹ Китайские и манчжурские купцы.

² Нанайское стойбище на берегу Амура, в 70 км. ниже Хабаровска. Возле этого стойбища находится груда скал, испещренных древней клинописью, рисунками зверей и животных. Скалы называются «письменными камнями».

Джексор замотал головой и, взяв охапку юколы, направился к выходу.

— Куда?

Шпион вытащил маузер.

— Собачки голодные, — спокойно сказал охотник. — Кушать надо давать.

— Иди, — разрешил шпион. — Пурга пройдет, меня повезешь. Заплачу сполна.

Джексор неторопливо вышел на свайную площадку, молниеносно захлопнул дверь, закрыл ее на засов и спрыгнул в снег.

Дикая ругань раздалась ему вслед.

4

Пурга замела воровские следы. Пограничная ищейка беспомощно тыкалась влажным носом в снежные сугробы.

Одно было ясно: нарушитель ушел вверх по реке Хор, к железной дороге, в тот момент, когда застава отбивала нападение банды. Это предположение подтвердили захваченные на берегу Уссури диверсанты. Надо было не выпустить шпиона из пограничной полосы.

Ищейка насторожилась и подняла торчком волчьи уши. В следующее мгновение она рванулась к тайге. Начальник заставы, увязая в снегу, едва поспевал за ней.

Из пурги вынырнуло пятнышко. Оно приближалось, росло с каждой минутой, и вскоре охотник-нанаец остановил упряжку перед пограничниками.

— Там худой человек! — показал Джексор на тайгу. — Не охотник. Похож на манчу. Сам залез в склад, хотел стрелять большим револьвером, отнял ружье и давал спирт.

— Куда он пошел? — окружили Джексона пограничники.

— Он не пошел, — засмеялся нанаец. — Он хитрый, как соболь, и глупый, как белка. Я сказал: надо собачкам юколу давать. Он сказал: ладно. Я пошел из склада и быстро закрыл дверь. Он очень ругался, обещал много спирта и денег. Но я сказал, что он глупый, как белка...

К утру, израсходовав все патроны, шпион сдался.

II. НА ПЕРЕКАТЕ

1.

Крюков проснулся, как всегда, на расвете. Надо было отправляться на перекат и гасить путевые огни. По ночам огни освещали берега Амура, вдоль которых шли стахановские караваны Лыхина, Федченко, Разумовича и многих других капитанов.

Крюков взглянул в окно. Белесая кисея тумана прильнула к стеклам, скрыв широкий простор реки и песчаный приплесок, на котором одиноко желтел бревенчатый домик бакенщика.

«Самая удобная пора для нарушителей, — подумал Крюков. — Не зря советовал майор остерегаться тумана».

Бакенщик был польщен визитом начальника пограничного отряда. Майор инспектировал заставы и на пути из Казакевичевой протоки завернул на Верхнепаспасский перекат, где работал Александр Крюков, живший на приплеске с женой и ребенком, вдали от села и заставы, рядом с манчжурской границей. Капитаны и лоцманы, рапортуя о состоянии пути и обстановки, неизменно хвалили безукоризненное освещение на бойком речном перекрестке. Участок Крюкова находился возле тальниковых островов Казакевичевой протоки, соединяющей Амур с тиховодной гладью кравицы Уссури.

Майор удовлетворенно отметил опрятность крохотной будки бакенщика, поиграл с годовалым сыном Крюкова, обронил, между прочим, что его двое ребят тоже давно живут на границе, спросил о буднях.

— Дело твое, товарищ Крюков, — сказал он, — не менее ответственное, чем наше. Вместе на вахте стоим.

И майор перевел разговор на охоту, на замечательные места Дальнего Востока, которые он неплохо узнал и крепко полюбил за четырнадцать лет пограничной службы.

Крюков пригласил его на речку Забеловку. Речка текла вблизи Амура, среди заболоченных лугов. Ее камышевые заросли кишели дичью. Майор обещал приехать.

... Туман наслел на Крюкова, едва он

спустился с крыльца. Зябко ежась от промозглой сырости, бакенщик ощупью пробрался к сараю, где хранились бочки с керосином, проверил запоры, захватил весла и уключины и спустился к реке.

Сквозь туман на приплес ворвался далекий пискливый гудок.

— Манчжурский. Идет вверх, — определил Крюков. Он знал наизусть гудки пароходов и по ним, не видя судна, безошибочно угадывал его название. — Наловил рыбки в уссурийской водичке. Тянет их на советскую рыбку, словно комаров из тальника на огонь бакена.

Десятки старомодных заднеколесных пароходов прошли за навигацию мимо поста бакенщика, Казакевичевой протокой, из Сунгари через Амур на Уссури. Они тянули за собой вереницы баржонок, заставленных рыбацкими лодками. На баржах восседали сунгарийские рыбаки в стеганых кацавейках и широкополых войлочных шляпах. Рыбаки ехали к манчжурскому городу Хай-Сюй-Чженю, лежащему на берегу Уссури. Ибо хотя и обильны рыбой дальневосточные реки, но богаче всех медлительная и плавная Уссури. На ее живописном правом берегу, на советской стороне, раскинулись пограничные колхозы, рыбалки, нанайские стойбища, лесоспелочные запани; напротив них — поросшие белоголовым камышом пустынные степи Манчжурии, редкие, грязные и скученные манчжурские местечки, именуемые городами. Как цвет моря отличен от цвета впадающей в него реки, так и синие струи Уссури не похожи на грязную муть Амура и не сливаются с ней даже у самого устья, текут отдельно, обрываясь внезапно за Казакевичевой протокой. За чистоту и прозрачность уважает Уссури всяческая рыба, кроме хищной щуки, предпочитающей мутную воду.

Бакенщик выгреб на стрежень и поплыл против течения. Сразу исчез берег. Шуршащее шлепанье колеса раздалось почти рядом. Оглушительно взвизнул гудок, и, тяжело вращая кормовое колесо, прополз расплывчатый силуэт парохода.

— Манчжурский, — убедился Крюков.

Шум колеса звучал все глуше. Невидная в тумане, чуть слышно накатывалась на приплески зыбь, отброшенная пароходом.

Бакенщик замер на веслах. Ему показалось, что ритмичный такт зыби нарушен посторонним звуком. Будто кто-то осторожно подгрёбал к советскому берегу. Крюков остановил лодку, напряженно прислушиваясь. Но звук не повторился.

Гребец снова вонзил весла в мутные воды Амура и повел лодку в туман, к перекату, где тускло желтели путевые огни.

2

Легкий утренний ветерок развеял туман и унес его на манчжурский берег. Солнце лениво выползло из-за лиловых вершин Хехцирского хребта и щедро разбросало сияющие лучи над черноземными долинами Приамурья. Багряные склоны сопок засверкали позолотой. Между ними катил могучие струи величавый Амур, убегала на юг, к Уссури, протока.

Треугольники птичьих стай, похожие на эскадрильи истребителей, не признавая границ, мчались к побережьям Тихого океана. Крюков проследил за ними и яростно налег на весла. Глаз охотника не мог остаться равнодушным при виде откормленной дичи. Бакенщик жалел, что не захватил дробовика, которым бил уток в камышевых зарослях речки Забеловки. Он греб к приплеску и по-хозяйски привычно оглядывал прибрежные кусты. Берег казался безлюдным и пустынным. Лишь на советской стороне, за мыском, нависшим над рекой, синевато курились дымки жилищ нанайского стойбища.

Мимо Крюкова плыли узкие оморочки¹. Молчаливые нанайцы сосредоточенно вели челны против течения. На дне оморочек сверкали огромные краснополовые лососи. Наступил день рунного хода кеты.

¹ Нанайские лодки, сделанные из досок и бересты.

Старый нанаец возглавлял флотилию. Он стоял на корме флагманской оморочки, похожий на музейный экспонат. Разноцветное одеяние и приплюснутая шляпа, из которой торчало птичье перо, выделяли его из толпы рыбаков. У ног старика темнел трезубец остроги. Он безошибочно вонзал ее в амурских сазанов, желтощеков и гигантских осетров...

Старик пел. Слова непонятной песни звучали над тихой рекой:

Сэгзэн скунбэ икэнэпу,
Айсин биххэвэ ганапу...¹

Бакенщик провел лодку мимо стойбища. Цепь остроконечных хоморанов² раскинулась у воды, окаймленная кольями вешал, на которых вялились бледно-розовые рыбы пупки, юкола для собак и малиновые ленты икры. На берегу, ошеломляя пестротой орнаментов на халатах из рыбьей кожи, женщины шхерили кету. Движения их были уверенны и четки. Кривыми и длинными, как кинжал, гэрсо³ они вырезали жабры, прокалывали хвост, надсекали его и, молниеносно распластав рыбу, небрежно швыряли ее на песок. Вокруг чинно сидели густошерстые псы, ленивые от пресыщения отбросами. С крыльца сельсовета, дымя самодельными трубками, степенные пожилые нанайцы наблюдали за работой женщин.

Амур раскрывал перед Крюковым свои богатства. Тысячи рыб раннего улова заполняли влажный песок приплеска: огромный желтощек, мясо которого не менее вкусно, чем белорыбий балык; китайский ерш-синепер; хищно оскаленная щука; похожий на камбалу, смешно подпрыгивающий над приплеском лец; залитый собственным жиром амур; очумелый верхогляд с безобразным ртом и выпученными на затылке глазами; удивительно красивый сазан; продолговатый змееголов; червная касатка; максун, стаями бродящий по реке, яростно атакующий лодки и даже

¹ «Красное солнце смотреть едем, золотую грамоту привезем» (из нанайской песни).

² Летние жилища нанайцев, сделанные из бересты и коры.

³ Женский нож у нанайцев

пароходы. На берегу ожидала разделки кета, прошедшая в любовном экстазе длинный путь из Охотского моря на тысячу километров вверх против течения.

Бакенщик повернул обратно к приплеску. Голос поющего старика замер вдали.

Граница жила незаметной, настороженной жизнью.

На корме лодки, вздрагивая от хода, тонко звенели фонари, снятые с переката. Тишина подкупала, но Крюков неодобрительно смотрел на прибрежные кусты тальника. Это была мелочь, заметная только пограничному жителю, который привык отличать даже шелест ветра, бегущего по верхушкам кустов, от шороха, производимого человеком. Тальник, накануне стройно торчавший, разбросал изогнутые ветви по сторонам, словно его разметал ветер.

Бакенщик заторопился. Он подгрел к приплеску, на минуту забежал домой, достал дробовик и отказался от завтрака.

— На уток, — ответил он на вопрос жены. — Боюсь, что с гостями встречу. На втором километре с кустами неладно. Если долго не вернусь, сбегай на заставу и скажи лейтенанту.

Крюков не ошибся. Скрытая ветвями тальника, в кустах была спрятана плоскодонная манчжурская лодка. Тогда бакенщик вспомнил подозрительный плеск в тумане и припал к земле, отыскивая следы.

Дело становилось серьезным. Следы трех человек вели к речке Забеловке.

3

У стога сена сидели три человека. От речки до огненно-бурых сопок с трех сторон простиралась пустынная долина, где редкими пучками адели кусты боярышника. Ни одно движение в долине не могло ускользнуть от людей, сидящих у стога. С четвертой стороны, отгороженный зарослями шуршащего на ветру камыша, бежал к Хабаровску широкий Амур, тянулась зона пограничных застав, мимо которых они так удачно пробрались. За Амуром синели далекие горы, раскинулись пастбища и лесные массивы Манчжурии.

Трое приплыли оттуда. Пограничный уссурийский городок Хай-Сюй-Чжень был местом их последней встречи с капитаном разведывательной службы. Капитан предложил им на выбор несколько маршрутов, по которым, с его точки зрения, они могли наверняка достигнуть Хабаровска, но категорически не рекомендовал переплывать Уссури и пробираться к полотну Дальневосточной железной дороги. «Это бесполезно, — разъяснил он шпионам. — Уссурийскую зону придется на известный период оставить в покое. Там каждый житель и даже бродячие охотники-нанайцы действуют заодно с властями».

Этот капитан больше всего на свете ненавидел уссурийских колхозников. Они провалили не один тщательно разработанный им план диверсии и совсем недавно из'яли двух ценных агентов, когда те возвращались обратно. Подробности ареста шпионов привели капитана в бешенство. Счетовод колхоза села Новосоветское Антон Жуков обнаружил их в покосе, где они ждали темноты, чтобы перебраться через реку в Хай-Сюй-Чжень и явиться пред ясные очи капитана. Колхозник не растерялся. Он навел на ошеломленных шпионов... гребень и приказал им поднять руки. Над покосом сгустились сумерки, и шпионы приняли гребенку за маузер.

Счетовод обезоружил их и привел на заставу.

Трое избрали иной маршрут — знакомую им издавна Казакевичеву протоку, памятную по лихим годам интервенции и разбоя под командованием дальневосточного палача Калмыкова. Они сели на пароход, переполненный рыбаками, едущими в Лахасусу и Фугдин, и поплыли вниз по Уссури. На рассвете, когда рыбаки-пассажиры спали, а над Казакевичевой протокой встал молочный туман, они слезли в лодку, шедшую под бортом, и воровски погребли к советскому берегу. Туман помог шпионам спрятать лодку в кустах и уйти от глаз пограничных дозоров. Когда прояснилось, они были за камышами речки Забеловки, возле спасительного стога, у которого впервые за много часов почувствовали себя в безопасности.

Жаркие осенние лучи солнца нагревали душистое сено. Опьяняющий запах сухих луговых трав кружил голову. Поочередно осматривая камышевые заросли сквозь «глазок», пробитый в сене, они шопотом ругали капитана разведывательной службы за скаредность.

Миновало несколько спокойных часов.

Шпионы ждали вечера; чтобы уйти заболоченной долиной к перевалочному амурскому пункту Покровка, откуда был виден Хабаровск. Двое зарылись в сено и спали перед долгим ночным переходом, третий дремал у «глазка».

Тень упала на шпиона, как тяжеловесный удар. Он удивленно открыл глаза и отпрянул в сторону.

В упор на него смотрело дуло ружья.

Шпион зачарованно следил за обрубком пальца, лежащим на спуске изогнутого курка.

— Ша! — сказал шопотом человек. — Подними руки и встань сюда!

Он ловко перехватил кисти рук шпиона ремнем, снятым с дробовика, обшарил его карманы, извлек из них нож и сверток.

— Эй, друзья! — крикнул бакенщик. — Кто вам разрешил мять чужое сено?..

Он подождал, пока шпионы выбрались из стога, и, пропустив их вперед, повел на заставу.

— Принимай гостей, товарищ лейте-

нант, — сказал бакенщик начальнику заставы. — Туман использовали. Спали за стогом, как сурки. А лодку манчжурского происхождения в кустах оставили, на втором километре от постовой будки.

— Ну, прощайте пока, — кивнул Крюков пограничникам. — Пойду на охоту. Богатая нынче на уток осень у Забеловки.

И бесшумно исчез в тальниковых зарослях.

4

Вечером Крюков зажег фонари на перекате. Сверху, от Хингана и Горючих гор, от быстрых стремнин Буреи и Зеи, плыли к Хабаровску стахановские караваны. Весь плес до излучины был похож на улицу, иллюминированную разноцветными лампочками: это мерцали бортовые и топовые огни.

— Не Амур, а проспект Карла Маркса¹, — гордо воскликнул бакенщик. — Ничего удивительного. За одну навигацию сколько судов прибавилось. И каких судов! Разве сравнишь с нашими экспрессами манчжурские галоши! Сунгарийские заднеколесники давно в музей просятся.

Он окинул реку хозяйским взглядом.

¹ Главная улица в Хабаровске.

За рубежом

ВОИНА ШПИОНОВ И ДИВЕРСАНТОВ

Ричард Роуан

Сокращенный перевод с английского

Советский читатель уже знаком с одним произведением Ричарда Роуана, американского журналиста, пишущего о шпионаже и диверсии. В сокращенном виде перевод его первой книги, «Шпионы и контрразведчики», напечатан в «Правде».

Здесь мы приводим сокращенный перевод другой книги Роуана. Отличие этого автора от многих других буржуазных авторов, пишущих о шпионаже, состоит в том, что он не излагает автобиографических фактов, не рассказывает об эпизодах, косвенными или прямыми участниками которых бывают большей частью авторы таких книг. Он старается осмыслить и подытожить все те сведения о шпионаже и диверсии, какие он собрал, и нарисовать картину развития шпионажа и диверсии в будущих войнах.

Развитие авиации, моторизации и механизации армий периода конца мировой войны и особенно послевоенного периода решительно изменило взгляды на характер будущей войны.

В будущей войне значение тыла для успешных действий на фронте возрастет во много раз. Экономическая мощь страны, «моральная устойчивость» народных масс, степень их органической связи с фронтом — вот что в конечном итоге определит успех оружия той или иной воюющей стороны. В соответствующей, немалой, части успех будет зависеть от того, как организованы разведывательная и контрразведывательная службы.

Роуан не случайно в этой связи говорит, что «шпионы сегодня ведут войну завтрашнего дня».

Подготавливая новую империалистическую бойню, готовя нападение на первое в мире социалистическое государство рабочих и крестьян, капиталистическое окружение засылало и пытается засылать в нашу страну шпионов, диверсантов и убийц с заданием все выведать, вредить и разрушать.

Зловонные подонки троцкистско-бухаринского антисоветского подполья оказались для фашистских разведок ценнейшей находкой. Эта контрреволюционная нечисть, люто ненавидящая нашу социалистическую родину, охотно продавалась японо-немецким шпионским и диверсантским штабам, выполняя их задания по подрыву обороноспособности и народного хозяйства нашей страны.

Но напрасно элораствовали фашистские разведки вместе со своим главным подручным, кровавым обер-диверсантом Троцким. Советская разведка, руководимая верным сталинцем товарищем Ежовым, сумела выловить и советская власть раздавила главные гнезда шпионов, диверсантов и предателей, прибежавших к подлейшей и тончайшей маскировке.

Разоблачение пятаковых, тухачевских, якиров и прочих шпионов и диверсантов еще сильнее сплотило всех советских патриотов, весь народ нашей прекрасной родины вокруг Центрального Комитета ВКП(б), вокруг нашего великого вождя

товарища Сталина. Каждый честный гражданин становится еще более бдительным, более настроенным, — чтобы ни одному лазутчику из капиталистического окружения не дать житья на советской земле.

Повышению большевистской бдительности, умению распознавать шпиона и диверсанта, как бы хитро он ни пролезал в нашу среду, помогает ознакомление с коварными приемами и методами работы буржуазных разведок, описанными в данной книге.

В будущей войне «тайная служба», больше, чем когда бы то ни было прежде, будет преследовать не только цели собирания информации, но и совершения диверсионных и террористических актов. Исходя из этих положений, Роуан описывает целую систему подрывной деятельности «тайной службы». Он указывает, что нет такой области жизни страны и народа, где бы диверсант не мог попытаться навредить.

Роуан признает, что кадры буржуазной разведки — это худшие подонки капиталистического общества. Громили, педерасты, фальшивомонетчики, сребролюбцы, авантюристы и продажные политические проходимцы без роду и без племени, — вот кто те шпионы и диверсанты, которые «сегодня ведут войну за страшного дня».

Но Роуан в этой книге высказывает и неверные соображения о роли шпионажа и диверсии в системе вооруженной борьбы. Рассуждения об усложнении и о мощи оружия шпионажа и диверсии Роуан использует для подведения читателя к одной из центральных своих идей. В изображении Роуана начальник «тайной службы» превращается в вершителя судеб войны, в независимого от господствующей буржуазии человека, сидящего у «пульта с множеством кнопок», которые ему стоит лишь нажать, чтобы диверсанты, шпионы, — словом, вся «армия тайной службы» начала действовать по заранее разработанному им, «человеком у пульта», плану, увлекая за собой

прочие вооруженные силы страны. Исходя из этого, Роуан заявляет, что каков бы ни был уровень развития «прочих» вооруженных сил участников войны, — разведка, или «армия тайной службы», явится «великим уравнивателем». Этот образ Роуан заимствует из обихода американского «Дикого Запада», где, во времена его колонизации, «револьвер 45 калибра» уравнивал силы слабого и сильного, где умение во-время и метко пустить пулю повсюду решало спор.

Такое присвоение одному из подсобных родов империалистического оружия первенствующего и решающего значения не является оригинальной концепцией Роуана. Более сведущие, чем он, военные деятели проповедают теорию первенства в войне отдельных технических родов оружия. Порочность этих теорий давно разоблачена в нашей литературе.

Вторая особенность рассуждений Роуана, это — застрашивание. Роуан не первый и не последний буржуазный автор, который всячески доказывает, что между фронтом и тылом в будущей войне «никакой разницы не будет». Не стоит перечислять все те ужасы, которые мобилизует Роуан для подтверждения своей мысли. Иначе у него и не могло быть, поскольку «армия тайной службы», по Роуану, есть решающая сила и поскольку эта армия занимается всеобъемлющей пропагандистской и вредительской деятельностью; поэтому для Роуана совершенно исчезает всякое различие между фронтом и тылом.

Исходя из своих положений, Роуан рисует стратегию будущей войны. Существование этой стратегии сводится к тому, что по сигналу пресловутого «человека у пульта» «армия тайной службы» наносит молниеносный сокрушительный удар противнику и тем начинает... и завершает кратчайшую войну.

Учтя эти критические замечания, наш читатель найдет в книге Роуана много такого, что поможет ему распознавать японо-немецко-троцкистских шпионов и диверсантов.

ГЛАВА I

С каждым часом на нас надвигается все ближе та неизбежность, которой все страшатся, но не знают, как предотвратить. Надвигается новая война. И на Западе, и на Востоке ее одинаково называют неизбежной, правда, возмущаясь при этом, но все время невидимые руки продолжают усиливать огонь современной национальной вражды. Колдовское зелье, варящееся на этом огне, состоит из многих известных и ядовитых элементов. Наиболее едкими из них являются — расовые антагонизмы, тайные союзы, гонка вооружений и шпионаж.

За последние двадцать два месяца в одних только европейских странах было арестовано 600 человек по обвинению в шпионаже.

Половина из них была судима и осуждена негласно. Десятки из них приговорены к длительным срокам заключения, а некоторые — к смертной казни. В течение полутора столетий шпионы, обнаруженные в Западной Европе в мирное время, не подвергались смертной казни. В настоящее время для борьбы со шпионажем требуется такая же беспощадность, как если бы он имел место в разгар военных действий. Можно с уверенностью сказать, что чувство острого беспокойства, охватившее народы и правительства, не является только выражением боязни грядущей войны. На самом деле оно является выражением уже происходящей в настоящее время скрытой и пагубной войны.

Теперь, когда человечество охвачено страхом перед грядущей войной, уместно спросить: известно ли ему о войне, уже происходящей? Большинство народов искренно хочет избежать столкновения, исход которого окутан самоубийственными сомнениями. Тем не менее правительства этих наций настойчиво продолжают свою подпольную политику разжигания конфликта, пользуясь для этого гибким методом, очень древним по своему происхождению, но оснащенным теперь современной техникой.

Выпады и вылазки одного правительства против другого никогда не смогут иметь того значения, как битвы, в которых участвуют флоты и армии, но тем не менее шпионы сегодняшнего дня всегда ведут войну завтрашнего дня — тайную войну, которая лишь изредка отражается сотрясением на гладкой, полированной поверхности мира. Из этой тлеющей, скрытой борьбы в любую минуту может возникнуть инцидент, подобный Сараевскому убийству 1914 г. До тех пор, пока будет продолжаться эта тайная борьба, мир будет находиться всего лишь на шаг от пропасти новой войны.

Быть может, поэтому руководители правительства и выразители их мнений считают необходимым так часто заявлять, что они не пользуются услугами шпионов. Но, как общее правило, в настоящее время ни одна даже второстепенная или третьестепенная держава не решится плавать в бурных волнах иностранной политики, не содержа на своем иждивении хотя бы нескольких тайных агентов.

Один из английских послов в Петрограде заявлял, что Англия не имеет в России тайной разведывательной службы. Одновременно с этим заявлением вышли в свет воспоминания Брюса Локарта, а также целая книга об английском шпионе капитане Сиднее Рейли, написанная его женой, в которой давались точные и прямые свидетельства о деятельности английской тайной разведки в России.

С какой стати станут циничные и пошлые господа из правительственных кабинетов отказываться от возможности посылать в битву храбрых и предприимчивых людей? В настоящее время они отправляются не отрядами и дивизиями, но поодиночке. В случае удачного исхода они получают право, так же как и солдаты, вновь быть посланными навстречу той же опасности, которой они только-что избежали. Но, в отличие от попадающихся солдат, они окончательно погибают, — их исключают из списков и оставляют на милость неприятеля. Правительство может обучать своих шпионов и оказывать им доверие, но, как только любой агент вышел на охо-

ту, он или она предоставлены только самим себе.

Если он пойман, он становится не более чем неудачливым уголовным преступником, не имеющим ни друга, ни убежища во всем мире. Его официальные наниматели по долгу службы обязаны отречься от провалившегося шпиона.

Отсюда, шпионаж выступает в своей наиболее драматической роли — в роли укола камфары, подушки с кислородом у постели угасающей международной вражды. Немыслима никакая международная конференция по разоружению в области шпионажа, хотя, как мы покажем дальше, нет ничего, что в большей мере, чем шпионаж и диверсия, мешало бы мирному разрешению конфликтов.

Если каждое правительство отрицает самое существование активной тайной службы, то разве одна только магия способна «разоружить» правительства от этой самой опасной для спокойствия человечества угрозы. Там, где валит густой дым, можно найти не только огонь, но и то, что пытаются скрыть за дымовой завесой. Шпионаж стал сейчас большой отраслью деятельности, влекущей крупные расходы и дающей высокий урожай предательства, ненависти и других сомнительных побочных продуктов. Что действительно нужно шовинистам, спекулянтам оружием и торговцам смертью, это — постоянная угроза военных действий. Даже пушечные фабрики — «кровавый интернационал» — могут оставаться националистами до тех пор, пока им в целях мира позволяют вооружать до зубов целые континенты. Военные бюджеты, количество кораблей, самолетов, пушек и других принадлежностей войны было бы значительно меньше, если бы всегда в нужный момент удавалось поймать шпионов и предупредить таинственные или даже необъяснимые заговоры.

Начиная с заключения тех договоров, которые явились финалом Европейской войны, заинтересованные лица продолжают накалять атмосферу призывами к усилению национальной обороны и так называемой «готовности». Не забыто заявление одного человека, хваставшего

тем, что ему удалось создать такую атмосферу подозрительности и вражды между экспертами на одной конференции по морскому разоружению, что она была отложена, не дав никаких других результатов, кроме усиления вражды и ненависти. Этот наемный пропагандист был подослан американскими фирмами, изготовляющими корабли, броню и другие вооружения. Особая ирония заключается в том, что все грязное дело в конце-концов всплыло перед судом, когда этот человек подал иск к своим хозяевам, которым цена его вмешательства в дело морской конференции в Женеве оказалась слишком большой. Множество таких людей, может быть, и сейчас занято подобной работой.

В настоящее время явчо можно различить силы, год назад лишь едва заметные. Уже один тот факт, что у власти очутились известные личности, удваивает и учетверяет опасность, угрожающую миру. Даже те фанатичные пацифисты, которые дали себя ослепить разговорами о «войне, которая покончит с войнами», слышат теперь сотрясения почвы под поступью закованных в сталь армий.

Цели империалистов вступили между собой в столкновение. Если мерить близость войны степенью механической готовности к ней, можно считать, что мы находимся в разгаре враждебных действий. Вооружения и перевооружения, угол поднятия крупнокалиберных пушек, соотношения морских тоннажей, дискуссия о сроках воинской повинности, — эти ископаемые заиграли такой полнокровной жизнью, словно Лига Наций была создана в качестве научного учреждения для оживления мастодонтов и тигров с саблевидными зубами.

Эти угрожающие силы красной нитью различимы сквозь цепь интриг и политических партий и последовательно сменяющихся правительств. В «национал-социалистской» Германии мы наблюдаем положение, когда самые неумные элементы объединяются в один блок фанатизма, который вдохновляется исключительно идеологией расового насилия и мечтами об агрессивных реваншистских действиях.

Ни для кого не новость, что наци агитируют за войну, ищут поводов для столкновений и всячески используют непомерно раздутое националистское самомнение. Другая потенциальная «зона войны» находится на Тихом океане, и, хотя Азия еще не имеет своих Гитлеров, мы наблюдаем там японцев, выступающих в роли блюстителей расового долга и своей «миссии», которая находит свое выражение в лозунге «Азия для азиатов».

Правые группы в Японии в огромном большинстве милитаристичны. Настоящие правители этой страны, руководящие и воспитанием, верят в право силы и откровенно излагают способы достижения своих целей. Японские войска уже сейчас находятся к югу от Китайской стены и ждут с винтовками наготове только сигнала к выступлению.

Весь Китай, Монголию, часть Сибири они рассматривают как предназначенную для них добычу, — а затем идет Малайский архипелаг, Сингапур, Шанхай и Гонконг, Бирма, Индо-Китай, Гавайи, Австралия, Цейлон, Индия.

Поскольку в нашем труде мы собираемся говорить не о войне и грядущих завоевательных планах, а о современном шпионаже и о новой технике активной контрразведки, немецкие наци и японские милитаристы приобретают особое значение и как новаторы в этой области, и как возможные враги. Японцы хорошо вооружены. В отношении Германии точно так же нет надобности прибегать к услугам шпионов, чтобы установить, что она продолжает усиливать свои вооружения. Когда найдется повод, Япония будет драться. Если даже достаточного повода не будет, Япония все же может предпринять превентивную войну, — войну, которая должна помешать какой-либо растущей нации стать на пути ее захватнических устремлений.

Предлог для нападения в роде того, что было совершено на Шанхай, поджигатели войны всегда сумеют найти, и условия на Азиатском материке настолько неустойчивы, что любого предлога

будет достаточно. Лучшим предлогом для Японии может послужить отвлечение всеобщего внимания войной на Западе, которую могут спровоцировать германские фашисты.

Япония и Германия являются в равной мере вероятными участниками следующей войны, которая, начавшись на двух независимых один от другого театрах, может затем превратиться в общую бойню, охватывающую весь земной шар.

Тип агента-вредителя новой службы разведки должен будет отличаться от типа тайного агента прошлого. Но даже во время мировой войны и даже в более ранних военных столкновениях многие из шпионов обладали некоторыми из тех качеств, которые теперь становятся первостепенными. Мировая война отличалась тем, что в ней диверсии, искусно направленная пропаганда и расчет на уничтожение экономической мощи противника впервые стали неотъемлемой частью стратегических планов военного командования.

Правильно поставленная служба разведки должна будет иметь наготове наилучшее оправдание для применения самых жестоких средств войны. То, что случилось с ядовитыми газами во время мировой войны, может случиться с любым варварским новшеством, какое одна из воюющих сторон впервые применит против другой, вызвав этим самым аналогичные контрмеры. То, чем возмущаются и считают нечестным в мирное время, в случае войны будет представлено как необходимая мера.

Япония, по официальным данным, ассигновала по бюджету 1934/1935 года 13 814 000 иен (около 800 000 фунтов стерлингов) на содержание своих разведывательных организаций. Япония сумела расставить шпионские посты по океану, найдя для этого совершенно новые пути и тактику. Радисты ее военного флота имеются на рыболовных судах, агенты морской разведки путешествуют по всему Тихому океану на «бродячих» пароходах. Все эти рыболовные и товарные суда тщательно собирают нужные

Японии сведения. Так, например, несколько японских грузовых пароходов мирно болтались вблизи происходивших в американских водах маневров военно-го флота США.

ГЛАВА II

Предположим, что мы участвуем в работе некоей очередной комиссии по обсуждению международных дел. Большинство таких международных комиссий представляет собой просто комическое зрелище; в данном случае перед нами как членами комиссии стоит довольно неблагодарная задача — определить разницу между недавно изобретенной «превентивной» войной и обычной резней.

Предположим, что это происходит завтра или через десять лет, в 1944 г. Предположим, что нам удалось присутствовать на историческом государственном совете, — на военном совете, — где ответственные руководители некоей великой державы обсуждают вопрос о нападении на соседнее враждебное государство. Они единогласно решили напасть на него с тем, чтобы немедленным победным маршем «предотвратить» нежелательную возможность поражения в будущем.

Это решение далось им нелегко. Пожилые люди, участвовавшие в совете, хотя сами они не будут воевать, прекрасно понимают, что последние военные изобретения свели почти к нулю существовавшие ранее широкие зоны безопасности. Они понимают, что на карту поставлены не только их репутация, но также их жизнь.

Искренно считая, что они вынуждены начать такую войну, они принимают все меры к тому, чтобы одержать победу. После 1919 г. они, как и многие другие европейские государственные деятели, понимают, что для победы надо с самого начала действовать со сверхчеловеческой прозорливостью, не останавливаясь ни перед каким цинизмом.

Члены этого совета понимают, что из-за принадлежности их государства к Лиге Наций они могут вести только «оборонительную» войну. Это довольно

тонкая академическая условность, доставившая немало хлопот их самым лучшим умам. Их армия и флот, много лет готовившиеся к войне, могут выступить в любую минуту.

Общественное мнение проникнуто сознанием опасности и вражды и умело поддерживается провокационной агитацией на точке кипения. До сих пор необходимость выждать подходящего предлога для начала «оборонительного наступления» представляла собою большое политическое неудобство. Если бы такой предлог не нашелся, состояние боевой готовности могло бы длиться бесконечно, блестящая машина войны заржавела бы, многие генералы за старостью вынуждены были бы выйти в отставку, потенциальные герои мирно состарились бы. Но предположим, что во главе разведки, реорганизованной, скажем, еще в 1930 г., стоит незаурядный человек, которого оставили в покое и предоставили ему действовать, как он того захочет, человек, не связанный ни правилами, ни традициями, ни советами старших по чину, но менее одаренных людей. И допустим, что этот воображаемый начальник разведки сумел представить вышестоящим начальникам необходимые доказательства, требующие нанесения сокрушающего оборонительного удара. Секретная информация, полученная от шпионов и дипломатических агентов, заставляет совет государственных деятелей голосовать за войну. В данном случае способный начальник разведки сумел внушить мысль о необходимости войны обеим сторонам. Его собственные специальные агенты подстроили те факты, о которых другие агенты, находящиеся у него же на службе, сообщают государственному совету. Такими фактами могут быть беспорядки, финансовые затруднения или, наконец, загадочное самоубийство или убийство, которые послужат сигналом для нового взрыва вражды.

Для начальника разведки это большой драматический момент, когда он сидит в ожидании решения великого совета. Он и его подчиненные так тщательно готовились к этой минуте, что чувству-

ют себя как бы авторами на премьерe. И через несколько минут мы видим того же начальника сухим, настороженным, слегка озабоченным, готовым начать войну.

Все это было прорепетировано много раз. Сложное разрушительное орудие тайной службы, которое всецело подчиняется своему начальнику, напоминает гигантский, но заглушенный орган, клавиатура которого обозначена шифром, засекречена.

Быстрым движением нажимаются кнопки, и сотни подчиненных передают сигнал дальше, пуская в действие хитроумно разбросанные силы секретной службы. Если план, разработанный начальником разведки, проводится в жизнь согласно предварительно разработанной схеме, то победа его страны представляется обеспеченной. Ему повезло в том отношении, что многие его компатриоты из чисто материальных соображений еще много лет назад эмигрировали на территорию атакуемого ныне государства.

Его искусные помощники сумели создать среди этих тысяч обыкновенных людей боевую силу, состоящую из хорошо обученных тайных агентов. Тысячи агентов разбросаны вдоль границ, в основных городах, в нейтральных портах и по всему миру. Многие из них имеют в своем распоряжении современные разрушительные средства, превосходящие по своей силе целый римский легион и наполеоновскую бригаду. Они снабжены всем необходимым, включая денежные средства для найма или подкупа субагентов. Весь этот легион, включая наиболее активных и полезных из субагентов, равен не менее, чем двум пехотным бригадам. По своей подвижности, способности к внезапному нападению они превосходят силы какой бы то ни было армии.

Благодаря современной технике они располагают всевозможными приспособлениями и механизмами. Сигнализировать они будут инфра-красными и ультра-фиолетовыми лучами

Шпионы-резиденты могут подавать сигналы самолетам, поместив источник ультра-фиолетовых лучей, скрытый в виде какой-нибудь безобидной посуды в роде горшка в глубине дымовой трубы. Посредством инфра-красных лучей можно среди бела дня, из гуши расположения неприятеля, подавать сигналы, видимые за много миль. Эти лучи видимы только при применении специальных очков и экрана.

Специальные предприятия, руководимые артистами своего дела, которых в отдельных случаях придется освободить из тюрем, будут выпускать все, начиная от фальшивых неприятельских денежных знаков, государственных бумаг и займов, до зажигательных снарядов. Будут изготовлены патроны с вложенными в них пробирками с бактериями или пустотелыми пулями; начиненными бактериями, которыми можно будет издали обстреливать водные резервуары, заражая их возбудителями эпидемических болезней.

Вредители и шпионы-боевики вполне осведомлены о степени опасности порученного им дела. Многие из них будут пойманы заранее, другие сумеют совершить порученное им, но все же будут пойманы и казнены. Некоторые из них сами покончат с собой, другие, пойманные на месте преступления, станут жертвами разъяренной толпы.

Война формально объявлена не будет, так как внезапность нападения является необходимейшим условием ее успешности. Это считается также более «гуманным», если рассматривать внезапность нападения как средство сократить срок войны. Согласно новейшим военным теориям, внезапное нападение — быстрый и «почти безболезненный» удар ножом в спину — сократит сроки военных действий и уменьшит испытания, которые предстоят гражданскому населению, и сократит огромные расходы, требуемые современной механизированной войной.

В такой час начальник службы разведки должен быть достаточно умен, чтобы не забывать о такой неизвестной величине, как неприятельская контрразведка. Что уже известно неприятелю? Каковы его собственные слабые места?

В течение многих лет он оплачивал предателей неприятельской разведки — людей, которым та сторона вполне доверяет. В этой игре, основанной на продажности, может ли он быть уверенным в своих ближайших сотрудниках? Он никогда слишком не доверял им, но все же с некоторыми пришлось быть вполне откровенным. Он понимает, что новая бойня вызовет огромное возмущение во многих частях света. Только немедленный, явный успех, победа над противником и экономические факторы смогут уменьшить враждебную войне реакцию. Кампания пропаганды, заранее подготовленная его специалистами, в которой тщательно подобрано каждое слово и выдержаны все белые нитки, это целый водопад газетных сообщений, которые вскоре смогут восстановить дружественные влияния на «моральном фронте» войны. Этот процесс будет особенно силен в странах с робкими правительствами и в колеблющихся нейтральных государствах.

Если ему удастся провести основные операции и удары, то ничего не подозревающий неприятель в течение 48 часов будет разбит почти на 20—40 проц. В этом внезапном нападении должны принять участие воздушный флот и наиболее подвижные части армии. Произойдут одна или две крупных битвы, в которых решающую роль должны сыграть разрушение неприятельских путей сообщений и последующее расстройство транспорта и мобилизации.

К этому времени тайные агенты-диверсанты должны будут сократить свои операции, но вызванная ими паника и разложение не уменьшатся. Все это может казаться весьма жестоким и бесчеловечным. Тем не менее в недалеком будущем все эти действия будут рассматриваться, как методы «современной» войны и для них найдут те же оправдания, какие были найдены для всяких других видов беспощадных средств ведения прошлых войн.

ГЛАВА III

Всякий, кто с ненавистью взирал на последнюю мировую войну и принесенные ею страдания и позор, вряд ли бу-

дет приветствовать новую мировую бойню. Тем не менее самые крайние алармисты прошлых лет в десятилетие 1934—1944 гг. окажутся весьма умеренными пророками.

Обыватель, которому в ближайшее время придется надеть противогаз и противоипритный костюм и зарыться на три этажа под землю, должен быть предупрежден со всей полнотой о неизбежности ожидающих его страданий. Будет ли следующая война вестись с помощью самолетов и танков, подводных лодок и удушливых и нарывных газов, зажигательных снарядов и ампул с бактериями? Специалисты и защитники каждого из этих способов приводят доводы в пользу этих ужасных средств, доказывая, какое разрушительное действие окажут они на фронт и тыл неприятеля. Работа тайной разведки не предназначена для смягчения этих ужасов. Наоборот, шпион и диверсант будут всеми силами способствовать применению самых кошмарных средств истребительной войны. Интриги шпионов, по всей вероятности, послужат способом спровоцировать грядущую бойню, когда недремляющее око модернизированной разведки определит момент для удара. Тайные агенты — «цвет» боевых сил — выступят первыми. И поскольку их целью будет подорвать так называемый военный потенциал, т.е. боевую силу и моральное состояние противника, то нельзя предсказать, как далеко они зайдут в своем стремлении обеспечить решающую победу.

Ощущаемая во всем мире необходимость сокращения расходов на армию и флот являлась бы значительным умиротворяющим фактором, если бы не тот факт, что по крайней мере двадцать наций могут позволить себе содержать тайную военную службу разведки, построенную по последнему слову техники. Такая служба разведки имеет свой собственный «военный потенциал», выходящий за рамки подорванных государственных финансов. Расходы на тайную службу неимоверно выросли по сравнению с довоенным периодом.

В Америке в бурные времена «Дикого Запада» кто-то назвал револьвер Коль-

та «великим уравниателем» потому, что всякий маленький человек мог при помощи его справиться с любым верзилкой с той уверенностью, какую всегда придает во-время выпущенный заряд 45-го калибра. В будущем тайная служба станет чем-то вроде такого «уравниателя». Какая-нибудь маленькая нация, имеющая хорошо укомплектованную и умело руководимую тайную службу, может начать войну, довольно чувствительную для нации, имеющей протяженную границу и сложный торговый и промышленный механизм, представляющий превосходную мишень.

Однако при беспощадном характере будущей войны атака, предпринятая тайной разведкой, не всегда сможет предохранить какую-либо нацию от возмездия в случае скудности ее ресурсов. В случае неудачи малая страна, решившаяся на внезапное нападение при помощи своей тайной разведки, может понести жестокую кару в виде контртеррора и военных карательных действий. Маленькие страны, к несчастью для них, всегда оказываются на пути великих держав и подвергаются наихудшим последствиям войны, хотя единственная вина этих «малых стран» заключается в их географическом расположении.

Заслуживает быть отмеченным, что первый тайный агент, который пытался провести в жизнь план введения бактериологических методов войны, был болгарин Костов. Но, как известно, болгары славятся скорее своим безразличием к вопросам бактериологии, чем исследованиями в этой области, и вероятнее всего, что бактерии чумы и сапа, бывшие у этого шпиона, скорее исходят из какой-либо тевтонской лаборатории. Костов не считал возможным приступить к немедленному заражению лошадей румынской кавалерии, и поэтому он закопал свое своеобразное «оружие» во дворе германской миссии в Бухаресте, где эти пробы с бактериями и руководством к употреблению были обнаружены впоследствии.

Если бы мировая война продолжалась до весны 1919 г., американский химический гений нашел бы свое выражение

в газе, изобретенном проф. Льюисом из Северо-Западного университета. В момент окончания войны уже были в производстве бомбы, начиненные льюизитом. Для того, чтобы убить человека, достаточно, чтобы три капли льюизита попали на какой-нибудь участок его кожи; они способны убить каждого человека, находящегося в радиусе 800 метров от места их взрыва. Таким образом предполагалось отплатить за тысячи убитых во время налетов германских цеппелинов на Лондон и более тяжелые потери, нанесенные в Париже германскими бомбами и снарядами.

В прошлом единственной обязанностью шпионов было собирание тех обрывков сведений, на которых построена вся система разведки, и они неоднократно доказывали свою преданность полагавшей их стране убийствами, поджогами, шантажем, похищениями, кражами, подделками, жульничеством и адюльтером. Боевой шпионаж будет лишь более явно агрессивным; шпионы будут действовать как свирепая, находящаяся вне закона, тайная армия, но полностью военизированная как по своим целям, так и по дисциплине и структуре.

Перед тем как агенты-диверсанты приступят к массовому истреблению людей, они могут прибегнуть к испытанному древнему орудью подкупа опытных убийц для устранения видных деятелей неприятеля.

На Ближнем Востоке после перемирия разногласия между победившими союзниками настолько обострились, что два слишком старательных «патриота» из английской разведки оказали поддержку некоему убийце в одном довольно грязном деле. Этот человек выразил согласие убить главу Турции—Мустафу Кемалю. Однако этот план провалился.

В следующей войне между противниками почти равной силы и военного потенциала победа может быть одержана той стороной, которая более полно и решительно использует тайных агентов, не брезгуя при случае и террористическим актом.

Между прочим, следует указать, что разведка применяет иногда и противоположные методы. В связи с этим стоит вспомнить рассказ о том, что во время мировой войны немецкий генеральный штаб создал своеобразный им-мунитет для английского высшего командования. Немецкое командование, сначала называвшее английские войска «жалкими», а потом «львами, предводимыми ослами», запретило вести систематический обстрел английской штаб-квартиры в Сент-Омере и Монтрейле. Немецкая разведка предупредила свое командование, что англичане могут изменить свою выгодную для противника тактику, в случае если будет прислано новое командование.

По мнению многих специалистов, тип тайного агента-любителя отходит в область прошлого, каким бы патриотом он ни был. Специалисты утверждают, что шпионы-любители не смогут удовлетворять требованиям новых форм тайной борьбы. Однако, когда повелительные требования войны заставят прибегнуть к отравлению колодцев, взрыву газовых магистралей и резервуаров с горючим, самым необходимым качеством наряду с врожденной жестокостью будет ум. Даже те, кто, читая историю, не соглашались с эпитетом «коварный Альбион», могут кое-чему научиться на примере деятельности английских агентов на Ближнем Востоке, а также на всех фронтах против большевистской России.

Короче говоря, новая подпольная война—это та же старая подпольная война, но направленная на большие и более жизненные цели и имеющая более независимую организацию. Нет ничего принципиально нового в тех ожесточенных формах войны, которые предсказываются в будущем. В той или иной форме, хотя бы в виде отдельных случаев, они уже имели место в прошлом.

Во время мировой войны впервые огромную роль сыграла экономическая война. Большая стратегия требовала удущения Германии. Блокада Германии могла быть, но никогда не была герметической и много томов уже исписано на тему о разрешенной торговле с неприятелем уже после 1914 г. В некоторой своей части эта торговля имела огромное значение для тайной разведывательной службы. В ящиках, бутылках, горшках, банках, боченках через границу в одну сторону переправлялись вопросы к агентам и в другую сторону их ответы.

Самый факт блокады создавал условия, которые в будущей войне агенты будут знать, как использовать. При известной географической ситуации возникнет настоящий рай для контрабандистов, особенно если учесть, что все контрабандисты находятся в тесной связи с уголовным элементом блокированной воюющей нации. Вместе с контрабандой легко можно переправить материалы для боевых действий тайной службы. Недавно в Таррагоне (Испания) у полиции возникли подозрения по поводу одной свежей могилы. Разрыв ее, полиция обнаружила ящик с 128 бомбами, готовыми к употреблению.

Зажигательные гранаты, начиненные термитом, возгораются через четыре секунды и в течение пяти минут распространяют вокруг себя температуру в 3000° по Фаренгейту. Маскировка имеет исключительное значение в этом деле. Недавно было установлено, что один тральщик, загруженный якобы рыбой, был наполнен бомбами, которых хватило бы для разрушения причалов и кораблей на протяжении трех километров в крупнейшем порту.

Блокада, предназначенная для прекращения доступа военных материалов, гораздо сильнее отзывается на подвозе продовольствия. Голод в качестве оружия более или менее преднамеренно применяется в современной войне, а в будущей войне он будет создаваться не

только посредством блокады и разрухи при военном нашествии, но также систематическим вредительским уничтожением посевов, отравлением скота и разрушением продовольственных складов.

Точно так же блокада будет использована для удушения внешней торговли неприятеля. Она пойдет на пользу спекулянтам, и страшно представить себе, что, несмотря на огромные расходы, вызываемые современными техническими методами ведения войны, блокада снова может превратиться в прибыльное предприятие.

Поддержка и субсидирование восстаний, вместе с блокадой, контрабандой и голодом, вызываемым блокадой, будет составлять основное содержание работы тайной агентуры в ближайшие годы.

Во многих частях мира имеются национальные меньшинства, воспламеняемые, как нефть. Япония имеет их в Корее и на самом Азиатском материке. Мусульманские страны Востока обнаруживают многочисленные революционные симптомы. Британская Индия до сих пор еще не успокоилась от волнений и брожения, созданного не без помощи германской агентуры во время войны. В Германии значительные группы населения дышат отчаянием и ненавистью к своим поработителям. Многие наблюдатели считают, что, вместе взятые, эти группы составят большинство, пока еще не объединившееся.

В конечном итоге может оказаться, что когда Гитлер поведет свои полчища на войну, то в их спины вонзятся миллионы ударов из тыла.

В 1921 г. группа венгерских офицеров под предводительством бывшего университетского преподавателя сумела спровоцировать очередную конвульсию в Центральной Европе. Они организовались в уголовную банду по образцу американских преступников и, переодевшись в гражданское платье, начали устраивать набеги на Чехословакию. Эта группа пустилась на убийства, кражи, поджоги и аналогичные преступления,

однако ни один из участников этой банды не совершал этих преступлений на территории Венгрии. Преследуемые жандармами и чешской тайной полицией, они обычно убегали в Польшу, где выступали под видом ищущих убежища чехов. По признанию их главаря, в их планы входило рассорить между собой правительства Польши и Чехословакии.

Характер этого предприятия, в котором участвовали офицеры регулярной армии, весьма напоминает заговоры и вылазки белогвардейских террористов на территории СССР. Однако эта банда — не единственная из действующих вдоль новых границ Центральной Европы. Такие «любители» или профессиональные агенты, которые будут действовать по методам уголовных преступников, имея за собой тайную поддержку, станут самой опасной разновидностью уголовного мира.

Насколько нам известно, до последнего времени нигде еще не создали специального департамента по диверсиям, так как власти считают, что действия, противоречащие принципам международного права, формально не должны входить в оперативную структуру государственной службы разведки и шпионажа. Но может оказаться, что диверсии, подобно отравлению населения ядовитыми газами, бомбардировке незащищенных городов, смогут привиться довольно успешно. Чем чаще диверсии формально осуждаются в мирное время, тем более можно быть уверенным, что диверсия — пока еще новое искусство — будет играть главную роль в трагической драме будущей войны.

Все великие военные державы говорят только о защитных мероприятиях. В области диверсии, так же как и в более старых отраслях тайной службы, формально существует только защита. Кто же будет нападающей стороной? Нет никаких сомнений в том, что самые блестящие агенты-диверсанты будущего в настоящий момент находятся в тюрьмах и в исправительных заведениях для малолетних преступников. Если незадолго до столкновения отправить на территорию соседнего государства банду тай-

ных агентов, то их партизанские действия перед лицом гибких параграфов международного права смогут послужить достаточным предлогом для нападения.

Во время будущей войны, вследствие развития военной авиации, значительная часть гражданского населения окажется в полосе военных действий. В этой полосе будут действовать шпионы. Гражданское население в целом нельзя заставить подчиниться военной дисциплине, поэтому гораздо легче деморализовать его искусной пропагандой, ложными слухами, преувеличениями, а также очевидными последствиями диверсионных актов.

Агентура будет возбуждать и финансировать трудовые конфликты, как это часто имело место в прошлом, другим методом будут попытки распространить эпидемические заболевания среди рабочих в самых жизненно важных отраслях промышленности.

ГЛАВА IV

По мнению выдающегося военного авторитета, генерал-лейтенанта фон-Метч, будущая война будет представлять собою «вооруженную пропаганду». «Пусть Беллонна швыряет гранаты, но Марсу придется потрудиться у печатного станка!» Ведь в следующей войне пропаганда должна быть вдвое более изобретательной, вдвое более действенной, чем во время мировой войны и последующий за ней период, который кое-кто из победителей называл «мирным». В следующей войне пропаганда, чтобы быть успешной, должна будет преодолеть естественное недоверие, порожденное опытом прошлой войны.

Большей частью диверсионная пропаганда действует посредством извращения или сокрытия фактов. Без помощи подкупленной прессы, вроде европейской прессы, находящейся в распоряжении оружейных фирм, только самый гениальный пропагандист мог бы добиться какого-либо успеха, и, действительно, только немногие из этих фальсификаторов общественного мнения обнаруживают признаки способностей.

В мировую войну самой действенной пропагандой оказалась та, которая содержала некоторые элементы правды. Перед австро-германским решительным наступлением под Капоретто в конце октября 1917 г. были напечатаны поддельные итальянские газеты Турина и других городов Северной Италии с сообщениями о беспорядках, которые, как подчеркивалось, были жестоко подавлены. Целые тюки таких поддельных газет, датированные так, что можно было предположить, что они вывезены за несколько дней до того из Италии, рассыпались с самолетов над пьемонтскими полками итальянской армии вдоль всей линии фронта. Узнав, что в то время, как они погибают на фронте, жандармы убивают их родных, солдаты решили не допустить этого и направились к своим домам, а австрийское наступление шло по их пятам, не встречая препятствий до самого Талиамонто.

Не так давно в Германии распространялись поддельные французские газеты, которые должны были опровергнуть сообщения о враждебном приеме, которым за граница встретила «национал-социалистскую» пропаганду. Парижские издатели немедленно заявили протест. Но масса немецкого населения, несомненно, не видела подлинных французских газет, разоблачивших этот пропагандистский фокус. Постоянный спрос на поддельные государственные документы привел к тому, что в одной из нейтральных столиц возникла своего рода биржа фальшивых документов. На этой бирже обменивали и распродавали всевозможные «разоблачения» и шпионские подделки. В течение долгого периода шла оживленная торговля копиями планов и «шпионских» документов, в которых будто бы разоблачались самые интимные государственные дела, но когда эту фабрику стали наводнять бездарные личности, то агентам контрразведки поручено было расследовать дело. В конце-концов соединенными усилиями им удалось, по заданию своих правительств, вытеснить из дела мелких жуликов. В то же время во многих частях света все еще серьезно говорят о «протоколах сионских мудрецов» и о таких сенсационных подделках,

как известные письма Орлова, представляющие исключительно продукт ума уголовников.

На сегодняшний день все нации являются объектом двух видов пропаганды. Первый вид — это пропаганда военных фирм, которым нужны прибыли. Эти фирмы имеют у себя на службе взяточдателей и частную тайную агентуру, которая в отдельных странах настолько осмелела, что решается на провоцирование военных действий в целях «внесения оживления» в торговлю оружием. Второй вид — это пропаганда, проводимая теми правительствами, которые ввели принудительное военное обучение. Эта пропаганда должна скрыть ужасы прошлой войны и возвеличить ее славу с тем, чтобы юношество охотно позволило себя вооружить и вымуштровать в целях национальной обороны. Эта пропаганда воздействует даже на умы людей, решительно настроенных против милитаризма, и в результате, несмотря на то, что Канада, Соединенные Штаты и Австралия находятся на расстоянии многих тысяч миль от враждующих военных олигархий, тем не менее пропаганда сумела сделать вопросы готовности к обороне острыми и для них.

Признавая опасность возникновения бесконтрольной пропаганды, правительства Польши и Германии 26 февраля 1934 г. заключили между собой соглашение о пропаганде в результате переговоров, не имеющих прецедента в международных делах. Этот пакт был заключен в Берлине на совещании ответственных немецких представителей и г. Пржемайги, главы отдела печати польского министерства иностранных дел.

Официальный текст соглашения гласил:

«Для проведения в жизнь недавнего польско-германского соглашения представители обеих сторон согласились сотрудничать во всех вопросах создания общественного мнения в своих странах с тем, чтобы прийти к лучшему взаимному пониманию и для создания дружественной атмосферы. Было достигнуто полное единодушие в вопросе о тех мерах, которые должны быть приняты в

области печати, авторства, радио, кино и театров».

Стратегия пропаганды тайной службы в будущей войне будет заключаться в том, чтобы широко распространять умело преувеличенные сведения о том, что пытается скрыть неприятель. Одним из методов пропаганды будет преувеличение мелких удач противника, с тем, чтобы усилить реакцию от последующих неудач; такие преувеличения неизбежно встретят поддержку со стороны руководителей неприятельских государств, которые будут пытаться использовать всякую малейшую возможность для возбуждения оптимистических настроений.

Во время мировой войны английское морское командование прибегало к маскировке торговых судов под военные. На известном расстоянии на море такие суда нельзя было отличить от настоящих броненосцев. Военные суда, для которых можно было найти более полезное занятие, чем патрулирование бельгийских берегов, таким образом, замещались замаскированными судами торгового флота. Такие замаскированные суда служили также для того, чтобы вводить в заблуждение шпионов. В будущей войне морская тайная служба сможет использовать такие поддельные военные суда для своеобразного тонкого пропагандистского трюка. К началу военных действий для того, чтобы ввести в заблуждение неприятельскую разведку, такой поддельный флот должен быть расположен на местах расположения подлинного флота. Даже для воздушных разведчиков такой поддельный корабль не будет отличаться от настоящего военного корабля, и при маскировке его нужно учесть возможность телефотографирования при помощи военных фотоматериалов, чувствительных к инфракрасным лучам. Теперь, допустим, что тайная служба делает еще один шаг дальше, который должен помочь агентам-пропагандистам, работающим в тылу у неприятеля, подорвать моральное состояние противника. Такой искусно замаскированный флот, состоящий из устаревших торговых судов, выходит в

море и при каких-нибудь правдоподобных драматических обстоятельствах гибнет.

Принимаются меры, чтобы эта катастрофа стала известной неприятелю, но все сведения о ней тщательно скрываются в своей стране, как и было бы, если бы произошла настоящая катастрофа. Население неприятельской страны охотно поверит в успех, неприятельское правительство вынуждено верить в него и выступает с каким-нибудь более или менее неосторожным заявлением и разрешает описывать и праздновать победу. (Германия приписала себе победу в Югландской битве и объявила этот день национальным праздником, в то время как англичане полностью сохраняли свое господство в Северном море). В случае такой подстроенной «победы» должны будут возникнуть обычные разногласия сообщения.

За официальными опровержениями каких бы то ни было потерь в своем флоте последуют сообщения ответственных нейтральных наблюдателей, подтвеждающих, что те самые суда, которые считаются погибшими, целы и невредимы и стоят наготове в военных портах.

По мере того, как ликование по поводу победы будет угасать, постепенно начнет всплывать правда о ней, и вся тяжесть обвинений в преувеличении и обмане ляжет на правительство неприятеля. Все его будущие сообщения о победах будут поставлены под подозрение. Таким образом, избыток доверия к правительству, за которым последует реакция угрюмого недоверия, будет способствовать росту поражения и подрыву морального состояния нации. Хотя постройка поддельного флота, который затем будет потоплен, потребует значительных затрат денег и труда, но разве не такова судьба всех современных средств ведения войны. И разве не приходилось быть свидетелями того, как неоднократно большое количество денег и труда, затраченных на проведение в жизнь какого-нибудь агрессивного плана, давало очень слабые результаты, в то время как описанным здесь способом удается добиться дискредита-

ции правительственных чиновников и существенно будет подорвано моральное состояние неприятеля.

Тайная служба и пропаганда будут непобедимы при условии, что в игру не будет допущено слишком большое количество бюрократических и лишенных воображения участников. Пропаганда, как и тайная служба, послужит не только целям победы, но и страховкой для смягчения удара в случае поражения. С их помощью побежденная нация будет заверять весь мир и победителей, что виновато правительство, генералы, а народ был только беспомощной жертвой, пушечным мясом войны.

В будущей войне благодаря применению ядовитых газов, смерти и разрушению от воздушных налетов, благодаря всем новым средствам внезапного нападения, диверсий и активного шпионажа крупные нейтральные страны могут оказаться в положении пострадавших. Место пропаганды может занять диверсионная работа и методы внезапного нападения. Угроза диверсионных актов приведет к тому, что мирные граждане в целом будут подвержены большим строгостям, подозрениям, за ними будут шпионить и охотиться. Особенно тяжело будет положение радикалов и недовольных всех оттенков, благодаря всяческим налагаемым на них ограничениям. Шпионы, действующие под видом фанатичных патриотов, будут призывать к еще большему усилению зажима. Другие агенты, вербующие кадры вредителей, будут разыскивать людей, которые питают глущую ненависть к угнетателям. Шпионы, втершиеся в политическую полицию, хорошо скрытые под маской напускного патриотического фанатизма, сыграют огромную роль в усугублении недовольства всех обиженных.

Современные способы психологического возбуждения поддерживают неугасимое пламя ненависти от войны к войне. Если верно, что пропаганда выиграла мировую войну, то она способна на то же в грядущей войне. В то же время

пропаганда, вдохновляемая узкими националистскими интересами, никогда не сможет обеспечить прочного мира.

ГЛАВА V

Будущая война большого масштаба будет сосредоточена на единой цели: на быстром, полном и беспощадном разгроме неприятеля. Разбирая вопрос об этой цели и о наступательных планах великих европейских держав, швейцарский военный обозреватель, дивизионный полковник Гертч, писал, что «если уничтожение неприятельской армии необходимо для сохранения своего государства и если даже для этого придется поплатиться одновременной гибелью своей армии, то и такая цена не будет слишком высокой».

В будущей войне будут мобилизованы целые нации. Прежде, чем погибнуть, каждая армия и нация, которую эта армия защищает, решается на самые отчаянные шаги для того, чтобы уничтожить врагов. Эпидемическая инфекция, распространенная тайными агентами, — достаточно отчаянное мероприятие. Если при этом агенты — несколько тысяч бесшабашных убийц — погибнут, это будет сравнительно недорогой ценой за избавление от такого же страшного удара со стороны неприятеля.

Жестокость будущей войны, начиная от блокады и кончая воздушным налетом и газовыми атаками, неизбежно вызовет бурю отчаяния. Если не питать детской веры в «запрещение» газовой войны или «запрещение» самой войны, то можно быть совершенно уверенным в том, что бактериологические средства нападения будут пущены в ход либо в самом начале в виде одного из средств беспощадного внезапного нападения, либо в конце в виде отчаянной последней попытки предотвратить крушение.

Что же касается запрещения подобных средств войны, то можно указать на то, что многие выздоравливают после отравления газами и переносят самые опасные болезни, в то время как низкий разрыв снаряда сметает с лица земли все вокруг. Современные орудия,

ружья, взрывчатые вещества и зажигательные бомбы и гранаты превосходят по своей разрушительной силе газы и бактерии. Однако кто поверит тому, что в настоящее время можно запретить авиабомбы и снаряды?

Это может оказаться самоубийственной ошибкой, последствия которой сильнее всего ударят по ее вдохновителям. Бациллы и эпидемии не разбираются ни в национальностях, ни в границах. Поскольку многие из новых военных газов значительно понижают сопротивляемость болезням, то совместная работа газов и бактерий имеет особо зловещую будущность.

Еще более опасно пытаться запретить будущие операции диверсионной службы. Ни одно правительство не признает своих шпионов, и всякий диверсант, пойманный на месте преступления, будет назван фанатиком, действовавшим по собственному почину, «неизвестным сумасшедшим» и т. п. Всякое внезапное нападение со стороны тайных агентов было бы вопиющим нарушением международного права, тем не менее ни одна держава не откажется от использования подобного важнейшего средства обеспечения победы.

Единственным доводом в пользу широкого размаха диверсионных операций в грядущей войне является то, что полный подрыв материальных и экономических ресурсов неприятеля поможет в кратчайший срок положить конец кровопролитию на фронтах. Однако такой подрыв экономических ресурсов страны, который способен будет лишить ее возможности сопротивляться врагу, неизбежно приведет к самым тяжелым последствиям для нескольких поколений. Все производственные и промышленные ресурсы будут подорваны, и такую страну ожидает тяжелая нищета.

Диверсии и операции тайной агентуры, а также все новшества военной техники будущей войны главным образом будут способом подорвать моральное состояние противника. Исход следующей войны будет зависеть от выдержки и решимости гражданского населения. Победа и поражение в будущей войне будут решаться на моральном фронте.

Страны, которые больше других стремились к овладению военным искусством, начиная со Спарты, Македонии и Рима и кончая Испанией, Францией и Пруссией, добивались хоть на время возможности навязать свою волю соседям. Но эти войны были, в основном, войнами между военными кастами. Гражданское население проявляло боевой дух, свойственный обученной профессиональной армии, только при знаменитых осадах городов, когда все граждане объединялись в едином отчаянном порыве против нападающей армии. Ныне мы вступили в эпоху войны, когда целые страны подобны осажденным городам. Силы неприятеля окружают их кольцом блокады, бомбардируют, взрывают минами и разлагают действиями предателей и шпионов. Голод, болезни опустошают их, в то время как они вынуждены отчаянно бросаться в разные стороны для того, чтобы заткнуть прорывы, возникающие то на одном, то на другом слабом участке фронта.

В этом виде борьбы стремление нации сопротивляться является решающим фактором. Самолеты летают все быстрее и дальше, несут на себе все более и более тяжелые бомбы, дальность орудий становится все разовишительнее, а концентрации газов становятся все труднее преодолимыми. Для того, чтобы выиграть войну, важнее наступательных способностей нации будет ее способность выдерживать новые мучения, способность сопротивляться разлагающей пропаганде, ее дисциплинированность. Если народ и правительство сумеют «продержаться», то их атакующие силы на фронте сумеют сломить дух неприятеля.

Когда самая крупная из германских «Больших Берт» начала обстреливать Париж в страстную пятницу 1918 года, волна отчаяния охватила столицу, так как казалось, что фронт, находящийся еще вчера в пятидесяти милях от Парижа, побилизился с небывалым для немцев успехом и быстротой, и орудия обстреливают Париж всего лишь с расстояния 10—12 километров. Этот стоах был рассеян выпуском экстренного бюллетеня с точным описанием ситуации.

Один из первых снарядов попал в церковь, заполненную женщинами и детьми. Дух французской нации сразу ожесточился. «Большая Берт» должна была подавить французов новым доказательством «немецкого военного гения». Благодаря успешной контрпропаганде все планы и труды немцев пропали впустую.

Во французском штабе в Шантильи служба разведки артиллерии быстро приступила к выслеживанию этих невероятных орудий. Были вызваны добровольцы, из многих охотников было отобрано пятеро или шестеро опытных оперативников. В результате мы имеем прекрасный образец оборонительного шпионажа. Почти все пятеро были вывезены самолетом и сброшены на парашютах. Так что назначенный для каждого «район шпионажа» покрывал воображаемый треугольник, вершинами которого были города Ла Фер, Куси ле Шате и Анизи ле Шито, где по показателям звукоулавливающих аппаратов было установлено наличие немецких дальнотбойных орудий.

Трое из пяти агентов вернулись через неделю, принеся с собой полные детальные сведения о системе, радиусе деятельности, снаряде, заряде и о приблизительном расположении произведения Круппа. Ни один из них не нарушил строгих инструкций и не попытался нанести повреждения орудию, хорошо замаскированному на опушке леса Сен-Гобэн. Самолеты и передовые орудия потом обрушили на этот участок ураган смерти, но несколько из этих дальнотбойных орудий все же уцелело. Орудийную «пропаганду» немцев полностью подавить не удалось. Подвиг пяти шпионов не был разрекламирован, хотя это могло бы поднять национальный дух французов. Это противоречило бы «традиции и обычаям». Сведениям о том, что крупповские орудия выслезены, просто дали возможность поосочиться в печать, и то лишь по настоянию английского и американского департаментов пропаганды.

Немецкое командование скорее потеряло, чем выиграло на этом достижении артиллерийской техники, которая впер-

вые в истории дала возможность вести бомбардировку снарядами на расстоянии 70 миль. В данном случае победа на «моральном фронте» скорее досталась французам.

По мнению многих компетентных наблюдателей, война вспыхнет в течение ближайших десяти лет. К сожалению, это звучит весьма убедительно. В 1944 году три четверти всего мужского населения старше пятнадцати лет будет состоять из тех, которые по молодости лет не могли участвовать в последней войне. Кроме того, можно сказать наверняка, что между 1934 г. и 1940 г. в большинстве континентальных стран число мужчин в возрасте от 20 до 25 лет будет неуклонно уменьшаться, так как они принадлежат к поколению, рожденному во время мировой войны.

Если по какой-нибудь причине война вспыхнет до 1940 года, то необходимость в новых и коварных формах нападения может увеличиться. Если будет нехватка молодых людей в возрасте от 20 до 25 лет, из которых формируются ударные батальоны, лучшие летчики, средний офицерский состав, самое ядро армии, то тем больше будут пытаться получить от каждого отдельного бойца. После длительного мира Европа в 1914—18 гг. расточительно расходовала свою молодежь. Поэтому в следующей войне применение отборных тайных агентов и вредителей будет выгоднее, чем посылка батальонов за батальонами под жерла пушек.

За последние пятнадцать лет новые орудия войны значительно повысились в своей наступательной силе. Танки, эти движущиеся крепости, улучшались по конструкции, скорости и вооружению. Новые подводные лодки стали больше, имеют больший радиус крейсерства, имеют палубное вооружение для боев в подводном положении и снабжены более тяжелыми орудиями. Самолеты теперь тоже лучше вооружены, обладают большей скоростью и такими защитными средствами, как газовые или дымовые завесы для укрытия от нападения земного противника. По некоторым сведе-

ниям, последнее достижение радиотехники дает возможность «десяти пилотам, летящим вне досягаемости зенитной артиллерии, управлять на расстоянии полетом свыше двухсот бомбардировщиков, подобных огромным воздушным торпедам.

Представим себе, что в двухстах милях от Виргинского мыса стоит на якоре старый грузовой пароход. Зачем? Какие-нибудь неполадки с машиной? Как будто так. И его жалкий вид не вызовет желания произвести более тщательный осмотр.

Вдруг объявляется война. А может быть, совсем не объявляется. Она просто вспыхивает в виде ряда внезапных действий, к числу которых относятся и операции, происходящие на борту этого грузового парохода. Десять направляющих аэропланов выныривают из его трюма. Загружаются моторы, и они вылетают. Вместе с ними вылетают эскадрильи управляемых на расстоянии бомбардировщиков. Час за часом этот невидимый враг летит высоко над укреплениями и военными судами в Гезануке.

В свое время вражеский грузовой пароход будет разоблачен и потоплен. Самолеты будут сбиты или же, больше не имея базы для пополнения горючим, погибнут где-нибудь в Атлантическом океане. Однако каковы будут результаты этой полностью погибшей экспедиции? Результатом будет внезапное нападение на Вашингтон, Балтимору и Филадельфию, в которых погибнут сотни людей и, по меньшей мере, на один миллиард долларов имущества.

Война будет вестись на два фронта — против боевых сил неприятеля и против жизненных центров, защищаемых этими боевыми силами, которые сами, в свою очередь, целиком зависят от этих центров. Единственной защитой жизненных центров от воздушной бомбардировки являются самолеты и противовоздушная зенитная артиллерия. Боевые силы в то же время будут укрыты в хорошо замаскированных укреплениях, которые могут быть разрушены лишь прямыми попаданиями самых тяжелых снарядов.

Орудия защиты все еще значительно превосходят орудия нападения. Шпионы

разыскивают по всей Европе формулу «оксидрогина» — взрывчатого вещества, изобретенного румынскими химиками, лабораторные испытания которого показали, что оно в пять раз сильнее тринитротолуола.

Но, не считая танков и аэропланов, все остальные орудия войны идут под маркой «защитных». В Соединенных Штатах Америки изобретена скорострельная «игрушечная» пушка, приводимая в действие электричеством, способная делать до 1.460 выстрелов в минуту. У французов было на испытании орудие 10-миллиметрового калибра, работающее от мотора, способное делать 1400 выстрелов в минуту. Оно установлено на бронированном автомобиле, в котором предусмотрено место для хранения огромного количества огнеприпасов, потребных для такой скорострельной пушки, которой, может быть, суждено превзойти более громоздкий танк. Эта пушка работает от электромотора с динамо, которое, в свою очередь, работает от двигателя машины. Последний, кроме того, играет роль радиатора для охлаждения ствола орудия.

Если успех войны будет зависеть от внезапности нападения и от полной мобилизации промышленности, какая из воюющих стран откажется от преимуществ, которые дает внезапное нападение? Если причиной войн является экономическое соперничество, если победа будет зависеть от уничтожения материальных ресурсов неприятеля, каким образом можно избежать применения методов экономического разрушения — воздушных налетов, «подпольных» взрывов, устраиваемых шпионами и наемными ренегатами?

В настоящее время существует ряд изобретений, которые очень легко могут быть использованы в диверсионных целях. Изобретенный недавно «электрический глаз» (фотоэлемент), автоматически открывающий дверь, когда кто-нибудь входит в поле зрения «глаза», можно легко приспособить для взрыва военного завода, при чем сигналом может служить переход какой-нибудь старухой мостика, находящегося в 10 милях от места взрыва. Однако этот лабо-

ратоный «трюк» далеко еще не вышел из той стадии, когда он сможет заметить зажигательную бомбу, сделанную в виде карандаша, которую вредитель может подбросить в складское помещение, где она взорвется через 24 часа. Изобретена машина для прорытия подземных ходов, и последняя модель такого механического крота способна за пять месяцев произвести такое же количество земляных работ, сколько было произведено всеми саперами вместе, начиная с осады Севастополя до наших дней.

Промышленный шпионаж стал таким же распространенным международным явлением, как и военный шпионаж. Но в следующей войне один тайный агент, «заводской шпион», будет гораздо более опасен, чем целый кавалерийский полк.

ГЛАВА VI

Шпионаж имеет такую же старую, драматическую и грязную историю, как и проституция.

Первоначальной функцией шпиона было раздобывание сведений о действительном и потенциальном враге для обращения их против него. Эта деятельность едва ли не более древняя, чем сама военная история. Она играла роль еще в самых ранних междуплеменных войнах. Нормандские завоеватели были достаточно догадливы для того, чтобы предварительно «разведывать» земли, которые они собирались завоевывать. Тогда шпионаж, по существу, представлял собой авангардную разведку самого опасного типа. Где именно возник шпионаж — трудно установить, так как нам с самых древних времен неизвестен ни один конфликт, в котором шпионаж или тайная интрига не играли бы той или иной роли.

Систематическая вербовка шпионов — дело сравнительно недавнего происхождения. Введение организованного шпионажа приписывается Фридриху Великому, хотя еще Морис де Сакс, которому удалось отнять у Тюренна звание «генерального маршала королевских лагерей и армий», когда Фридриху было всего тридцать четыре года, в своем посмертном труде «Размышления об искусстве

войны» дает ту оригинальную концепцию шпионажа, в которой последний признается неотделимой частью военной науки, легкой впоследствии в основу планов и кампаний короля Пруссии.

Другой пруссак, знаменитый шпион по имени Вильгельм Штибер, одним столетием позже решил доказать, что шпионаж—сам по себе особо зловещая, подпольная наука. И результаты, которых он достиг благодаря своим собственным беспощадным и наглым изобретениям, почти доказали это. Штибер в 1780 году утверждал, что в его распоряжении не менее 30.000 шпионов и суб-агентов в подвергшихся нашествию областях Франции. В течение двух десятков лет Штибер с успехом занимал посты начальника тайной службы и министра полиции у Бисмарка. Когда он умер в 1882 г., искусство шпионажа начало приходиться в упадок в руках пораженных ужасом европейских подражателей.

Когда началась война 1914 г., то первые же операции тайной разведки показали, каким она стала сложным и громоздким механизмом. Руководители ее по обеим сторонам фронта довольно скоро, — то-есть относительно скоро, поскольку они принадлежали к той бюрократической разновидности, которая признает свои ошибки со скоростью ползущего глетчера, — пришли к выводу, что «метод Штибера» почти так же устарел, как лук со стрелами. В то же время возникло искусство контршпионажа в виде техники шпионажа за шпионажем. Контрразведка с самого начала была вооружена прекрасной полицейской техникой и сумела блокировать и дискредитировать все усилия нападающей стороны.

Одним из важнейших последствий этого явилось то, что все разведчики стали называться контрразведчиками и, таким образом, было, наконец, деликатно определено место, занимаемое шпионажем в международных отношениях. Все правительства одинаково были готовы отречься от пойманного шпиона, но, тем не менее, каждое правительство вынуждено было признать необходимость шпионажа. Они боялись шпионов, но

еще больше боялись очутиться без своих собственных агентов. После последней опустошительной войны ни одно правительство не решалось проявлять склонности к агрессии. Гораздо легче отпустить значительные суммы на агессию тайным порядком с тем, чтобы не возбуждать воинственных настроений соседей.

Из этого кое-кто даже заключил, что оборонительный шпионаж, контрразведка, окончательно вытеснит шпионаж старой школы. Сегодня совершенно очевидно, что только сумасшедший мог предполагать, что после 1918 г. вся тайная международная служба сведется к законной, допустимой контрразведке.

Во Франции, где одной из главных движущих сил разведки является страх перед еще одним германским нашествием, она превращается в своеобразный культ. Предательство, обман, мошенничество составляют катехизис шпионажа, который, как мы уже говорили, официально всегда называется контрразведкой. Агент либо находит какого-нибудь дурака и использует его (или ее) в своих целях, либо заводит дружбу с хорошо осведомленными или имеющими связи в важных кругах людьми и с течением времени добивается их доверия.

Однако, какими бы путями ни развивался будущий конфликт, совершенно ясно, что контрразведке предстоит еще сыграть значительную роль, при чем методы ее останутся неизменными. Все еще пользуется полным почетом тщательная техника «двойничества» для тех случаев, когда одно правительство стремится разоблачить разведывательные планы другого. Какой-нибудь наемный предатель может предложить данной разведке купить у него какие-либо секреты и в то же время оказаться крайне ненадежным субъектом. Он может оказаться хитрым двойным шпионом неприятеля. Во всяком случае, совершенно нельзя знать, когда он вместо пользы начнет приносить вред. Но если удастся посадить своего агента, ярого патриота, в разведку действительного или по-

тенциального врага, то в данном случае его предательство будет считаться не слабостью, но маской. Если он будет вести себя достаточно тонко и благородно, то сможет удержаться на своем месте много лет, если только, как уже неоднократно случалось, не окажется жертвой собственного начальника, подкупленного врагами.

Чем больше становится опасность, угрожающая со стороны боевой тайной службы в будущей войне, тем настоятельней становится необходимость в двойных шпионах для самообороны. Каким другим путем даже самая активная контрразведка может получить необходимое предупреждение о неприятельских планах, тайной мобилизации, внезапном нападении и диверсионных актах? Для того, чтобы поместить своего человека в руководящий аппарат потенциального врага, где он имел бы доступ к секретным архивам, нужна длительная и искусная подготовка. Несмотря на весь накопленный опыт в искусстве шпионажа за шпионами, это единственный эффективный способ разоблачения оперативников, подсланных неприятелем. Обычно, если шпион разоблачен, ему дают возможность самому «залезть в петлю». Как только шпион заподозрен, он более не опасен, поскольку ведется тщательное наблюдение за его связью. Ему дают возможность продолжать наблюдения, что только способствует накоплению улик против него. Такая же тактика сплошь и рядом применяется по отношению к обыкновенным уголовным преступникам. Однако в случае диверсионных актов такая политика терпеливого ожидания не безопасна. Один удар опытного диверсанта может слишком пагубно отразиться на моральном состоянии гражданского населения. Врагов, подсланных для вредительских актов, нужно истреблять, как чумных крыс, пока они еще не начали распространять заразу.

Карты и наброски укреплений, технические спецификации новых механизмов самолетов, танков и артиллерии — все

это составляет предмет торговли наемных агентов. Они имеют твердую рыночную стоимость.

Контрразведчики, единственные официально признаваемые представители «действующей армии» государственной разведывательной службы, имеют очень малое отношение к международным оперативникам, к продажным торговцам секретами, разве что время от времени арестовывают тех, кто слишком усердно обслуживает интересы какого-либо враждебного государства. Однако исполнение контрразведки в одних полицейских целях означает слабую подготовку к тем требованиям, которые могут быть предъявлены к контрразведке в будущем. Военная полиция и сыщики всегда могут быть выделены в особое подразделение. Полковник Вильгельм Николаи, глава германской разведывательной службы, в конце войны с негодованием отзывался о тех чиновниках гражданской полиции, которые являлись в его штаб-квартиру, одетые в бриджи, с длинными чулками, в мягкой шляпе и в парике, и думали, что в таком наряде смогут успешно действовать в рядах «тайной военной полиции» в оккупированных зонах Бельгии и Франции.

Тем не менее, когда полковник Николаи не смог найти из порядочных французов или бельгийцев агентов для работы в качестве осведомителей, он освободил из тюрем и поставил на эту работу мелких воров и жуликов. Эта мера сыграла для Германии ту же роль, что и другие подлости, которые лишь способствовали широчайшей антигерманской пропаганде и стимулировали вербовку во французскую и бельгийскую армии. В частности, эта мера привела к возникновению дела Эдит Кавель. Кавель и ее сообщники были разоблачены одним из освобожденных из тюрьмы жуликов. Этот жулик хвастал перед своей квартирной хозяйкой в Льеже, что благодаря ему было осуждено около ста двадцати шести более или менее невинных бельгийцев, англичан и французов. Когда он был пойман в 1919 году, эта бельгийская женщина вспомнила о его похвальбе, и это в числе прочих материалов привело к его осуждению.

При таких национальных бедствиях, когда контрразведка представляет как бы последнюю линию укреплений, от ее работников требуется преданность и большая сила воли. Возможно, что в этом случае разведывательная служба должна будет вернуться вспять и превратить всех тех, кто сейчас числится контрразведчиками, в агентов нападения. Может оказаться, что в следующей великой войне единственной защитой против боевых тайных агентов окажется безжалостное контрнападение.

ГЛАВА VII

Кто же те авантюристы, мужчины и женщины, которые теперь ведут единственную в своем роде «предвоенную» борьбу вдоль накаленных границ послевоенной Европы? Из числа агентов — ветеранов мировой войны одни умерли, другие «пропали без вести», третьи — либо получили повышение, либо удалены на отдых. Поэтому приходится регулярно вербовать новых шпионов. Каким образом это делается? Что заставляет этих тайных поджигателей войны подвергать себя риску? Какие побудительные причины могут заставить человека добровольно погрузиться в предательскую пучину современной разведывательной службы?

Удивительно, какие тривиальные мотивы приводились осужденными предателями в объяснение причин, побудивших их вести шпионаж против своей родины. Тут мы встречаем и желание подработать, и любовь к острым ощущениям, мелкий карьеризм и стремление к разгульной жизни. Хотя ни одному низовому агенту еще не удавалось разбогатеть от своей работы в разведке, тем не менее совершенно очевидно, что алчность является основным побудительным мотивом. Сегодня секретная информация рассматривается просто как вид товара.

Правительство Италии без излишней застенчивости признало, что именно тонкая и острая контрразведка привела к тому, что удалось поставить Уго Травилиа к стенке под залп взвода солдат.

Сотрудник итальянского морского министерства, Уго Травилиа пользовался доверием своего начальства. По долгу службы ему очень часто приходилось переносить корреспонденцию и документы из одного департамента в другой. Рядом со служебным помещением у него был спрятан миниатюрный фотостат, и в то время, как он переносил документы из одного помещения в другое, он умудрялся задерживаться как-раз настолько, что успевал сфотографировать все документы, имевшие значение в его глазах. Кроме того, в его обязанности входило уничтожение всех бумаг, попадающих в корзины для бумаг, чтобы они не могли попасть в руки иностранных шпионов, интересующихся военноморскими планами Италии. Однако Травилиа сохранял всякий клочок бумаги, относившийся к кораблям, портам и укреплениям.

Работники итальянской контрразведки в течение многих месяцев знали о том, что где-то есть «утечка», но им не удавалось напасть на след предателя до тех пор, пока однажды внимание одного из агентов, работавшего в Марселе в пользу Италии, не было привлечено к деятельности прекрасной Камиллы Алиарди, сообщницы Травилиа.

Немедленно был послан шифрованный запрос в римскую «квестуру». Тайная полиция распологала некоторыми данными о Камилле. Она была владелицей небольшой картинной галереи в одном из северных городов Италии, и поэтому ей и приходилось часто путешествовать для скупки и продажи картин.

«Посмотрим, зачем она ездит в Марсель», — сказали себе контрразведчики итальянской службы.

Было установлено наблюдение за передвижениями Камиллы Алиарди, сначала за границу, а затем за ее возвращением кружным путем в Рим. 3 января 1933 г., около 7 часов вечера, набережная Тибра была пустынна. Только изредка проходил то один, то другой человек, спешивший домой с работы. Уличные фонари горели тускло. По набережной прогуливались мужчина и женщина, время от времени они остано-

вливались, чтобы присесть на одну из скамеек, расставленных между деревьями, окаймляющими этот прославленный уголок Рима. Эти двое были Травилиа и Камилла Алиарди, назначившие здесь встречу для передачи документов, изъятых из морского министерства, находящегося как-раз по другую сторону реки. Они всегда встречались таким образом, под открытым небом, чтобы полностью обезопасить себя хотя бы от случайной возможности быть подслушанными.

Они сидели на скамейке, как самая обыденная парочка. Травилиа только-что передал Камилле небольшой плоский пакет с бумагами. Когда они поднялись и разошлись в разные стороны, на них из засады набросились агенты и полицейские. Оба тотчас были доставлены в тюрьму, где каждый из них поодиночке признался в своей вине.

Травилиа признал, что в течение десяти лет он продавал секреты своей родины. Все это время Камилла была его агентом-передатчиком. Все, что он ей давал, она вывозила во Францию, остроумно скрывая документы в картинах. В Марселе или в каком-нибудь близлежащем городке она встречалась с агентом французской разведки и получала от него вознаграждение, которое делила с Травилиа. Размер вознаграждения зависел от секретности и важности переданной информации, однако по сравнению с риском и возможным исходом операций эти суммы никогда не были значительными.

Чем дальше шпион остается в каком-нибудь одном месте, тем большей опасности он подвергается. Фатальной болезнью шпионов-резидентов является излишняя уверенность и неосторожность. Раз'езжающий шпион хотя и является более подозрительным из-за своих раз'ездов и появлений в местах, где его никто не знает, тем не менее эти опасности уравниваются для него тем, что он не теряет бдительности. Именно потому, что он сознает, что он чужой, которому надо опасаться случайного или даже слепого подозрения, он никогда не распускается и заранее считается с бдительностью противника.

Шарль Люсьето из французской во-

енной разведки прибыл в Эссен всего за несколько часов до назначенной секретной демонстрации первых снарядов, начиненных ядовитым газом. Он сумел выдать себя за члена свиты германского императора и наблюдал опыты. Некоторые осколки этого последнего смертельного нововведения в тот же день были отправлены во Францию и через тридцать шесть часов находились уже во французских лабораториях, что действительно является выдающимся подвигом шпионажа. Если бы все секретные задания исполнялись с такой быстротой и давали такие же реальные результаты, то каждый подвижный агент разведки стоил бы целого армейского корпуса.

Густав Штейнхауэр, который работал у Пинкертон до тех пор, пока, вернувшись в Германию, он не стал личным тайным агентом кайзера Вильгельма, за неделю до начала военных действий стал наблюдать за английскими военными судами.

Германский шпион прибыл в Скапа Флоу, чтобы установить, могут ли здесь найти стоянку самые крупные военные суда. Под видом невинного рыболова он удил рыбу в водах, уже патрулируемых военными судами. Он производил замеры глубины посредством лесы с узелками, где каждый узелок отмечал собой фathom глубины. По приказанию, переданному с военного катера, он и его компаньон вынуждены были прекратить ужение и направиться к берегу.

Осенью 1933 г. один японец, вероятнее всего, военно-морской агент, был пойман за таким же занятием в Сан-Диего, в Калифорнии. Ему сделали соответствующее внушение, но не арестовали; эту несколько забавную историю быстро замяли, так как к тому времени уже появились в открытой продаже точные морские карты этого участка, и глубины порта Сан-Диего не являются тайной.

Все, кому приходилось читать книгу Марты Кнокерт Мак Кенн — «Я была шпионкой», представляющую из себя правдивый рассказ о ее приключениях день за днем в Бельгии во время миро-

вой войны, помнят о том, какому риску подвергалась она и другие агенты, пытаясь разрешить загадку первой газовой атаки в истории войны. Хотя в это время приказы руководства были довольно жестокие: «Не беспокойтесь о состоянии погоды. Для нас ценнее сведения о передвижении войск, направлениях частей, поездов и т. д.». Через три дня в записке, пересланной в подушке для булавок, ей и ее смелым сообщникам снова было дано указание: «Ваши последние сообщения имеют весьма неопределенный характер. Повторяем, для нас ценнее сведения о передвижении войск, направлении частей, поездов и т. д.». Тем не менее они продолжали с огромным риском докапываться до ужасной германской тайны.

ГЛАВА VIII

Независимо от талантов и калибра агентов разведки, их способность и преданность растрачиваются впустую, если стоящая за ними система не организована по-современному.

Во Франции различные отделы, работающие в этой области, почти неизменно испытывают денежный голод, хотя в области дипломатии французы пускаются на самые дорогостоящие предприятия, требующие подкупа и субсидий. Одно время в течение мировой войны 5-й отдел контрразведки, находившийся под искусным руководством капитана Ладу, имел в своем распоряжении всего 3 500 франков для необходимой работы по контрразведке в нейтральных странах, граничащих с Францией. Четверть этой суммы была выдана вдове одного убитого на войне солдата, которая отправилась в Испанию, проникла в германскую службу разведки и в спальню ее главы фон-Крола и добыла не только важнейшую информацию, но также значительные суммы немецких денег для дальнейшей работы художничьего 5-го отдела.

Франция рассчитывает на получение значительной бесплатной помощи от друзей и иностранцев, награждая их почестями и орденами. Получающие последние чувствуют себя польщенными, и,

если они занимают официальные посты, что весьма возможно, их правительства также испытывают чувство благодарности. Профессиональные агенты, предпочитающие платежи наличными, считают, что таким образом Франции и удается уменьшить стоимость разведывательной службы по крайней мере на десять процентов.

Англия, повидимому, довольно неохотно награждает орденами даже английских агентов. Система разведки и контрразведки Великобритании империи, взятые вместе, как целое, пожалуй, представляет собой непревзойденный в настоящее время образец. Английская тайная служба имеет репутацию всевидящей и всезнающей.

Но как бы хорошо ни была организована английская служба и как бы осторожно она ни тратила свои деньги, сколько бы дополнительных сумм ни были бы скрыты в разных уголках бюджета, тем не менее ей еще много предстоит бороться, чтобы добиться таких ассигнований, которые потребуются для создания боевой наступательной тайной службы будущего. После мировой войны английский шпионаж широко развернулся, особенно на континенте. Индустриальные центры Англии представляют собой опасную, скученную мишень для бомбометателей с континента, а во всех других отношениях являются раем для диверсантов. Три миллиона фунтов стерлингов ежегодно не было бы слишком высокой ценой для создания построенной по последнему слову техники английской тайной службы, покрывающей всю империю. Если бы оказалось, что такая сумма затрачивается уже теперь, то это только значило бы, что англичане сумели замаскировать ее с большой хитростью.

Учтя относительную недостаточность даже самой лучшей из существующих разведывательных служб, правительства должны тщательно изучить и подготовиться к грядущей угрозе диверсионных актов и принять все меры к полной реорганизации и значительному немедленному расширению контрразведок. Всего несколько месяцев тому назад один профессиональный европейский

шпион совершил «набег» на Англию, где в военно-морском арсенале украл из-под носа английских стражей детальные чертежи одного важного военно-морского изобретения. Это изобретение относилось к вопросам направленной радиопередачи и к управлению на расстоянии судном без экипажа. После того, как эта кража была обнаружена, сыщики Скотланд-Ярда и агенты контрразведки начали действовать с похвальной быстротой.

Им удалось проследить этого вора, подосланного неприязнелем, и настигнуть его в одном, хорошо известном континентальном порту — центре шпионажа. Все украденные им чертежи были обнаружены и возвращены, но он откровенно признался, что уже успел снять копии со своей добычи и передать их своему сообщнику. Секретное изобретение, стоившее около 40 000 фунтов стерлингов, лишилось 95 процентов своей ценности только потому, что смелый наемный агент провел в Англии восемь часов. А если бы он явился с зажигательными гранатами или с культурами бактерий, то разве английская армия или флот, или население Англии были бы лучше охраняемы, чем стальной сейф с чертежами?

Во всех сейфах и шкафах военных министерств всего мира имеется какой-то громадный недостаток. Секреты просачиваются сквозь них, даже если они заперты и запечатаны и официально не должны отпираться в течение целого года. Во всех странах для будущего подготовлены военные коды, планы промышленной и военной мобилизации и другие важнейшие подготовительные материалы для военных и морских штабов. Их хранят в сейфах и ежегодно проверяют. Тем не менее лица, заслуживающие доверия, утверждают, что многочисленные шпионские «шайки» заглянули в каждый из этих сейфов.

Могут задать вопрос: почему позволяют процветать профессиональным шпионским организациям? Конечно, широкие полицейские силы европейских держав, если допустить, что лишь некоторые из них подкуплены, могли бы изъять этих шпионов и лишить

их возможности приносить вред. Однако, повидимому, все правительства находят их полезными, и фактически все разведывательные организации ведут с ними дела. Как ни странно, но даже когда они настолько смеются, что приходится разоблачать и арестовывать их, из этого можно извлечь выгоду. Правительственные агенты хотя и приходят в ужас при мысли о том, сколько из их секретов были предметами торговли профессионалов, но вознаграждают себя тем, что имеют возможность бесплатно получить доступ к украденным секретам других правительств.

Английская тайная разведывательная служба довольно консервативна в своих методах в мирные годы и пытается знать все, что происходит вокруг, не запутываясь в сложные отношения с иностранцами. Тем не менее она поддалась на удочку одного из наиболее прославленных интернациональных заговорщиков — венгерца по имени Арнад Вейсс. Он обладал особым талантом к шпионажу, который, однако, оборачивался против него самого. Короче говоря, он мог бы быть мастером шпионажа, если бы мог доверять самому себе. Обычным для него делом было получить деньги от одной разведки и затем продать добытые им сведения враждебной разведке, как только он благополучно заканчивал свою миссию.

В течение предшествовавших двух столетий австрийская армия выступала на поле битвы только для того, чтобы приумножить славу командующих вражескими армиями. Русский генеральный штаб никогда не имел ни малейших сомнений в победном исходе действий своих сил в борьбе против этого союзника Германии. Однако для того, чтобы еще больше обеспечить сохранение слабых традиций Лейтена и Хахенлиндена, Гульша, Аустерлица, Сольферино и Садовой, генеральный штаб разрешил тайной разведке поглубже запустить руку в суммы, предназначенные на подкуп и взятки, и в 1912 г. удалось купить у австрийского полковника Редля

сокровенные планы австрийской мобилизации и обороны.

Когда это предательство подкупленного офицера штаба было открыто младшими офицерами методами контрразведки, которые по иронии судьбы были усовершенствованы самим Редлем, — последний покончил жизнь самоубийством. Русский военный атташе был без шума изгнан из Вены.

Взамен планов, проданных Редлем, отчаянным напряжением сил всего за несколько недель до объявления войны австрийцы выработали новые планы. Русские армии повели наступление на Галицию по плану, выработанному в соответствии с прежде добытыми австрийскими секретными данными. Они гласили, что основные силы австрийской армии должны быть сосредоточены в районе Лемберга (Львов). Из-за того, что русское командование действовало на основании материалов девятимесячной давности, оно почти упустило из рук возможность скорой победы над австрийцами.

Другим примером того как важнейшее достижение шпионажа не попадает в цель, мы видим на опыте Бельгии, которая до 1912 г. тратила почти ничего или очень мало на тайную разведку. В критические месяцы, предшествующие августу 1914 г., которые, по мнению многих, угрожающе схожи с нынешним напряженным состоянием Европы, Брюсселю стало совершенно ясно, что договорные обязательства могут оказаться нарушенными, как любой другой клочок бумаги. Тогда из Брюсселя было послано несколько шпионов, чтобы раздобыть сведения о новой германской тяжелой осадной артиллерии.

Укрепления Льежа, Намюра и Антверпена оптимистически считались неуязвимыми. Однако они были построены в расчете на то, что смогут устоять против огня германских 21-см орудий и французских 22-см орудий, в то время как уже японцы применяли 28-см артиллерию при бомбардировке Порт-Артура. Оперативные агенты скоро вернулись, принеся с собой точные описания огромных крупновесных 42-см ору-

дий. Однако этим сведениям придали мало значения. Было слишком поздно строить крепости, способные выдержать огонь новых крупновесных пушек. Бельгийский штаб считал, что если дать ход этим неприятным известиям, то это только обескуражит их главнокомандующего, который одновременно являлся их королем.

Профессиональным агентам шпионажа приходится относиться философски к умственным способностям офицеров штаба. Во время мировой войны тайной службе, как и многим другим отраслям правительственной деятельности, пришлось немало пострадать от людей с целой выставкой медалей на груди. Сплошь и рядом конфиденциальные обзоры и сводки, представленные искусными шпионами, залеживались и забывались в шкафах, пока не теряли всей своей актуальности и ценности. Сведения, полученные дорогой ценой, иногда ценой жизни очень полезных людей, попадали в руки румяных джентльменов, которые благодаря годам беспечной жизни, окружавшей их лести, жизни в родовых имениях и незаслуженным продвижениям по службе сделались неспособными даже к преподаванию арифметики детям.

Генерал Макс Ронге, начальник тайной военной разведки австро-венгерской армии, говорил, что предприимчивые агенты умели всегда заблаговременно предупреждать свои военные штабы о всякой значительной атаке. Но какое высшее командование согласится строить свои действия в зависимости от шпионских донесений? И шпионами и их работой настолько пренебрегали в штабах, что ни разу заблаговременное предупреждение, полученное от них, не принималось всерьез настолько, чтобы были приняты меры к предотвращению предсказываемой ими катастрофы.

Ронге пишет в своих мемуарах о том остром напряжении, какое он испытывал перед наступлением у Каппоретто в 1917 году, когда казалось неизбежным, что итальянский штаб должен знать о генеральном наступлении, назначенном на 25 октября. Чуткие шпионы в действительности дали итальянцам множе-

ство ясных, хотя несколько истерически преувеличенных данных, называя место, час и силы назначенного австро-германского наступления. Граф Кадорина и его помощники благодушно выжидали. 25-го итальянский фронт был разбит вдребезги, как и было намечено по программе.

Конечно, нельзя быть уверенным в том, что ужасное поражение, понесенное итальянской армией, могло быть предотвращено своевременной оборонительной подготовкой. Но, поскольку Кадорина и его штаб были приставлены к руководству военными действиями, и ни к чему другому, они могли бы, по крайней мере, обеспечить отступление в полном порядке.

В заключительные два года войны, 1917 и 1918, общая сумма расходов на германскую разведывательную службу достигала около двадцати пяти миллионов марок в месяц. Англичане тратили на те же цели более полутора миллионов фунтов в месяц. Французы в среднем тратили столько же, сколько Германия. Итальянцы немного меньше, в то же время затраты русских, сначала неумеренные, впоследствии упали до последнего места и в конце-концов дошли до нуля, когда революция смела все царские учреждения. Учитывая, что эти расходы давали малые выгоды по сравнению со вложенными в них суммами, неудивительно, что в ближайшем будущем намечаются радикальные изменения в тайной службе будущей войны.

В течение всей мировой войны активная разведка Франции имела перед собой исключительные возможности для боевой реорганизации и для подготовки диверсий. Эти возможности, по всей видимости, были почти совершенно неиспользованы. Германская армия захватила большие и густо населенные северные области Франции, которые, в предвидении этого несчастья, были за много лет до того густо усеяны агентами тайной службы.

Еще в 1899 году из Парижа были посланы инструкции всем префектам, в которых им предлагалось предоставить в распоряжение специального уполномо-

ченного разведывательной службы всех таможенных чиновников, полевых сторожей, речную охрану, деревенских почтальонов, т. е. всех служащих, чья работа связана с пребыванием на воздухе. Вся страна была разделена на 122 разведывательные секции. Вдоль лотарингской границы и вблизи важных военных пунктов эти секции были расположены более часто и были меньше по размерам и имели большее число государственных служащих, работающих в качестве сотрудников, чем секции, находившиеся дальше, в глубине страны. К 1900 г. эта эффективная координированная система разведки уже вступила в действие.

Когда в августе 1914 г. правое крыло германской армии продвинулось вперед, германская военная полиция захватила помещение штаба этих секций, и таким образом в руки немцев попала уйма ценнейшего секретного материала. Несомненно, парижское руководство разведки рассчитывало на то, что весь этот материал будет заблаговременно уничтожен, но в действительности уполномоченные были выброшены немцами из своих помещений без особых предупреждений. Главной ценностью, найденной немцами, были списки французских агентов, которые должны были действовать в оккупированных немцами зонах. Все эти агенты честно остались на своих постах, и все были арестованы и препровождены в Германию в качестве пленников еще до того, как успели приступить к своей шпионской деятельности. Задолго организованная французская служба потерпела катастрофическое поражение. Но даже из этого удалось извлечь кое-какую выгоду.

Арестованные были штатские люди с хорошей репутацией, чиновники, в большинстве пожилые, уже далеко перешагнувшие призывной возраст. Высылка их в качестве «заложников» была немедленно и весьма широко использована пропагандистами Антанты. И когда немцы с характерной для них неуклюжестью и с опозданием сообщили, что эти люди были взяты не как важные заложники, но как сотрудники тайной разведки с большим стажем, такое

объяснение было встречено смехом как нелепое изобретение, которое должно послужить слабым оправданием для жестокости победителей.

Несмотря на массовую облаву на чиновников, состоявших в списках тайной службы в оккупированных районах, уцелело много шпионов, которые сумели избежать провала по несколько месяцев и даже лет, а многие и вовсе не были пойманы.

Еще в 1916 г. один эльзасский агент спрятался в Шарлевилле, когда туда была перенесена германская штаб-квартира западного фронта. Он был мобилизован, когда началась война, но намеренно отстал при отступлении, и в течение целого года жил в одной семье, которая кормила его в обмен на оказываемые им различные услуги. Когда, однако, немцы усилили свои контрразведывательные операции, его хозяева поняли, насколько его присутствие угрожает их собственной безопасности. Они решили избавиться от него, и между ними разыгралась драка. Шпион, получивший тяжелые повреждения от своих друзей, вынужден был пойти на крайний риск и обратился за спасением к военной полиции.

Поскольку тщательно разработанная для театра войны система шпионажа была серьезнейшим образом подорвана, французской разведке пришлось устанавливать связь с населением оккупированных районов по воздуху. В мае 1915 г. германская контрразведка обнаружила, что в тылу, позади немецких окопов, высаживаются с самолетов шпионы, снабженные корзинками с почтовыми голубями. Это первое и важнейшее нововведение в технике тайной службы в мировой войне было предложено американским добровольцем Бертолом, лейтенантом эскадрильи имени Лафайета, который за это был награжден военной медалью.

«Воздушными шпионами» были люди, чьи дома находились в оккупированных департаментах; их высаживали в родных местах, где они знали каждую дорогу и тропинку. Для этой работы

использовали и немцев, главным образом эльзасцев и лотарингцев, которые до войны проживали во Франции, чтобы избежать германской военной муштры, или солдат из дезертиров, или пленных. Воздушные шпионы из числа немцев были исключительно полезны, так как особенно хорошо знали условия в армии и могли легко устанавливать контакт с немецкими солдатами. Французы-шпионы в свою очередь знали население и всегда могли рассчитывать на помощь с его стороны.

Все воздушные шпионы были пожилыми людьми. Шпионы-французы под штатской одеждой носили французскую военную форму, а шпионы-немцы — немецкую. Последним было предписано по прибытии на место снимать штатское платье и прятать его с тем, чтобы появиться среди немецких войск одетыми в форму. Французский шпион оставлял на себе штатскую одежду с тем, чтобы удобнее общаться с гражданским населением. Только в случае серьезной опасности он должен был снимать штатскую одежду для того, чтобы в случае ареста его считали пленным, а не шпионом.

Воздушные шпионы были полностью проинструктированы и вдоволь снабжены французскими и немецкими деньгами. Обученные обращению с почтовыми голубями, они могли брать с собой до шести штук, с тем, чтобы посылать их обратно по одному в день, по мере собирания материала. Этим агентов высаживали ночью, чаще всего неподалеку от железной или шоссеиной дороги в тихом районе, где не слишком много войск и не слишком тщательное наблюдение. С места высадки они должны были проскользнуть в район боевых действий. Обычно с ними условливались, что через определенный срок за ними на то же место будет прислан самолет. Разумеется, не всегда обстоятельства позволяли той или другой стороне выполнить это условие.

Было замечено, что предприятия подобного рода значительно увеличивались в числе, когда намечались большие операции. И немецкая тайная служба научилась угадывать, когда францу-

зы предполагают начать наступление и когда они ожидают нападения со стороны немцев. Сообщения пойманных воздушных шпионов и инструкции, найденные при них, давали немцам очень много сведений о намерениях и предположениях неприятеля. В первый год применения этого метода шпионажа было высажено девять таких шпионов, четверо из них в форме вместе с пятью самолетами попали в руки немцев. Было организовано тщательное наблюдение за попытками французов перевести шпионов обратно. В назначенное время появлялись французские самолеты, описывавшие круги над местом высадки, откуда за ними наблюдали хорошо укрытые контрразведчики. Но летчики продолжали держаться на значительной высоте. Немцам все же не удалось узнать и использовать условный, тайный знак, который должен был указать, что летчикам не угрожает никакая опасность.

Очень часто не удавалось выполнить обещание — вывезти шпиона обратно. Предоставленные самим себе, шпионы либо попадались, либо пробирались кружным путем в Голландию. Французским консулам было предписано находить их и возвращать во Францию. Многим из этих шпионов давались указания, что в случае, если попытка вывезти их окончится неудачей, они должны отметить свой и без того трудный путь домой разрушением железнодорожных линий, мостов и подвижного состава в тылу неприятельских войск. Неудивительно, что при таких обстоятельствах единственным удачным диверсионным актом был взрыв больших складов военного снаряжения, не задолго перед наступлением немцев на Верден.

Воздушные шпионы использовались для целей разведки главным образом армией той страны, чья территория была оккупирована. Германские военные власти признали, что они среди французских пленников не могли найти ни одного, кто согласился бы выполнить такое поручение против своей страны. Возможность послать нескольких немцев во французский тыл, в среду вра-

ждебного населения, была абсолютно исключена. Впоследствии даже союзникам пришлось изменить способ действий. Риск потери самолетов и опытных летчиков, которыми нельзя было жертвовать ради весьма неопределенных результатов, привел к тому, что была испробована новая система. Шпионов стали переправлять на аэростатах. Это имело еще и то преимущество, что их посадка не привлекала ничьего внимания, поскольку таким путем удавалось обойтись без шума авиационного мотора. Обычно такой шпионский аэростат имел 8,5 метра в диаметре при емкости в 310 кубических метров. Он мог поднять только одного человека и имел радиус действия от 40 до 55 километров.

Большинство шпионов, пользовавшихся воздушными шарами, было обучено в Англии. Курс обучения длился около четырех недель и включал около шести пробных полетов, из них два ночных. В пробные полеты забирались клетки с почтовыми голубями. В обязанности воздушных шпионов входило не только собирание информации, но также налаживание связи через Голландию, где у французов было организовано сильное отделение разведки.

В том же 1917 г. было введено третье изобретение, преследовавшее ту же цель. Новый способ заключался в том, что шпионы спускались на парашютах со специально сконструированных самолетов. Под фюзеляжем между колесами устанавливался алюминиевый ящик, в котором находился шпион с парашютом. Пилот мог открыть дно ящика в любой момент без предупреждения, и тогда шпион падал оттуда с прикрепленным парашютом. Шпионы, спускавшиеся с воздушных шаров или с парашютами, для немцев были гораздо опаснее, чем первые воздушные шпионы, так как их гораздо труднее было обнаружить немедленно после спуска. К тому же в их цели входила к тому времени уже не временная деятельность шпиона-одиночки, но организация прочной шпионской службы с помощью местных агентов, которых они должны

были завербовать и проинструктировать.

Обычная для разведки страсть ко всяким клочкам и обрывкам сведений заставила немало умов потрудиться над вопросом организации службы почтовой связи с шпионами, завербованными из местного населения. В 1917—1918 гг. с самолетов в больших количествах сбрасывались почтовые голуби и шары-пилоты. Таким путем пытались привлечь гражданское население на возможно большей территории к сбору и доставке информации. Почтовых голубей спускали на землю по две штуки в маленьких корзинках, с прикрепленными к ним шелковыми парашютами. В корзинках, кроме корма для голубей, находились инструкции о способах обращения с ними, анкеты для зачисления, образцы заполненных донесений, некоторое количество французских денег и обычно горячее печатное обращение примерно следующего содержания:

«Спротивление бошей уже падает благодаря наступлению союзников, которым уже удалось освободить часть французской земли. Для того, чтобы иметь возможность продолжать двигаться вперед, союзники должны быть хорошо осведомлены о расположении неприятеля и его намерениях. Ваш долг добрых патриотов, находящихся в гуще неприятельских войск, оказать эту услугу союзникам. Средства для этого вот здесь, под рукой. Вы рискуете своей жизнью, но вспомните о наших солдатах, которые жертвуют своей жизнью, чтобы освободить вас. Посылая сведения, вы оказываете своей стране неоценимую услугу и приближаете конец войны. Мы сумеем наградить вас, когда наступит мир, и вы всегда будете чувствовать удовлетворение от того, что действовали как добрый патриот».

В пустынных местностях позади германских окопов находили множество корзинок с мертвыми голубями. Так, в декабре 1917 г. было найдено 63 корзинки, в январе 1918 г. — 41 штука и в конце мая — 45 штук. Все это было

найдено за линией окопов только одной армии. Германская контрразведка, конечно, понимала, что это лишь небольшая часть голубей, разбросанных за линиями их окопов. Большую часть голубей население использовало. Нужна была исключительная меткость, чтобы из армейской винтовки подстрелить голубя, однако раз двенадцать это удавалось. И всякий раз, по данным немцев, голуби несли с собой важные военные сведения.

Эта система оказалась настолько полезной, что союзники еще больше расширили ее применение в заключительные месяцы войны. Они стали сбрасывать голубей не только с самолетов, так как зачастую это могло быть замечено, но также с помощью небольших шаров, диаметром около пяти метров, к которым было приделано очень остроумное приспособление для спуска клеток к голубям. К шарам привязывали деревянную крестовину, ко всем четырем концам которой были прикреплены клетки с голубями. Посреди крестовины был поставлен механизм типа будильника, автоматически опускающий в заданное время клетки с прикрепленными к ним парашютами; кроме того механизм время от времени давал выход газу из шара. Для того, чтобы остатки шара не вызвали подозрений, они были снабжены надписью: «Это немецкий шар. Его можно уничтожить». Впоследствии вместо часового механизма стали применять медленно тлеющий фитиль, автоматически поджигавший шар, как только все четыре клетки были спущены.

Почтовые голуби — очень нежные создания, и в случае, если их не находили сразу, они быстро погибали. Тайная полиция тогда расширила поприще своей деятельности и стала разбрасывать шары-пилоты. Эти шары имели около 60 сантиметров в диаметре и были сделаны из легкой голубой папиросной бумаги, с трудом видимой в полете. Для наполнения их вполне достаточно было иметь обыкновенную газовую проводку. В разбрасываемых пакетах обычно находилось три таких шара, сложенных и с полными инструк-

циями к употреблению. Часто к ним прилагались химические вещества для выработки газа на месте, но, поскольку бумажные шары можно было упреждать только при наличии благоприятного ветра, они в качестве средства связи никогда не могли сравниться с почтовыми голубями.

Измученное население позади германских окопов продолжало оставаться мишенью разведки, которая должна знать все, даже если бы в «ничейном» положении на Западном фронте не произошло никаких изменений. Воззвания к потенциальным шпионам, обильно разбрасываемые над оккупированными зонами, становились все более настойчивыми.

«Внимание!

Настоящий ли вы патриот? Хотите ли вы помочь союзникам отомстить врагу?

Хотите?

Тогда незаметно отнесите этот пакет домой. Вечером вскройте его, когда вы будете одни, действуйте согласно вложенной здесь инструкции. Если на вас смотрят — не трогайте пакет. Заметьте место, вернитесь ночью и возьмите пакет. Парашют уничтожьте немедленно, вам он не может пригодиться. Если тщательно выполните инструкции, то поступите как истинный патриот, окажете большую услугу союзникам и поможете ускорить час окончательной победы. Терпение и мужество! Да здравствует Франция! Да здравствует Бельгия! Да здравствуют союзники! Для того, чтобы ускорить час вашего освобождения, в котором можно не сомневаться, вы должны приложить все усилия к заполнению граф необходимыми

сведениями. Если вы чего-либо не знаете, спросите у надежных друзей. Для того, чтобы вас можно было опознать, укажите имена двух ваших друзей, проживающих на неоккупированной территории. Это нужно для того, чтобы после вашего освобождения вас можно было наградить».

В зиму 1918 г. летчики союзников доставляли это воззвание — отпечатанное на французском и немецком языках — вместе с почтовыми голубями и шарами-пилотами в отдаленные провинции Эльзас-Лотарингии.

Последним достижением было распространение радиоустановок. Это были передатчики последней конструкции Маркони с 400-вольтowymi сухими батареями и 30-метровой антенной. Передатчики имели радиус действия — 50 километров. Пакеты с этими приспособлениями, сбрасываемые посредством парашютов, помимо обычных наставлений, содержали также краткие инструкции по зашифровке. Германские военные радиоустановки слышали работу этих передатчиков в течение нескольких недель отчаянной борьбы после 21 марта 1918 года. Усиленными поисками контрразведки несколько передатчиков было найдено, хотя среди них не было ни одного действующего.

Отсюда явствует, сколько ума, времени и денег было затрачено на снабжение разведки подлинными сведениями, а заодно и сплетнями о неприятеле. Диверсии и боевая тайная служба в следующей войне вместе со своим невидимым сообщником — пропагандой — безусловно смогут гораздо лучше использовать эти изобретения.

(Окончание следует)

Наука и техника

ИССЛЕДОВАНИЕ ГРЕНЛАНДСКОЙ АРКТИКИ

Г. Нивова

Исследовательской работе старшего типа в Гренландии быстро проходит конец. Лишенная романтизма, специальная научная работа имеет сейчас здесь большее значение, чем долгие и трудные путешествия, при которых возможна только ориентировочная съемка исследуемых областей». Это утверждение принадлежит перу авторитетного автора, английского геолога Л. Р. Уэджера, который принимал участие в двух научных экспедициях в Гренландию. Согласиться с этим мнением целиком нельзя. Белое пятно, еще недавно занимавшее на всех картах около 80 процентов всей площади Гренландии, уменьшается лишь очень медленно. На этом громадном острове осталось еще немало совершенно необследованных областей, изучение которых требует долгих, сопряженных с большими опасностями и лишениями путешествий, которые Уэджер называет «романтическими». История изучения Гренландии за последние годы дает немало примеров исследовательской работы самого различного характера.

Интерес к Гренландии—самому большому острову на земном шаре, лежащему между 59,5 и 83,5 градуса северной широты, — чрезвычайно оживился с начала текущего десятилетия в связи с английскими планами создания трансатлантической линии, соединяющей Европу и Америку, в частности — Англию и Канаду. Организация беспосадочных регулярных перелетов с грузами или пассажирами через Атлантический

океан была еще невозможна лет пятнадцать назад. Следовало изыскать пункт для промежуточной посадки, организовать сеть метеорологических баз и радиостанций по предполагаемой трассе. Для этой цели Англия рассчитывала использовать Гренландию—страну, лежащую в стороне от проторенных морских (а в дальнейшем, как можно было предполагать уже в то время, и авиационных) путей через Атлантический океан. В случае возникновения военных действий трасса, проложенная по дальнему Северу и почти непосредственно соединяющая Англию с Канадой, имела бы большое стратегическое значение.

В 1930 году была организована специальная «экспедиция английского арктического воздушного пути» под руководством Уоткинса. Она произвела обследование и топографическую съемку большого фьорда Кангердлугсуак за полярным кругом, на восточном берегу Гренландии. Это была вторая экспедиция, посетившая необследованную ранее береговую полосу близ Кангердлугсуак. Участники первой экспедиции, под руководством датского адмирала Амдруса, видели только устье фьорда. В 1934 году английские авиационное, морское и военное министерства организовали новую экспедицию в составе трех участников, под руководством лейтенанта Мартина Линдсэя.

Участники экспедиции начали свое путешествие с западного побережья Гренландии, потому что все предыдущие

попытки проникнуть в область вечного льда с востока терпели неудачу из-за крутизны покрытых глетчерами склонов, спускающихся к морю. Кроме того, доступ к восточному побережью с моря открыт всего несколько недель в году, а остальное время прегражден льдами. Одновременно с экспедицией Линдсэя работали еще две — французская и итальянская. Они пытались пробиться через льды с востока, но безуспешно.

Экспедиция Линдсэя, которой предстояло пересечь Гренландию в совершенно необследованной области, была тщательно подготовлена. Один из ее участников, Крофт, провел предыдущую зиму в районе Якобсхавна (на западном берегу Гренландии), купил там собак, наметил маршрут подъема на высокую «ледяную шапку», покрывающую 85 процентов площади Гренландии, доставил около двух тонн корма для собак к тому месту, от которого экспедиция должна была начать свой путь на собаках. Линдсэй и третий участник экспедиции, Годфри, прибыли в Якобсхавн во второй половине мая 1934 года. Из-за плохих ледовых условий они на целых три недели опоздали против намеченного срока. Вместо того, чтобы проехать по льду на санях к устроенному Крофтом складу, они принуждены были тащить по суше. Почти весь снег на берегу стоял, и собакам приходилось по камням и траве тянуть тяжело нагруженные сани.

Экспедиции Линдсэя пришлось работать в очень тяжелых условиях, впрочем обычных для Гренландии. За двое суток до выступления в путь на санях прошла гроза с ливнем, который смел весь снег. Под ним обнаружили синеватые, изрезанные трещинами ледяные хребты. Долины между этими хребтами были полны талого снега. Тяжелый груз в течение первой недели пути то-и-дело приходилось перетаскивать через трясины, где вода доходила до пояса. Собаки проваливались в трещины во льду. При этом пять собак погибло.

Наконец, после недели изнурительно-го пути, экспедиция поднялась на такую высоту, где весеннее таяние прекратилось. В течение целой недели условия

пути были идеальные: снег, днем подтаивавший немного, ночью смерзлся и становился совершенно твердым. Участники экспедиции спали днем и шли светлой летней ночью.

После того, как экспедиция поднялась на высоту примерно 2450 метров над уровнем моря, условия передвижения ухудшились: погода стала холодной, температура падала до -30°C .

Экспедиция проводила в пути ежедневно по 9 часов. Вместе с работой по разбивке и свертыванию лагерей и стряпней рабочий день путешественников составлял 16 часов. И люди, и собаки сильно уставали. Труднее всего было заставить быстро бежать собак передовой упряжки: так как каждому участнику экспедиции нужно было управлять санями, некому было идти перед передовой упряжкой. В конце концов одни сани пришлось бросить, тогда один из участников экспедиции смог повести за собой передовую упряжку.

Наконец, через пять недель после начала экспедиции, 20 июля, путешественники увидели землю — покрытую снегом вершину горы. Переход через вечные льды Гренландии был завершен. Экспедиция прошла около 950 километров по совершенно неисследованной области и проникла в хинтерланд, примыкающий к ее восточному побережью, который до сих пор считался недоступным.

Однако основная цель экспедиции была еще впереди: ей предстояло изучить и нанести на карту территорию в 550 квадратных километров. Если ранее эту местность кто-нибудь и видел, то только с самолета, с большой высоты.

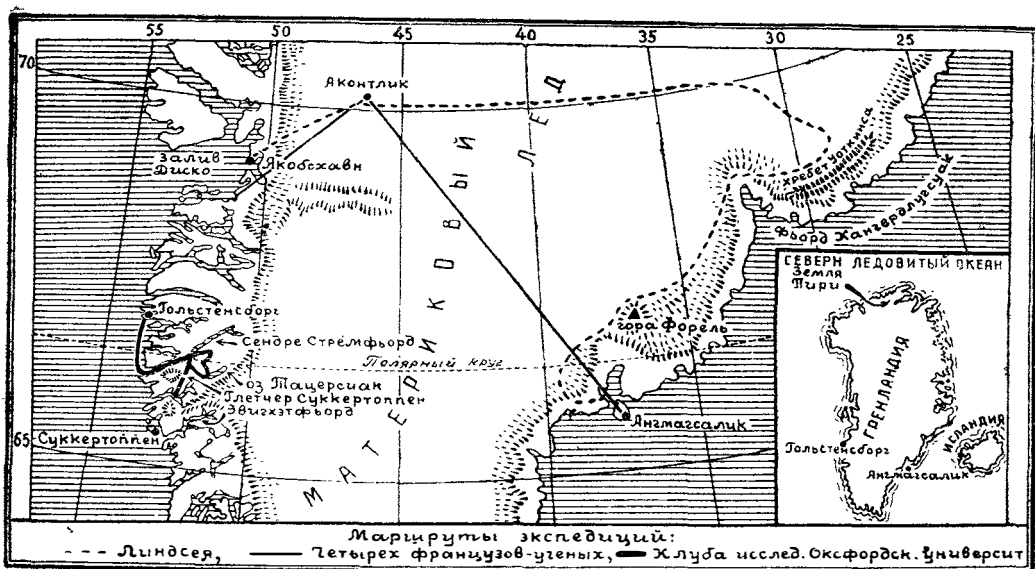
Повернув на юг, вдоль восточного побережья, экспедиция совершенно неожиданно для себя столкнулась с горными образованиями альпийского, швейцарского типа. Вскоре местность изменилась: появились очень своеобразные, резкие чередования горных хребтов и долин. Едва перевалив через покрытый льдом хребет, путешественникам приходилось спускаться в долину глубиной в двести-триста метров. Спуск нередко бывал настолько крутым, что под по-

лозья саней приходилось подкладывать веревку, которая служила тормозом, или ехать зигзагами. Километров на десять-пятнадцать ниже такого спуска тянулась долина, потом снова начинался подъем на крутой склон. Местами попадались совершенно круглые, высокие и обширные холмы. На них участники экспедиции устраивали триангуляционные вышки.

На вершине одного из таких холмов путешественников застигла снежная бу-

ра считывали, производить топографическую съемку и прочие наблюдения, а это заставило сократить суточный рацион.

Самочувствие участников экспедиции стало к тому времени совсем неважным. Начали сказываться последствия долгого пребывания на большой высоте. Спать почти не удавалось: идти нужно было ночью и ранним утром (днем снег подтаивал), ложиться спать иногда приходилось в шесть часов утра, а уже часа

ря, несколько дней продержавшая их в палатке. Когда буря улеглась и исследователи вышли из палатки, чтобы произвести необходимые наблюдения, она загорелась от огня примусов, зажженных для просушки спальных мешков. Если бы путешественники отошли немного дальше от палатки и не сразу уловили запах гари, все их имущество сгорело бы. В таком случае их ждала бы верная гибель — в семистах километрах от ближайшего человеческого жилья, без малейшей надежды на помощь со стороны.

При продвижении экспедиции на юг, по той области, где им предстояло произвести съемку, погода была исключительно неблагоприятной: из одиннадцати дней только три было ясных. Из-за плохой погоды пришлось медленнее, чем

через три надо было вставать для производства наблюдений.

Южной границей области, подлежащей нанесению на карту, была гора Форель. Здесь в 1931 г. побывал отряд «экспедиции английского арктического воздушного пути». В 6 километрах к северу от этой горы экспедиция достигла самой высокой точки ледяного покрова Гренландии — на высоте около 3 200 метров над уровнем моря.

Экспедиция выполнила свое задание и могла теперь направиться к побережью, к тому фьорду, на берегу которого Уоткинс построил хижину еще в 1930 году. Там для экспедиции устроен был склад провианта, там же должны были встретить ее эскимосы, чтобы перевезти на лодках в порт Ангмагсалик. Погода снова испортилась: поднялся

ураган, сменившийся скоро теплым ветром с сырым снегом. Казалось, что вот-вот хлынет дождь. Путешественники постоянно проваливались в рыхлый снег и еле брели от усталости и плохого питания. К счастью для них, когда они подошли вплотную к побережью, недалеко от хижины Уоткинса, погода прояснилась.

В общей сложности за пятнадцать недель экспедиция прошла около 1 900 километров и произвела с'емку небольшой части хинтерланда восточного побережья. Результаты английских экспедиций в Гренландию убедили английские власти в невозможности использовать этот остров как промежуточную базу трансатлантической воздушной линии. Начиная с 1935 года планы трансгренландской трассы сменились проектами организации воздушного сообщения по трассе Ирландия—Ньюфаундленд и по еще более южному направлению, проходящему через Азорские острова. Эти планы оказались более удачными: по первой из этих трасс были совершены недавно двусторонние испытательные полеты.

Закончив свое путешествие, Линдсэй имел возможность оказать услугу другой экспедиции, совсем иного характера. То была экспедиция четырех молодых французских ученых, организованная ими на свой страх и риск. Личные средства всех четырех составляли восемь тысяч франков — весьма скромную сумму. Им удалось получить небольшую ссуду у частных лиц и очень незначительную субсидию от французского министерства просвещения. Всех этих средств вместе взятых нехватало даже на то, чтобы купить необходимых для путешествия по Гренландии упряжных собак. Линдсэй выручил молодых французов, подарив им свою упряжку. Датское правительство предоставило им в Ангмагсалике пустовавший дом в эскимосском селении. Наконец знаменитый полярный исследователь Шарко, трагически погибший спустя два года у берегов Исландии, помог молодым исследователям добраться до Гренландии и

из Гренландии обратно во Францию на своем судне «Пуркуа па?», ежегодно заходившем в гренландские воды.

Этих ученых больше всего интересовало туземное население Ангмагсалика. По мнению ученых, эскимосы восточного побережья Гренландии около двух тысяч лет назад утеряли связь с остальным миром, в том числе с эскимосами западного побережья Гренландии, и представляют собой пример резко выраженной изоляции. В то время, как антропологические данные, быт и язык населения западного побережья довольно хорошо изучены, эскимосы восточной Гренландии известны науке очень мало. Нет ни писанного словаря, ни писанной грамматики языка этого племени. Высадившись в Ангмагсалике, молодые французы знали только одно слово этого языка «пуларни» — приходи в гости. Они зазывали туземцев в свой домик, записывали звуки незнакомого языка и в течение года, который провели в Ангмагсалике, прекрасно овладели этим языком. Молодые ученые привезли с собой во Францию богатейший лингвистических материал. Они записали на грамофонные пластинки 850 народных песен; собрали 3500 разных предметов, представляющих этнографический интерес; провели много обследований и наблюдений быта и трудовых навыков туземцев; собрали сведения по демографии, картографии, топографии, метеорологии, геологии и физической географии области; сделали множество фотоснимков и использовали немало киноплёнки.

Молодые ученые не ограничивались в своих исследованиях Ангмагсаликом: они сделали немало вылазок в дальние эскимосские селения, на санях и в каяках. Первые уроки управления этой эскимосской лодкой они брали в том каяке, который подарил им известный американский летчик Чарльз Линдберг: он останавливался в Ангмагсалике во время своего кругосветного перелета и там приобрел каяк.

Во время своих вылазок французские исследователи проехали в общей сложности около 3 000 километров. Они нередко подвергались при этом большим опасностям и терпели жестокий голод.

Снежная буря иногда запирала молодых французов в их домике на несколько недель. Но, по утверждению участников экспедиции, они были так заняты своими работами, что им некогда было не только скучать, но и раскрыть привезенные книги.

«Пуркуа па?» принял их на борт в Ангмагсалике 18 августа 1935 года, чтобы отвезти во Францию. В крайнем случае судно могло пробыть в порту Ангмагсалика еще недели две. Ждать дольше было невозможно: прибрежные воды могли покрыться льдом.

Приехав в Париж и обработав свои материалы, участники экспедиции убедились в том, что их работы не закончены, что им необходимо повторно снаряжить экспедицию еще месяца на два. Но беда в том, что приехать в Ангмагсалик на такой срок невозможно: судно, поддерживающее связь между Копенгагеном и восточным побережьем Гренландии, заходит туда всего раз в год — приходит около 10 августа и уходит в Копенгаген около 30 августа. Значит, в Ангмагсалике можно пробыть или три недели, или год. Первый срок был слишком коротким, второй — слишком большим. Молодые французы нашли такой выход из положения: они решили пересечь Гренландию с запада на восток с тем, чтобы прибыть в Ангмагсалик месяца за два до отхода в Копенгаген очередного судна.

Этот план был осуществлен ранним летом 1936 г., и осенью 1936 г. молодые ученые вернулись во Францию.

Дважды посетила Гренландию также и экспедиция клуба исследователей Оксфордского университета — летом 1935 и летом 1936 г. Она ставила себе вполне определенные и строго ограниченные цели: составить карту местности, лежащей между самым длинным из гренландских фьордов Сёндре Стрёмфьордом и озером Тацерсиак, которое лежит в юговосточном направлении от устья фьорда. О существовании этого озера известно уже больше 50 лет, но до того, как экспедиции 1936 года уда-

лось добраться до озера, оно оставалось неисследованным.

Окрестности Сёндре Стрёмфьорда представляют большой интерес потому, что здесь свободная от льда полоса шире, чем где бы то ни было в Гренландии (за исключением Земли Пири на крайнем Севере). К северу от Стрёмфьорда ширина свободной от льда полосы достигает 160 километров. К югу от фьорда лежит большой глетчер Суккертоппен.

Экспедиции 1935 года не удалось добраться до озера. Вторая экспедиция, снаряженная в 1936 г. (к ней была присоединена биологическая группа), достигла цели. Часть пути экспедиция проделала на моторном рыболовном судне, часть — на легких складных лодках из прорезиненного брезента, часть — пешком, по льду глетчеров. Район действия экспедиции был сравнительно ограничен: она нанесла на карту территорию, площадью около 130 тысяч гектаров, между Стрёмфьордом, озером Тацерсиак и фьордом Эвигхэт.

Кроме экспедиции оксфордского клуба исследователей в 1935 и 1936 гг. в Гренландии работала еще одна английская экспедиция.

«Экспедиция английского арктического воздушного пути», обследуя фьорд Кангердлугсуак на восточном побережье, обнаружила там редкую горную породу, принесенную глетчерами с гор, расположенных на краю ледяного покрова, к западу от фьорда. В такой породе, встречающейся и на юге Гренландии, нередко находят разные ценные минералы, в частности криолит (фторокислый алюминий), основной предмет гренландского экспорта. В 1932 г. этот малоизвестный участок побережья обследовал датский путешественник Эйнар Миккельсен. В 1935 г. датское правительство пригласило английского геолога Уэджера, принимавшего участие в экспедиции Уоткинса, продолжить начатые им геологические изыскания.

Уэджер со своими спутниками отплыл из Абердина (Шотландия) 4 июля 1935 г. на старом судне известного ис-

следователя Арктики, Шеклтона, «Куэст». Летом 1935 г. участникам экспедиции удалось совершить восхождение на высшую точку хребта Уоткинса—самого крупного горного массива Гренландии. Некоторые участники экспедиции вернулись в Англию на «Куэсте» в сентябре 1935 года. Пять мужчин и две женщины (жены двух ученых — участников экспедиции) остались на зимовку. 29 июля 1936 г. норвежское китобойное судно зашло в фьорд Кангердлугсуак, и во второй половине августа вся экспедиция, в составе семи англичан и пятнадцати эскимосов, отплыла в Ангмагсалук.

Участие женщин в арктической экспедиции было для английских нравов чем-то совершенно необычайным. Муж одной из этих «пионерок», руководитель экспедиции, в своем отчете подробно остановился на вопросе о «возможности и желательности участия жен в арктических экспедициях». Он подчеркивает, что такое участие возможно только при наличии постоянной базы и минимальных «разумных условий существования» на этой базе. В далекие и опасные вылазки брать жен ни в коем случае не рекомендуется.

Женщинам поручено было управление складом экспедиции (там был запас провианта на год с лишним), ведение домашнего хозяйства и руководство эскимосами — подсобным персоналом экспедиции. Кроме того, они принимали участие в тех ботанических и геологических научных работах экспедиции, которые велись неподалеку от базы.

Экспедиции необходимо было найти проход через прибрежную горную цепь, по которому могла бы пробраться санная партия. Пользуясь результатами работы экспедиции Линдсэя, аэрофотоснимками экспедиции Уоткинса и составленной на основании этих снимков картой Копенгагенского геодезического института, участники экспедиции Уэдже-ра смогли получить общее представление о районе, о рельефе местности. Но, чтобы найти мало-мальски доступный проход по глетчерам, круто спускающимся к морю, им пришлось произвести две предвзятельные вылазки.

Экспедиция не прекращала свою работу и в темную арктическую зиму, используя для собирания геологических образцов три сравнительно светлых часа в день — около полудня. Путешествия в темноте представляли, конечно, немалые трудности и опасности. Однажды партия, перевозившая запасы на вспомогательную базу, потеряла на стоянке свою лучшую собаку. После тщательных поисков в сумерках (для Арктики светлые часы дня) собаку нашли в глубокой трещине, всего в четырех-пяти метрах от палатки исследователей.

Шестимесячный период ровной морозной температуры неожиданно сменился в феврале дождем и оттепелью. Хотя это потепление было мимолетным, оно испортило санную дорогу на полтора месяца: снег покрылся сверху тонкой коркой льда, которая ломалась и резала собакам ноги, как бритвой. Брезентовые «башмаки», которыми обычно предохраняют ноги собак при трудном пути, не помогали. На это время пришлось отказаться от далеких вылазок.

В начале июня лед фьорда вскрылся. Громадную белую пелену льда унесло в море за одну ночь. Это очень обрадовало эскимосов. Зимой они снабжали всю экспедицию — и людей, и собак — тюленьим мясом и охотились за медведями. Теперь же получили возможность охотиться со своих каяков на нарвалов, громадных морских единорогов. Эти редкие животные, вес которых доходит до тонны, ценятся за свое мясо и за свой рог, из которого делают гарпуны. Один из лучших гренландских охотников, принимавший вместе с другими эскимосами участие в экспедиции Уэдже-ра, за всю свою жизнь убил всего двух нарвалов, и то самок, не имеющих ценного рога. Здесь же, в пустынной бухте фьорда Кангердлугсуак, эскимосские охотники убили к концу лета 42 нарвала. Среди эскимосов, обитающих к югу от фьорда, издавна передаются из уст в уста рассказы о том, что недоступный для них Кангердлугсуак — рай для охотников. Прозвученные в этой области археологические изыскания показывают, что в древности она была заселена эски-

мосами, достигшими здесь сравнительно высокого уровня культуры.

Для исследовательской работы такого типа в капиталистических странах характерно отсутствие методичности, единого плана в изучении этого интереснейшего острова, на котором уже в десятом веке нашей эры существовала колония европейцев. Возьмем хотя бы пример изучения малодоступных областей, лежащих в совсем иных широтах: горных цепей, протянувшихся гигантской дугой от Советского Памира до Ассама. Географическая карта этих хребтов до сих пор не точная. Только Памир, начало этой дуги, покорен человеком: он исследован советскими учеными. На Памире нет «белых пятен». Большевицкая настойчивость и организация помогают нашим альпинистам побеждать горы—так же,

как они помогают нашим славным полярникам завоевывать Арктику. В дни героической эпопеи завоевания Северного полюса особенно интересно бросить взгляд на те части арктической области, где изучение производится хотя и ценой больших усилий и лишений отдельных смельчаков, но случайно, разрозненно, непланомерно. Результаты коренного различия двух систем, социалистической и капиталистической, наглядны и в области географической исследовательской работы. В то время как советские полярники быстрыми шагами осваивают гигантские области, о завоевании которых раньше человечество могло только мечтать, Гренландия, которую уже десятки лет исследуют многочисленные экспедиции, стоившие немало средств, труда и человеческих жизней, до сих пор в очень большой части остается «белым пятном».

ОБСЕРВАТОРИЯ НА ГОРЕ ПАЛОМАР

Н. Владимиров

Уже в течение нескольких лет сообщения о новом телескопе Калифорнийского технологического института не сходят со страниц специальных и популярных научно-технических журналов Америки и Европы. Новый телескоп, с величайшим в мире (пятиметровым) рефлектором, позволит проникнуть гораздо дальше в глубь космического пространства, чем все существовавшие до сих пор телескопы; он позволит добыть совершенно новые данные о многих интересных астрофизических процессах. Это обещает новые открытия в мировой астрономической науке.

Процесс изготовления этого телескопа, и в частности рефлектора, ставит перед его конструкторами на каждом шагу сложнейшие проблемы. Решение их уже привело к немалому количеству технических изобретений и усовершенствований в разных областях оптики, механики и т. д. Этот научный прибор, являясь синтезом новейших технических достижений, сам служит стимулом к их дальнейшему развитию.

Отливке рефлектора нового телескопа предшествовали длительные лабораторные изыскания. Чтобы найти материал, наиболее полно отвечающий всем требованиям, было испробовано около полутора тысяч различных видов стекла, причем получено было немало новых сплавов. Прежде всего, нужно, чтобы материал, из которого отлит рефлектор, как можно меньше поддавался изменениям температуры окружающего воздуха. Наиболее пригоден для этого был бы расплавленный кварц: тепловой коэффициент расширения кварца в двадцать раз меньше, чем у обычного зеркального стекла. Но от кварца пришлось отказаться из-за его дороговизны, и рефлектор был отлит из особого вида стекла, «пирекс», с очень большим содержанием кремнезема и низким коэффициентом расширения.

Для отливки стеклянного пятиметрового диска была сооружена особая форма. Чтобы уменьшить вес диска, решено было заднюю часть его сделать не сплошной, а отлить на ней сотообразные

ребра, с большими полыми промежутками между ними. Эта конструкция обеспечивает рефлектору большую прочность, уменьшая в то же время его вес: если бы стеклянный диск был отлит сплошным, он весил бы около 36 тонн, теперь же он весит 20 тонн.

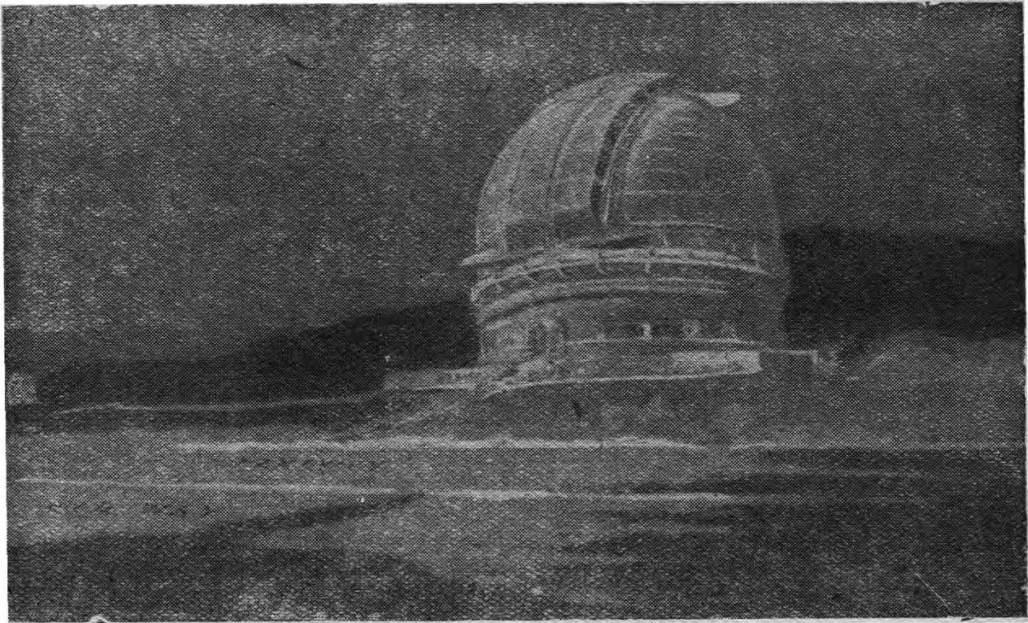
Первая заливка пирекса в форму прошла неудачно: оттаялась и попала в расплавленное стекло головка одного из винтов, удерживавших деталь формы. Решено было отлить второй диск, а первый использовать для пробного отжига. Вторая заливка (в декабре 1934 года) удалась вполне, был отлит диск без изъянов.

Стекло, обладающее очень плохой теплопроводностью, требует длительного отжига — нагрева с очень медленным охлаждением, в специальной печи, причем во время охлаждения во всей массе стекла искусственно поддерживается почти равномерная температура. Без этих

сильнейшие внутренние напряжения и диск мог бы расколоться на части.

Чтобы избежать этой опасности, пятиметровый рефлектор отжигали в течение целого года, медленно и постепенно понижая температуру изо дня в день. Во время отжига он подвергался двум большим опасностям. Осенью 1935 года, во время одного из частых в Америке наводнений, вода дошла почти до уровня печи, и казалось, что она вот-вот зальет печь и погубит плоды долгой работы. Но вода пошла на убыль, не причинив тому цеху завода Корнинг, где отливался и отжигался рефлектор, никаких повреждений. Не пострадал рефлектор и во время сильного землетрясения, происходившего во время процесса отжига в штате Нью-Йорк.

По окончании отжига громадный стеклянный диск предстояло перевезти с завода Корнинг в штате Нью-Йорк в город Пасадену в штате Калифорния—

предосторожностей внешняя часть стеклянной массы охлаждалась бы гораздо скорее внутренней и успела бы уже застыть, в то время как та находилась бы еще в расплавленном состоянии. При последующем остывании и сжатии внутренней части диска в стекле возникли бы

на расстояние 5 300 километров. Перевозка представляла немалую техническую проблему. Разрешили ее следующим образом: диск заключили в специально изготовленную круглую стальную клетку весом в 10 тонн. Верхнюю часть диска покрыли толстым слоем

пробки, а между краем диска и ободом круглой клетки проложили несколько слоев войлока. Клетку с диском погрузили на специально сконструированную товарную платформу. Он лежал на-весу, на стальных балках, покрытых пробковыми «подушками», которые амортизировали толчки при передвижении. Платформа с вагоном, в котором ехали сопровождавшие диск работники завода Корнинг, и паровозом составляла отдельный состав, передвигавшийся со скоростью не более 40 км. в час и, в целях еще большей предосторожности, только днем.

После благополучной доставки стеклянного диска в Пасадену (весной 1936 года) началась новая стадия его обработки, которая продолжается и по-сейчас и будет продолжаться, вероятно, еще года три. Для шлифовки этого диска построено специальное помещение с установкой для кондиционирования воздуха. В помещении поддерживается постоянная температура.

Для того, чтобы свет наблюдаемой звезды сосредоточивался рефлектором в одном фокусе, рефлектору следует придать форму параболоида. Другими словами, он должен иметь вогнутую форму, причем от центра к краям эта вогнутость должна постепенно уменьшаться. По техническим условиям придать рефлектору сразу форму параболоида невозможно; сначала ему приходится придать сферическую форму, и уже потом, путем шлифовки, превращать эту сферическую поверхность в параболоидальную. Кривая поверхности рефлектора должна приближаться к теоретической параболической кривой с точностью до двух миллионных долей дюйма. Понятно, что при таких условиях шлифовка требует исключительной осторожности и точности. Если в первый месяц шлифовки с диска снято было около четырех тонн стекла, то во все последующие годы работы предстоит снять немногим больше одного килограмма. Работу шлифовальщиков непрерывно проверяют на каждом шагу точнейшими приборами.

По окончании шлифовки и полировки диска на него должен быть нанесен светоотражающий металлический слой. Обычно рефлекторы телескопов покрыва-

ются слоем серебра. Но под влиянием содержащихся в атмосфере сернистых соединений серебро постепенно тускнеет и в известной мере теряет свою отражательную способность. Недавно было установлено, что серебро может быть заменено тончайшим слоем алюминия. Его отражательная способность близка к отражательной способности только-что наложенного слоя серебра, но он не тускнеет, как серебро, и держится на стекле гораздо прочнее. Процесс нанесения на стекло алюминиевого слоя, правда, много сложнее, чем покрытие его серебром: в помещении, где будет производиться эта работа, следует поддерживать неизменное и очень низкое давление, что, в свою очередь, будет связано с немалыми трудностями.

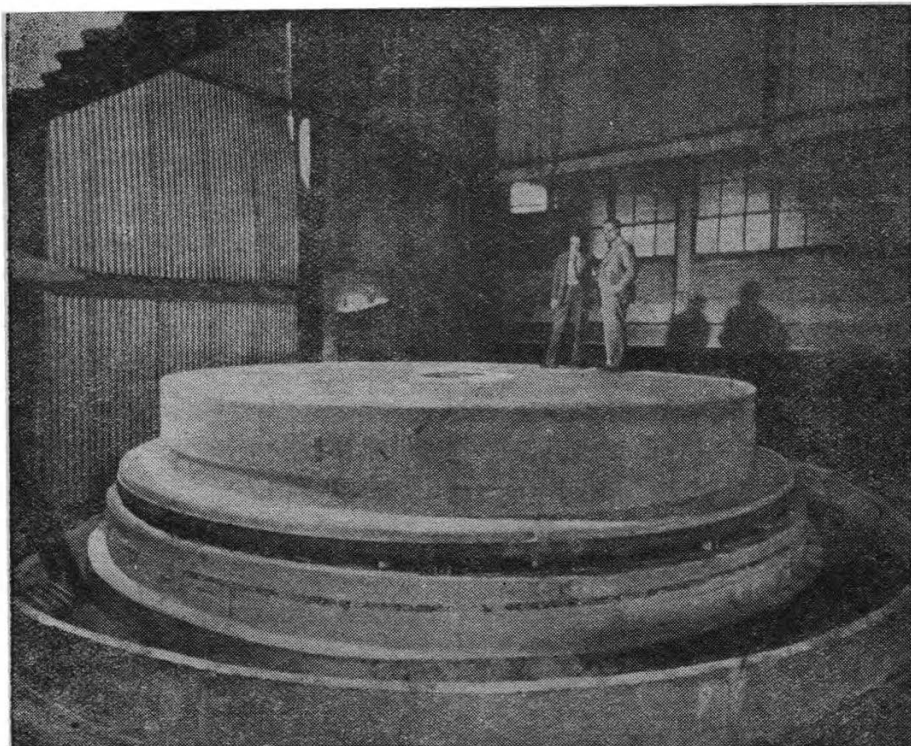
Нанесение отражающего слоя — не последняя из проблем, которые предстояло решить конструкторам телескопа. Очень сложна также и задача укрепления рефлектора в телескопе таким образом, чтобы устранить опасность провеса, прогиба рефлектора под влиянием его собственной тяжести. Как бы ничтожно мал ни был этот прогиб, он все-таки может исказить получаемые изображения. Сейчас решено укрепить рефлектор в телескопе с помощью металлических «пальцев», цепляющихся за ребра соотвечной нижней части рефлектора. Каждый такой палец будет поддерживать отдельный участок рефлектора. Это устраняет опасность малейшего прогиба стекла.

Для выработки наилучших вариантов конструкции трубы телескопа, механизма вращения этого массивного сооружения (общим весом в 450 тонн) и многих других механических и оптических задач, связанных с его работой, в Пасадене сооружена точная модель строящегося гигантского телескопа в одну десятую натуральной величины. Испытания этой модели побудили конструктора внести немало изменений в первоначальные проекты конструкции.

Конструкторам пришлось, между прочим, разрешать одну необычную задачу: размещения астрономов внутри громадной (6 метров в диаметре и 16,75 метра в длину) трубы телескопа так, что-

бы платформы, на которых они сидят, оставались в горизонтальном положении, несмотря на смещения телескопа, следящего за движением звезд. Предполагается устроить несколько таких платформ. Одна из них будет находиться в камере, подвешенной внутри верхнего конца трубы. Через отверстие в полу работники обсерватории будут производить снимки изображений, получаемых рефлектором, укрепленным у нижнего конца трубы. Другая камера будет устроена близ нижнего конца трубы,

Воздух должен быть как можно более спокойным. Движения воздуха, «воздушные ямы» — участки с местными изменениями температуры и плотности воздуха, — мешают хорошей видимости. Наблюдаемая звезда при плохой видимости кажется расплывчатой, неустойчивым диском. Эти искажения тем сильнее, чем больше телескоп. Само собою понятно, что для наилучшего использования обсерватории она должна быть устроена в местности с максимальным количеством ясных, безоблачных ночей.

еще две — по бокам. Для наведения громадного телескопа будут использованы телескопы-«искатели», соединенные с пятиметровым телескопом сложными механизмами.

Немаловажной задачей был выбор места для установки нового телескопа. На изучение условий в разных пунктах Южной Калифорнии и Аризоны затрачено было около пяти лет. Очень большие телескопы можно эффективно использовать только при максимально благоприятных атмосферных условиях.

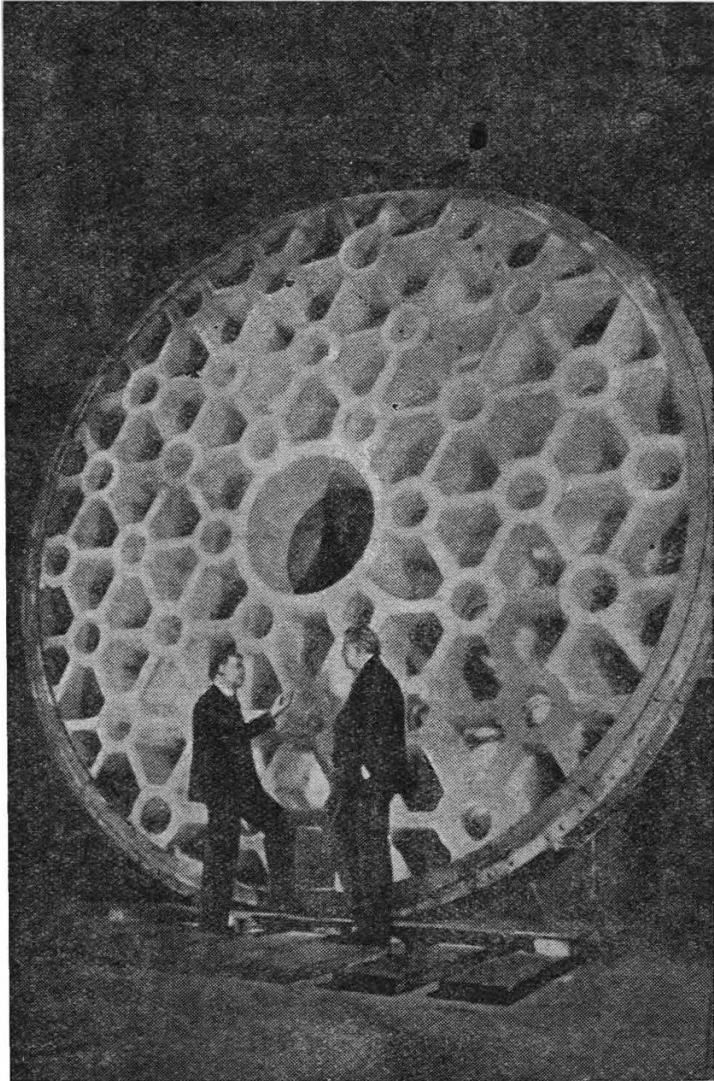
Самые благоприятные условия на всем земном шаре существуют, по мнению астрономов, в некоторых областях Калифорнии и Южной Африки.

При выборе места для постройки новой обсерватории учитывали и такие факторы: наличие воды, необходимой как во время постройки, так и при работе обсерватории; возможность сооружения хорошей дороги, с небольшим уклоном и широкими закруглениями, чтобы по ней можно было безопасно перевезти рефлектор, трубу телескопа и другие при-

боры и материалы; и, наконец, в районе расположения обсерватории не должны находиться какие-либо городские поселения, так как свет городских огней мешает астрономическим наблюдениям.

В числе трех или четырех пунктов, более или менее удовлетворявших всем

неджди, как самый благоприятный по климатическим условиям пункт для сооружения обсерватории. Но в то время, при тогдашнем состоянии транспорта, эту гору считали недоступной для устройства обсерватории. Обсерватория Института Карнеджи была построена на

этим условиям, была гора Паломар в Калифорнии, в округе Сан-Диего, в 145 километрах по прямой от Пасадены и в 75 километрах от Сан-Диего. Еще 30 лет назад гора была отмечена в отчете о видимости в различных пунктах США, представленном Институту Кар-

близлежащей горе Уилсон, в двадцати километрах от Пасадены.

Когда власти округа Сан-Диего решили за свой счет построить дорогу к месту сооружения обсерватории, они окончательно остановили выбор на горе Паломар. Сейчас на ее вершине

на высоте 1 850 метров над уровнем моря работы полностью развернуты. На большом участке вырублен лес, расчищается площадка для аэродрома, строятся две радиотелефонные станции, начата постройка круглого железобетонного здания обсерватории (41 метр в диаметре), в которой будет помещаться новый телескоп. Вероятно, здание обсерватории будет выстроено намного раньше, чем удастся закончить шлифовку пятиметрового рефлектора, а тем временем обсерватория будет обходиться вспомогательными телескопами.

Что же новое, кроме открытия новых небесных тел, рассчитывают астрономы узнать с помощью этого телескопа, на сооружение которого тратится так много сил и средств (по приблизительным подсчетам, новый телескоп будет стоить десять миллионов долларов)? Ответ может быть только приблизительно, так как только длительная работа с новым телескопом выявит все его возможности.

Новый телескоп должен расширить познания астрономов о так называемых внегалактических туманностях, «внешних звездных вселенных». Сейчас мы очень мало знаем даже о «ближайших» из них. Величайший в мире телескоп — на горе Уилсон (2,5 метра в диаметре) — позволяет различить отдельные звезды только в нескольких, относительно близких к земле, системах. Миллионы других звезд сливаются в мутную дымку.

Пятиметровый телескоп позволит фо-

тографировать спектры звезд, расположенных вдвое дальше от земли, чем те, которые удастся фотографировать теперь. Анализ спектров звезд дает возможность изучать их состав и строение.

Современная астрономическая наука не имеет точных сведений о физических свойствах так называемых «новых» звезд через несколько лет после их «взрыва». Для этих звезд характерно резкое, в сотни и тысячи раз, повышение их яркости по сравнению с обычной. Этот «взрыв» связан с изменением структуры звезды и освобождением при этом большого количества энергии. Через некоторое время после «взрыва» (иногда оно измеряется днями и даже часами) «новая» звезда начинает быстро гаснуть. Предполагают, что при этом она становится очень плотной, маленькой и бледной. Необычайно сильная концентрация света пятиметровым рефлектором даст, вероятно, возможность получить подробные сведения об этом интереснейшем процессе. Это тем более важно, что, по существующим предположениям, все звезды в течение своей жизни переживают такого рода «взрыв», так что изучение его условий позволит познакомиться с изменением состава и строения не одних только «новых» звезд, но и всей звездной вселенной.

Повторяем — это только краткое и беглое перечисление тех возможностей, которые откроет для астрономической науки применение нового телескопа.

Литература и искусство

Н. ОСТРОВСКИЙ И ЕГО ЧИТАТЕЛИ

Н. Любович

Тысячи этих янсем, бережно сложенных в папки, — самое дорогое мое сокровище.

Н. Островский.

I

Тесный контакт советского писателя с читателями, постоянный обмен мнениями по поводу наиболее интересных произведений в форме различного рода публичных обсуждений, анкет и т. п., — одна из характернейших черт советской литературы. Ни в одной другой стране к обсуждению вопросов художественного творчества не привлекаются такие широкие массы читателей всех профессий, занятий и возрастов. Неуклонный рост культуры приобщает к литературе все новые и новые кадры читателей, о чем свидетельствуют уже одни только тиражи книг советских авторов, не снисшиеся буржуазным и дворянским писателям. Тысячи писем получают наши писатели со всех концов необъятной страны по поводу каждого сколько-нибудь выдающегося своего произведения. Здесь и отзывы о вышедшей книге, и расспросы о будущей работе, и просьбы дать советы начинающим литераторам, и т. п. Письма читателей помогают писателю проверять степень своего мастерства, силу воздействия произведения на широкие читательские массы.

К сожалению, эти интересные документы лишь в очень небольшой своей

части делаются достоянием общественности и в значительной массе оседают в личных архивах писателей. А между тем какой поучительный материал представляют они и для изучения творчества отдельных писателей, и для обсуждения различных вопросов развития советской литературы, и для характеристики интересов и потребностей культурно растущего с каждым годом читателя.

Роман «Как закалялась сталь» писателя-орденоносца Н. Островского вызвал буквально целый поток читательских откликов со всех концов Советского Союза и даже из-за границы. Это письма с глубокой эмоциональной окраской, написанные взволнованной рукой, часто точчас же по прочтении книги, поздно ночью, под свежим впечатлением. Это зачастую письма-исповеди о самом важном и существенном в своей жизни, пришедшем в непосредственное соприкосновение с содержанием романа. Это конкретные оценки силы и значения литературных образов и особенностей стиля автора. Пожалуй, ни одно из произведений советской литературы не подвергалось такому буквально всенародному чтению и обсуждению, как роман Н. Островского.

Это обсуждение принимает самые разнообразные формы, начиная с квартиры рабочего и кончая заводскими и колхозными литературными конференциями и вечерами.

«Я — неграмотная домохозяйка, но я

быстро и понятно читаю, — пишет Н. Островскому тов. К. Хорошилова из зерносовхоза «Гигант». — Я приглашала к себе соседок, таких же домохозяек, как я, слушать. Со мной по соседству живет домохозяйка, она никогда не читает книг и не любит (их). Слушая эту книгу, она восторгалась ею, и я от слова до слова передала ей написанное. Я хотела поделиться с ней, как чем-то наболевшим на душе»¹.

Заключительные слова очень показательны. Они свидетельствуют о том, что различные виды коллективного чтения и обсуждения этой книги возникают стихийно и являются результатом глубокого впечатления, производимого ею на самые широкие круги читателей. Общественные организации подхватывают эту инициативу и направляют ее в организованное русло. На квартире стахановца организуется литературный вечер:

«Стахановец-арматурщик пригласил к себе на квартиру своих товарищей вместе с женами и, в семейной обстановке, за чашкой чая, они заслушали беседу преподавателя литературы Матрохина о книге Н. Островского «Как закалялась сталь», — читаем мы в газете «Челябинский рабочий».

В заметке указывается, что подобный литературный вечер на Станкострое был проведен впервые. И это очень показательно: именно книга Н. Островского побудила организовать этот вечер, дала толчок к обсуждению вопросов литературы. Далее мы увидим, что этот факт не единичен; роман «Как закалялась сталь» усиливает интерес к литературе у тех читателей, которые раньше мало ею интересовались, а иных побуждает даже учиться писать самим.

Инициаторами чтения и обсуждения книги Н. Островского в огромном боль-

шинстве случаев являются комсомольцы. И это, конечно, не случайно. Книга о молодом большевике, о героической жизни комсомольца Корчагина глубоко волнует и зажигает советскую молодежь. Обсуждение романа начинается с самого низового звена, с комсомольской группы, где комсорг «собирает активных ребят... и рассказывает им коротко и душевно о Павке Корчагине, об его твердой воле, его вдохновении и самоотверженной борьбе» (газета «Молотовец»). И далее, книга обсуждается на широких заводских комсомольских собраниях и заводских литературных конференциях. Книг нехватает, на них записываются в очередь, и здесь комсомольские организации выделяют чтцов по бригадам, общежитиям и т. п.

Такая же картина наблюдается и на селе. Заведующая библиотекой села Левкова (Московская обл.) в письме к Н. Островскому описывает любопытную сценку: «Один день был сильный мороз и вьюга, казалось, собака из закута не вылезет... Иду из квартиры в библиотеку и не могу понять, в чем дело. У моей библиотеки стоит несколько лошадей, запряженных в сани. Оказывается, что это колхозники из разных деревень приехали за книгой «Как закалялась сталь».

Горячо обсуждают роман земляки писателя, в Шепетовщине. Перед нами любопытное письмо к Н. Островскому колхозников из колхоза «Большевицкая правда», в котором описывается литературный вечер, посвященный его роману: «На литературный вечер пришли комсомольцы, молодежь, старики... Мы пригласили сюда активного участника и организатора революционной борьбы в Шепетовщине, тогдашнего председателя ревкома, тов. Линника, которого ты избираешь в произведении в образе Доминника. Тов. Линник... рассказал про недавнее героическое прошлое, про то, с каким самоотвержением ты исполнял поручения Шепетовского ревкома» (подлинник на украинском языке).

Не только в Советском Союзе роман Н. Островского пользуется такой широкой популярностью. Великие идеи этого романа проникают за рубеж и даже

¹ Это письмо и большинство остальных читательских писем, использованных в настоящей статье, входили в состав личного архива Н. Островского и в настоящее время переданы Государственному Литературному музею. Выдержки из других писем, заимствованных нами из печатных источников, сопровождаются ссылками на соответствующую газету, много-тиражку и т. п.

сквозь затворы тюрем доходят к борцам за дело пролетариата, которые передают ее из рук в руки как могучее агитационное средство. Политзаключенный болгарской тюрьмы (Стара-Загора) Г. Огнянов с радостью сообщает писателю: «Экземпляр вашей книги «Как закалялась сталь» наконец в наших руках. Уже двое из нас ее прочли, а предстоит прочесть всем 250 политзаключенным, находящимся в этой тюрьме... Те товарищи, которые знают русский, прочтут ее в оригинале, а для остальных переведем ее на болгарский».

О том же сообщает и коллектив политзаключенных Рижской срочной тюрьмы: «Назло строгой цензуре, господствующей у нас, нам все же удалось прочесть вашу книгу о том, «Как закалялась сталь». Эта книга обошла весь наш коллектив, посетила общие камеры, заглянула и в одиночки» (газета «Известия»).

II

Чем же объясняется такая широкая популярность творчества Н. Островского? За что любят его многочисленные читатели, посылающие ему со всех концов Союза восторженные письма, полные самой неподдельной радости от прочтения его романа? Какие стороны его произведения ценит эта многомиллионная аудитория?

Самое основное, на чем останавливается подавляющее большинство корреспондентов Н. Островского, это — образ Павла Корчагина как образ «героя нашего времени», о котором говорил в свое время секретарь ЦК ВЛКСМ тов. А. Косарев. По единодушному свидетельству самых различных читателей, Н. Островскому удалось блестяще осуществить задачу создания «образа-примера», который является орудием воспитания молодежи, и не только молодежи, в духе коммунизма.

«Образы таких героев, как Корчагин, долгое время будут для нас вдохновляющим примером», — пишет токарь-комсомолец Степанов (газета «Даешь тра-

ктор», Сталинград). Пионерка Н. Одинг (Ленинград) подчеркивает, что «Как закалялась сталь» — замечательная книга «не потому, что в ней много захватывающих эпизодов, а потому, что в ней есть такие герои, с которых нам, пионерам и школьникам, надо брать пример».

Какие же именно черты образа Корчагина являются, по мнению читателей, примером, достойным подражания? Прежде всего его мужество, бодрость, энергия, воля к победе. «Ни одна из прочитанных мною книг не придавала так много энергии, сил и желания жить и бороться, как жили и боролись герои Николая Островского», — заявляет работница Сталинградского тракторного завода, комсомолец Е. Карвель (газета «Даешь трактор»). «После такой книги легче становится жить, работать, преодолевать трудности... Вот почему все так любят Островского», — вторит ей тов. Силенко, работница санатория «Красная Москва» («Курортная газета»). Книга «дает мощную зарядку», «подхлестывает», «будоражит», не позволяет успокоиться на достигнутом; она «полна кипучей энергии, революционной романтики, она зовет к борьбе» (комсомолец Т. Куликовский, гор. Минск) — подобными оценками полны отзывы читателей.

Но образ Корчагина воспринимается как воплощение не абстрактного мужества и воли. Он воспринимается как олицетворение силы большевизма, воли и энергии большевистской партии. «Вы показали, каким должен быть большевик, партийный и беспартийный», — пишет военнослужащий М. Куршимов. «Читая роман «Как закалялась сталь», чувствуешь направляющую волю и разум партии», — отмечает тов. К. Сильвестров. Читатели вспоминают слова товарища Сталина о силе большевизма. «Прочтя роман, думаешь: действительно, такие большевики, как Павка, заберут любую крепость в мире!» (тов. М. Клопин, рабочий-штукатур). Книгу Н. Островского любят за то, что она «учит стойкости, преданности делу нашей великой, родной коммунистической партии» (тов. И. Колесин, командир

погранотряда), за то, что она «зажигает классовую ненависть к врагам и безграничную любовь и преданность делу пролетарской революции» (тов. Н. Вайнштейн, студент-комсомолец).

О том, какое огромное впечатление производит именно эта сторона романа, свидетельствуют следующие строки из письма к Н. Островскому педагога тов. И. Кузмина (Туркмения):

«Помню замечательные слова:

«Пока стучит сердце, меня от партии не оторвать.

Из строя меня выведет только смерть».

Вот где сила! Вот где родник энергии, необходимый для воспитания нашей молодежи!

Скажу вам откровенно, что при чтении конца книги от этих огненных слов я увлекся и начал читать с особым подъемом, к удивлению жены. Я стал вытирать платком слезы. Я плакал; когда закончил книгу, уже было 4 часа утра... Мне хотелось видеть вас, говорить с вами много, о многом, обнять вас братски».

И этот образ героя нашего времени, образ мужественного и волевого большевика, производит такое неотразимое впечатление потому, что он не вымышлен, как не вымышлены и другие герои романа. Эту сторону произведения неоднократно подчеркивают читатели. «В вашей книге нет надуманных героев. Все герои ее — это взятые из жизни живые и полнокровные люди», — пишет студент С. Гуревич (г. Киев). Комсомолец Т. Куликовский (г. Минск) замечает при этом, что «нам незачем фантазировать, измышлять», ибо «наша страна, руководимая великой партией Ленина—Сталина, имеет десятки тысяч своих подлинных героев». Художник должен лишь правдиво изображать реальную действительность, и тогда его образы будут близкими и понятными миллионам читателей, как близки и понятны образы Н. Островского. А об этой близости говорят сотни корреспондентов. «Все тут милое, близкое и родное...», — в таких глубоко эмоцио-

нальных и трогательных выражениях резюмирует свою оценку книги тов. М. Бережной. «Как много здесь знакомого, общего, лично пережитого. Как близок и дорог образ Павла Корчагина, образы его друзей», — пишет Н. Островскому майор РККА тов. Мельберг.

И это не просто фразы, это прямо от сердца идущее выражение своей близости литературному образу. Как непосредственно и искренно звучат следующие строки из письма сельского педагога тов. А. Мелентьева: «Павел Корчагин становится таким близким, родным, своим парнем. Так и хочется крикнуть: «Павка! Друг!». Поэтому так волнует читателя жизнь этих литературных героев, поэтому так глубоко переживает он вместе с ними все изменения в их судьбе. «Когда читаешь вашу книгу, то буквально переживаешь все то, что переживает герой рассказа», — пишет комсомолка П. Плотникова.

В этой близости полнокровных и жизненных литературных образов самым широким слоям читателей — секрет огромной популярности писателя и действительной, воспитательной роли его творчества. Этому много способствуют и простота изложения и язык, простота и естественность фабулы, о чем неоднократно говорят авторы писем. Тов. М. Катина, комсомолка Сталинградского тракторного завода, пишет, что роман Островского понравился ей «прежде всего своей простотой», и замечает: «Простота изложения событий — большое искусство, и не верится тому, что это первое произведение писателя» (газета «Даешь трактор»). Высказывание педагога И. Кузьмина (Туркмения) отражает и подытоживает многочисленные отзывы читателей: «Вы великолепно поняли мысли Ленина в правдивом искусстве, которое понятно народу, а не избранным, и которое отражает жизнь этого народа, его чаяния».

Именно такое произведение обладает способностью сильного воздействия на массы и представляет собою могучее орудие воспитания в трудящихся коммунистической идейности и коммунистической этики».

III

«На ее страницах мы учимся побеждать», — пишет комсомолец Д. Беспалов (Днепропетровская обл.) о книге Н. Островского. Действительно, роман «Как закалялась сталь» представляет собою совершенно исключительное явление советской литературы в смысле непосредственной действительности, непосредственной активной роли в социалистическом строительстве, в повседневном быту как молодежи, так и старшего поколения. Приведенные выше отзывы о воспитательном значении книги подкрепляются конкретными примерами, свидетельствующими о том, какое колоссальное влияние оказывает она на самые различные слои ее читателей и как литературное произведение становится активным фактором социалистической перековки сотен человеческих жизней, молодых и старых.

Литература активно включается в жизнь, она зовет к борьбе, будоражит, волнует, заставляет подумать о собственной жизни, о своем характере, задуматься над целым рядом вопросов, наконец, самое ценное, — принять ряд решений и иметь силу и настойчивость выполнить их до конца. Они многообразны, эти решения, как многообразна и многогранна жизнь человека социалистического общества, который получил возможность всестороннего развития своей личности. Они зависят и от возраста, и от занятия, и от характера читателя романа, но существо их сводится к одному: к стремлению стать полноценным человеком социалистической эпохи, изжить в себе остатки идеологии капиталистического общества и воспитать качества истинного большевика.

Роман Н. Островского родит миллионы энтузиастов, защитников социалистической родины, строителей бесклассового социалистического общества.

Образ Павки Корчагина служит символом героического преодоления трудностей, каковы бы они ни были. После прочтения романа «ничто не кажется невозможным, хочется горы воротить», — пишет комсомолка П. Плотникова. И

каждый по-своему стремится своротить свою гору, загоразивающую путь к полноценной, радостной и счастливой жизни: ликвидирует неграмотность, повышает производительность труда, старается укрепить товарищеские отношения с окружающими, вступает в комсомол, в партию.

Вот письмо к Н. Островскому группы жен шахтеров — Кривовой, Лазаревой и других: «Твою книгу нам читали вслух, потому что мы были неграмотны. Мы не умели держать карандаш в руках, мы не знали, из каких букв составляется наша фамилия. Мы стали учиться. Ох, как трудно нам было привыкнуть к карандашу! Другой раз думали — ничего не выйдет, надо бросать. А как вспомнишь Павла Корчагина — стыдно станет за свою трусость...». И они с гордостью сообщают писателю, что новую его книгу каждая из них уже прочтет сама. «Мы стали грамотными», — таков радостный итог письма.

Роман Н. Островского играет огромную роль в борьбе за социалистическое отношение к труду. «После вашей книги хочется работать еще больше и лучше», — пишут комсомолы и молодежь шахты № 54—56 Метростроя (газета «Ударник Метростроя»).

Молодежь, прочитав произведение Н. Островского, стремится показать героические образцы работы на производстве и в колхозе. В одной из украинских газет мы читаем о том, что, «прочитав роман «Как закалялась сталь», комсомолец тов. Буров решил к съезду комсомола стать исправным стахановцем. За 2 часа 55 минут тов. Буров выполнил дневное задание на 1 600 проц.» (перевод с украинского). И подобных примеров более чем достаточно.

Роман ставит перед читателями целый ряд вопросов из области этики, культурного воспитания, отношения к своему классовому долгу и т. п. «Он заставляет оглянуться и подытожить прожитое и поставить вопрос: «Хорошо ли я живу? Нельзя ли жить лучше?» (тов. Н. Пономарева, ученица гор. Крас-

ноярска). И основной вопрос, который ставят себе читатели Островского, сводится к следующему: как прожить таким образом, чтобы, умирая, мог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества! Эти строки из романа Н. Островского глубоко волнуют читателей и неоднократно цитируются в читательских письмах.

Учительница гор. Перми тов. Коньгина пишет: «Читая роман, переживала все вместе с Павкой: и плачу порой, и радуюсь его успехам. И невольно встает вопрос: а где же ты была, гражданка, почему не была в рядах ВЛКСМ?». Цитируя Н. Островского, она заключает: «Да, родной Николай Алексеевич, так надо прожить, и я подам заявление о принятии меня в кандидаты ВКП(б). Мне 36 лет, и остаток жизни я отдаю партии». Ей вторит другая корреспондентка: «Прочитав вашу замечательную книгу, я поняла, что мое место может быть только в рядах партии... Сегодня подала заявление в сочувствующие...». (Подписано просто: «Анна»).

Большое место в переписке читателей с Н. Островским занимают письма к нему различных инвалидов и полувинвалидов, людей, казалось бы, потерявших возможность быть полезными своей стране. Потрясенные книгой Н. Островского, они ищут путей к активному участию в строительстве новой жизни. Вот инвалид М. Мальцева из гор. Чапаевска. За плечами трудовое детство; была домработницей, потом училась. Работая на химическом заводе, потеряла один глаз и испортила другой и получила сильную контузию (при взрыве). Прочтя книгу Н. Островского, она решила, что «обязательно еще раз должна быть полезной нашему пролетарскому государству», и добилась направления в пединститут: «Я начала энергично заниматься, моя больная голова шумит и ломит, в последнем моем глазе сыплются искры, но я не смотрю ни на что и шагаю вперед... сдаю на «отлично» и «хорошо»... И это не красивый жест, не поза, а глубоко продуман-

ное и прочувствованное решение. Как неподдельно искренно и проникновенно звучит заключительное обращение ее к писателю: «Товарищ Островский, ведь вы же наш братишка, меня так же моя болезнь заковала в кольцо, но я из него, следуя вашему примеру, вырываюсь... научусь, и снова буду полезной».

Другая инвалидка, сердечно больная Челпанова, совсем было упала духом, ушла из вуза, но книга Н. Островского придала ей мужество и бодрость: «Не врач, а больной Павел Корчагин вернул меня к жизни,—пишет она.—Он не излечил моей болезни. Но он разбудил веру в силу бороться с ней, дал импульс к жизни. А это—основное... и вот, Николай Алексеевич, я снова в стенах вуза».

Велико этическое воздействие книги Н. Островского. Комсомолец Д. Николаев пишет, что, прочтя роман, он «стал очень вежливым и обходительным к молодежи и к пожилым, отцам и дедам». Пусть несколько наивно выглядит это признание, но сколько в нем непосредственного чувства и желания воспитать в себе те стороны характера, которые должны войти в этическую норму человека социалистического общества!

В заключение хочется привести поддержку из письма политзаключенных Рижской тюрьмы, куда проникла книга Н. Островского, несмотря на строгость тюремного начальства. Она вселила в них бодрость, энергию, готовность терпеть любые лишения во имя великой цели освобождения трудящихся: «Нередко товарищи, входящие в тюрьму молодыми и здоровыми, через несколько лет выходят разбитыми стариками, калеками, — пишут они, — и многие из нас, подобно Павлу Корчагину, не раз в минуты отчаяния говорили себе: на что ты будешь годен после тюрьмы? И стоит ли жить такому калеке, развалине... И Павка сказал нам: стоит!» (газета «Известия»).

IV

Непосредственная действенность романа Н. Островского обнаруживается

еще в одном отношении: у сотен людей, ранее мало интересовавшихся художественной литературой, после прочтения «Как закалялась сталь» пробуждается тяга к чтению, интерес к советской литературе, а у иных даже рождается стремление писать самим.

Комсомолец аммиачного завода (гор. Березники) тов. Ф. Журенко пишет в газету «Комсомольская правда» о том, что у них «проработка повести Островского не прошла бесследно», так как «многие ребята, в прошлом равнодушные к чтению книг, сейчас увлеклись художественной литературой». О том же пишет Н. Островскому военнослужащий В. Шевеля: «... читая ваш замечательный роман, я еще больше и сильнее почувствовал желание читать и изучать нашу советскую литературу, наше советское искусство...».

Во многих письмах к Н. Островскому мы находим признания в желании заняться писательским трудом как результат чтения его романа. «Ваша книга дает толчок к тому, чтобы самому читателю попробовать свои литературные способности и взяться за перо, что я и сделал», — сообщает тов. С. Семakov из гор. Майкопа. О том же говорит тов. Г. Тихомиров, главный бухгалтер совхоза (Сталинградский край): «Прочитав вашу книгу и книги Алексея Максимовича Пешкова, твердо решил учиться писать».

Большое количество писем содержит вопросы к Н. Островскому о том, как можно овладеть писательской техникой. Состав подобных корреспондентов чрезвычайно разнообразен. Здесь и пионерка В. Степанищева (гор. Воронеж), спрашивающая писателя: «Как вы считаете возможным научиться писать? Что для этого нужно?», и кассирша почтового отделения гор. Харькова, интересующаяся, как можно написать книгу «про меня саму», и инвалид Г. Тихий (Азово-Черноморский край), который после прочтения романа Н. Островского начал писать повесть «Молодые побег», и многие, многие другие.

Конечно, нельзя думать, что из всех них смогут выработаться со временем

писательские кадры, но интересен самый факт тяги к литературной работе, к литературе вообще. Эта заинтересованность выражается и в том, что целый ряд читателей Н. Островского, не веря в собственный писательский талант, предлагает ему различные материалы, наблюдения и факты, которые, по их мнению, могут быть использованы в художественном произведении. Бывший боец с белополяками, узнав, что писатель работает над новым романом «Рожденные бурей», предлагает ему прислать свои воспоминания и ряд документов. Бывший красногвардеец и чекист тов. П. Харчев пишет Н. Островскому: «У меня в памяти масса людей, эпизодов, фактов... при умении можно бы написать интересную книгу, и я был бы рад, чтобы это сделали вы». Рабочий, лично знавший тов. С. М. Кирова, хочет сообщить Н. Островскому свои материалы и воспоминания, так как сам может только рассказать о Сергее Мироновиче, а написать не умеет, и т. д.

Так в самых широких массах трудящихся различных профессий и возрастов вместе с ростом культуры растет тяга к литературе, растет непосредственная заинтересованность в писательском труде. И в этом отношении роман Н. Островского играет огромную стимулирующую роль.

V

Для характеристики тесного контакта между писателем и его читательской аудиторией очень интересна еще одна категория писем к Н. Островскому. Это письма, авторы которых пишут о своих радостях и горестях, сообщают о своих трудностях, о своей повседневной работе, не потому, что они считали сообщаемые факты интересными для Островского как писателя, а просто из желания поделиться с ним своими переживаниями как с хорошим товарищем, как с близким и дорогим другом. Перед нами проходит целый ряд человеческих типов, характеризующих, каждый по-своему, энергию и кипучесть нашей эпохи.

Вот тов. Л. Тостова из Армавира, мать двух сыновей (один — командир-

орденоносец, другой — инженерно-технический работник, орденоносец), несмотря на свой преклонный возраст (52 года), вся проникнутая молодой радостью и желанием работать на благо родины; она получает билет на совещание жен ИТР. «Это был день самый счастливый, самый радостный в моей жизни, — пишет она Н. Островскому. — Читая твоё произведение, не могла я сдержаться, чтобы тебе, хотя бесполезно, не излить душу свою».

С ней перекидывается ее сверстница тов. Н. Мириманова из Тбилиси: «Мне уже 56 лет, но я люблю жизнь, которая растет, неудержимо движется вперед, обновленная, торжествующая над затхлым прошлым, и которая в своем потоке захватывает и здоровое старое, встряхивает все его нутро...». Так непосредственно выливается эта исповедь, казалось бы, совсем постороннему, но на самом деле близкому и родному человеку — писателю.

Не только своей радостью делятся корреспонденты с Н. Островским. Они обращаются к нему и в часы тяжелых душевных переживаний. Страна понесла тяжелую потерю: умер великий писатель пролетариата М. Горький. Тов. Мартынова тяжело переживает эту утрату: «Так тяжело, так больно сегодня на душе, что хочется с кем-то близким поделиться своим горем и, не стыдясь, сказать, что я плачу, как ребенок». И таким близким оказывается совсем незнакомый ей лично автор романа «Как закалялась сталь». Так крепки и тесны узы, соединяющие писателя с читательской массой. Таким родным делает его это произведение самым различным представителям его многомиллионной аудитории.

Каждый стремится поделиться с любимым писателем своей очередной работой, своими сомнениями. Пишут о повседневной работе, о фактах, которые могут показаться мелочами, но за этими мелочами чувствуется серьезное и вдумчивое отношение ко всем своим поступкам, которые поднимаются на большую общественную высоту.

Студентка-комсомолка Е. Рассказова (Москва) болеет за неактивность своей комсомольской ячейки, где, по ее мнению, отсутствует товарищеская спайка: «...в ячейке у нас скучно. 11 человек. Как соберется собрание, так все в разные углы глядят». С любовью вспоминает она ячейку в Караганде, где была раньше: «Ударная стройка, посевные кампании, горячее участие партийцев, ответственные работы и успехи делали нашу ячейку вторым домом».

Другая студентка, из с.-х. академии им. Тимирязева, мучается тем, что взяла обязательство на отличную успеваемость, но не умеет распределять свое время: «...и у меня его нехватает», — наивно добавляет она. Какой теплотой веет от ее простых, незамысловатых строк о том, как она «сегодня из двуокиси марганца и соляной кислоты добывала хлор». Так пишут только хорошему и близкому товарищу, с которым чувствуют себя свободно и по-родному просто.

Все это говорит о том, каким огромным авторитетом пользуется в нашей стране писатель, если творчество его проникнуто высокой идейностью и большевистской принципиальностью, если талант его направлен не на формальные выкрутасы, а на создание правдивого произведения, понятного широким массам читателей.

СМОТР СОВЕТСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ¹

А. Михайлов

Первый Всесоюзный съезд советских архитекторов, состоявшийся в июне нынешнего года в Москве, является событием огромного значения не только для архитекторов, но и для всей страны Советов.

Из всех областей человеческой деятельности архитектура является одной из наиболее важных. Архитектура обслуживает все процессы материальной и духовной практики.

Архитекторы строят фабрики и заводы, рынки и вокзалы, школы и больницы, жилые здания и учреждения, театры и музеи.

Архитекторы планируют и застраивают города, поселки, парки культуры и отдыха, архитектурно оформляют каналы, автодороги, мосты и т. д.

Каждый человек ежедневно сотни раз соприкасается с архитектурой. Она радует его, если она красива, и раздражает, если безобразна; она облегчает ему жизнь, если архитектор учел и применил в своем сооружении все удобства, и затрудняет жизнь, если архитектор построил неудобное здание.

Но если архитектура всегда имела огромное значение в общественной жизни, то совершенно исключительное значение получает она в стране социализма. Архитектура в странах капитализма переживает двойной упадок: и как строительство, и как искусство.

Новое строительство сокращено до

минимальных размеров, при этом имеющееся строительство в основном обслуживает административные и военные нужды или носит показательный характер.

Такое показательное строительство, стремление пустить пыль в глаза несколькими сооружениями с громкими названиями или поднять шум вокруг неосуществленных проектов особенно распространено в фашистских странах: Италии и Германии. Так, например, большая демагогия была в свое время развернута вокруг «перепланировки» Рима и постройки так называемого «дворца ликторов». Но к чему все это свелось на практике? К тому, что до сих пор дворец не начат постройкой, а «перепланировка» Рима ограничилась проведением одной короткой магистрали — Виальды Имперо, так и оставшейся незастроенной. Так же обстоит дело и в фашистской Германии. Обратной стороной показательного строительства немногих объектов и демагогии вокруг них является полный отказ от массового строительства.

Вот что говорил итальянский архитектор Л. Нипри в докладе на XIII международном архитектурном конгрессе в Риме (1935 г.): «Строительство общественных сооружений сокращено до крайнего минимума, государство почти вовсе не строит, частные предприниматели идут в строительство исключительно с целью более выгодного помещения капитала, руководствуясь при этом чисто спекулятивными соображениями. О каких же новых возможностях в архи-

¹ К итогам Всесоюзного съезда советских архитекторов.

текстуре может идти речь в этих условиях?»¹.

Эти слова лучше всего характеризуют бесперспективность и упадок архитектуры в условиях фашизма. Этот упадок сказывается и на эстетической стороне строительства.

Архитектура фашизма, вопреки всем крикам его идеологов о создании «нового стиля», представляет собой жалкую эклектику. Подражая то архитектуре Рима, то средневековью, фашистские архитекторы усиленно прибегают вместе с тем к приемам символического и мистического характера, к тяжелым, мрачным формам, которые имеют целью подавить и принизить человека.

Наряду с реставраторской эклектикой в архитектуре фашизма уживаются элементы конструктивизма и формализма.

Это смешение обрывков разных стилей, уход в грубую символику и нарочитый примитивизм лучше всего характеризуют упадок архитектуры как искусства в условиях фашизма. Основной чертой этой архитектуры является ее антигуманистический, антиобщественный характер.

Враг культуры — фашизм не может скрыть своего чужденства и в области искусства.

Архитектура в странах капитализма обслуживает в первую очередь интересы господствующего класса. Жилищная нужда трудящихся масс, являющаяся неизбежным спутником капитализма, особенно усилилась в период всеобщего кризиса капитализма.

Третий международный конгресс нового строительства, состоявшийся в 1930 году в Брюсселе, на основании докладов делегаций различных стран констатировал, что большая часть городского населения не имеет здорового, удовлетворительного жилья и что в ряде случаев это превращается в жилищное бедствие. С тех пор положение не улучшилось, а в ряде стран еще и ухудшилось.

¹ Привожу эту цитату по докладу т. Аллбана на сессии «Задачи советской архитектуры».

Интересы и нужды народных масс не являются в странах капитализма определяющим моментом творчества архитектора.

Впервые в Советском Союзе, стране победоносного социализма, архитектор получает возможность создавать для масс, для народа. Архитектура нашей социалистической родины с первых своих шагов направлялась и направляется партией и великими вождями трудящихся народов мира — Лениным и Сталиным — на путь наилучшего и всестороннего обслуживания интересов и потребностей народных масс.

От замечательных слов В. И. Ленина: «Искусство принадлежит народу» — до грандиозного Сталинского плана реконструкции Москвы, в котором все пронизано заботой о человеке, протягивается единая нить борьбы за искусство и архитектуру подлинной, глубокой человечности и народности.

В этом заключается основное отличие нашей архитектуры от архитектуры капитализма.

Уже с первых лет перехода к мирному строительству в Советском Союзе развертывается массовое жилищное строительство. Оно началось с небольших размеров, но год от года росло и ширилось. От первых небольших домов, построенных в Москве при заводе АМО, в Хамовниках и других местах, мы видим переход к укрупненному строительству, а затем и к строительству целых больших поселков — в Дангауэровке, на Усачевке, Красной Пресне и т. д. Сходный процесс шел и в других индустриальных центрах страны: Ленинграде, Донбассе, Баку, Харькове и др. Но особенно мощный толчок развертыванию строительства и архитектурной деятельности дали годы первой пятилетки, годы великого перелома.

Никогда еще мир не знал такого грандиозного строительства, какое развернулось в эти годы. На тех местах, где раньше были пустыни и леса, возникали новые индустриальные города, крупные промышленные центры, которые в несколько лет обстраивались не только жильем и фабрично-заводскими

корпусами, но и клубами, школами, больницами, театрами и т. д. и т. п.

Магнитогорск, Сталинск, Запорожье, новые города автозавода им. Молотова, Сталинградского и Челябинского тракторных заводов, Бобрики, Коминтерновск, Прокопьевск, Комсомольск-на-Амуре и др. — вот наиболее крупные из этих городов.

Строительство этих вновь возникших городов и реконструкция существующих городов продолжались в еще более широких масштабах и в годы второй пятилетки. О непрерывном росте строительства красноречиво говорят цифры капиталовложений в жилищное строительство: с 4 миллиардов 640 миллионов рублей в 1-й пятилетке эти вложения во 2-ю пятилетку выросли до 13 миллиардов 412 миллионов, т. е. почти в три раза. Аналогичный процесс шел и в других отраслях строительства. От первых небольших клубов 1925 — 1927 гг. в годы первой и второй пятилеток мы перешли к строительству огромных дворцов культуры. Одним из таких дворцов является часть построенный, частью еще строящийся Дворец культуры Пролетарского района в Москве (арх. Веснины).

В области общественного строительства архитектура метро, канала Москва — Волга, сотен новых школ и жилых домов, которые отстроены и строятся в Москве и других городах Советского Союза, а также таких зданий-гигантов, как гостиница «Москва», дом Совнаркома, библиотека Ленина, дома Наркомата обороны и Военной академии, Театр Красной Армии и др., является красноречивым свидетелем огромного размаха советской архитектурной практики. Особое внимание уделяется также строительству курортов, домов отдыха, санаториев и другим сооружениям, предназначенным для отдыха и лечения трудящихся Советской страны.

Одним из наиболее ярких примеров этого внимания является реконструкция курорта Сочи-Мацеста. Прежний грязный город превращен в благоустроенный курорт с прекрасным автопроспектом им. Сталина, застроенным велико-

лепными санаториями, с новым большим театром и т. д.

Все эти факты говорят о невиданном расцвете архитектурной практики в Советском Союзе, о непрерывном росте и расширении этой практики, о грандиозных задачах, стоящих перед советскими архитекторами. Даже самые выдающиеся архитекторы капиталистических стран не могут и мечтать о тех возможностях творчества, которые имеет у нас любой рядовой архитектор. Но не только в этом размахе строительства заключается отличие архитектуры социализма от архитектуры капитализма.

Лучшие произведения нашей архитектуры замечательны тем, что они демонстрируют всему миру новые идеи и новый архитектурный стиль — стиль социалистического реализма.

Первым большим произведением, воплотившим в убедительных, ярких формах идеи социализма, идеи Ленина — Сталина, явился Дворец Советов, над проектом которого в течение ряда лет работали лучшие советские зодчие и который строится по утвержденному правительством проекту Гельфрейха — Б. Иофана—Щуко.

В процессе создания проекта Дворца Советов, работа над которым началась в 1931 году, партия и правительство ставили перед советскими архитекторами задачу искания облика дворца на основе использования как новых, так и лучших приемов классической архитектуры, одновременно опираясь на достижения современной архитектурно-строительной техники.

Принимая затем за основу проект Б. М. Иофана, решивший в общих чертах эту задачу, совет строительства дворца предложил завершить здание грандиозной статуей Ленина. Дворец Советов получил ясное и глубоко-идейное содержание как величественный, монументальный памятник гениальному вождю социалистической революции, основателю Советского государства — Ленину.

Глубокая идейность и образность сочетались в Дворце Советов с убедительным и смелым решением ритмико-композиционной задачи. Вертикальный

взлет композиции, нарастание ее ярусами и в то же время цельность всего произведения, вырастающего из единого основного объема, с огромной силой воплощают величие и мощь нашей социалистической родины. Все произведение пронизано активностью, динамикой, мощным порывом. И этот мощный порыв как бы воплощает созидательные силы социализма, постоянное движение вперед нашей родины.

По своей грандиозности Дворец Советов далеко превосходит не только произведения классической архитектуры, но и египетские пирамиды, готические соборы и американские небоскребы. Эта грандиозность как сооружения, так и внутренних помещений сама по себе говорит о том, что дворец ориентируется на народные массы; об этом же говорит и открытое расположение дворца на площади.

И вот эти моменты, воплощенные в Дворце Советов, — глубокая идейность всего произведения, содержательность и выразительность ритма и композиции, воплощающих основные черты нашей эпохи, образность и синтетичность, целеустремленность и простота сооружения, понятность его форм и идеи для широких народных масс, — являются главными чертами социалистического реализма. Но для того, чтобы добиться такого решения, надо было преодолеть, с одной стороны, формализм и конструктивизм, с другой — реставраторское, эклектическое отношение к наследию.

Эти тенденции были широко распространены в советской архитектуре предшествующего этапа; они, к сожалению, не преодолены еще до конца и в настоящее время.

Что же представляли собой эти тенденции на практике? Формализм в архитектуре означает отказ от учета конкретного содержания и конкретных функций сооружения и подчинение их зарафее выдуманной форме.

Ярким примером такого формализма, о котором немало говорилось на съезде и в докладе т. Алабяна и в выступлениях делегатов, является творчество арх. К. Мельникова.

Арх. Мельников построил в свое время в Москве ряд клубов. Каждый из них имеет свою предвзятую форму: клуб коммунальников на Стромынке напоминает шестерню, клуб им. Фрунзе на Бережковской набережной — упрощенный самолет, клуб фабрики «Свобода» на Вятской улице — паровоз и т. д. В угоду этой форме Мельников уродовал внутреннее содержание клуба: так, например, в погоне за эффектными выступлениями на фасаде клуба коммунальников он изуродовал и раздробил зрительный зал; в клубе им. Фрунзе — запроектировал библиотеку-читальню сверху здания, в плохо освещенных комнатах, в клубе «Свободы» запроектировал ненужное соединение плавательного бассейна с зрительным залом (для того, чтобы первый мог функционировать, надо было убирать пол партера), механические стены, проход демонстрациям надо было проходить через клуб на Вятской улице, менее всего понятно).

Еще больше извращений в проекте Зеленого города, созданном Мельниковым в 1930 г. Здесь Мельников поставил себе задачей рационализацию... сна, сведя весь отдых советского человека в основном к сну. Задавшись этими рационализаторскими целями, Мельников предложил построить общие спальни типа казарм, названные им «сонными сонатами», в которых должен был протекать «коллективный сон». Коллективные храпы и шумы Мельников предложил заглушать музыкальными шумами из особых раковин.

По мнению Мельникова, эти казармы-спальни должны были явиться идеалом «коллективистического» отдыха. В действительности же они являлись пошлой карикатурой на социалистический коллектив, чудовищным бредом, который мог возникнуть только в болезненном, извращенном сознании формалиста.

Другим представителем формалистических теорий и проектов являлся архитектор Н. Ладовский. Исходя из своих формалистических установок, Ладовский предложил фантастический план рекон-

струкции Москвы, согласно которому старый город превращался в музей, а новый должен был расти в виде ракеты по направлению Ленинградского шоссе.

Почему город должен был расти только в этом направлении, почему радиально-кольцевая система казалась Ладовскому абсолютно нежизненной — на это у него не было никаких реальных обоснований, кроме формалистических выкладок. Они-то и привели его к беспочвенному, от начала и до конца надуманному, прожектёрству.

Установки и практика Мельникова, Ладовского и др. принесли в свое время большой вред, оказав влияние на некоторые группы архитекторов, особенно вузовской молодежи, которая иногда принимала за чистую монету псевдореволюционную фразеологию формалистов. Это влияние распространялось, в частности, в течение ояда лет через группировку АСНОВА (Ассоциация новых архитекторов), являющуюся прибежищем формалистов.

В ходе развития советской архитектуры формализм терпел одно поражение за другим.

Однако было бы неправильно полагать, что формализм преодолен полностью. На наличие формализма в архитектурной практике не раз указывала «Правда», об этом много говорили и на съезде. Прежде всего, формализм находит свое место в практике того же Мельникова. Резкая критика формализма со стороны советской общественности, печальные примеры его клубов, в которых формализм повел к полному игнорированию запросов потребителя. — все это прошло мимо Мельникова.

В своих последних проектах он продолжает те же формалистические выкрутасы. Так, например, он запроектировал дом Наркомтяжпрома в странной композиции, которая приближается к букве М. Очевидно, Мельников хотел здесь увековечить инициал своей фамилии. Это желание вполне отвечает самонадеянности Мельникова, считающего свои формалистические выверты величайшими произведениями. К сожалению,

у Мельникова находятся ученики и последователи.

Элементы формализма нашли свое место и в работах Ладовского, в частности, в его надземном павильоне станции метро «Красные ворота», решенном в виде ангара, в подчеркнуто обедненных и в то же время претендующих на «индустриальность» формах. В работах некоторых молодых архитекторов сказывается увлечение внешними формально-эстетическими моментами в ущерб тщательному решению внутренней архитектуры. В этом любовании формой ради нее самой намечается у них перекличка с архитектурным модернизмом. Такая опасность несомненно есть в работах Бурова (жилой дом на ул. Горького), Булгакова (оформление дома на Колхозной площади) и др.

Называя работы этих архитекторов, мы отнюдь не хотим поставить их в один ряд с законченным формализмом Мельникова; однако совершенно ясно, что если бы проблема формализма заключалась только в одном Мельникове, то не было бы большого труда ее преодолеть.

В действительности формалистические тенденции распространены более широко. Одной из форм проявления этих тенденций на сегодняшнем этапе развития является так называемое «фасадничество». Некоторые архитекторы переносят все свое внимание на внешнюю выразительность и внешнюю эстетику сооружения.

Они разрисовывают фасад всевозможными орнаментами, смакуют детали карниза, делая из него самодовлеющую эстетическую проблему, стремятся создать поражающую своей «оригинальностью» (и нередко нелогичностью) композицию и т. д., забывая при этом об элементарных удобствах внутри здания.

Но это и есть самый настоящий формализм, ибо в угоду внешней форме и выразительности забыта главная задача архитектуры — наилучшим образом обслужить реальные бытовые запросы человека.

Руководители партии и правительства неоднократно указывали на вред этих

тенденций. Однако они еще не преодолены в нашей архитектурной практике.

Второй тенденцией, на преодолении которой заострил внимание съезд, являлась тенденция конструктивизма.

Основным тезисом конструктивистов являлась замена человека вещью — понимание человека наравне с вещью и машиной. Они решали свои произведения в духе узкого и плоского утилитаризма, отказываясь от монументальности, синтетичности (т.-е. привлечения других искусств), от художественного качества архитектуры. Они отрицали наследие, считая наиболее великими произведениями американские элеваторы и силосные башни, т.-е. утилитарно-инженерные сооружения.

Конструктивисты прививали коробочную, обедненную в своей выразительности архитектуру. Они оказались совершенно неспособными воплотить в архитектуре идеи нашей эпохи, мощь и порыв социалистического общества. Даже лучшие произведения конструктивистов, например, клубы и дворцы культуры бр. Весниных, жилые дома М. Гинзбурга и т. д., не могли решить этих задач. Характерные примеры: жилой дом Гинзбурга на Новинском бульваре, повторивший приемы французского архитектора Корбюзье, дом 1-го кинотеатра на ул. Воровского и Дворец культуры Пролетарского района Весниных с их серой фактурой, упрощенным геометризмом форм и голыми плоскостями.

Выступая на съезде, один из зачинателей конструктивизма — В. А. Веснин заметил, что конструктивизм был в свое время значительным движением, охватившим почти всех архитекторов, что через него прошли Щусев, Голосов, Бархин, Чернышев, Щуко и др., с одной стороны, и Алабян, Симбирцев, Мордвинов, Кочар — с другой. Что конструктивизм в свое время был действительно широко распространен, это, конечно, совершенно справедливо. Но уже и в первые годы развития советской архитектуры довольно значительная группа архитекторов, в том числе молодежи, критиковала конструктивизм и боролась с ним. В числе их был и ряд товарищей, указанных Весниным. Еще

шире эта борьба развернулась в период работы над Дворцом Советов.

Конструктивизм показал свою полную неспособность решить задачу Дворца: вместо Дворца конструктивисты давали то конторское сооружение (Гинзбург), то обычный клуб (Веснины).

Все принципы конструктивизма потерпели решительное поражение на практике — и их отказ от художественного качества, и неучет реального человека, превращение дома в «машину для жилья», и их отрицание наследия.

Однако бывшие вожди конструктивизма до сих пор не осознали со всей отчетливостью своих прежних ошибок (в частности, шатаний между урбанизмом и дезурбанизмом) и не преодолели их до конца в своей практике. Об этом говорят их последние работы — проекты дома Наркомтяжпрома и комбината «Известий», в которых не преодолен функционализм, ведущий к схематизму, бедности выражения, штампу.

Наконец, третья тенденция — это опасность некритического перенесения в наши условия образцов и приемов классической архитектуры.

Начиная с всесоюзного конкурса на проект Дворца Советов, советская архитектура переживает период широкого обращения к наследию классической архитектуры.

После засилья конструктивистских коробок полнокровный, пластически-совершенный язык классических произведений многому научил советских архитекторов.

Обращение к наследию помогало овладевать подлинным языком архитектурного творчества и органическим архитектурным мышлением. Человечность классической архитектуры, ясность ее содержания и совершенство форм, умение сочетать выразительность целого с выразительностью деталей, развитая образность, гармония элементов, составляющих произведение, связь с природой — все эти моменты оказались близкими задачам социалистической архитектуры.

Однако из этого вовсе не следовало, что эти задачи можно было решить

простым перенесением в наши условия типов и форм античной архитектуры.

Между тем многие архитекторы стали практиковать подобное механическое перенесение классики в наши условия. Ярким примером такого перенесения является дом на Моховой, построенный акад. Жолтовским. Варьируя мотивы архитектурного творчества знаменитого итальянского зодчего эпохи ренессанса Андреа Палладио, Жолтовский создал архаическое произведение, далекое от нашей действительности. Все свое решение Жолтовский подчиняет пропорциональным отношениям колоннады, данной по фасаду здания. Пропорциям колонн подчинены членения здания, а следовательно, в какой-то мере и размеры внутреннего пространства. Так, 6-й этаж дома в сравнении с другими очень мал по высоте. На первый взгляд причина этого непонятна, но затем замечаешь, что причина здесь в размерах аттаблемента, который приходится как раз на этот этаж. Чтобы сохранить пропорциональность масштабов аттаблемента по отношению к колонне, Жолтовский решает этаж, занятый по фасаду аттаблементом, значительно меньшей высоты. Что же получается в итоге? Получается, что ордер, взятый в данном случае как чистая эстетическая категория, определил характер трактовки внутреннего пространства, определил в качестве некоего канона содержание здания.

По форме здесь Жолтовский верен принципам ренессанса, в частности Палладио, поскольку он воспроизводит «колоссальный ордер» последнего, но, по существу, он далек от понимания законов и сущности классики. В самом деле, чем велик Палладио? Он велик тем, что не просто подражал классике, но создал и новый ордер, и новую схему тектонической и эстетической обработки здания в связи с изменением самых типов здания. У него не ордер, не внешняя гармония подчиняли себе внутреннее содержание здания, а напротив, они вытекали из этого внутреннего содержания. Иное мы видим у Жолтовского. У него ордер подчиняет себе внутреннее содержание.

Те же черты мы видим и в последней постройке Жолтовского — доме уполномоченного ЦИК СССР в Сочи.

Некритическое восприятие наследия сказалось и в творчестве целой группы учеников Жолтовского — Гольца, Кожина, Парусникова и Соболева. В их работах механически переносятся в наше строительство элементы римской и ренессансной архитектуры. Так, в проекте театра МОСПС арх. Гольца мы видим тяжелые, пышные формы (трехпролетная арка, грузные колонны, утяжеленные антаблемента и т. д.), взятые из римской архитектуры.

Ту же римскую трехпролетную арку мы видим и в проекте Дворца культуры в Нальчике арх. Гольца, Соболева и Парусникова. Механическое воспроизведение старых форм имеет место и в проекте Камерного театра арх. Гольца и Кожина.

Особо следует сказать о наблюдающейся у многих наших архитекторов погоне за сверхмонументальностью, об увлечении тяжелыми, пышными формами, обычно представляющими эклектический набор форм архитектуры прошлого.

В докладе К. С. Алабяна были приведены наиболее яркие примеры такого рода эклектической сверхмонументальности. Так, архитектор Кокорин в здании Дома правительства в Тбилиси сосредоточил все свое внимание на декоративной стороне, представляющей механическое сочетание мотивов восточной и ренессансной архитектуры. В то же время он совершенно отбросил вопросы связи сооружения с окружающей природой, с пейзажем и закрыл своим зданием прекрасный вид на гору Давида.

Арх. Кузнецов в здании санатория Наркомтяжпрома в Сочи дает исключительно тяжелые, сверхмонументальные формы, плохо вяжущиеся с назначением здания и окружающей природой, морем. Те же тенденции к грубому сверхмонументализму имеются и в работах ленинградского архитектора Н. А. Троцкого. Совершенно очевидно, что подобный эклектический подход к архитектурной задаче в корне противоречит принципам социалистического ре-

ализма. Социалистический реализм требует архитектурной правдивости, то-есть того, чтобы здание отвечало своему назначению, чтобы оно было связано с реальной природой, которая его окружает; наконец, чтобы в своей эстетической выразительности оно говорило не языком прошлых веков, а языком нашего времени. А разве можно выразить нашу эпоху, чувства наших советских людей копированием римских арок, простым нагромождением архитектурных масс, пышной декорацией, взятой напрокат из архитектуры прошлого? Конечно, нет.

Стиль социалистического реализма не имеет ничего общего с канонизацией прошлых стилей, с бесплодной и бессильной эклектикой, как не имеет он ничего общего и с формалистическими выкрутасами или конструктивистическим упрощением.

Стиль нашей эпохи — стиль социалистического реализма — это переведенные в формы архитектуры мужество и героизм наших славных летчиков, пограничников, передовых бойцов на всех участках великого социалистического строительства.

Стиль социалистического реализма — это величие сталинской эпохи, всесокрушающая мощь страны социализма, это символ новых грядущих побед освобожденного человечества.

Съезд архитекторов выдвинул ряд произведений, которые сумели в ярких, убедительных формах передать это новое содержание, новую эстетику нашей эпохи.

Это — Дворец Советов, о котором мы уже говорили, величайший памятник эпохи. Это — архитектура Московского метрополитена, создавшаяся под непосредственным руководством Л. М. Кагановича. Это — Театр Красной армии арх. Алабяна и Симбирцева. Это — архитектура канала Москва—Волга. Это — павильон СССР на Парижской выставке арх. Б. М. Иофана. Это — Сталинский план реконструкции Москвы, на наших глазах воплощаемый в жизнь через новые сооружения, реконструкцию магистралей, архитектурное оформление набережных, площадей и т. д.

Мы назвали здесь только наиболее выдающиеся примеры подлинно социалистической архитектуры, но и этих примеров достаточно для того, чтобы видеть, где пролегал основной путь творческих исканий советского архитектора. Именно в этих произведениях воплощается наша эпоха, воплощается сталинская забота о человеке, воплощается гордость и мощь советского народа.

В самом деле, возьмем архитектуру нашего метрополитена. В чем заключается главная особенность этой архитектуры? В том, что она обращается к человеку, стремится дать ему не только все необходимые удобства, но и возбудить в нем эстетические переживания, которые возникают при созерцании красивой вещи.

Наиболее яркой чертой сооружений Московского метро является преодоление в них того узкого утилитаризма, который свойственен аналогичным сооружениям за границей, где интересы человека приносятся в жертву удешевлению постройки.

В основу архитектуры Московского метро была положена задача наилучшего обслуживания человека. В этом сказался тот социалистический гуманизм, о котором говорил тов. Сталин на выпуске кремлевских курсантов и о котором так много писал покойный М. Горький. Подземные сооружения метро поражают широтой платформ, пространственностью, прекрасным оформлением как платформ, так и проходов, лестниц, вестибюлей. Мрамор различных пород, гранит, майолика и другие ценные материалы облицовывают стены, колонны и пилоны.

Человек, опустившийся вниз, не чувствует тяжести, давящей сверху: почти во всех станциях она преодолена высотой пространства и поднимающимися вверх колоннадами. Для устранения тяжести использованы и свет, облегчающий потолок (особенно хорошо — в станции «Дворец Советов», одной из наиболее пространственных по своему решению, арх. Душкина и Лихтенберга), и кессонирование потолка (особенно удачное в станции «Красные ворота» покойного арх. И. А. Фомина), и расцветка колонн

и стен, данная в большинстве случаев с доминированием светлых тонов (белый, светлорозовый, светложелтый, светлосерый и др.).

Широкое применение колонн в станциях метро не носит того внешне декоративного характера, который мы видим в ряде построек. Колонны играют здесь не только выразительно-декоративную, но и конструктивную роль, поскольку они выполняют роль опоры. Разница уровня надземных и подземных сооружений в свою очередь обусловила широкое применение лестниц, парадная трактовка которых играет большую роль в общем облике станций.

Сочетание всех этих моментов создает радующую глаз картину. Особенно широко и мастерски развернута эта картина в станции «Киевская» — арх. Д. Н. Чечулина.

Более тонкие и стройные, чем в других станциях, колонны с фарфоровыми капителями, ажурные люстры, прекрасно увязанные с потолком небольшим углублением, богатая отделка вестибюлей с использованием украинских народных декоративных мотивов — во всем этом Чечулин показал себя как зрелый мастер, обладающий большим вкусом.

Однако нельзя не отметить здесь и известное декоративное преувеличение, известную переутонченность, в которую впадает в этой своей работе Чечулин. (Его сооружение подземной части станции «Комсомольская» более строго и просто). Получается опасность своего рода «советского рококо», тонкого, мастерского эстетизма. Между тем стилию социалистического реализма свойственны простота и строгость форм. Вот почему хочется пожелать дальнейшим работам Чечулина большей простоты и мужественности.

Одним из наиболее грандиозных сооружений новой Москвы является заканчиваемый строительством Театр Красной армии (арх. Алабян и Симбирцев). Это сооружение продолжает линию Дворца Советов. Здесь мы также имеем архитектуру высокой идейности, притом идейности, отображающей нашу эпоху. Здание театра решено в форме пятиконечной звезды. Эта эмблема, зна-

комая и близкая любому советскому патриоту, использована архитекторами и в ряде других произведений: в форме пятиконечной звезды построена станция метро «Арбатская площадь» (арх. Теплицкий); этот же мотив использован в капителях колонн станции «Дворец Советов» и в качестве частного мотива — в капители колонн станции «Комсомольская площадь».

Можно только приветствовать это стремление архитекторов использовать формы и эмблемы, которые воплощают эпоху социализма.

В сооружении Театра Красной армии пятиконечная звезда — эмблема Красной армии — органически связана с содержанием самого здания. И все здание в целом трактуется как величественный монумент Красной армии. Форма красной звезды в плане и в сечении колонн находит свое продолжение в скульптурных группах, расположенных под угловыми колоннами и посвященных Красной армии, а все здание завершается фигурой красноармейца, который держит в одной руке винтовку, а в другой — высоко поднятую горящую звезду. Весь строй композиции, складывающейся из нарастающих по вертикали форм, и характер завершающей здание скульптуры сообщают ему тот подъем, тот порыв, сочетаемый с монументальностью и грандиозностью, который характерен и для Дворца Советов. В этом порыве воплощается характер нашей эпохи.

Одним из наиболее замечательных зданий нашей эпохи является Сталинский план реконструкции Москвы. Принятый правительством в 1935 г., этот план является великолепной демонстрацией социалистической заботы о человеке. Несколько лет назад, в 1930 — 1931 гг., наши конструктивисты, напуганные призраком капиталистического урбанизма, который чудился им в роде Москвы, повели агитацию в пользу дезурбанистического распыления Москвы. Они пророчили, что с ростом города условия жизни в нем, условия транспорта и т. д. будут ухудшаться. Так оно, конечно, и было бы в капиталистическом городе. Но наши горе-дезурбани-

сты не учли, что Москва — город социалистический и что в развитии социалистического города действуют иные законы, нежели в городе капиталистическом.

Блестящим доказательством этого и явился Сталинский план реконструкции Москвы. Уже непосредственно после революции в жизни наших городов и в частности Москвы наступили коренные изменения. Противоречие между благоустройством буржуазных центров и нищетою пролетарских окраин, лежащее в основе капиталистического города, не могло иметь место в социалистическом городе. Советское правительство после Октября декретировало переселение рабочих из подвалов и казарм в дома, отобранные у буржуазии, в центральные районы города. С развертыванием реального строительства начинаются систематические работы по застройке новыми домами и благоустройству окраин.

В районах, где были раньше только грязные фабрики, жалкие дома и казармы, появляются новые, большие и благоустроенные поселки; на окраинах воздвигаются клубы, дворцы культуры, универмаги, бани, асфальтируются улицы, разбиваются скверы, создаются парки и т. д.

Товарищ Сталин в отчетном докладе XVII съезду партии сказал: «Изменился облик наших крупных городов и промышленных центров. Неизбежным признаком крупных городов буржуазных стран являются трущобы, так называемые рабочие кварталы на окраинах города, представляющие груды темных, сырых, большей частью подвальных, полуразрушенных помещений, где обычно ютится неимущий люд, копошась в грязи и проклиная судьбу. Революция в СССР привела к тому, что эти трущобы исчезли у нас. Они заменены вновь отстроенными хорошими и светлыми рабочими кварталами, причем во многих случаях рабочие кварталы выглядят у нас лучше, чем центры города».

Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 10/VII 1935 г. наметило новый грандиозный генеральный план реконструкции Москвы. По этому плану для нового жилого расселения от-

водится юго-западный район — за Ленинскими горами как наиболее здоровый (с расширением зоны жилья и в ряде других районов Москвы); создается ряд новых магистралей, из которых наиболее значительная — проспект Ленина, ведущий от площади Дзержинского мимо Дворца Советов к новому Юго-Западному району.

Постановление предусматривает также огромную работу по обводнению и озеленению Москвы. Река Москва, соединенная каналом с Волгой, становится основной артерией города; берега ее одеваются в гранит, бережные застраиваются новыми красивыми домами. В связи с повышением уровня Москва-реки строятся новые мосты через реку и Водоотводный канал; некоторые мосты поднимаются на более высокий уровень. Кроме этого, намечена огромная программа жилого, культурного и прочего строительства.

В осуществление этого плана за последние два года проведены большие работы, которые уже сильно изменили облик Москвы.

Реконструирован ряд магистралей: Садовое кольцо от Курского вокзала до площади Восстания (в этом году — до Крымской площади) превращено в широкую, красивую, асфальтированную магистраль; реконструированы и расширены также 1-я Мещанская улица, Калужская улица, Новослободская и др.

Эта реконструкция, наряду с созданием превосходных магистралей для движения, дает улицам Москвы ту пространственность, которой им нехватало.

Огромные работы проведены по оформлению Москва-реки и канала Москва—Волга. На Москва-реке построено 17 километров гранитных набережных. Особенно надо отметить архитектуру канала Москва—Волга. На протяжении 128 километров канала создан замечательный архитектурный ансамбль. Блестящее гидротехническое сооружение является в то же время большим художественным произведением.

Вход в канал у аванпорта открываются двумя величественными скульптурными монументами Ленина и Сталина.

Скульптура и живопись участвуют в оформлении сооружений канала на всем его протяжении, они увенчивают башни шлюзов, украшают здание речного вокзала в Химках. Так же, как и в метро, в архитектуре канала Москва—Волга широко применены ценные породы камня — мрамор, гранит, диорит и др. Так же, как и там, и здесь сооружения ориентируются на человека, стремятся доставить ему радость от восприятия красивых архитектурных форм. Но здесь эта архитектура получает особую прелесть благодаря сочетанию с водой и зеленью, благодаря непосредственной связи с природой, чего, естественно, лишены станции метро. В целом архитектура канала Москва — Волга является достойной реализацией одного из разделов Сталинского плана реконструкции Москвы.

В осуществление этого плана построено также более 200 школ и строятся еще 73 школы, заканчивается строительство 105 детских и 55 яслей. В 1936 г. начато строительство 420 новых жилых домов.

Заканчивается строительство второй очереди Московского метрополитена, архитектура которого обещает стать в ряд с архитектурой 1-й очереди метро и канала Москва — Волга. Приступлено к реконструкции улицы Горького в ее правой стороне от Охотного ряда до Советской площади.

Создан ряд проектов и проектируется много крупных сооружений: комплекс зданий Академии наук, дом Наркомтяжпрома, большой кинотеатр, здание ТАСС и др. Начато строительство фундамента Дворца Советов. Заканчивается строительство Театра Красной армии, библиотеки Ленина, дома Наркомата обороны и др.

Эти примеры показывают, как много уже сделано в осуществление генерального плана реконструкции Москвы. И все то, что уже сделано, наполнено величайшей заботой о человеке, о его бытовых, культурных и эстетических запросах, о создании для него наилучших условий жизни.

В этом и заключается суть социали-

стической архитектуры и ее отличие от архитектуры капитализма.

Наконец, из последних произведений советской архитектуры следует особо отметить павильон СССР на Международной выставке в Париже (арх. Б. М. Иофан). Известно, какой огромный успех имел этот павильон за границей. Насыщенные высокой идейностью и революционной динамикой формы этого павильона, завершаемого блестящей и органически слитой с архитектурой скульптурной группой работы В. Мухиной, явились для западного зрителя символом огромной силы и неисчерпаемой творческой мощи Советского Союза.

Особенно важно подчеркнуть именно это органическое слияние архитектуры и скульптуры, которое обусловило действительность и высокую художественность созданного в результате этого слияния синтетического образа.

Успех Б. Иофана и В. Мухиной явился успехом всего советского искусства, обусловленным мудрым руководством партии и правительства, борьбой за социалистический реализм. И недаром съезд советских архитекторов встретил овацией упоминание этого прекрасного произведения нашего искусства.

Во всех рассмотренных нами произведениях, равно как и в плане реконструкции Москвы, воплощается дух нашей эпохи, эпохи социализма. Все они идут по пути высокой идейности и упорных исканий отвечающей этой идейности формы. Именно эта направленность и обусловила их успехи в деле создания подлинно социалистической, подлинно реалистической, полной революционного пафоса, архитектуры. Но, к сожалению, не все еще архитекторы осознали правильность и плодотворность этого пути. К сожалению, еще имеют место тенденции формализма, конструктивизма и эклектики, механического повторения наследия. Вот почему борьба за социалистический реализм не отделима от борьбы против этих тенденций.

«Наш съезд, — заявил в заключительной части своего доклада тов. Алабян, — должен стать съездом окончательного разгрома формализма, под каким бы флагом он ни выступал. Мы

должны быть съездом разгрома и выкорчевывания всего враждебного, антинародного, что еще скрывается в советской архитектурной среде. Мы должны быть съездом пропаганды и утверждения стиля социалистического реализма, единственно отвечающего интересам народа и требованиям нашей эпохи».

Эти задачи стоят перед советской архитектурной общественностью и после съезда. Без борьбы против чуждых тенденций нельзя решить проблему создания подлинно социалистической архитектуры.

Успехи, достигнутые советской архитектурой за годы революции, огромны. Возникли совершенно новые типы сооружений, разработанные советскими архитекторами в ответ на новые потребности социалистического общества. Где, в какой стране мира имеются такие клубы и дворцы культуры, какие имеем мы? Где уделяется столько внимания архитектуре заводских сооружений, озеленению заводских площадок, внедрению в промышленную архитектуру искусства и т. д.? Где строятся в массовых масштабах такие удобные школы, какие строит наша страна? Где реконструируются города, учитывающие прежде всего интересы трудящегося человека? Где еще столько работают над проблемой удобного и красивого массового жилья?

На все эти вопросы мы можем с гордостью ответить: нигде, кроме страны Советов. Она является в этом отношении пионером, и это происходит оттого, что мы являемся страной социалистической, что у нас архитектура обслуживает не верхушку общества, а служит всему народу.

В этом заключается огромное преимущество советского архитектора. Однако надо прямо сказать, что наша архитектура далеко не справляется с задачей наилучшего обслуживания народных масс, а наши архитекторы во многих случаях еще далеки от запросов и интересов народа.

Представители партии и правительства, выступавшие на съезде, со всей прямотой указали на этот факт, тормо-

зящий дальнейший рост нашей архитектурной практики. На приеме делегации съезда в Совнарком СССР тов. Молотов спросил присутствующих архитекторов, проектировал ли кто-нибудь, из них детский сад, ясли или школу. Оказалось, что никто не проектировал. Между тем на приеме присутствовали лучшие, ведущие наши мастера. И вот оказалось, что эти мастера занимаются постройками - уникалами, что они мечтают о сверхмонументальных зданиях, а в массовом строительстве не участвуют. Между тем именно те отрасли строительства, которые имеют не уникальный, а массовый характер, и важны в первую очередь.

В. М. Молотов указал, что для советского архитектора должно быть важно не мнение отдельных лиц, которым могут импонировать внешняя пышность и роскошь, а мнение трудящихся, для которых мы создаем новую архитектуру. Он резко осудил погоню за внешней красотой в ущерб работе над внутренними достоинствами и удобствами сооружений. «Глубоким укором, — рассказывает проф. Л. А. Ильин, — прозвучали слова тов. Молотова, что многие архитекторы без лабрадоров и других дорогих облицовок фасадов строить не хотят. Мне пришлось подтвердить это из моих наблюдений в Ленинграде. Это приводит не только к удорожанию строительства, но и к ложной трактовке образа советского здания. Если проектируется школа — так обязательно дворец, жилье — так палаццо, как будто у архитектора нехватает уже средств, чтобы выразить лицо общественного здания. В то же время внутри школы-дворца часто не найти скромно, но хорошо отделанных классов, лестниц, вестибюлей. Внутри жилища-палаццо, роскошного по своей внешности, находим мы обычную плохую лестницу, контрастирующую по примитивности и трактовки и отделки квартире».

Справедливость этих замечаний подтверждали те многочисленные высказывания жильцов новых домов, которые появились в печати перед съездом или же имели место на самом съезде. В некоторых домах архитекторы запроек-

ровали такие огромные окна, для открывания которых надо сначала убрать всю мебель из той половины комнаты, которая соприкасается с окном; в других домах квартиры распланированы так, что все комнаты выходят только в коридор, не сообщаясь друг с другом; в третьих домах форточки сделаны так, что их не достать, а иногда и совсем не сделаны; в четвертых — нет черных лестниц и мусор выносят по парадным лестницам, и т. д., и т. п.

Наряду с этими деталями надо отметить тенденцию к решению советского жилья по типу старого доходного дома, без учета тех новых моментов, которые характеризуют советский быт. Архитекторы совершенно забывают о том, чтобы дать какое-то место для игр детей, живущих в доме, чтобы создать уголки для домохозяек и домработниц и т. д. Об этом хорошо говорила на съезде Маршала Шагинян.

Из указаний тов. Молотова и из требований массового потребителя наши архитекторы должны сделать совершенно определенные выводы. Они должны наконец повернуться лицом к массовому строительству и излечиться от гигантомании и погони за внешней красотой в ущерб внутреннему решению здания. Такова первая задача советского архитектора. Но борьба за удобное массовое жилье, школу, ясли, больницу и другие виды сооружений не может быть развернута надлежащим образом без решения проблем индустриализации и удешевления строительства. Советские архитекторы строят еще очень дорого. Какие же причины вызывают удорожание строительства?

Это, прежде всего, погоня за сверхмонументальностью, за пышностью отделки. Заместитель председателя Совнаркома СССР тов. Чубарь и председатель Госплана тов. Смирнов привели в своих речах на съезде ряд фактов такого непомерного удорожания, преступного расходования государственных денег. Так, отделка одного только фасада недавно законченного дома облисполкома и обкома в Воронеже обошлась в 1.800 тысяч рублей. На эти деньги можно было бы выстроить целый дом.

В ряде случаев удорожание принимает огромные размеры в связи с гигантоманией. Так, в Нальчике для Дома Советов запроектировали огромное здание, стоимостью около 40 миллионов рублей, а в Сухуми — свыше 25 миллионов.

Совершенно очевидно, что производить такие колоссальные затраты на дома Советов в городах типа Нальчика и Сухуми нет никакой надобности. В Баку Дом правительства Азербайджанской республики запроектирован объемом в 500 тысяч кубометров. Отметим для сравнения, что новый дом Совнаркома в Москве имеет объем 200 тысяч кубометров. Ясно, что бакинская гигантомания не имеет под собою никакой почвы.

Такое же удорожание имеет место и в массовом жилом строительстве. Здесь, кроме погони за внешней красотой и пышностью, на удорожание влияют растянутость сроков строительства (до 4 — 6 лет), высокая стоимость строительных материалов при недостаточном высоком качестве, а главное, отсутствие широкого внедрения в строительство стандартизации и индустриализации.

Наличие в одном и том же доме множества различных размеров окон, дверей и других деталей приводит, естественно, к усложнению и удорожанию строительства.

Удорожает строительство также и постройка узких, вытянутых корпусов.

В свое время партия дала архитекторам лозунг — создать жилье не только удобное, но и красивое. Об этом не раз говорил, в частности, Л. М. Каганович. Некоторые архитекторы поняли, однако, этот лозунг неправильно. Они ударились в крайность эстетизма, непомерно удорожая строительство. Между тем можно и нужно бороться за удобства и красоту жилых и других сооружений наряду с борьбой за удешевление строительства и его индустриализацию. Больше того, именно удешевление и индустриализация откроют новые, неизмеримо большие, чем до сих пор, возможности к лучшему решению удобств и красоты здания.

Такова вторая задача, поставленная перед советскими архитекторами: строить быстро, дешево и хорошо.

Третья задача касается вопросов идейно-стилевой направленности советской архитектуры.

Руководители партии и правительства указали советским архитекторам на необходимость более активных исканий подлинно социалистической по своей выразительности архитектуры.

Говоря о доме Жолтовского на Моховой, тов. Молотов заметил, что в строительство этого здания было вложено много средств, но образ советского жилища оказался ненайденным, — здание старомодно. На этом примере тов. Молотов осудил слепое копирование классики. Он осудил и конструктивистские коробки. Где же путь социалистической архитектуры?

Известно, что архитекторы много спорят по этому вопросу, стараются найти правильное определение социалистического реализма. Но в большинстве случаев эти споры носят еще абстрактный характер и обнаруживают часто непонимание самой сущности стиля социалистического реализма. Об этом говорили многие ораторы на съезде.

В. М. Молотов с предельной простотой и ясностью указал тот путь, идя по которому можно найти стиль советской архитектуры. Он сказал, что этот стиль нельзя искать где-то вовне, в отрыве от человека, которого обслуживает архитектура. Нужно думать об удобствах человека социалистического общества, заботиться о нем, стремиться наиболее полно удовлетворить потребности трудящихся в хороших зданиях. Тогда из самой жизни выкристаллизуется новый советский стиль архитектуры. Именно в этом и заключается главная черта социалистического реализма: он требует близости к жизни, к человеку, которая и формирует стиль искусства. Этот стиль нельзя выдумать: его может почувствовать и создать лишь тот художник, который глубоко чувствует сущность нашей эпохи, своеобразие, потребности и характер советского человека. Искание стиля социалистической архитектуры на основе утверждения тесной связи архитектуры и жизни — такова третья задача, стоящая перед нашими зодчими.

Решая эту задачу, они должны пользоваться не только наследием классического искусства, но и сокровищами народного искусства. В нашей архитектурной практике, особенно в национальных республиках, мы имеем ряд обращений к мотивам народного творчества. Однако эти обращения пока весьма немногочисленны и, главное, носят декоративно-прикладной характер.

Между тем речь идет о познании и воплощении сущности народного творчества: его глубокого реализма, теснейшей связи с природой (сохраняемой даже в самых отвлеченных формах орнамента), его богатой образности и т. д. Эта проблема освоения сокровищ народного искусства неразрывно связана с исканиями национальной формы в архитектуре.

Архитектура наших национальных республик, переболев всеми теми болезнями, которыми болела архитектура Москвы, до сих пор еще не развернула широко многообразия национальных форм. Здесь мы имеем дело только с первыми попытками и исканиями, которым необходимо всемерно помочь. Искание национальной многообразия форм на основе единого содержания является одной из главных черт социалистической архитектуры.

Мы видим, какие огромные задачи поставлены перед советской архитектурой. Нельзя выполнить их без борьбы за чистоту архитектурных рядов, без выкорчевывания остатков и последствий вредительства врагов народа.

Враги народа принесли большой вред советской архитектуре. Они хотели оторвать архитектуру от народных масс, хотели использовать ее против народа как орудие своей подлой, преступной деятельности. Так, например, город Красноуральск, по указанию троцкистского диверсанта Пятакова, был запроектирован в своей жилой части в непосредственной близости к медеплавильному заводу, что создавало недопустимо вредные условия для здоровья рабочих. В городе Комсомольске при проектировании сталелитейного завода доменный и коксохимический цехи завода были приближены к городу. Вредительски

были выбраны площадки нового города при Среднеуральском медеплавильном комбинате, жилых поселков в Дзержинске, Нефтекомбинате в Ярославле. Наряду с этим вредительством в планировке и размещении важных промышленных и жилых объектов в архитектуре подвизались враги народа. Только отсутствием подлинно большевистской самокритики и бдительности в архитектурной среде можно объяснить тот факт, что в течение ряда лет эти враги народа оставались неразоблаченными.

Критика и самокритика в архитектурных организациях не оказались на надлежащей высоте. В ряде случаев архитекторы, работая над заведомо вредительским проектом (как это было с Красноуральском), не нашли в себе мужества бороться с преступными «указаниями» разоблаченных впоследствии вредителей (в данном случае Пятакова). Между тем диверсанты и вредители использовали недостатки организации архитектурного дела для того, чтобы и в этой области вести свою подлую подрывную работу. Они удорожали строительство, омертвляли капиталы, вредительски планировали новые города и поселки.

Немалый вред принесла нашей архитектуре также работа немецкого архитектора Э. Мая. Его планировки Сталинска, Магнитогорска насаждали в наших условиях строчную застройку, уродовали облик наших городов, вводя в них грубый штамп и казарменное однообразие. Об этом безобразном «наследстве» Э. Мая и об отсутствии настоящей борьбы с ним со стороны архитекторов говорил тов. Молотов во время приема делегации съезда.

Отсутствие критики и самокритики вредно сказалось и в других отношениях. Будь у нас настоящая архитектурная критика, многие недостатки архитектурной практики могли бы быть своевременно вскрыты и исправлены. Критика помогла бы исканиям социалистического реализма и вскрыла бы вредные формалистические и другие тенденции. Но, как правильно говорил на съезде

архитектор Д. Н. Чечулин, наша критика ограничивается зачастую «любезными аплодисментами». Критики ограничиваются в отношении тех или иных сооружений (станций метро, например) тем, что признают их «большим достижением» и на этом заканчивают разбор архитектуры.

Но разве в этом заключается задача критики? Критика должна анализировать все стороны рассматриваемого ею произведения — и положительные, и отрицательные; она должна указать, что в этом произведении ведет вперед, что затрудняет дальнейшее развитие.

Стиль социалистического реализма в архитектуре, над созданием которого работают советские архитекторы, переживает еще первые этапы своего становления. На этих первых этапах даже лучшие произведения нашей архитектуры содержат немало рудиментов, которые должны будут в дальнейшем отмереть — будь это «остаточные» моменты конструктивизма (сказавшиеся в ряде станций метро, например, станциях ул. Коминтерна, Сокольники), будь это элементы своеобразного эстетизма (станция Киевская) и т. д. Наряду с этим стилиевые, выразительные моменты, лежащие в плане социалистического реализма, только еще начинают раскрываться в наших лучших произведениях. Нужно еще много работать для того, чтобы довести их до необходимой высоты: в результате этой творческой работы создадутся новые выразительные возможности, новые стилиевые категории, а многое из того, что есть сейчас, отомрет. И вот задача критики заключается в том, чтобы на конкретных примерах раскрывать эту перспективу развития, показывать путь движения к вершинам социалистической архитектуры. Но надо прямо признать, что с этой задачей архитектурная критика не только не справилась, но даже и не ставила ее перед собой. Ни Академия архитектуры, ни союз архитекторов, ни архитектурная печать не занимались воспитанием подлинно советской, марксистской критики и теории архитектуры. Архитектурная теория и критика засорены всевозможными вредными теорией-

ками и тенденциями, до сих пор продолжающими свое хождение. О теоретическом уровне некоторых историков архитектуры очень хорошее представление может дать, например, профессорский курс по истории архитектуры в Московском архитектурном институте, вышедший литографированным изданием в 1933 году. Автор этого курса серьезно уверяет, что «искусство познается и органами обоняния, осязания и вкуса, и, таким образом, и гастрономическое искусство следует именовать так». Другими словами, нет принципиальной разницы между тортом и картиной Рафаэля! Все дело лишь в том, что «произведение искусства, которое воспринимается при помощи органов вкуса, потребляется только одним лицом и не может быть предметом общечеловеческого пользования». Это «открытие» непонятно даже в чисто логическом плане. Разве продукты гастрономии не могут есть и созерцать сразу много людей? Но от этого они, разумеется, не становятся искусством. Только чрезвычайно убогий теоретический уровень мог привести к подобным «открытиям». Немудрено после этого, что весь курс заполнен подобными рассуждениями и лучшие произведения архитектуры толкуются весьма примитивно.

Наряду с низким теоретическим уровнем историков архитектуры, в области теории и критики имели место и враждебные тенденции. Так, в «Правде» (статья П. М. Керженцева от 18/IV 1937 г.) была разоблачена апологетика фашистской архитектуры, содержащаяся в книге Л. Ремпеля «Архитектура послевоенной Италии». Архитектурная критика не вскрыла своевременно этих тенденций, а некоторые критики даже помогли их распространению.

Так, «Архитектурная газета» поместила о книге Ремпеля хвалебную статью Д. Аркина («Архитектурная газета», 1936 г., № 41). В этой статье Д. Аркин называет книжонку Ремпеля ценной, интересной и нужной работой.

Характерной для состояния нашей архитектурной теории и критики является также и тенденция к переоценке западного конструктивизма и вообще так

называемой «новой архитектурой» Запада.

Так, например, И. Маца в статье «Новая архитектура» («Архитектура СССР», 1935 г., № 9) некритически принимает концепцию буржуазного искусствоведа Э. Кауфмана, который в книге «От Леду до Корбюзье» сделал попытку «показать не только преемственность, но и близкое родство между архитектурными идеями молодой буржуазии эпохи Великой французской революции и современным конструктивизмом».

Маца целиком разделяет эту концепцию. «Развитие буржуазной архитектуры, — заявляет он, — начинается под знаком ясно выступающей в классицизме борьбы реализма и абстрагирующего схематизма... Эта черта — борьба реализма с абстрактностью, вместе с более или менее ярко выступающим рационализмом, есть основная черта природы всей буржуазной архитектуры на протяжении всего развития капитализма». Из этих положений следуют два вывода: во-первых, уравниваются в своем принципиальном содержании современная буржуазная архитектура, в частности конструктивизм, и архитектура эпохи буржуазной революции; во-вторых, во всех периодах буржуазной архитектуры, в том числе, очевидно, и в конструктивизме и в фашистской архитектуре, Маца находит реализм в качестве одного из главных, ведущих моментов, находит борьбу реализма с абстрактностью. При этом Маца скрывает от читателя всю глубину упадка современной буржуазной архитектуры, всю неизмеримость дистанции, разделяющей эту регрессивную, упадочную архитектуру от прогрессивной архитектуры эпохи Французской революции. Ясно, что идеологам конструктивизма крайне выгодно доказать свою близость, свое родство с этой прогрессивной архитектурой. Но наша критика должна вскрыть полную несостоятельность этой аналогии. Вместо этого Маца некритически приял Кауфмана.

Указывая на наличие реализма на всех этапах буржуазной архитектуры, а следовательно, и в конструктивизме, Ма-

да искажает самое понятие реализма. Конструктивизм с его игнорированием реальных запросов человека, природы и т. д., с его фетишизмом узкой функции и конструкции, — враждебен реализму.

Только так может и должен быть поставлен вопрос. С другой стороны, можно ли, оценивая буржуазную архитектуру и конструктивизм так, как это делает Маца, — можно ли в этом случае вести плодотворную борьбу с конструктивистскими тенденциями в советских условиях? Мы полагаем — нельзя.

Таковы некоторые примеры недостатков и болезней архитектурной критики. Ясно, что без преодоления этих недостатков архитектурная теория и критика не смогут выполнить своей роли в борьбе за архитектуру социалистического реализма.

Особое место занял на съезде вопрос об архитектурном образовании, рассмотренный на заседаниях специальной комиссии. Академик Жолтовский в своем докладе развернул интересное, хотя в ряде моментов и спорное, понимание пути подготовки мастера архитектуры.

Как Жолтовский в своем докладе, так и большинство товарищей, выступавших в прениях, подчеркивали необходимость придать более творческий характер воспитанию учащихся архитектурных вузов.

Выставки вузовских работ, бывшие в последние годы как в Москве, так и в других городах, показали, что художественная культура учащихся архитектурных вузов значительно повысилась. Это уже не архитектурные вузы 1929 — 1932 гг., когда многие студенты не умели рисовать и, кончая вуз, не могли грамотно запроектировать самое небольшое сооружение. Эти выставки показали, что учащиеся архитектурных вузов упорно и много учатся у классического наследия. Но вместе с тем на этих выставках можно было воочию наблюдать широкое распространение подражания образцам прочлой архитектуры, явную недостаточность оригинальности у молодых зодчих, а главное — отсутствие связи их с нашей жизнью, уход в копирование старых памятников.

Вместо того, чтобы воспринимать архитектуру прошлого критически, вместо того, чтобы на лучших образцах нашей архитектуры и других искусств учиться борьбе за социалистический реализм, — студенты преимущественно подражают. В известной мере на это их толкает и система преподавания. Многие руководители проектирования, будучи хорошими мастерами и принося большую пользу студентам в овладении мастерством прошлой архитектуры, свысока и презрительно относятся к тем произведениям советской архитектуры, которые лучше всего отображают нашу эпоху, не используют этих произведений в качестве примеров, не популяризируют их. Вместо этого они создают культ отдельных мастеров, канонически относящихся к наследию. Характерным примером такого вредного отношения к советской архитектуре является и ликвидация в вузах (в частности в Московском архитектурном институте) курса советской архитектуры. Необходимо развернуть последовательную борьбу с этими тенденциями. Ведь в вузах готовятся те кадры архитекторов, которые через несколько лет будут активно строить и этим строительством определяют физиономию определенной части советской архитектуры. Они должны будут продолжать ту борьбу за социалистический реализм, которая воплощена в наших лучших сегодняшних произведениях. А между тем их воспитывают нередко в прямо противоположном направлении.

Борьба за социалистическую архитектуру должна пронизать все вузовское преподавание, все формы воспитания студента. Это — важнейшая задача, которая стоит перед архитектурными вузами. Ибо нам нужна не отвлеченное мастерство, а мастерство, органически связанное с эпохой, с жизнью советской страны.

Г. М. Людвиг в прениях по архитектурному образованию правильно указал также на то, что учебники по истории архитектуры страдают схоластикой, абстракцией, а книги по истории архитектуры не историчны по своей сути.

Академия архитектуры до сих пор не создала нового учебника по истории

архитектуры. Студенты учатся по дореволюционным, давно устаревшим учебникам. Совершенно нет книг и по проектированию, по теории и практике архитектурного мастерства. Надо добиться того, чтобы наши крупнейшие зодчие написали книги о мастерстве типа работы Станиславского — в театре, или работ Маяковского («Как делать стихи») и М. Горького — в поэзии и литературе. Такие книги о мастерстве, написанные крупнейшими и опытнейшими в своем искусстве зодчими, принесли бы огромную пользу учащимся архитектурных вузов и молодым архитекторам. Вместе с тем они помогли бы и руководителям вузовского проектирования.

Только четкая направленность на архитектуру социалистического реализма поможет воспитать поколение зодчих, достойное тех больших строительных задач, с которыми они столкнутся, выйдя из вуза.

За все время работы архитектурного съезда партия, правительство и вся советская общественность уделяли этой

работе большое внимание. Выступления на съезде гг. Чубаря, Смирнова и Булганина, прием делегации съезда В. М. Молотовым лучше всего показали, какое значение придают руководители партии и правительства советской архитектуре. Руководители партии и правительства в своих выступлениях, прежде всего тов. Молотов в своей беседе с делегацией съезда, наметили перед советскими архитекторами четкую и увлекательную перспективу их дальнейшей работы. Страна социализма открывает перед каждым советским зодчим, желающим идти в ногу с своей страной и эпохой, неисчерпаемые возможности творчества.

Советские архитекторы имеют перед собой почетную задачу: работать для народа, создавать произведения, отображающие великие идеи нашей эпохи, эпохи Ленина — Сталина, эпохи всемирных исторических побед социалистического общества. И эта почетная задача будет выполнена!

Библиография

1. Пушкин для детей. — И. ФЕЙНБЕРГ.
2. П. Замойский, „Лапти“ — Л. Г.
3. Александр Гатов. „Закон тяготения“ — Г. ТИХОМИРОВ.
4. Оскар-Мария Граф. „Один против всех“ — С. ВОСТОКОВА.

ПУШКИН ДЛЯ ДЕТЕЙ

На Пушкинской выставке в Москве и Ленинграде можно видеть множество замечательных детских рисунков, вдохновленных творчеством и жизнью Пушкина. Пушкин — воспитатель растущего человека, — об этом значении поэта говорил Белинский. Пушкин, открывающий ребенку мир поэзии, получил за годы революции небывалое значение в жизни детей нашей страны.

Хорошо издать для детей сочинения Пушкина — важная задача.

Среди юбилейных изданий Пушкина, появившихся в этом году, обращают внимание изданные Детиздатом «Сочинения» Пушкина в трех томах под редакцией С. Бонди, А. Слонимского, Б. Томашевского и «Избранные произведения» Пушкина под редакцией В. Вересаева в одном томе.

Это капитальные, внушительно оформленные издания.

В трехтомнике больше двух тысяч страниц. Однотомник — книга большого формата в девяносто печатных листов. Потребность и в однотомнике и в трехтомнике этого типа для детей очевидна. Тем более нужно обсудить вопрос о достоинствах и недостатках этих изданий.

Пушкин, изданный для детей, не должен быть просто сокращенным изданием Пушкина для взрослых. Собрание сочинений Пушкина для детей должно строиться иначе, чем популярное издание Пушкина для взрослых. Очень важно для всего последующего развития детей, как, с какой стороны, откроется перед ними мир пушкинского творчества.

Традиционное исключение стихов Пушкина, «неудобных для детского чтения», — это простейшая задача. Выполнить ее гораздо легче, чем решить другие принципиальные задачи издания Пушкина для детей. Эти задачи заключаются в том, чтобы правильно отобрать все важное в творчестве Пушкина, освободить его от относительно второстепенного, менее существенного для детей и представить каждое из включенных в издание произведений наилучшим для восприятия образом. Выполнение этой

задачи во многом зависит от места, которое каждое отдельное произведение займет в данном издании в ряду других произведений, т. е. от редакционной конструкции издания и от того, как каждое из этих произведений будет полиграфическими и художественными средствами выделено и иллюстрировано на страницах книги; последнее особенно важно для стихотворений.

Прежде всего о построении рассматриваемых изданий. И трехтомник, и однотомник начинаются лирическими стихотворениями Пушкина, расположенными в хронологическом порядке. Правильно ли так открывать детское издание Пушкина?

Трехтомник, как более полное собрание, начинается первым появившимся в печати стихотворением пятнадцатилетнего Пушкина «К другу-стихотворцу». Юный читатель должен пройти через десятки страниц лицейских, ранних стихов Пушкина, прежде чем он дойдет до оды «Вольность» и следующих за ней стихотворений послелицейского периода.

Лицейские стихи, конечно, не главное для нас и в особенности для наших детей в лирике Пушкина. Открывать ими Пушкина не обязательно.

Один из редакторов трехтомника, Б. Томашевский, в редактированном им самостоятельно однотомнике сочинений Пушкина (не предназначенном специально для детей) вначале напечатал поэмы Пушкина, лирика помещена после поэм. В однотомном собрании сочинений Лермонтова, изданном Гослитиздатом под редакцией Б. Эйхенбаума, вначале помещено большинство наиболее зрелых, важнейших лирических стихотворений Лермонтова, а остальные (более ранние) стихи выделены и напечатаны в конце отдела лирики. Тем более уместно было использовать подобные возможности построения издания, печатая собрания сочинений Пушкина для детей. Быть может, следует поставить вопрос о том, чтобы открыть детское издание собрания сочинений Пушкина сказками.

Переходя от вопроса о том, в каком из разделов издания следует печатать лирику, к вопросу о том, как располагать стихотворения в пределах отдела лирики, нельзя не признать совершенно нецелесообразным хронологический педантизм, проявленный редакцией детского трехтомника. Ряд стихотворений, которые редакция не сочла возможным датировать одним определенным годом, выделен в особые разделы. Сначала, например, помещены стихи, датированные 1830, 1831, 1832, 1833, 1834, 1835 и 1836 гг. А после них идут стихотворения, написанные Пушкиным в этот же период (1830—1836 гг.), но выделенные редакцией в особый раздел только потому, что они не поддаются датировке с точностью до одного года. Из-за этого лирика Пушкина в трехтомнике заканчивается не «Памятником», а стихотворением «Не дай мне бог сойти с ума». Вряд ли нужно доказывать, что педантизм трехтомника нарушает историческую и художественную логику композиции отдела лирики; важно ведь, как кончается для юного читателя книга лирики Пушкина: раздумьем поэта, измученного николаевской Россией, о том, стоит ли сойти с ума, или «Памятником», обращенным в будущее.

Что касается отбора лирических стихотворений, включенных в трехтомник, необходимо признать, что эта важнейшая задача издания выполнена продуманно и удачно. Лирика Пушкина представлена в трехтомнике с возможной полнотой.

Ряд набросков, незаконченных, неотделанных, второстепенных стихов не включен в трехтомник. Это только способствует лучшему восприятию всего включенного в издание.

В одномотомнике же, отредактированном Вересаевым, поражает то, что редактор исключил из своего издания ряд важнейших произведений Пушкина и в то же время включил отдельные черновые и незаконченные стихи. Если можно еще спорить с редактором, не включившим в избранные им для отдела лирики стихотворения такие произведения, как «Клеветникам России», «Бородинская годовщина» и т. п., то иначе как редакторским субъективизмом нельзя объяснить исключение из одномотомника, например, оды «Наполеон» или замечательного стихотворения «Полководец» (о Барклае де-Толли) и ряда других стихов. Повидимому, не соображения места, а субъективизм редактора является причиной этих пробелов. В отделе драматических произведений одномотомника нет «Русалки», а в прозу не включен «Арап Петра Великого».

Зато Вересаев печатает, например, следующий черновой набросок:

Заступники кнута и плети!
Все наши женщины и дети,
За вас молить я бога буду
И никогда не позабуду.

Когда же к делу позовут
Меня на (неразб.) расправу,
За ваше здравие и славу
Влепить... мой первый кнут.

Значение этого черного наброска со значительной редакторской пометкой: «неразб.» — неразборчиво.

В ряде случаев можно спорить о том, нужно или нет включать в издание то или другое стихотворение. (Вересаев не включил в одномотомник пушкинскую «Сцену из Фауста». А вряд ли она более «неуместна» для детского чтения, чем включенный редактором «Пир в время чумы» с его песней Председателя). Но не этого рода факты вызывают основные возражения, когда знакомишься с редактированными Вересаевым одномотомником. Принципиально недопустимо помещать, как это сделал Вересаев, те или иные, хотя бы и излюбленные редактором, но не относящиеся к числу важнейших, наброски и незавершенные стихотворения, извлеченные из рукописей Пушкина, и отбрасывать в то же время законченные стихотворения такого значения, как «Полководец».

Значение макета и верстки в книге можно сравнить со значением экспозиции картин в музее или на художественной выставке. Как хорошая, выполненная с пониманием экспонируемых произведений искусства, в их отношении друг к другу, экспозиция обеспечивает правильное распределение внимания зрителя, так правильная «экспозиция» пушкинских стихов на страницах трехтомника поможет юному читателю лучше воспринять ряд стихотворений; она облегчит также возможность «замечать», не упустить ряд небольших по размеру, но художественно ценных вещей.

Правильное использование средств книжной техники (макет первого тома, включающего лирику, выполнен Ю. Петровым) помогает правильному восприятию стихов, не вынуждает читателя, сосредоточившегося на отдельных стихотворениях, с трудом отвлекаться от соседних стихов и разбивающих внимание иллюстраций. Приемы оформления трехтомника не открывают никакой Америки в этой области, но они применены целесообразно, что встречается тогда, когда издательские соображения не мешают выполнению этой задачи.

Необходимость вложить в один том больше 90 печатных листов вынуждает редакцию одномотомника прибегнуть к двухколонной верстке. Но двухколонная верстка не обязательно должна вести к таким нежелательным результатам, какие мы видим, например, на 135 странице одномотомника. На этой странице, большую часть которой занимают «Песни о Стеньке Разине» и портрет Степана Разина, в самом конце напечатаны первые восемь стихов «Пророка». Замечательное стихотворение «Пророк» оказывается не только не выделенным в поле читательского внимания, оно разрезано версткой, а художественно — всей системой своих образных средств оно находится в противоречии с иллюстрирующим страницу портретом Стеньки Разина.

Трехтомник иллюстрирован рисунками Пушкина и иллюстрациями современных пушкинскому творчеству граверов и художников (подбор этих иллюстраций удачно выполнен И. Ан-

дронниковым и Г. Шмидтом). Таким образом, издание хронологически ограничивает возможный выбор иллюстраций к Пушкину. Но вместе с тем трехтомник избегает художественного анахронизма, которым так часто грешат издания Пушкина, иллюстрированные художниками чуждых Пушкину позднейших художественных систем. Конгениальные Пушкину иллюстрации позднейших художников, ведь, к сожалению, редки. А попытки некоторых наших современников имитировать стиль пушкинских рисунков и рисунков пушкинской поры — художественно ложны.

Задача этой рецензии ограничивается обсуждением, в связи с выходом пушкинского трехтомника, вопроса о том, как строятся и как оформляются у нас собрания сочинений Пушкина для детей, так как эта существенная для данного рода изданий сторона вопроса совершенно недостаточно привлекает внимание рецензентов. Условия места позволяют говорить здесь, конечно, далеко не о всех вопросах, связанных с затронутой темой.

Критика же редакционной и вспомогательной аппаратуры рассматриваемых изданий — биографического очерка, написанного для однотомника В. Кирпотиным, и редакторских комментариев к однотомнику и к трехтомнику (некоторые из этих комментариев вызывают серьезные возражения), а также текстологическая критика составляет особую задачу, выполнение которой, надо полагать, не заставит себя долго ждать на страницах специальной печати¹.

В итоге надо сказать: решающим недостатком однотомника являются пробелы в ряду лирических стихотворений Пушкина и отсутствие «Арапа Петра Великого» в отделе прозы. Однотомник должен быть переработан и дополнен.

Трехтомник стоит на высоком уровне как собрание сочинений Пушкина, продуманно и с большой полнотой включившее все существенное для восприятия творчества поэта. (Поэтому, а также благодаря достоинствам оформления трехтомника, он является хорошим изданием избранных произведений Пушкина и для взрослых).

Для того же, чтобы улучшить трехтомник как издание, назначенное для детей, нужно отказаться от хронологического педантизма: в последующих изданиях не начинать лирику Пушкина ранними, лицейскими стихами и не выделять в особые отделы стихи, которые трудно точно датировать.

Самый характер требований, предъявляемых к нашим новым изданиям Пушкина для детей, показывает, как далеко мы ушли от прежних кустарных изданий, заполнявших дореволюционный книжный рынок.

И. Фейнберг.

П. Замойский. — «Лапти». Книга четвертая — «Столбовая дорога». Изд-во «Сов. писатель», Москва, 1937 г., тир. 10 000 экз., стр. 304, цена 6 руб. 25 коп.

«Столбовой дорогой» заканчивается четырехтомный роман П. Замойского, показывающий путь советской деревни от нищеты и разрухи к колхозной зажиточной жизни.

С начала двадцатых годов, когда только что отгремели выстрелы гражданской войны, и до начала второй пятилетки прослеживается Замойский жизнь своих героев. С большим знанием материала он рисует картины борьбы бедноты с кулачеством, возникновение колхозов, их постепенный рост и укрепление. Сюжетом романа является история одного, прежде глухого, села в Поволжье, отражающая историю нашей деревни за последние десять лет.

Не все части «Лаптей» одинаково удачны. Автор рос вместе со своими героями, и это наложило некоторый отпечаток на роман. Язык первых книг недостаточно чист и выразителен, многие образы даны схематично и бедно. Четвертая — последняя — книга является самой удачной и законченной, хотя и в ней есть ряд крупных недостатков, на которых мы ниже остановимся.

В «Столбовой дороге» показывается окончательная победа колхозов над старым деревенским укладом. Колхоз «Левин Дол», об организации которого рассказано еще во второй книге романа, объединил уже большую часть деревни. Замойский дает будни колхозной жизни, очередные сельскохозяйственные кампании, соревнования и ударничество, дает целую галерею живых, правдивых образов колхозников, с большинством которых читатель уже знаком по предыдущим книгам «Лаптей». Замойскому хорошо удалось раскрыть методы кулацкой агитации против колхозов, вредительство кулаков и последующее их разоблачение.

Основную удачу романа мы видим в том, что автор сумел показать, как в повседневной борьбе за зажиточную жизнь, уничтожая и разоблачая кулаков, создавались и росли замечательные кадры колхозного актива. Это главная тема «Лаптей», и Замойский развертывает ее на многих персонажах. Особенно ему удалось образы Прасковьи и Петра Сорокиных. Когда в конце «Столбовой дороги» Прасковья на краевом слете колхозников встречается со своим бывшим мужем, перед читателем с отчетливой ясностью встает огромный путь, пройденный этой женщиной. Прежде неграмотная, замученная хозяйственными и бытовыми заботами, она выросла в руководителя сельского совета, организатора женского актива. Этот путь дан Замойским не схематично, не в одном лишь внешнем проявлении; писатель показал, как постепенно изменялась психология Прасковьи, как все те замечательные положительные качества, которые присущи русским женщинам, раскрывались в ней, уничтожая то наносное и нездоровое, что создалось за годы тяжелой бес-

¹ Ряд редакторских объяснений к произведениям Пушкина, включенным в трехтомник, представляет собой не что иное, как небольшие, но содержательные научно-популярные статьи. Разбор их, как сказано, — дело развернутой специальной критики.

правной жизни, под влиянием кулаков и религии.

К числу главных героев романа в четвертой книге присоединяется двадцатипятилетний Бурдин, председатель колхоза, образ во многом близкий Давыдову из «Поднятой целины» Шолохова. Бурдин, Алексей Столяров, Петр Сорокин и другие главные положительные персонажи написаны Замоиским с любовью и глубоким проникновением в их внутренний мир. Поэтому эти образы удалась ему, чего нельзя сказать про многих второстепенных, эпизодических лиц, которых так много в романе. Замоиский не сумел дать яркий и выразительный портрет каждого из них, точно определить их место в сюжете, и читатель неизбежно путает их друг с другом.

В романе есть и ряд эпизодов, композиционно растянутых или лишних. Здесь автора выручает хорошее знание материала, они не кажутся скучными, но замедляют развитие действия и ничем не обогащают характеристики героев. Отдельные эпизоды (например, вовлечение жены Бурдина в общественную работу) сделаны примитивно.

В «Столбовой дороге» еще очевиднее, чем в предыдущих книгах, органическая связь художника с жизнью. Благодаря этому Замоиский сумел воссоздать в своей книге колорит времени, места, без чего художественное произведение никогда не бывает убедительным. В романе есть много живых, ярких сцен, то полных драматизма, то насыщенных юмором, удачно передающих быт современной деревни.

Иногда Замоиский, в погоне за яркостью изображения, увлекается нарочито грубыми, искоренными словечками. Этого словесного шлама в первых частях романа было значительно больше, но и в «Столбовой дороге» Замоиский не окончательное еще от него избавился. Очевидно, он не до конца учел правильность и значение тех указаний, которые делал М. Горький писателям о чистоте русского языка.

Но, несмотря на это, «Столбовая дорога» показывает рост Замоиского как художника. Здесь нет уже грубо карикатурных или схематических образов, которые встречались иногда раньше. И кулак Митенька, и фельдшер-подкулачник Авдей раскрыты в правдоподобных ситуациях, их личное разоблачение дано как закономерное завершение политической смерти их класса. Не всегда находит Замоиский верные интонации (например, слишком умилительно дано собрание колхозников в конце романа, где все получают те или иные награды), этот недостаток ему необходимо преодолеть. У него конкретное, реалистическое ощущение материала, он любит ясность и простоту.

В целом «Лапти» дают верное представление об огромном социальном значении великого перелома, правдиво, на конкретных художественных образах, показывают победу колхозного строя.

Л. Г.

Александр Гатов. — «Закон тяготения», Гослитиздат, 1936 г., стр. 135, ц. 2 руб. 75 коп.

Александр Гатов более известен своим переводами (книга «Поэты парижских баррикад», переводы из украинской, армянской поэзии), чем собственными стихами, которые не имели заметного успеха у читателей и редко обращали на себя внимание критики.

Между тем автор имеет, по крайней мере, десятилетний стаж стихотворства. И если за это время он не создал достойных широкого признания, значительных и полноценных стихов, значит, тому есть важные причины. Новый сборник Гатова с достаточной ясностью обнаруживает их.

В стихах Гатова нет ни острых, волнующих тем, ни внушительно высказанных больших идей и мыслей, ни художественности и красоты слога, ни смелых, метких образов и сравнений, ни, тем более, значительной оригинальности вообще всего стиля. Настоящей поэзией стихи крайне бедны.

Захочет ли поэт сказать что-либо глубокомысленное, получается бессмыслица. Например:

Я земли законом внемлю, верен им и не в
разладе

С яблоками, что на землю падают паденья
ради.

Едва ли читатель поймет, что к чему относится в этих невразумительных словах. Спрашивается, в чем заключается верность Гатова «земли законам»? В том ли, что он «не в разладе с яблоками», или в подражании тому, что яблоки «на землю падают паденья ради»?

Попробует ли Гатов выжать из себя несколько строк о деревне, о ее коллективизации, получается возмутительная карикатура:

И радовались новой в л а с т и ¹
Поля и люди и быки.

Гатов хочет выразиться образно, а выходит грубо, аляповато:

Рыжее дерево, как медведь,
Облапило
Белый дом.

Рискнет ли Гатов сказать оригинальное, он порывает с логикой и заламывает совершенно пародийную метафору. Например:

Мужайся, тема! В наступленьи!
Но только валенки надень! (?)

Несмотря на явную и очевидную слабость дарования автора, было бы неверно все-таки этим фактом объяснить низкое качество стихов. Конечно, степень таланта отражается на художественности и ценности произведения. Но очень часто поэтов с малым талантом выручают опыт, знание жизни, большая культура, органическая связь с действительностью и, следовательно, наличие богатого идейного

¹ Подчеркнуто мной. — Г. Т.

содержания. Когда поэт имеет что сказать, то, как писал Пушкин, «стихи легко ложатся под перо и звучные рифмы бегут навстречу стройной мысли» («Египетские ночи»). Но беда Гатова именно в том, что и с содержанием его творчества не все в порядке. В его стихах мало жизни, она очень слабо дышит в них. Книжность, вялость, прозаичность, за немногим исключением, характерны для всего сборника. В одном стихотворении даже о весне автору удается сказать по-книжному, сухо и скучно.

Мы знаем из лирики:
Зеленя,
Щеглы
И ручьи по долинам.

Это, между прочим, все, что касается описания весны. Следующие затем строки имеют краткий и довольно бедный смысл: наступает жара, граждане получают путевку и едут в Крым загорать. В таком прозаическом виде дана неисчерпаемая, многообразная поэзия весны.

Тематика книги в большинстве случаев бледная, незначительная, мелочная. В цикле стихов «Кольцо «А» и «Ожиданье», занимающих почти половину книги, нет, в сущности, ни одного жизненного, актуального стихотворения.

Нужно ли доказывать, что все эти пороки являются непосредственным результатом известной оторванности автора от масс, от действительности? Стоит Гатову соприкоснуться с яркими, новыми, значительными явлениями, как стих его заметно оживает, приобретает красочность, содержательность, образность. Не даром стихи, написанные под впечатлением поездки в Армению, являются едва ли не лучшими в сборнике.

Наоборот, когда поэт не имеет что сказать, не имеет мыслей, наблюдений, фактов, почерпнутых из жизни, поэзия исчезает из его стихов. Они становятся прозаичными, бессодержательными, лишенными даже необходимой звучности и поэтической ритмичности. Строки получаются тяжелые, какие-то вымученные:

Так, значит, четверо. Четверо.
Судьба и веревка — одна.
И фирн Эльбрусского глетчера —
Астральная голубизна.

Или еще:

Я десять раз произносил: довольно!
Да, рыжая. Да, хороша. Но ведь
Итак уже невыносимо больно —
Вот наземь бросится и зареветь.

Эти строки не вырваны из текста, чтобы усугубить бессмысленность их, они представляют собой начальные строфы двух стихотворений. Подобных примеров в книге множество.

Естественно, что, когда Гатов в таком

стиле пишет стихи на тему «Россия», то результат получается печальный.

Имевшее место в литературе искажение прошлого России нашло отзвук и в стихах Гатова:

Косые ворота и взгляды косые,
Косые церквушки и девки босые...
... Все это знакомо, все это — Россия.
Иваны Косые, Степаны Босые,
Косуха вина и потом — становые.

Такое однобокое изображение прошлого России неверно, потому что наша страна гордится боевыми традициями самого героического и передового рабочего класса, так же, как и тем, что и крестьянство наше имеет в своей истории яркие революционные страницы борьбы с гнетом крепостничества.

Подобно многим поэтам, Гатов сделал большую ошибку — проявил нескромность и неуважение к читателю, поместив в сборнике совершенно ничтожные мелкие фрагменты. Какой смысл печатать следующее стихотворение, состоящее всего из четырех никому не нужных строк:

Утомленные лежим на лугу.
Голова кружится слегка.
«Милая! Больше так не могу...»
В небе бегут облака.

Во многих случаях Гатов нарушает правильность речи, допуская иногда элементарные грамматические ошибки.

Из всего сказанного следует, что издательству надо было бы более серьезно относиться к своим обязанностям по отбору и редактированию изданного сборника стихов.

Г. Тихомиров.

Оскар-Марна Граф. — «Один против всех». Гослитиздат, 1936 г., стр. 247. Тираж 10.300. Цена 2 р. 75 коп.

Оскар-Марна Граф мало известен широким кругам советских читателей. В этом, в значительной степени, повинны наши критики, не удосужившиеся уделить творчеству этого интереснейшего антифашистского писателя достаточное внимание.

Изданный Гослитиздатом в 1936 г. роман Графа «Один против всех» является одним из наиболее ярких и социально заостренных его произведений.

Место действия романа — Бавария 1919—1920 гг. Гражданская война, охватившая послевоенную Германию; разгром Баварской советской республики; массовые восстания баварского пролетариата; безработица, нужда, голод и отчаяние масс — такова обстановка, описанная в романе.

По взбаламученному социальному морю Баварии, по городам и селам, по лесам и проселочным дорогам бродит одинокая и страшная фигура «борца за самого себя» — главного героя романа — Георга Лефлера.

Три года пробыл Лефлер на фронте. Три

года валялся в промерзлых, залитых вонючей грязью окопах. Бросался в атаку, прятался в воронках снарядов. Оставлял клочья одежды и тела на проволочных заграждениях. Голодал. Отравлялся газами и... убивал, убивал. Убивал с бессмысленной жестокостью, тупой и непонятной злобой, с животным непобедимым страхом. Убивал по приказу, убивал под угрозой смерти, убивал, чтобы не быть убитым самому. Не раз висела его жизнь на волоске от смерти. Не раз, казалось ему, ощущал он на себе ее холодное и страшное дыхание. Наконец, он дезертировал.

Разбитый, искалеченный нравственно, «исчерпанный до дна», вернулся Лефлер с фронта. Война кончилась, приветливо и сурово встретил мир (здесь и в дальнейшем слово «мир» употребляется как противопоставление понятию «война». — С. В.) этого замкнутого, хмурого крестьянского парня.

Очень скоро пришлось ему убедиться, что миру он не нужен. Здесь просто не находилось места для него. Героями здесь оказались не те, кто гнил в окопах, задохнулся в отравленном газом воздухе и каждую минуту стоял «навтыжку» перед смертью. Военные доблести и заслуги мало ценились этим миром. Здесь мог хорошо жить только тот, «кто похитрее сумел устроиться». А этого умения у Лефлера как-раз и не было. Отсюда рождается пока еще не осознанное противопоставление: я и мир. Мир враждебный и замкнутый, которого он не понимает и не принимает. Здесь все занято своим делом. Кругом торжествует сытое и самодовольное мещанство. Жизнь течет так же, как и раньше, и, повидному, такая же, как и раньше, но он-то, Лефлер, стал другим. Он-то не может жить так, как раньше.

«С четырнадцатого года приучали нас к разбою и убийству, а теперь мы должны стать порядочными людьми и надрываться для других».

Нет, этого он не может. Но как нужно жить — он также не знает. Неоформленная, смутная неприязнь к миру растет, оформляется в неприятие этого мира и, наконец, в борьбу с ним.

Не имея твердых убеждений и идеалов, наполненный лишь чувством почти бессознательного социального протеста, горящий жаждой деятельности, Лефлер мечется в поисках выхода из тупика, в поисках своего места в жизни. Эти метания приводят его на сторону восставших масс. Но в революции Лефлер быстро разочаровывается.

Он не может понять идеала голодных, отчаявшихся, но воодушевленных какой-то непонятной для него верой, охваченных необъяснимым энтузиазмом людей. Ему, по существу, нужно немного: «Каждый день иметь что пожать, кров на ночь и женщину, когда появится желание».

А борьба за интересы других, за будущее, за непонятные для него идеалы другого со-

циального устройства, нет, это не для него. И Георг Лефлер отходит от революции, становится «борцом за самого себя», борцом против всех, бродягой, грабителем и убийцей.

Хладнокровно, спокойно, без всякой злобы к своим случайным жертвам устраняет он всех, встающих на его дороге. Без злобы к своим жертвам, но с величайшей злобой и ненавистью ко всему миру.

Во имя чего начинает Лефлер свою дикую, нелепую борьбу против всех? Он равнодушен к материальным благам, достоянием ему «в наследство» от его жертв. Он не пользуется плодами своих многочисленных грабежей. Нагоябленные драгоценности и деньги лежат неиспользованными. Он даже не знает, что с ними делать.

Затравленный, опустошенный, потерявший силы и способность сопротивляться, погибает Лефлер в цепких лапах «правосудия».

Граф показывает Лефлера, как типичное явление времени. Он берет его в неразрывной связи с той социальной, политической и бытовой обстановкой, которая сложилась в Германии.

«Годы напролет участвовали они в ужасных схватках и уничтожающих атаках, месяцами напролет валялись в болотистых окопах, ни во что не ставилась жизнь; нечеловеческий труд, терзающие, неделимые длящиеся голод и жажда, постоянные опасности и безнадежный ужас превращали каждого в отдельности в зверя».

Бессмысленная империалистическая бойня вырвала их из привычной трудовой обстановки. Война лишила их какой бы то ни было нравственной устойчивости, разбила в них все, «что ценится в человеке как доброе и значительное». Лефлеры частью разбрелись по стране бродягами, частью примкнули к революционному пролетариату, а значительная их часть послужила резервом для фашизма, источником формирования и пополнения фашистских штурмовых и защитных отрядов.

Тревожная и противоречивая обстановка в Германии тех лет, в частности ее наиболее охваченный социальными потрясениями участок — Бавария, — показаны Графом с исключительной яркостью и мастерством.

Бесчинства контрреволюционных войск генерала Меркера, действовавшего по приказу соц.-демократического правительства Эберта—Носке, залывших кровью молодую Баварскую республику; волнения, восстания и забастовки рабочих,—все это получило в романе Графа яркое и незабываемое воплощение. В этом отношении Графа можно упрекнуть лишь в чрезмерном увлечении показом стихийности движения масс, в чрезмерной романтизации этой стихийности.

Серьезные возражения вызывает и показ Графом баварского крестьянства. Крестьянство у него сытое и обеспеченное, охваченное тупой ненавистью к «красным», к революционному рабочему классу, к городу в целом. Крестьянин, «безжалостный и враждебный, противостоял городу». Крестьянство у него

единая однородная масса, по существу, чуждающаяся политики и ничего в ней не понимающая.

«Их не интересовало, писалось ли на ведомственных оповещениях «Республика» или «Королевство»... Они стояли исключительно за спокойствие и порядок.

Граф не видит расслоения среди крестьянства. Граф не видит классовой борьбы в деревне, не видит тех сил, которые тянулись к пролетариату.

Искаженный показ крестьянства, его роли и значения в послевоенной Германии — один из серьезнейших политических изъянов в книге Графа.

Следует отметить исключительное мастерство Графа в показе своих героев, в обрисовке даже эпизодических, второстепенных персонажей книги. Яркий, чрезвычайно динамичный язык Графа не теряет своей прелести даже в переводе.

С. Востокова,

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

* **Л. Н. ТОЛСТОЙ.** Полное собрание сочинений. Под общей редакцией В. Г. Черткова. Том 36. Гослитиздат, 1937. Стр. 767.

В настоящий том входят произведения, написанные Толстым в период 1904 — 1906 гг. Впервые публикуются здесь две статьи Толстого — «Как и зачем жить?» и «Три неправды», а также варианты некоторых ранее опубликованных черновых рукописей. Комментарии составил Н. Гудзий, указатель собственных имен — В. Мишин.

* **Н. А. НЕКРАСОВ.** Драматические произведения. Том I. Предисловие Н. А. Пыпина. Издательство «Искусство». 1937 г. Стр. 284. Цена — 10 руб.

В сборник вошли следующие пьесы Н. А. Некрасова: «Юность Ломоносова», «Великодушный поступок», «Федя и Володя», «Утро в редакции», «Осенняя скука», «Петербургский ростовщик» и др. Пьесы отражают ранний, до сих пор мало изученный период творчества Некрасова. Все пьесы сопровождаются подробным комментарием. Текст иллюстрирован.

* **В. ГЕТЕ.** Полное собрание сочинений. Том X. — Из моей жизни. Поэзия и правда, части III — IV. Перевод Н. А. Холодковского. Редакция и комментарии В. М. Жирмунского. — Статьи по литературе и искусству. Вступительная статья, редакция и комментарии Н. Н. Вильям-Вильмонта. Гослитиздат, Москва, 1937. Стр. 786. Цена — 9 р. 50 коп.

Первая половина тома содержит 2 части выдающегося произведения Гете «Поэзия и правда», построенного в форме мемуаров на историческом и автобиографическом материале. Во второй половине книги собраны многочисленные статьи, освещающие систему эстетических воззрений Гете, его понимание явлений литературы и искусства. В числе этих статей имеются высказывания Гете о Шекспире, Байроне, Данте, Аристотеле, о немецком зодчестве, о народной поэзии, ряд программных статей по литературе, ряд рецензий и пр.

* **П. МЕРИМЕ.** Варфоломеевская ночь («Хроника времен Карла IX»). Жургазобединение. Москва, 1937. Стр. 215. Цена 2 р. 75 к.

Темой этой исторической повести Мериме являлись так наз. «религиозные войны» во Франции во второй половине XVI века. Мериме рисует быт и нравы дворянской и при-

дворной среды на фоне драматических событий гражданской войны, яркие сцены Варфоломеевской ночи в Париже, отдельные картины гражданской войны в провинции.

* **Л. ФЕЙХТВАНГЕР.** Иудейская война. Роман. Перевод с немецкого В. Станевич. Гослитиздат. Москва, 1937. Стр. 540. Цена — 7 руб.

Этот роман Фейхтвангера, посвященный историческим событиям I века нашей эры, является первой частью большой неоконченной автором трилогии под названием «Иосиф» (II часть трилогии — «Сыновья», — сожженная в фашистской Германии, вскоре выйдет из печати в Гослитиздате). Автор изображает исторические события, происходившие две тысячи лет тому назад: войну евреев против римлян, покорение императором Веспасианом Иудеи, осаду Иерусалима, разрушение иерусалимского храма — ценнейшего памятника культуры древнего Востока.

* **СТАРЫЙ РУССКИЙ ВОДЕВИЛЬ.** 1819 — 1849. Сборник. Вступительная статья, примечания и отбор оригиналов М. Паушкина. — Гослитиздат. Москва, 1937, стр. 637. Цена — 9 р.

В книге собраны наиболее характерные образцы старинного водевиля, созданные крупнейшими мастерами этого жанра (П. Каратыгиным, Д. Ленским, А. Писаревым, Ф. Кони, Н. Хмельницким, А. Шаховским и др.). Книга дает представление об основных этапах развития русского водевиля. Как известно, русский водевиль возник под влиянием французского. Помещенный в книге водевиль Кони «Девушка-гусар» является одним из лучших образцов французского переводного водевиля 30—50-х годов XIX века. Другой образец — «Петербургская квартира» (публикуются 2 картины) — интересен как образец социальной сатиры.

В книге помещены иллюстрации и образцы музыки водевиля 20-х годов XIX столетия.

* **СТАЛИНСКИЙ МАРШРУТ ПРОДОЛЖЕН.** Сборник материалов. Партиздат ЦК ВКП(б). 1937 г. Стр. 106. Цена — 2 р. 60 к.

В книге собраны материалы, опубликованные в «Правде» и «Известиях», воскрешающие перед читателями от начала до конца картину исторического беспосадочного перелета «АНТ-

25» из СССР в Америку. Очерки советских журналистов чередуются в книге с краткими радиограммами, полученными правительственной комиссией с борта самолета, со статьями Героев Советского Союза В. Чкалова, Г. Байдукова и А. Белякова, в живой форме излагающих историю полета, рассказывающих о своей богатой впечатлениями «лётной» жизни.

Книга снабжена портретами товарища Сталина и Героев Советского Союза — участников перелета, а также подробной картой перелета.

* **Г. Ф. МИЛЛЕР.** История Сибири. Том I. — Издательство Академии наук СССР, 1937. Стр. 608. Цена — 22 р.

Первый том «Истории Сибири» был издан впервые в 1750 году под названием «Описание Сибирского царства» и оказал существенное влияние на развитие русской исторической науки. Собираание материалов заняло у автора 10 лет, подготовка книги к печати — 20 лет. Труд этот не утратил своего значения и в настоящее время. Издание составят три тома. Очередные тома готовятся к печати.

* **ЭРНСТ ГЕНРИ.** Гитлер против СССР. С предисловием автора к русскому изданию. Перевод с английского. — Союзгиз, Москва, 1937. Стр. 338. Цена — 5 р. 85 к.

Эта книга является второй частью трилогии, посвященной актуальным социальным и военно-политическим вопросам международной жизни. I часть трилогии — «Гитлер над Европой» — (издана в СССР в 1934 г.) выдержала в Англии три издания и была переведена на основные европейские языки. В книге «Гитлер против СССР» автор, на основе огромного фактического материала, разоблачает агрессивные планы германского фашизма и дает обстоятельный анализ тех условий и сил, которые неизбежно приведут к краху гитлеровского режима. Эта книга издана в 1936 г. английским буржуазным издательством «Дент» и переизда-

на в США. Одновременно с советским изданием книга выпущена во Франции и в ряде других стран.

* **NO PASARAN! Они не пройдут!** Фотоальбом. «Молодая гвардия». Москва, 1937 г. Цена — 12 р.

Альбом составлен из снимков, опубликованных в советской и иностранной печати, отражающих героическую борьбу испанского народа против мятежников и интервентов. Фотографии, снабженные пояснительным текстом, показывают зверства мятежников, операции итальянских и германских частей на испанских фронтах, разрушение ими городов и портов Испании, уничтожение мировых памятников искусства. Многочисленные снимки рисуют героизм испанского народа в этой войне. Вступительная статья в популярной форме излагает события, происшедшие в Испании за год войны.

* **ЛУИ РИВЬЕР.** Центр германской секретной службы в Мадриде. 1914 — 1918 гг. Перевод с французского. Воениздат. Москва, 1937. Стр. 133. Цена — 1 р. 25 коп.

Книга знакомит с техникой и практикой шпионско-диверсионной работы, которую осуществляла кайзеровская Германия в 1914 — 1918 гг. Автор — юрист, выпустивший ряд значительных работ по вопросам истории права, в то же время лейтенант, капитан альпийских стрелков, — рассказывает о методах и приемах осуществления актов диверсий, вредительства и шпионажа германской разведкой во время империалистической войны. Материалы, опубликованные в книге, подтверждают давнишнее стремление Германии утвердиться на Пиренейском полуострове, окружить Францию, отрезать ее от колоний То, к чему готовилась кайзеровская Германия 25 лет тому назад, сейчас на практике осуществляется германским фашизмом. Книга вскрывает все эти факты, разъясняет их в живой форме, доступной широкому кругу читателей.

А. И. Безыменский.
Ф. В. Гладков.

Редколлегия: Л. М. Леонов.
А. Г. Малышкин.
В. П. Ставский.

Издатель: «Известия ЦИК СССР и ВЦИК»

